ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 1

ЯНВАРЬ 1924

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ“
МОСКВА

Главлит № 17.879. Тираж 5.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Издательства „Красная Новь“, Пименовская ул., д. 1/16.

СОДЕРЖАНИЕ.

Трибуна.

Библиография.

Сообщения и заметки.

Ленин.

Умер Владимир Ильич, умер Ленин, умер тот, на ком покоились чаяния сотен миллионов угнетенного человечества, кто дерзновенной рукой пошатнул самое основание современного общества и, приоткрывши завесу будущего, огненными буквами вписал новую страницу истории.

Умер гений, величайший вождь человеческих масс, их организатор и учитель, умер друг человечества, того человечества, которое целые тысячелетия влачило ярмо раба и не смело взглянуть вверх, человек, рожденный массой и созданный для руководства этой массы.

Да, несмотря на то, что Ленин не был физически, в буквальном смысле слова, рожден массой, духовно, всем своим существом, своей волей, своим умом Ленин был создан тем великим массовым, революционным рабочим движением, которое характеризует современную эпоху человеческой истории.

Ведь, действительно, тайна влияния нашего вождя на массы, общее признание его, как вождя, всем трудящимся человечеством в том и заключается, что Владимир Ильич был одним из величайших организаторов масс. Эта одна из основных главнейших черт его гения, свойство его существа, ставящее его выше всех вождей и руководителей рабочего класса.

В самом деле, стоит пробежать хотя бы бегло его революционную деятельность, чтобы убедиться в этом. Уже в первых работах своих Владимир Ильич говорил о массовом рабочем движении; затем в течение всего „Искровского" периода и времени, предшествующего первой русской революции, он наиболее полно, наиболее всесторонне освещает начавшееся массовое рабочее движение, а в эпоху первой русской революции он является настоящим ее истолкователем и руководителем, так сказать, певцом невиданной по своему размаху и глубине борьбы народных масс со старым порядком. А затем, во дни реакции, когда, казалось бы, не было никакой возможности для развития широкого массового движения, разве не гениальный ум Ленина создает эти необыкновенные методы организации, это использование

легальных возможностей с чисто нелегальными революционными способами борьбы, методы, в свою очередь, приводящие в движение все новые и новые массы. Наконец, в эти последние годы, кто, как не Владимир Ильич был тем вождем, той силой, которая поднимала, собирала и вела, куда хотела, не десятки, не сотни тысяч, а десятки миллионов людей, заставляла их не принудительно, не штыком, не винтовкой, а только авторитетом, властью, обаянием своей личности покидать дом, семью, близких, друзей, покой и бросаться в бой, на верную смерть.

В чем же дело здесь, какие же свойства существа Ленина делали это чудо, это невероятное титаническое движение настоящих доподлинных народных масс?

Дело здесь в том, что Ленин был организатором и вождем масс, т.-е. прежде всего умел опираться на эти массы, из их самой глубины и гущи создавать тех самых организаторов и вождей, сначала десятки и сотни, а затем тысячи и десятки тысяч организаторов и вождей всевозможных степеней, качеств и достоинств, тех организаторов и руководителей, присутствие которых только и превращает разрозненную стихийную толпу, массу в организованный коллектив, единой волей которого, лучшим выразителем и истолкователем, словом—вождем, являлся он сам, Владимир Ильич, тов. Ленин, „наш Ильич", „старик", гениальный руководитель невиданной в мире борьбы.

Действительно, еще в 1902 году была брошена Лениным эта поразительная мысль о профессиональных революционерах. И это они, эти профессиональные революционеры, интеллигенты и рабочие от станка, все эти агитаторы, пропагандисты, транспортеры, „техники", комитетчики, это они были теми организаторами и собирателями масс, это они приводили в движение эти массы, организовывали забастовки и демонстрации, вели рабочих на баррикады и в огонь восстаний и наполняли шумом и блеском борьбы арену русской истории.

Это они, эти организаторы, создавали десятки, сотни и тысячи новых организаторов-вождей, рабочих, вскормленных и воспитанных рабочей гущей и связывавших своего главного вождя, единственного гениального из гениальных уже с миллионами рабочих и крестьян.

Таким образом и крепла та связь, та удивительная связь, которая существовала у нашего Ленина с самыми настоящими, доподлинными рабоче-крестьянскими массами. Таким образом и создавалось то удивительное взаимное понимание, какое существовало между Лениным вождем и руководимой им массой.

Все поражались какой-то чудесной интуицией Ленина, помогавшей ему делать прогноз, предсказывать будущее и почти никогда не ошибаться.

Все видели и знали эту черту личности Ленина и часто становились в тупик, как он по одной маленькой черточке, невзначай брошенному слову простого немудрящего рабочего или замечанию какой-нибудь работницы создавал целый новый план, ломал вдребезги старые схемы и строил новые. Почему это было так? Потому, что Ленин был создан массой, слился с ней, впитал в себя ее стремления, надежды и чаяния, через десятки тысяч своих организаторов связывался с миллионами и потому мог улавливать в самом маленьком и ничтожном самое важное и общее.

А мощный ум, чудесная гигантская диалектическая способность этого ума помогала ему, отбрасывая все временное и случайное, выдвигать на первый план нетленное и вечное.

Но этого мало. Ленин, ведь, был организатором прежде всего русских рабочих и крестьянских масс, а затем уже гениальным вождем мирового масштаба.

Да, Ленин был прежде всего русским национальным собирателем рабочих и крестьянских масс не только, конечно, великороссов, но именно русских в том смысле, что, обладая всеми лучшими чертами русского национального характера, Владимир Ильич как-то впитал в себя весь интернациональный состав рабочего населения России—от батрака-крестьянина русской деревни до высококвалифицированного металлиста эстонца, латыша, поляка или финна; от самого неразвитого рабочего перса или татарина до сознательного рабочего Петербурга или Варшавы.

Этот пестрый национальный состав нашего рабочего класса, это его разнообразие, эта смесь из рабочих и крестьян, эта интернациональность самого нашего движения и соединила чисто-русские национальные черты в лице Ленина с интернациональной сущностью его характера.

Кто не знает, как далеко шел Ленин в национальном вопросе, как именно вследствие этой черты его личности, он мог стать владыкой дум и вождем народов Востока.

Это двуединое свойство его индивидуальности, могущей вырости только в России, в царской России—с ее вековым национальным гнетом, с ее великодержавным национализмом, это свойство и давало то понимание рабочей души всякой нации, которое и делало Ленина человеком, могущим стать выше национальности, сделаться, действительно, мировым вождем в полном смысле этого слова.

И в другом смысле Ленин является чисто национальным вождем, порождением своего народа и целой исторической эпохи. В самом деле, не есть ли история России за последние два века не что иное, как беспрестанная попытка создать такого всестороннего совершенного вождя, как Ленин. Несомненно, это так и есть.

После Разина и Пугачева, этих созданий массового крестьянского вижения, народные движения переходной эпохи, а такой эпохой ужно считать всю историческую эпоху, когда по мере развития капитализма выростал рабочий класс и его движения, народные движения, несовершенные и незаконченные, выдвигали различные несовершенные типы вождей от Пестеля к Бакунину, от Нечаева и Ткачева Желябову, от одиноких неизвестных руководителей поссессионных военных бунтов к таким организаторам, как Халтурин и Моисеенко, г вождей групп и отдельных слоев и классов, к завершению всех этих вижений к движению рабочему и к их гениальному вождю, этому сторическому синтезу многовековой, многострадальной, полной нетленой красоты и драматизма истории героического русского революционого движения. Только на пороге великих эпох создаются великие, ировые гении, ибо они своей мыслью и своими делами подводят тог прошлому и прокладывают путь на много веков вперед.

Бесспорно, мы живем в великое время великих деяний. В самом еле, наше время можно сравнить только с началом нашей эры. Ни ранцузская революция, да и никакая другая буржуазная революция е затрогивали сущности и основы общества, частной собственности, енялись классы-хозяева, а частная собственность оставалась. Как начале нашей эры рушился старый мир и создавались новые формы обственности и хозяйства вместо старого рабского строя, так и в аше время рушатся старые, самые основные, устои общества и на есто общества частной собственности создается мир коммунистичекий, а вместе с ним создаются все новые формы,—и государство, и эмья, и наука, и искусство, и даже приемы мышления.

В такие эпохи нужны люди, нужны умы, гениальные умы и обиратели человеческих масс, которые бы как в гармоническом синезе выражали все стремления масс и новые пути этих масс. И тория, ак природа, в разных местах и странах через ряд несовершенных форм приходит постепенно к совершенным образцам таких вождей восгающего, бунтующего, разрушающего старое и вместе с тем создающего новый мир человечества. Такими вождями нашей эпохи и являются Маркс, как гениальный теоретик движения рабочих масс, и Ленин, как гениальный ум, сумевший дать синтез этой теории с рактикой этих революционных масс. И если, следуя терминологии егеля, можно считать, что в Марксе выявлена та идея немецкого арода, которая живет, по мнению Гегеля, в немецкой нации, то в енине, наконец, осуществилась та мечта русских самобытников, по нению которых русская идея спасет „гнилой запад“.

Только увы, к несчастью этих самобытников, русская идея в гении енина насквозь пропитана духом и идеями Маркса, стало быть, духом идеями коммунизма, которые не дает предпочтение одной нации

пред другой, ибо сущность коммунизма в его интернационализме и борьбе рабочих всех стран против эксплоататоров всего мира.

Таким образом гений Ленина, его чудесное свойство организатора широких рабочих и крестьянских масс есть результат долгого исторического развития, явившегося синтезом двух струй всемирной истории: массового революционного рабочего движения Запада и рабоче-крестьянского движения России, венцом которых являлись Парижская Коммуна 1871 года и Петроградский Совет рабочих 1905 года, а синтезом—Советская власть октябрьской революции.

Ленин лучший наследник Парижской Коммуны, подготовитель и член Петроградского Совета и создатель, организатор наших октябрьских рабоче-крестьянских Советов, теоретик и истолкователь диктатуры пролетариата и крестьянства, этого воплощения и завершения пафоса революционных масс нашего времени. После Ленина история долго еще будет итти по пути, найденном им, и его организаторские методы и идеи еще долго будут путеводной звездой человечества.

Вот почему рабочие и крестьянские массы всего мира так любили живого Ленина, и вот почему этим массам так дорога память отошедшего в вечность Ленина.

Ленин умер... Потеря эта ужасна и невознаградима. Трудящиеся всего мира осиротели... Но даже всесильная смерть не может взять того, что раз завоевано жизнью, а жизнью завоеван тот Ленин, который, как организатор многомиллионых рабочих и крестьянских масс указал им практически дорогу к спасению. Трудящиеся всего мира, рабочие и крестьяне, выше голову, вперёдь грудь, хотя и со скорбным сердцем! У нас был Ленин, но даже и смерть не отнимет его!..

В. Невский.

Ленин — воинствующий материалист.

I.

В лице Ленина сошел в могилу не только великий мятежник, только первоклассный политик, не только гениальный вождь рагего класса, но и выдающийся революционный мыслитель — воинующий материалист.

„Философы лишь объясняли мир так или иначе, — говорил ркс, — но дело заключается в том, чтобы изменить его". Старый философа, объясняющего мир, изобретающего системы и созерельно относящегося к жизни и действительности, скептически матривающего на бурный поток жизни и осуждающего действиьность, поскольку она не укладывается в изобретенную им симу, — этот тип мыслителя принадлежит старому миру. Эти мысли делали иногда величайшие открытия в области объяснения мира, мысль и воля у них почти никогда не были скованы в желези неразрывное единство.

Великое освободительное движение рабочего класса выдвигает ый тип революционных мыслителей, ставящих себе целью не только нание, но и преобразование мира. Ленин и представляет ю яркий тип такого революционного мыслителя, у которого мысль оля не разбегаются в разные стороны, а составляют диалектическое ство. В этом отношении он полностью отражал „природу" того очего класса, идеологом и вождем которого он являлся. Всю свою ническую волю и яркую мысль он вложил в дело освобождения чего класса, в дело преобразования и изменения мира. В этом шении Ленин поистине не имеет себе равного во всей истории дународного социализма.

Ленин не был просто революционером-практиком, эмпириком. дый этап рабочего движения осмысливался им с точки зрения ей теории марксизма в целом. Марксизм как теория изменемира являлся тем рычагом, при помощи которого он стремился вернуть весь мир. Эмпирик-практик действует, так сказать, от ая к случаю. Он не видит всей совокупности явлений, их вну. ней связи и закономерности. Революционный же мыслитель типа кса или Ленина не удовлетворяется случайными или частичными ами, поверхностью явлений, а стремится в своей деятельности аться на „сущность" явлений, на их закон. Законы функцио-

нирования и развития общества суть внутренние его пружины и рычаги. Действительность находится в состоянии непрерывного изменения и развития, совершающегося согласно этим внутренним законам. Человечество слепо и бродит в темноте до тех пор, пока эти законы остаются для него тайной. Но человечество становится врячим, когда оно познает эти законы. Но человечество становится „свободным", когда овладевает слепой необходимостью общественной эволюции. Теория Маркса и представляет собою такое учение, которое открыло эти законы. Маркс выработал понятие общественно-экономической формации. „Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она (теория Маркса. *А. Д.*) поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений („производственных отношений" по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм" [1]).

Теория объяснения социального мира состоит в открытии его особых законов зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм, как выражается Ленин. Без теории,—конечно, правильной и объективно-истинной, — нет планомерной, сознательной исторической и общественной деятельности. Такая теория является необходимой предпосылкой сознательного воздействия на исторический процесс. Но, ведь, недостаточно открыть вышеуказанные законы, хотя такое открытие является само по себе делом величественным. Необходимо еще, опираясь на эти открытые законы, указать способы изменения и осуществлять это изменение и превращение одного „социального организма" в другой. Можно владеть прекрасной теорией и относиться к действительности созерцательно-„философски". Чтобы изменить действительность, необходимо, чтобы сама теория стала действительностью, активно-творческой силой,—словом, чтобы теория стала практикой. Марксизм и представляет собою совершенно отличную от других теорию или философское мировоззрение, которое требует претворения практики в теорию и теории в практику. Марксизм не знает отрыва теории от практики. Диалектическое единство теории и практики требует, чтобы теория была „практичной", а практика была освещена теорией, чтобы она сама стала теорией. „У Маркса,—говорит Ленин,—нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, офантазировал „новое" общество. Нет, он

[1]) Н. Ленин, „За 12 лет", стр. 57.

чает, как естественно-исторический процесс, рождение нового ества из старого, переходные формы от второго к первому. Он т фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он „учится" у Коммуны, великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта ких движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с нтскими „нравоучениями" [1]). Слова Ленина о Марксе вполне менимы к самому Ленину. Более того, они применимы к нему в шей степени, ибо он, в отличие от Маркса, имел возможность менить свои теории в огромной стране при чрезвычайно сложной дународной обстановке. И надо сказать, что Ленин мог, конечно, баться, о чем он сам неоднократно говорил, но ошибки эти были ого рода. Будучи ортодоксальным марксистом, ему чуждо было рлнверство. Марксизм учит, что теория сама по себе не имеет са-вляющей ценности или самостоятельного значения в смысле аб-тной истины, имеющей свое оправдание и критерий в самой

Усвоив прекрасно дух марксизма, овладев в совершенстве его одом, он не цеплялся за отвлеченные теории, не поклонялся шам. Он их безжалостно отметал, как только убеждался в их рактности", т.-е. безжизненности. Подобно Марксу, Ленин учится пыта массового пролетарского движения" и из него извлекает тические уроки, претворяемые в теории. Теория прежде всего на выдержать испытание практики. „Практикой чело-должен доказать истину своего мышления". Теория не предста-т собою самостоятельного царства. Первенство принадлежит прак-

Теория, выдерживающая испытание практики, есть объективная на. Не следует ограничиваться, учил Маркс, объектами, суще-ющими в нашей голове, а необходимо иметь дело с конкретными ктами. Поэтому действительность и следует рассматривать „в е конкретной человеческой деятельности, в форме практики". теория приобретает совершенно особый характер, чем у прежних игелей.

Кто лучше других понимает движущие силы действительно-тот дальше других видит. Он видит путь, по которому напра-ся действительность, он способен предвидеть будущее. Но ксизм требует, в качестве теории освободительного дви-ия, не бесстрастного и созерцательного отношения к действитель-, а изменения самой действительности в согласии с назревшими ктивными возможностями. Ленин соединял в своем лице рево-онного мыслителя и преобразователя жизни. Револю-ные мыслители и представляют собою особый тип, новый тип , выдвигаемых историческим движением пролетариата и отли-ихся тем, что они ставят непосредственной своей целью изме-е мира, преобразование жизни. Марксизм есть поэтому не

[1]) Ленин, т. XIV, Государство и революция, стр. 335.

только теория, но и практика освободительного движения пролетариата, не только объяснение, но и изменение действительности. Говоря о Ленине, как о преобразователе жизни, мы ни на минуту не забываем тех особых объективных условий, которые сделали возможным деятельность его. Ленин является гениальным учеником и последователем Маркса. Несомненно, что вся сила Ленина заключалась, помимо, конечно, личной гениальности, в правильном применении марксизма на практике, в проведении его в жизнь. Сила Ленина в марксизме. Ленинизм есть революционный марксизм, как его понимал и применял Ленин. Маркс прежде всего гениальный теоретик, колоссальный ум, который видит на сотни лет вперед. Буржуазия таких мыслителей не выдвигала и никогда не имела. Она имела, разумеется, много крупных гениальных умов; они строили всеобъемлющие философские системы; они сделали очень много вообще для науки. Но на их системах лежала печать „академизма". Эти мыслители и ученые добирались до отдаленнейших небесных тел, до глубин атома. Но для общественно-исторической науки они сделали сравнительно очень мало. Здесь они были грубыми эмпириками, ибо история против них. Они должны были остановить и ограничить ход историческего развития. Вся духовная мощь пролетарских революционных мыслителей сосредоточилась на овладении человеческим обществом, на перестройке его, на познании движущих его сил. Маркс и поднял общественные науки на недосягаемую высоту, на высоту точной науки. Марксизм превратил политику в науку. Ленин был гениальным политиком этой школы. Теоретическую базу научной политики составлял для него марксизм. Поэтому надлежит не противопоставлять ленинизм—марксистскую политику и тактику — марксизму как философской, исторической и экономической теории, на которой политика и тактика Ленина строилась, а видеть в нем применение и дальнейшее развитие марксизма. Ленинизм в свою очередь обогатил марксизм, т.-е. марксистскую науку, марксистскую теорию, которая еще не успела переварить и осмыслить весь „ленинский" опыт. Но несомненно, что Ленин, будучи верным, ортодоксальным учеником Маркса, сделал чрезвычайно много для развития и углубления самого марксизма.

Общество может при известных условиях стать предметом эксперимента. Природа противостоит нам, как нечто чуждое. Эксперименты там возможны лишь в ограниченных пределах. В общественной жизни дело обстоит иначе. Здесь мы, люди, прежде всего сами являемся активными деятелями и творцами. Ведь история делается людьми, между тем как природа людьми не делается. Ленин—великий социальный экспериментатор. Он каждое теоретическое положение подвергал практическому испытанию.

II.

Для понимания всей деятельности Ленина необходимо обратиться к общим основам его мировоззрения и метода. Ленин был марксистом, т.-е. диалектическим материалистом. Для него, как и для Маркса,

ктикой мышление доказывает свою истинность. „Точка зрения ни, практики,—говорит он,—должна быть первой и основной точ- зрения теории познания: И она приводит неизбежно к материа- му, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской пастики. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий прак- и никогда не может по самой сути дела подтвердить или опро- гнуть полностью какого бы то ни было человеческого пред- ления. Этот критерий тоже настолько „неопределен", чтобы не волять знаниям человека превратиться в „абсолют", и в то же мя настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со ми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то, что под- ждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная ина, — то отсюда вытекает признание единственным путем к этой ине путь науки, стоящей на материалистической точке зрения"[1]. алее, он говорит о теории Маркса в том же духе: „...Но так как терий практики,—т.-е. ход развития всех капиталистических стран последние десятилетия, — доказывает только объективную истину й общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь догматизме" марксистов—значит делать непростительную уступку жуазной экономии. Единственный вывод из того, разделяемого ксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, оит в следующем: идя по пути марксовой теории, мы будем ближаться к объективной истине все больше и больше (никогда исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не ем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи"[2].

Вдумайтесь, читатель, в эти две цитаты. Ленин ясно и кратко мулирует здесь основную мысль марксистской гносеологии, соста- ющей теоретический фундамент его собственной практической тельности. И что же мы видим? Ленин, в согласии с Фей- хом, Марксом, Энгельсом и Плехановым, подчеркивает прежде о необходимость положить в основу теории познания всю сово- кность человеческой практики. Этот момент составляет ичительную черту именно марксистской философии, т.-е. материа- ма, между тем как идеализм „ставит и разрешает вопрос об объ- вности и субъективности, о действительности или недействитель- ти мира только с теоретической точки зрения", как выражается ербах. Идеалистическая философия ищет критерия истины в самой сли. Марксистская же философия обращается к практике. По- у идеализм имеет всегда дело с безжизненными абстракциями, ериализм же выше всего ставит точку зрения жизни, практики. ериализм и идеализм являются выражением двух классовых идео- ий, при чем идеализм есть идеология класса, оторванного от не- редственного процесса производства, от производственной практики.

[1]) Ленин, Собрание сочинений, т. X, стр. 115.

[2]) Там же, стр. 115.

Материализм же является выражением мироощущения и миропонимания класса производителей, т.-е. класса практического по самому существу своему. Для идеализма истинно-человеческая деятельность есть только деятельность теоретическая, деятельность мысли; для марксиста же практическая деятельность есть истинно-человеческая деятельность. Материалист Фейербах даже говорил, что философия, по сравнению с практикой, есть лишь „необходимое зло" [1]).

Итак, Ленин кладет в основу теории познания всю совокупность человеческой практики. Однако тут же необходимо оговорить, что Ленин не понимал примата практики в том смысле, в каком это понимают махисты и прагматисты. С таким неправильным пониманием и истолкованием этого основного исходного положения марксистской теории познания мы встречаемся не только у махистов. „Познание может быть биологически полезным, говорит Ленин, возражая махистам,—полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если она отражает объективную истину, независящую от человека. Для материалиста „успех" человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсиста „успех" есть все то, что мне нужно на практике, которую можно рассматривать отдельно от теории познания. Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм,—говорит марксист. Практика пусть будет материалистична, а теория особь статья,—говорит Мах". Вульгарный буржуазный практицизм ничего общего не имеет, конечно, с практикой в понимании марксизма и материализма. Как понимает Ленин успех че-

---

[1]) В этой связи позволительно будет указать на высокую и, с нашей точки зрения, справедливую оценку Лениным Фейербаха. Ленин в философии, конечно, является „учеником" Плеханова, о чем он сам неоднократно заявлял. Но то обстоятельство, что он, как и все мы, учился у Плеханова, не помешало Ленину самостоятельно подходить к целому ряду вопросов и, в некоторых существенных пунктах, „исправить" Плеханова. Оба эти мыслителя одинаково дороги нашему сердцу. Мы не принадлежим к тем, кто отвергает Плеханова ради Ленина или Ленина ради Плеханова. В известном смысле они дополняют друг друга. Плеханов, прежде всего, теоретик. Ленин же, прежде всего, практик, политик, вождь. Но оба они чрезвычайно много сделали для развития и углубления нашего миросозерцания. Возвращаясь к Ленину, мы и обращаем внимание на то, что в то время, как Плеханов в своих „Основных вопросах марксизма", вышедших в 1908 году, стоит еще на той точке зрения, будто Фейербах не понимал „практически-критической деятельности", Ленин в своем „Материализме и эмпириокритицизме" 1909 года стоит определенно на противоположной точке зрения. Ленин не отделяет в этом отношении Фейербаха от Маркса и Энгельса. „И Фейербах,—говорит Ленин,—подобно Марксу и Энгельсу, делает непозволительный с точки зрения Шульце, Фихте и Маха „прыжок" к практике в основных вопросах теории познания". „Фейербах берет учет всей совокупности человеческой практики в основу теории познания" (Соб. соч. т. X, стр. 114). В статье „От идеализма к материализму" (1915 г.) Плеханов, несомненно под влиянием Ленина, изменил свою точку зрения в отношении Фейербаха. И, что еще любопытнее, Плеханов в подтверждение того, что „мысль о гибельном влиянии на философскую теорию разрыва ее с практическою деятельностью вполне соответствует всему духу фейербаховой философии", опирается на то же место, которое было приведено Лениным.

ической практики? Как он понимает соответствие наших предста-
ний о объективной действительностью? Подобно тому, как наши
ставления и понятия не являются абсолютными отражениями
ктивной действительности, так и успех человеческой практики,
веческой деятельности составляет лишь приближение к объек-
ой истине. Такое правильное и глубоко-марксистское понимание
оса свидетельствует об отсутствии в мировоззрении Ленина дог-
изма и доктринерства. „Идя по пути марксовой теории, мы бу-
приближаться к объективной истине все больше и больше, ни-
а не исчерпывая ее". Именно поэтому теория Маркса есть объ-
вная истина. То, что подтверждает наша практика, как в обла-
чисто-теоретической, так и в области общественной деятельности,
единственная объективная истина. Другого пути к объективной
ие нет. Но Ленин говорит именно о пути, о методе, превос-
о понимая, что всякая данная истина представляет собою не
лютную, а относительную истину. И поэтому важен путь, пра-
ьное направление, которое ведет к истине. Самою же абсолютною
иною мы никогда не обладаем. Мы к ней в нашем познании и в
ей деятельности лишь приближаемся. Критерий практики доста-
но „неопределенен", чтобы предохранить от догматизма и абсо-
ных точек зрения, и достаточно определен для отрицания вся-
 идеализма и беспощадной с ним борьбы. В своей практически-
люционной деятельности Ленин поэтому всегда придавал реша-
е значение испытанию определенных лозунгов, политических
м и пр. практикой. Не теоретическое преодоление, а практи-
кое, жизненное преодоление путем переживания и испытания
еделенных форм, напр., демократии или конституции, в целях
ивания их как иллюзий, „истинных" на одной ступени разви-
, но ложных и обманчивых на высшей ступени развития. „Разви-
демократии до конца, изыскание форм такого развития, испы-
ие их практикой и т. д.—все это есть одна из составных за-
борьбы за социальную революцию" [1]). Ленин в другом месте
черкивает историческую ограниченность и условность
жуазного парламентаризма. Объективной истиной для мар-
стов является ныне уже коммунизм или первоначальная его ста-
—социализм. Поэтому парламентаризм, формальная демократия и
ударство вообще суть реальности, известные ступени и способы
ближения к социализму, но вместе с тем противоречие между
мальным равенством и наемным рабством будет раскрывать глаза
сам, переживающим этот исторический опыт со всеми с ним свя-
ными для них страданиями. Массы в ходе исторического развития
жны притти и приходят к пониманию исторической ограни-
нности всех этих форм, и приближаются, вместе с объектив-
 экономическим развитием, порождающим и обостряющим все
тиворечия, к социализму, как объективной действительности.

---

[1]) Ленин, т. XIV, стр. 361.

III.

Но что такое объективная истина? И каково отношение между абсолютной истиной и истиной относительной? В значительной степени ответ Ленина на эти вопросы нам уже известен. Но не безынтересно остановиться на этом вопросе несколько подробнее, особенно ввиду существующей на этот счет путаницы и среди многих современных марксистских литераторов.

А. Богданов утверждает, как известно, что истина есть только идеологическая форма. Против этого взгляда Ленин возражает, что так как иной идеологии, кроме человеческой, не существует, то с этой точки зрения не может быть истины объективной, т.-е. от субъекта не зависящей. Но нелепость этой точки зрения очевидна. Во-первых, она опровергается вполне очевидными фактами. „Естествознание, — говорит Ленин, — не позволяет сомневаться в том, что его утверждение существования земли до человечества есть истина. С материалистической точки зрения это вполне совместимо: существование независимого от отражающих отражаемого (независимость от сознания внешнего мира) есть основная посылка материализма. Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина" [1]). Но если истина есть организующая форма опыта или только идеологическая форма, как это утверждают махисты и прочие, то „не может быть истинным утверждением о существовании земли вне всякого человеческого опыта". Естествознание несовместимо с махизмом, позитивизмом, эмпириокритицизмом и т. д. С другой стороны, если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то нет никакого критерия для разрешения вопроса об объективности и субъективности нашего опыта. При таком взгляде на вопрос, и католицизм,—говорит Ленин,—также является истиной. „Ибо не подлежит сомнению, что католицизм есть организующая форма человеческого опыта". Из этого положения думают найти выход тем, что под объективностью понимают общезначимость, социально-организованный опыт. Но разве религия не обладает общезначимостью? „Учение религии,—говорит Ленин—„общезначимо" в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения. Католицизм „социально-организован, гармонизован, согласован" вековым его развитием; в „цепь причинности" он „укладывается" самым неоспоримым образом, ибо религии возникли не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаживаются к ней профессора философии вполне „закономерно". Если этот несомненно общезначимый и несомненно высоко-организованный социально-религиозный опыт „не гармонирует" с „опытом" науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница", Эта коренная

[1]) Ленин X т., стр. 98.

нципиальная разница стирается, когда отвергают объективную ину, стирается разница между наукой и фидеизмом, т. е. ду знанием и верой. Религия тогда покоится на одинаковых теологических основаниях, что и научное познание. Так, марсты, пусть бессознательно, подводят научно-философский базис под деизм, под поповщину, как выражается Ленин. Понятие объективной ины в смысле материалистическом проводит резкую межу между игиозным опытом и научным; оно не стирает между ними грань, а, борот, устанавливает между ними коренную, принципиальную раз- у. „Если существует объективная истина (как думают материаты), если естествознание, отражая внешний мир в „опыте" челоа, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий деизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, ина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма челоеского опыта, то этим самым признается основная посылка поповны, открывается дверь для нее, очищается место для „организующих м" религиозного опыта" [1]).

Воинствующий материалист Ленин не может сделать, разумея, ни малейшей уступки всяким агностикам, в какие бы наряды ни драпировались, понимая, что „незнайство" или „немогузнайо" есть лишь своеобразная форма фидеизма, чрезвычайно утонченй вид поповщины—в век необычайного расцвета положительных к и техники и обостренной классовой борьбы. Ленин вскрывает ассовый характер и сущность „немогузнайства". Этот реюционный гений рабочего класса, великий строитель нового дома овечества, художник новых форм жизни беспощадно разрывает и расывает в сторону, как гнилую, вонючую ветошь, все тонкие кружева идеалистические построения, которые лишь подтачивают одмывают фундамент строющегося дома. Малейшее отклонение от ериализма клеймится им как пособничество фидеизму, как уступ классовому врагу.

Отрицание объективной истины ведет к недопустимой „терпиости", к оппортунизму в области мысли и философии. Но этот филоский оппортунизм имеет своим неизбежным следствием оппортум классовый, политический, обман рабочих, извращение марксизма. ещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о ших, домовых, католических святых и тому подобных вещах" есть избежное следствие отрицания объективной истины. Но не следует имать дело так, будто Ленин стоит на почве „классового субъекизма", будто объективной истиной является для него та, которая езна и выгодна рабочему классу. Ведь мы уже знаем, что для о познание полезно лишь тогда, когда оно отражает объективную ину. Материализм и марксизм не потому истинны, что они полез- общезначимы, что выражают социально-организованный опыт летариата. Наоборот, они полезны, „общезначимы" и пр. потому,

[1]) Ленин, Собр. соч., X т., стр. 100

что отражают объективную истину. В современных условиях только пролетариат и может стоять на почве материалистического объективизма. Классовый субъективизм составляет отличительную черту реакционных классов. Поэтому фидеизм и всевозможные виды идеализма составляют идеологию именно этих классов. И именно их учения противоречат естествознанию!

Что же касается в частности махистов, то они субъективисты и агностики. „Они не признают объективной, независимой от человека реальности, как источника наших ощущений. Они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма. Напротив, для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны. Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности,—последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой [1]). Объективная действительность никогда не может быть познана „до конца". В этом смысле нелепо говорить об абсолютной истине, ибо „всеобъемлющая, раз навсегда" установленная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, хотя она отнюдь не исключает, но, напротив того, подразумевает, что систематическое познание внешнего мира может делать гигантские шаги от поколения к поколению" (Энгельс). Этот диалектический взгляд на процесс познания чужд как метафизическим абсолютистам, так и метафизическим релятивистам. Одни требуют абсолютной истины, т.-е. истины, познанной до конца, и на меньшем помириться не могут. Другие же отвергают существование объективной истины на том основании, что истина, наше познание находится в состоянии развития. Из того обстоятельства и несомненного факта, что познание внешнего мира не исчерпано до конца, и что „каждый шаг развития науки,—как выражается Ленин, открывает в нем новые стороны", они делают тот нелепый вывод,—будто самого внешнего мира не существует. Это уж настоящее salto mortale, а не salto vitale. В свете метафизического абсолютизма мир представляется готовым, законченным, раз навсегда данным, мертвым, застывшим; все категории его приобретают характер вечный и неизменный. Может ли марксист примириться с такой точкой зрения? Мог ли Ленин—этот вечно рвущийся вперед и всесокрушающий революционер жизни, по самому существу своего характера принять готовый и застывший мир? Не следовало ли расплавить этот мир в огне революции, чтобы построить новый лучший мир? „Мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны", новые возможности, новые горизонты, новые более широкие перспективы. Если бы этот

[1]) Там же, стр. 102—103.

ир не изменялся в силу присущих ему законов, то, конечно, никакая внешняя сила не могла бы привести его в движение. Опираясь на эти законы изменения и развития мира, подчиняясь им, действуя в том же направлении, в каком мир развивается сам по себе, мы способны содействовать его более быстрому темпу развития, мы принимаем участие в этом общем космическом—ибо и общество человеческое составляет часть космоса—процессе развития.

В противоположность метафизическим абсолютистам или объективистам, субъективные релятивисты утверждают изменчивость наших ощущений, отрицая при этом существование внешнего мира, объективной реальности. Но из потока наших ощущений не может получиться изменения мира. Субъективизм так же несовместим с марксизмом, как он несовместим с естествознанием. „Положить релятивизм в основу теории познания, значит неизбежно осудить себя либо на абсолютный скептицизм, агностицизм и софистику, либо на субъективизм. Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать „условным", умер ли Наполеон 5 мая 1821 года или не умер, можно простым „удобством" для человека и для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией („удобна" в одном отношении) религиозной идеологии (очень „удобной" в другом отношении) и т. д." [1]).

Частица истины заключается как в утверждении абсолютного объективизма, так и в признании относительности наших знаний. Каждое же из этих утверждений, взятое отдельно, само по себе, есть ложь. Стремление построить целое, целостную теорию знания или миросозерцания из таких частичных, односторонних утверждений, ведет к метафизике. Часть не есть целое, хотя целое и состоит из частей. Только диалектический материализм дает научное разрешение вопроса о взаимоотношении между абсолютной и относительной истиной. Указанные противоположности между абсолютным или объективным и относительным не являются противоположностями метафизическими, а относительными, диалектическими. „Для диалектического материализма не существует непереходимой грани между относительной и абсолютной истиной". „С точки зрения современного материализма, т.-е. марксизма,—говорит Ленин,—исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно-существующую модель. Исторически

[1]) Ленин, там же, стр. 109—110.

условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед „безусловно объективного познания". Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько „неопределенно", чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько „определенно", чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта. Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это—грань между диалектическим материализмом и релятивизмом" [1]).

IV.

В нашу изумительную по открытиям в области естествознания эпоху, когда каждое новое открытие подтверждает правильность диалектического материализма, когда крупнейшие физики начинают сознательно становиться на точку зрения диалектики, не понимая еще вполне той прозы, которой они говорят,—именно в это время мы видим намечающееся уже понятное движение среди **марксистов**, которые в качестве **гегельянцев** отрицают диалектику в природе (мы имеем в виду прежде всего Г. Лукача) [2]). Энгельс совершенно справедливо указывал на то, что „природа служит пробным камнем для диалектики, и мы должны быть благодарны естествознанию за то, что оно доставляет для ее испытания с каждым днем все возрастающий материал и тем самым доказывает, что в природе, в конечном счете, все совершается диалектически, а не метафизически" [3]). Мы полагаем, что эта замечательная мысль Энгельса для нашего времени, при совершающейся ныне революции в естествознании, имеет особенно глубокий смысл. Ну, и что же? Разве новаторы, о которых мы говорили, постарались привести какие-либо доводы в пользу своего взгляда и в опровержение взгляда Энгельса, являющегося общепризнанным среди ортодоксальных марксистов,—диалектических материалистов? Нет, этого мы не видели. Энгельс вполне правильно опять-таки указывает, что Гегель в натурфилософии, в естествознании оказался „значительно позади Канта". Гегель видел развитие только в сфере „духа", на долю же природы он оставляет простое

1) Там же, стр. 109.
2) См. его книгу „Geschichte und Klassenbewusstsein". Berlin.
3) Энгельс. Анти-Дюринг, 1918 г., стр. 21.

ествование". Позволительно ли нам совершить такой возврат ...елю, при котором были бы восстановлены его ошибки, быть ...т, его идеализм? А между тем процесс, который происходит в ...менной физике, может быть формулирован словами Ленина: ...временная физика лежит в родах. Она рожает диа-...гический материализм".

Стихийный материализм в естествознании, о котором говорит ...н, медленно и постепенно переходит в сознательный. Точно ...ке обстоит дело и с диалектикой. Но при той ломке, при том ...исе, который переживает современная физика, не удивительно, ... мы встречаемся с весьма „странными" заявлениями. Новые ...ятия в области физики используются идеалистами для от-...ния материи, стало быть, и материализма.

Ленин очень тонко проводит в защиту материализма разграни-...е между философскими и физическими понятиями. ...полезно в этой связи напомнить о недавнем выступлении в ...тя „сокрушителей" философии и о продолжающейся еще и в ...оящее время полемике по вопросу „о пользе философии". Эти ...рищи, тоже „новаторы", полагают, что философию можно уже ...нуть за борт и что надлежит довольствоваться положительными ...ами. А „новатор" из „новаторов", Э. Енчмен, даже полагает ...ожным все „утопить" в своей знаменитой „теории новой биологии", ...ая материализм „эксплоататорским обманом" [1]).

Ленин на этот счет, конечно, придерживается другого мнения, ...осходно понимая разницу между философией и специальными ...ами. „Ни единому из этих профессоров,—говорит он,—способных ...ть самые ценные работы в специальных областях химии, истории, ...ки, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит ...лософии". „Задача марксистов... суметь усвоить себе и перера-...ь те завоевания, которые делаются этими „приказчиками" (т.-е. ...уазными учеными. *А. Д.*)... и уметь отсечь их реакционную ...енцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией ...ждебных нам сил и классов" [2]). Но именно для того, чтобы уметь ...работать завоевания науки и вести свою линию, необходимо ...ь свое философское мировоззрение, которое дает возможность ...олнить эту задачу и не подпасть под влияние „физического" ... „физиологического" идеализма. Надо уметь отделять и ...ичать философские категории от физических и вся-...иных категорий. Как же вы прикажете выполнить эту работу ...знания „философских категорий"? Смешивают, напр., говорит ...ин, вопрос о том или другом строении материи с гносеологиче-... категорией материи, с вопросом о существовании объективной ...ны. Если объективная истина существует, то нужно для нее

[1]) См. превосходную брошюру т. Н. Бухарина „Енчменiада".
[2]) Ленин, X т., стр. 290.

философское понятие. Это философское понятие есть материя. „Материя,—говорит Ленин,—есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Поэтому говорить о том, что такое понятие может „устареть", есть младенческий лепет, есть бессмысленное повторение доводов модной реакционной философии" [1].

Диалектический материализм, в отличие от метафизического, рассматривает всякое физическое учение о строении материи лишь как относительное приближение к объективной действительности, которая никогда не может быть исчерпана полностью до конца. Философское же понятие материи не совпадает и не может совпадать целиком с физическим понятием материи, которое на каждой данной ступени развития науки отражает лишь данный предел объективной реальности. Философское понятие материи есть некий „абсолют". Но что означает этот „абсолют"? Философское понятие материи „не означает ничего иного, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им" [2]. Признавать объективную реальность значит „так или иначе", как подчеркивает Ленин, признавать абсолютную истину. Для диалектика абсолютная истина складывается из относительных истин. Энгельс в своей критике Дюринга указывает на то, как следует диалектически трактовать проблему бесконечности. Бесконечность составляется из конечных величин. Это, конечно, противоречие. Но без противоречия нельзя себе мыслить бесконечность. „Именно потому,—говорит Энгельс,—что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, во времени и пространстве беспрестанно развертывающийся, процесс. Прекращение этого противоречия было бы концом бесконечности". Такова же, как известно, и точка зрения Гегеля. Диалектика,—говорит Ленин, в согласии с Энгельсом и Гегелем,—признает относительность всех наших знаний, но не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к истине. Подобно тому, как бесконечность составляется из величин конечных, так и абсолютная истина складывается из истин относительных. „Итак, человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания" [3]. Диалектика включает в себе момент относительности, отрицания, скептицизма,

[1] Там же, стр. 103
[2] Ленин, там же, стр. 218—219
[3] Ленин, там же, стр. 108.

не сводится, как подчеркивает Ленин, к релятивизму. Эту
ль Ленина необходимо особенно подчеркнуть потому, что многие
ксисты не понимают диалектического характера проблемы о вза-
отношении между моментом „отрицания", относительности и объек-
ной реальностью. Они не понимают, что объективная реальность
, некая бесконечность, неисчерпаемая никогда полностью, но со-
вляющаяся для нас из конечных, относительных пределов. Поэтому
и приходят к признанию одного лишь временного, ограниченного,
овного и относительного предела, якобы не отражающего объективной
льности. Такая точка зрения ведет к субъективизму и скептицизму,
трицанию объективной реальности и положительного характера
чного знания. Другие же упираются в другую крайность: они
сматривают каждую данную ступень в развитии науки как полное
бсолютное отражение объективной реальности, что ведет к мета-
зическому пониманию действительности и человеческого познания.
вая физика, по мнению Ленина, свихнулась в идеализм потому,
физики не знали диалектики. „Отрицая неизменность известных
тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрица-
о материи, т. е. объективной реальности физического мира. Отри-
і абсолютный характер важнейших и основных законов, они скаты-
лись к отрицанию всякой объективной закономерности в природе,
объявлению закона природы простой условностью, „ограничением
идания", „логической необходимостью" и т. п. Настаивая на при-
лзительном, относительном характере наших знаний, они скатыва-
сь к отрицанию независимого от познания объекта, приблизительно-
но, относительно-правильно отражаемого этим познанием"[1].

Метафизики отстаивают **неизменность** элементов или свойств
терии и **абсолютный** характер законов природы и общества.
лятивисты же стоят на противоположной точке зрения. Из относи-
льного характера нашего знания, из факта изменчивости элементов
терии и проч. они выводят заключение об отсутствии всякой объ-
тивной реальности и закономерности и о чисто условном или субъ-
тивном характере законов. Как первое, так и второе понимание
проса одинаково ошибочно. Ленин в качестве диалектического
териалиста доказывает ошибочность каждой из этих точек зрения
отдельности. То, что на одной ступени развития кажется неизмен-
ым и абсолютным, то на другой обнаруживается как нечто относи-
льное. Так, напр., до недавнего времени полагали, что непрони-
емость, инерция, масса составляют абсолютные свойства материи.
перь мы знаем, что это не так.

Однако следует заметить, что диалектический материализм резко
личается от метафизического или механического, с которым свя-
ано, повидимому, определенное конкретное физическое учение о
терии и ее свойствах. Но диалектический материализм в качестве

[1]) Ленин, там же, стр. 213.

философского мировоззрения значительно углубил все эти вопросы, предоставив, с одной стороны, более широкое поле физическим исследованиям и учениям, не связывая себя ни с каким конкретным физическим учением о строении мира; но тем самым философское понятие о материи, правда, суживается, но одновременно и углубляется, так как оно допускает бесконечное количество конкретных форм и свойств материи. Каковы бы ни были успехи физических наук, они не затрагивают философского учения о материи. И в этом смысле можно сказать, что философский материализм служит, для Ленина, даже оплотом против „физического", „физиологического" и пр. идеализма. Верно, конечно, что материализм, „с каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественно-исторической области" („не говоря уже об истории человечества"), как выражается Энгельс, должен изменять свою форму, говорит Ленин. Но смешивать форму с основной сутью, изменять сути материализма под видом критики формы его непозволительно, а это-то и делают махисты. Теперь мы уже знаем, что Ленин понимает под формой материализма. Это определенный конкретный вид его, который дается исторически-относительным содержанием, т.-е. конкретным учением о строении и свойствах материи или учением об определенных исторически-ограниченных законах данного социального организма, данной исторической ступени в его развитии. „Следовательно,—говорит Ленин,—ревизия „формы" материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего „ревизионистского" в установившемся смысле слова, напротив, необходимо требуется марксизмом". Философское понятие материи связано неразрывно лишь с одним свойством ее: оно утверждает существование, объективное бытие материи, существование ее вне нашего сознания; отсюда же вытекает и второе: действие ее на наши чувства, отражение ее в наших ощущениях. Этим Ленин подчеркивает два момента: момент существования, объективного бытия и момент теоретико-познавательный — отражение в наших ощущениях. „Неизменно с точки зрения Энгельса,—говорит он,—только одно: это отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира. Никакой другой „неизменности", никакой другой „сущности", никакой „абсолютной субстанции" в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия, для Маркса и Энгельса не существует. „Сущность" вещей или „субстанция" тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня—дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то

нственно категорическое, единственно безусловное признание ее существования вне сознания и ощущения человека и отличает иалектический материализм от релятивистического агностицизма идеализма" [1]).

„Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического атериализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи,— о это нисколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была имволом, условным знаком, т. е. продуктом нашего ума" [2]).

При таком широком, подлинно-диалектическом понимании материализма падают сами собою все возражения, которые выдвигаются обычно „критиками". Метафизический материализм признает существование абсолютных, неизменных элементов или сущностей. Механический материализм опирается на механику и ее законы. Но диалектический материализм во всех этих грехах нисколько не повинен. Поэтому новейшие открытия в области физики не только не опровергают материализма, а, наоборот, подтверждают правильность диалектического материализма. Метафизический взгляд на природу действительно терпит полное и окончательное крушение. Это еще не осознано многими марксистами, не говоря уже о противниках его. Но диалектические материалисты, в том числе, конечно, и Ленин, превосходно поняли сущность этого движения уже давно. Мировоззрение Маркса и Энгельса получает только новое подкрепление со стороны современного естествознания. Ленин, как один из крупнейших представителей диалектического материализма, также считает, что „природа служит пробным камнем для диалектики".

Что касается механической картины мира, то она для материализма, как мы уже говорили, не обязательна. Новая физика выдвигает электрическую теорию материи, на место материи она ставит электричество. Если до сих пор естествознание сводило все содержание физического мира к трем последним понятиям: к материи, электричеству и эфиру, то и самое материю, повидимому, удается свести к электричеству. Законы механики не просто отвергаются, как некоторые думают, а их „сфера действия", так сказать, ограничивается. Законы механики рассматриваются уже как частный случай электромагнетизма или электродинамической картины мира. Мир есть движущаяся материя. Механика, при окончательном торжестве этих новых учений, была бы снимком с медленных реальных движений, говорит Ленин, а электромагнетическая теория была бы снимком с гигантских быстрых движений. Постоянство массы, принцип инерции сохранили бы силу только для средних скоростей тел. Таким образом старая механика не выкидывается за борт, но она применяется в более узких

[1]) Там же, стр. 220.
[2]) Ленин, там же, стр. 236.

пределах. Во всяком случае, как в механике, так и в новой физике мы имеем дело с реальными движениями и движением, изменением и превращением объективной реальности, т.-е. материи. „Эта диалектика материальных превращений, проделываемых в лаборатории и на заводе, служит в глазах идеалиста,—подчеркивает Ленин,—подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма". Действительно, нелепо делать идеалистические выводы из новой физики. Мы „оперируем" электричеством, атомами и электронами в наших лабораториях. Мы не только „наблюдаем", но и „испытываем" эту диалектику материальных превращений. Очевидно, что если бы эти процессы не были реальными, объективными, материальными, они бы вовсе и не существовали, и мы бы о них ничего не знали. Правда, то, что мы теперь знаем и наблюдаем, много мудренее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени. Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней, но это не значит, чтобы природа была созданием нашего ума или абстрактного ума, т.-е. уордовского бога, богдановской „подстановки" и т. п.

Против метафизического материализма выступили, как известно, основоположники марксизма, видя в „механическом" его направлении основную его ошибку. При таких условиях, приходится действительно поражаться дальновидности этих „стариков". С высоты современной физики их взгляды приобретают более глубокий философский смысл.

Маркс и Энгельс были последовательными диалектиками и материалистами и поэтому они видели дальше и глубже других. В качестве диалектиков они знали, что наше познание не дано в готовом и законченном виде, что относительное знание ведет к объективному и неполное ко все более полному и точному знанию. По их же стопам пошел и Ленин, совмещавший глубочайший реализм с неисчерпаемым революционным энтузиазмом и практическим идеализмом. Он брал каждое отдельное „звено" или момент развития, как относительное и приблизительное выражение целого, не останавливаясь, не застывая на отдельных стадиях, а практически преодолевая их и подвигаясь все дальше и дальше вперед. Ему были чужды как беспочвенный утопизм, так и ползучий эмпиризм. „Мы не доктринеры. Наше учение,—говорил он о марксизме,—не догма, а руководство к деятельности. Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут к нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело" [1]). Он никогда не терял из виду конечной цели, к которой стремился, опираясь на объ-

[1]) Ленин, XIV т., ч. II, стр. 83—84. В приведенных словах прекрасно выражена вся „суть" ленинской философии, как „теоретической", так и „практической".

вное развитие современного общества. Но он вместе с тем созна- что к конечной цели ведет тяжелый и мучительный путь, ряд ятствий и конкретных ступеней, которые необходимо преодолеть, без их преодоления действительного, практического нет дальней- движения вперед. Если целое составляется из таких отдельных, сительных моментов, то в каждом отдельном моменте надо уметь тить его сущность, т.-е. душу и отражение целого. В этом и за- нается умение диалектически смотреть на мир, искусство адеть миром. Такова непреоборимая сила марксистского ме- , которым Ленин владел в совершенстве.

Он со всей силой своего темперамента обрушивался на тех, кто, может, с грехом пополам и усвоил экономическую и историче- теорию Маркса, но не связал ее с ее основой, не выяснил себе илософских корней, т.-е. диалектического материализма. Нельзя материалистом вверху (т.-е. в общественных науках придержи- ся исторического материализма) и идеалистом внизу (т.-е. в отно- ии природы), как нельзя быть материалистом внизу и идеалистом ху. Диалектический материализм представляет собою целостное овоззрение, охватывающее как природу, так и общество. Ленин ется ярким представителем этого мировоззрения. Каждый шаг его ктической деятельности был неразрывно связан со всем его миро- рением и освещался полным светом марксизма.

(Окончание в след. №).

А. Деборин.

Величайший из мастеров революции.

Маркс утверждал, что вооруженное восстание, как и война,— искусство.

Революция тоже искусство: самое трудное—ибо оно многогранно, многосложно, самое ответственное,—ибо оно вершает судьбу многомиллионной массы, оно неизбежно стоит жизней многих и многих тысяч.

И нужно быть величайшим мастером, чтобы ее проделать, ее использовать, в ее буйный, стихийный ураган внести волю, в ее хаосе видеть определенное.

Хаос революции есть безумное сплетение многосложных сил, взаимно перекрещивающихся. Найти равнодействующую их—можно, но можно—лишь обладая исключительным мастерством.

Подобным мастерством обладали в большей или меньшей степени все великие вожди великих революций.

Однако мастерство их было ограниченное. Наступал такой момент, когда никакое мастерство не помогало, и они, великие руководители,— становились слепыми, подобно всем, уносились в вихре или попадали под обломки бушующего урагана.

В этом одни видели неумолимую руку Немезиды, а другие— карающую десницу сверхъестественного существа. Это приводило в отчаяние малодушных, в малосознательных это вызывало рабскую покорность.

Лишь XIX в. создал великого мастера, **который доказал**, а XX в. создал другого величайшего мастера, **который показал** на деле, на практике двух революций, что подлинных мастеров революции создаст лишь рабочий класс; они и доказали и показали, что на том самом месте, где кончалось мастерство старых революционеров, на том месте как раз и начинается **подлинное мастерство**, подлинное искусство делания революций.

На самом деле, припомните только гениальную схему различия между старыми революциями и грядущей пролетарской революцией, данную Марксом. Там фейерверк, они и быстрее стремятся от успеха к успеху, их драматические эффекты импозантнее, люди и события как бы озарены бенгальским огнем, экстаз является господствующим настроением каждого дня; тут—величайшие трудности, нечеловеческие напряжения, упорство и методичность, подлинное искусство;

олетарские революции „непрерывно критикуют самих себя, то и ло прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, о, повидимому, уже совершено, с беспощадной суровостью осмеяют половинчатость, слабость, недостатки своих первых попыток, іавергают противника, как-будто только для того, чтобы он набрался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих бственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит іастно: Hic Rhodus, hic salta".

Там люди для оправдания своих дел, чтобы обмануть себя относительно истинного содержания своих революций, вызывают на помощь бе духов прошлого, „берут у них имена, боевые пароли, костюмы, ·обы в этом освященном веками одеянии, этим заимствованным у юедков языком разыграть новое действие на всемирно-исторической цене"—пролетарская революция может почерпать себе поэзии лишь будущем: „она не может даже начаться, пока не выравлены все суеверия прошлого".

Там—господствует фраза, тут—суровая власть дела.

Так предугадан был гениальным взором грядущий характер рабоих революций.

Пришел новый класс,—фундаментально отличный от классов, до его пробивавшихся к осуществлению своих идеалов,—и привнес с ıбой небывалый до того элемент в революцию, он поставил перед ней ікие задачи, осуществление коих требовало вытравления всех суеверий, и из искусства делать революции, где не менее, если не более, ıло внесено и суеверия, и мертвых традиций, и застывших догм.

Если Маркс доказал это, то практики рабочей революции еще олго находились под баснословным гнетом суеверий прошлого, котоые в сущности и погубили социал-демократический II Интернационал.

Величайшей заслугой Ленина является то, что он с исключительой гениальность, скорее предчувствуя, чем сознавая эту насущную адачу, начал свою революционную деятельность именно с этого громадного дела—вытравления суеверий прошлого.

Всю свою революционную жизнь гениальнейший мастер революии посвятил этой задаче о двух сторонах: критике суеверий, кошаром тяготеющих над революционным пролетариатом и созданию воего пролетарского мастерства, искусства революции по свежим педам практической жизни на основе революционнейшей и самой рактической теории всех времен—марксизма.

Характернейшие черты, отличающие его от искусства старых астеров?

Основы его?

II.

Диалектика, материализм—научный социализм, вот что кладет неизгладимую печать своеобразия на ленинское мастерство.

Нельзя понять деятельность Ленина, если не усвоить ее. Двери ленинского мастерства наглухо закрыты перед тем, кто не усвоил, не сжился органически с ней.

За фейерверком бури и натиска буржуазных революций наступало с неизменной регулярностью „продолжительное настроение похмелья", охватывавшее не только общество, но и вождей; ибо не только общество, но и вожди не оказывались в состоянии трезво учесть ни движущие силы событий, ни уроки проделанной революции.

И только пролетариат доказал, что не только победы, но и поражения могут прибавить свою долю силы в мощный океан коммунистической революции. И только пролетариат мог использовать не только наступление, но и отступление в интересах и для подготовки пролетариата и его великой миссии.

Но все это на деле мыслимо было осуществить, лишь обладая таким великолепным инструментом, как диалектика, этой наукой „об общих законах движения как во внешнем мире, так и в человеческом мышлении".

Вот уже когда диалектика внушила буржуазии „злобу и ужас", так это теперь, когда она оказалась в руках удивительного мастера, и не только теоретически, но и практически, на деле стала решающим революционным фактором.

Диалектику Ленин взял такой, какой она вошла в систему Маркса, такой, какой ее усвоил и Плеханов, однако самое поверхностное сравнение достаточно для того, чтобы видеть и разницу между ними.

Плеханов был теоретиком по призванию, а потому диалектика под его руками становилась тончайшей ариадниной нитью для ориентировки понимания и объяснения сложнейшего лабиринта человеческой мысли, идеологии.

Для Ленина диалектика была тем острым топором, которым он прорубал просеку в будущее в густом, сложно сплетенном лесу сегодня.

Отсюда и незаслуженные и крайне несправедливые упреки Плеханова Ленину в угловатости, отсюда и абсолютная беспомощность Плеханова перед вздымающимися волнами революций, и великая легкость, с коей Ленин нащупывал пульс ее.

Сама диалектика имеет свою логику: она может превратиться в абсолютный релятивизм—если ограничено поле анализа и обозрения сегодняшним днем, она может стать бессильной игрушкой, прикрывающей голую метафизику, ежели в жестоком бою заботиться о ее догматической чистоте и педантичной узорности.

Революционер не кружевница. Диалектика ему необходима для го, чтобы определить, где наступают повороты в общественном звитии.

Рассматривая „вещи и отражающие их понятия преимущественно их общей связи, в их сплетении, в движении, в их возникнонии и исчезновении", революционер должен, тем не менее, еть искать и найти самое главное для каждого данного отрезка емени. Всякий поворот по существу говоря и есть не что иное, к констатирование того факта, что возникло нечто, что долло стать самым главным, и что вчерашнее главное уже себя жило.

Этого не мог понять Плеханов; это составляет величайшую заугу Ленина перед диалектикой действия, диалектикой революционного дела.

В каждом данном отрезке времени есть ограниченное количево явлений, которые воплощают в себе всю сумму поступательной тенции революции; искусство заключается в том, чтобы их уметь зличать, чтобы на них сосредоточиться, предельно использовать их. Они, в свою очередь, не могут не привести к образованию нох явлений, которые должны сменить существующее. Есть такой редел, дальше которого автоматически, независимо от желаний релюционеров, центр этой потенции перемещается с одних явлений другие.

Уметь определить этот предел вот в чем основное исусство революционера, вот в чем величайшее мастерство Ленина.

Попробуйте с этой точки зрения подойти к деятельности Ленина—начиная от ранних пор самостоятельной революционной раты и кончая его последней статьей о Рабкрине. Это сплошной путь иалектических перемещений опорных пунктов и центров боевых йствий.

Его спасало непрерывно от „продолжительного настроения помелья" не только знание законов общественного развития, не только веренность в то, что все детерминировано, а тем самым всему есть ход, не только то, что, будучи научным социалистом, на все явления он умел смотреть с точки зрения их возникновения и исчезовения, не только это и не столько это, сколько то, что он каждом данном обстоятельстве, повторяю, умел найти амое главное для пролетарской революции.

А умел он найти потому, что он был диалектиком.

Характернейшая черта, что отличает его мастерство от всех до его существовавших,—это его диалектичность насквозь, материалистическая диалектика Маркса, которую он превратил в послушнейший инструмент в своих могучих руках.

III.

Что лежит в основе его мастерства? Что прибавил он к унаследованному от старых революционных мастеров искусству?

Многое; на всем том, что является его вкладом в это труднейшее и сложнейшее из всех искусств, мы останавливаться не будем теперь— когда-нибудь позже.

Отметим лишь три особо ценных вклада в сокровищницу пролетарской революционной мысли: учение о партии пролетариата и ее роли в коммунистической революции, учение о роли и значении крестьянства в пролетарской революции и, наконец, его учение о диктатуре пролетариата и пролетарском государстве в эпоху диктатуры.

Это одно из тех завоеваний, которые были сделаны Лениным по дымящим следам жизни.

Вопрос об образовании политической партии пролетариата—добровольного союза тесно сплоченных единомышленников, ставящих себе задачей борьбу за осуществление определенной программы—был уже задолго до Ленина решен в международном рабочем движении.

Пролетариат к моменту выступления Ленина на революционную арену имел уже такую мощную политическую партию, как германскую социал-демократию, которая имела десятки тысяч членов, высоко даровитых и авторитетных вождей и теоретиков и огромный опыт борьбы и побед.

Но германская социал-демократия была партией, вся богатейшая практика которой ограничивалась эпохой мирного развития, все победы которой были победами у урн,—в то время как XX век принес с собой грозный призрак новых потрясений.

Ленин с гениальной прозорливостью это понял на самом пороге XX века. Если предстоят пролетариату тяжелые и долгие бои, то авангард его, организованный в партию, не может не стать авангардом и в бою.

Но какой же авангард может вести войну, если он не сорганизован надлежащим образом. Авангард не может вести войну, не имея своего штаба опытных „руководителей и организаторов“, сверху до низу не будучи централизованным. Авангард не может выявить единой воли, не будучи строжайше дисциплинированным, он не будет способен к единству действия.

Без стального, монолитного авангарда, объединенного в единую политическую партию, нельзя руководить теми промежуточными классами, которые составляют грандиозную силу, и действия которых будут решать вопрос о судьбах грядущей революции пролетариата.

Самым большим, самым сильным промежуточным классом является, особенно в России, многомиллионное крестьянство. „Пролета-

іат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы здавить силой сопротивление самодержавия и паллизовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат лжен совершить социалистический переворот, приединяя к себе массу полупролетарских элементов селения, чтобы сломить силой сопротивление буруазии и парализовать неустойчивость крестьянства мелкой буржуазии". Так решал Ленин вопрос о том, на ком пути искать и решать вопрос о свержении самодержавия и ржуазии: в союзе с крестьянством в „смычке" с крестьянством,— ражаясь современными словами.

„Социалистическая революция"! Но *до Ленина*—Маркса жестоко вращали, его отдельными указаниями пользовались, его именем ялись, но почти никто не задумывался над вопросом о том, что такое ктатура пролетариата, каковы ее задачи, о судьбах государства в оху пролетарской революции, об условиях социалистического реворота.

Разъеденный изнутри оппортунизмом, II Интернационал трактал эти вопросы, как вопросы отдаленного будущего, в то время к в жизни созревали все условия, указывающие на катастрофичее приближение эпохи войн и революций.

Ленину принадлежит великая заслуга разработки в единую системму учения о диктатуре пролетариата, о пролетарском государстве, условиях социалистической революции.

И не только теоретически,—ему принадлежит великая заслуга актического осуществления первого пролетарского государства, ложившего начало эпохи, которая не может не закончиться побей коммунизма.

Умер Ленин. Умер величайший из мастеров революции.

Но мы были бы плохими учениками величайшего мастера, если предались унынию и отчаянию.

У великого мастера много подмастерьев. Его искусство перешло величайшей и славной многотысячной партии пролетариата.

Не уныние, не отчаяние, а настойчивое и напряженное усвоение кусства великого мастера, его методов и его опыта, кропотливое учение диалектического материализма и марксизма, лучшим и наиее современным выразителем и воплотителем которого был Лен—таков тот последний завет, который оставил нам после смерти и великий вождь.

В. Ваганян.

К письмам А. Лабриолы.

2 февраля 1924 г. исполняется двадцать лет со времени смерти самого выдающегося теоретика марксизма в Италии, Антонио Лабриолы. За пределами своей родины он больше всего был известен во Франции, Германии и у нас в России, где его больше знали в изложении Плеханова, чем по скверным и искаженным переводам его главных сочинений.

Но и до сих пор, несмотря на обещания его непосредственных учеников в Италии, не существует даже краткого очерка его жизни и деятельности. Несколько газетных некрологов—вот все, что имеется в нашем распоряжении. Нет и сносного собрания его сочинений, которое помогло бы проследить эволюцию взглядов Лабриолы от защитника буржуазного строя до теоретика пролетарского движения.

А. Лабриола (родился в Кассино 2 июля 1843 г.) стал социалистом очень поздно. Первое публичное выступление в римском рабочем обществе для изучения социальных наук, когда Лабриола по приглашению секретаря этого общества, наборщика и поэта Пьетро Мандрэ, выступил с лекцией „О социализме“, имело место в июне 1889 г. О каком-нибудь сильном влиянии марксизма нет еще и речи. Виден только интерес к росту рабочего движения, особенно в Германии. Декларации прав буржуазии 1789 г. Лабриола противопоставляет декларацию прав рабочего класса—право на существование, право на образование, право на труд, право на полное вознаграждение за исполненную работу. Только в следующем году он порывает с римскими радикалами и демократами и в письме, обращенном к Э. Соччи (Proletariato e radicali, Roma 1890), проводит уже разницу между либеральной демократией и социальной и выдвигает необходимость организации не новой демократической партии, которая была бы только крайней левой тех же буржуазных партий, а партии пролетариата, которая объявила бы войну капитализму.

И в этом политическом заявлении, которое относилось к маю 1890 г. нет еще ни слова о Марксе и его учении. А между тем, Лабриола уже вступил в это время в переписку с Энгельсом, и пер-

е же письмо его свидетельствует, что еще в начале 1890 г. он уже льно приблизился к материалистическому пониманию истории.

К сожалению, мы не можем сказать, что имеющееся в нашем аспоряжении собрание писем Лабриолы к Энгельсу является полным: рудно сказать даже, является ли первое из печатаемых нами писем ействительно первым. Непонятным является и большой пробел в ереписке—нет ни одного письма за 1892 и 1893 г.г.,—которая тянется очти до смерти Энгельса. Мы не знаем даже, кому принадлежала инициатива в этой переписке. Возможно, что посредником явился I. Мартиньетти, который уже в 1883 г. перевел на итальянский язык „Развитие научного социализма", а в 1885 г.—„Происхождение семьи" Энгельса.

Как бы то ни было, первое письмо (оно написано на немецком языке, остальные—на итальянском), имеющее большой автобиографический интерес, показывает, что Лабриола скорее заинтересовался Марксом и Энгельсом, как представителями особого течения в левом гегельянстве, которые от Гегеля пришли к коммунизму. Старый гегельянец, и очень ортодоксальный, как это видно из его первой работы, против „возвращения к Канту", которое выдвигал, как задачу дня, гегельянец Целлер еще в 1862 г. [1]), он изучал философию Гегеля в такое время, когда участие Маркса и Энгельса в идеологической борьбе против правого гегельянства было совершенно забыто. Характерно, что Лабриола, неудовлетворившись ортодоксальным гегельянством, не остановился на Фейербахе, а перешел к Гербарту, последователем которого, несмотря на отрицание его религиозных и метафизических учений, он оставался очень долго, являясь деятельным сотрудником главного философского органа гербартианцев.

Только зимой 1890—91 г. Лабриола выступает в своих лекциях решительным сторонником исторического материализма. Легкомысленное выступление его однофимильца Артуро Лабриолы, который уже с первых шагов своей литературной деятельности проявил невероятную способность сваливать в одну кучу самые противоположные вещи и имена, заставило Антонио Лабриолу в письме в редакцию „Critica Sociale" (10 августа 1891 г.) резко отмежеваться от своего тезки, который не приходится ему ни сватом, ни братом.

„С ноября прошлого года и до июня текущего года,—писал Антонио Лабриола,—я посвятил свой курс философии истории, читанный мною в римском университете, изложению и критике материалистического понимания истории или учению Маркса и его последователей, учению, которое рассматривает не только государство и

[1]) Эта юношеская работа Лабриолы опубликована в „Scritti varii di philosophia e politica", изданных Б. Кроче в 1906 г.

право, но и мораль, религию и искусство как следствия, результаты, произведения и отображения экономической структуры общества. Что же касается этой структуры, то она, согласно этому учению, сама определяется способом производства и изменяется вместе с изменением этого способа. Так вот мой однофамилец, рассуждая от главы своея, утверждает, что все социалисты, включая Маркса, рассматривают государство, как предпосылку, а это, говоря без обиняков, сводится к полному незнанию принципов научного социализма, основоположниками которого были Маркс и Энгельс, и главной основой которого является именно материалистическое понимание истории" [1]).

Письма Лабриолы к Энгельсу показывают, как по-профессорски основательно он взялся за дело изучения марксизма. Он старается проследить все фазы развития этого учения по первоисточникам и не щадит ни труда, ни издержек,—об этом свидетельствуют и письма его к Рикарду Фишеру,—чтобы получить в свое распоряжение или приобрести ранние произведения Маркса и Энгельса. Мы уже знали из переписки последнего с Зорге (письма 30 декабря 1893 г. и 23 февраля 1894 г.), что „Святое семейство" для Лабриолы пришлось выписывать из Соединенных Штатов, так как Энгельс боялся расстаться с имевшимся у него экземпляром.

Письма Лабриолы проливают и некоторый свет на его политическое развитие, но, чтобы понять их значение, необходимо сказать несколько слов о тогдашнем рабочем и социалистическом движении в Италии.

С начала семидесятых годов гегемония Мадзини в итальянском революционном движении сменилась гегемонией Бакунина. История социализма в Италии ведет свое начало от I Интернационала. Среди старых гарибальдийцев и мадзинистов, оставшихся после объединения Италии без дела, в борьбе между бакунистами и первыми весьма сомнительными „марксистами" или приверженцами Генерального Совета, очень скоро одержали верх более революционные бунтари—бакунисты. Нужно было проделать горький и бесплодный опыт ряда вспышек и бунтов, чтобы к началу восьмидесятых годов итальянские рабочие окончательно разочаровались в бакунизме. Безраздельное господство интеллигенции и студентов в революционном движении вызвало среди рабочих сильную реакцию, нашедшую свое выражение в образовании „чисто-рабочей" партии, лидерами которой являлись К. Ладзари и Джузеппе Кроче (рабочий перчаточник). По своим тенденциям она напоминала поссибилистическую рабочую партию во Франции. Она относилась крайне недоверчиво к интеллигенции, вела упорную борьбу

[1]) „Critica sociale" 1891, № 12, Una rettifica doverosa (Вынужденная поправка).

италья́нскими демократами и республиканцами и, подчеркивая эко-
омические требования рабочего класса, пренебрегала обще-полити-
ескими вопросами. Когда во второй половине восьмидесятых годов,
од влиянием роста марксистского рабочего движения во Франции и
ермании, многие молодые демократы перешли в ряды социализма,
ли организовали свои собственные группы. К числу этих демократов
ринадлежали Турати, Биссоляти, Прамполини и др. К ним присо-
единились и некоторые бывшие бакунисты, в том числе и Анна Ку-
лешова, которая сыграла большую роль в истории итальянского со-
иализма, как посредница между рабочими организациями и
арксистской интеллигенцией.

Центром нового движения была Северная Италия, как наиболее
ромышленная область. В Милане же была сделана первая попытка
обиться соглашения между Рабочей Партией и Социалистической
игой, во главе которой стоял Турати, с 1891 г. издававший, вместе
А. Кулешовой, новый социалистический орган „Critica Sociale“,
оторый обычно считается первым органом итальянского марксизма.
действительности же это с самого начала был эклектический жур-
ал, в котором рядом со статьями Энгельса, Плеханова, Каутского,
афарга помещались статьи Лорна и его учеников. Турати в своих
ередовицах уже с самого начала умудрялся воскурять фимиам одно-
ременно Марксу и Лориа, а также с восторгом приветствовать вся-
ого буржуазного ученого, который относился „с симпатией“ к ра-
очему классу.

Первым толчком к прочному сближению между Социалистиче-
кой Лигой и Рабочей Партией послужила победа германской социал-
емократии на выборах в феврале 1890 г. Обе организации, к кото-
ым присоединились и группы в других городах, в том числе и в
име, послали приветственный адрес конгрессу немецкой социал-
емократии в Галле в октябре 1890 г. Под этим адресом имеется
одпись Антонио Лабриолы, принимавшего участие в его редакции.

Из писем, относящихся к первой половине 1891 г., мы видим,
то Лабриола пытается принять непосредственное участие в рабочем
вижении, то помогая при организации помощи безработным, то под-
отовляя первомайскую демонстрацию. Но старый профессор, как
идно, плохо приспособлен к этой работе. Неизбежные неудачи, кото-
ыми сопровождаются первые шаги всякой новой организации рабо-
его класса, действуют на него угнетающим образом. Из-за деревьев
н не видит леса. Он ясно видит все ошибки и дефекты молодого
вижения, но у него не хватает ни энергии, ни настойчивости, чтобы
тдаться хотя бы на время целиком организационной и агитационной
аботе. Ученый все время одерживает верх над политиком. Более
ого. Он все еще не может отказаться от старых традиций духовного

аристократа. Он прекрасно понимает историческую роль пролетариата, но его отталкивает подчас очень грубоватая, мало культурная среда итальянских рабочих собраний. Он готов прочитать лекцию, но принять участие в повседневной сутолоке партийной жизни, получать и наносить удары, состязаться с профанами—это свыше его сил. И так же мало он был приспособлен к публицистической работе. Прекрасный лектор и опытный педагог, он предпочитал устную форму изложения и писал очень мало, долго подготовляя и отрабатывая свои немногие литературные работы. Его письма к Энгельсу показывают, как долго он работал, чтобы написать свой маленький этюд о Коммунистическом Манифесте. Понадобилось несколько лет, чтобы Лабриола убедился, что он мало пригоден к непосредственной политической деятельности и взялся вплотную за разработку теории исторического материализма.

Как недоверчиво относился он к попыткам организации новой партии, видно из письма от 14 августа 1891 г. На приглашение Кроче поехать на Миланский конгресс Лабриола ответил отказом. А между тем именно на этом конгрессе, который выбрал делегатов и на Брюссельский международный конгресс, уже произошло фактическое слияние Социалистической Лиги и Рабочей Партии и выбрана была комиссия для выработки новой программы. В следующем году на конгресс в Генуе—в августе 1892 г.—произошел окончательный раскол с анархистами и основана была новая итальянская социалистическая партия с программой, которая представляла собой вариацию Эрфуртской программы. Еще до Генуэзского конгресса съезд рабочих в Палермо, в мае 1892 г., принял, по инициативе Антонио Лабриолы, резолюцию в марксистском духе [1]).

Но этим и ограничилось его участие в партийной работе. Нам известны еще для 1892 г. приветствия, посланные Лабриолой Венскому конгрессу австрийской социал-демократии и Марсельскому конгрессу французской рабочей партии. В 1893 г. Лабриола является одним из делегатов новой итальянской социалистической партии на международном конгрессе в Цюрихе. Там он впервые познакомился лично с Энгельсом. В пленуме Лабриола не выступал, в протоколе имеется только его заявление, в котором он от имени итальянцев подчеркивает их солидарность с австрийскими социал-демократами, но он работал в одной из комиссий, выступая по вопросу об эмиграции.

После Цюрихского конгресса, Лабриола совершенно отказывается от политической деятельности. Даже в бурный 1894 г., когда Италия переживала в связи с финансовым крахом и сицилийскими волнениями сильнейший политический кризис, Лабриола остается больше

---

[1]) R. Michels, Storia del Marxismo in Italia, 1910 стр. 75.

блюдателем, чем активным деятелем. Он продолжает работать над ими этюдами о материалистическом понимании истории, откликаясь редка на злобу дня то статьей, то в интервью. Надо сказать, что и его хватила под конец жизни империалистическая горячка молодой альянской буржуазии. В 1902 г. он поддержал своим авторитетом хватническую политику Италии в Триполи.

К сожалению, у нас нет ответных писем Энгельса. А они, наверно, содержали не только подробные ответы на теоретические сомнения Лабриолы, но и некоторые практические советы нетерпеливому, гко опускавшему руки в практической борьбе, профессору. Правда, гельс наблюдал еще только зарождающееся марксистское движение Италии, переживавшее как раз в 1893—1895 г.г. большой подъем. поэтому был склонен относиться более снисходительно к грехам авного теоретического органа итальянского марксизма, чем Лабриола, торого раздражала эклектическая каша, преподносившаяся читатем в „Critica Sociale". Одновременно с выходом в свет третьего ма „Капитала", в предисловии к которому Энгельс так беспощадно зделался с Лориа, на страницах „Critica Sociale" его продолжали итать величайшим последователем Маркса, и абонентам этого журла в виде премии предлагалась новая книга Лориа! И, действительно, предисловие к третьему тому, посланное Энгельсом для напечатания в „Critica Sociale" могло появиться только в буржуазном урнале, где его пристроил Лабриола.

Д. Рязанов.

Письма Антонио Лабриолы к Ф. Энгельсу.

I.

Рим, 3 апреля 90 г.
(Ripresa de'Barberi, 16).

Уважаемый товарищ.

Приношу Вам свою горячую благодарность за любезную присылку нового и отчасти переработанного издания Вашего интересного труда о Фейербахе, который я уже читал раньше в „Neue Zeit".

Эти строки, которые я, в знак моего уважения, незамедлительно Вам посылаю, я позволяю себе написать на Вашем родном языке; отсюда Вы увидите, что я, насколько это возможно для чужестранца, вжился в немецкую культуру.

Очень немногим из моих соотечественников понятно, как человек, который долгие годы неутомимо трудился над абстрактной философией, именно через философию медленно обратился к социализму и потом принял участие в практической пропаганде. Вы не только господствуете своим умом над всей современной культурой, но и достойным образом непосредственно внесли свою долю в развитие социальных идей; поэтому Вы не сочтете противоестественным то, что ученый, с высоты Кантовской моральной философии через Гегелевскую философию истории и Гербартовскую психологию народов, пришел к убеждению в необходимости представить перед публикой социализм, как свое собственное призвание.

Я пережил в своей молодости вторичный расцвет гегельянства в Неаполе. Я долго колебался между филологией и философией. Когда я приехал в Рим в качестве профессора, я был бессознательным социалистом и ярым противником индивидуализма, правда, лишь из отвлеченных соображений.

Потом я изучал государственное право, административное право и народное хозяйство, и около 1879—1880 г.г. я уже почти совсем сделался решительным сторонником социалистических воззрений; правда, я больше исходил из общего исторического миросозерцания, чем внутренне руководился личным действенным убеждением.

Медленное и непрерывное приближение к действительным проблемам жизни, брезгливость к политической коррупции, общение с рабочими постепенно превратили научного социалиста in abstracto в

вителього социал-демократа. В моем положении и в итальян-условиях такого рода деятельность небезопасна и не чревата ими надеждами.

Четыре года назад я впервые принес социалистическое учение федру королевского университета, и дело пошло почти не-но. Но совсем другое было в прошлом году, когда я читал в щенном изложении лекции о Французской Революции перед юй публикой. В это время я впутался в движение в пользу и произносил публичные речи против Криспи, против Бисмарка тив милого германского императора. Студенты поддались на-званию, будто бы я принимал участие в рабочих беспорядках в ле предыдущего года, и пришли толпой к университету, чтобы тать меня. Мои лекции были прерваны на два месяца, и теперь ва вернулся к сухому академическому тону. Моя многочислен-аудитория исчезла, так же как исчезла и моя сладкая мечта ечь академическую молодежь к интересам пролетариата.

Либералы и радикалы очень смелы против безоружных попов и в слабых конституционных монархов; они так охотно предаются м о Джиордано Бруно в масонских ложах — только собствен-для них священна, только буржуазные министры, банки и ми-изм для них неприкосновенны.

I буду Вам сердечно признателен, если Вы когда-нибудь про-мои лекции. Это как бы программа книги в зачаточной и схе-еской форме. Все мои научные работы в Вашем распоряжении, Вы ими интересуетесь. К сожалению, моя деятельность, как гора, за последние года погибла для газетных отчетов, так как нь охотно говорю экспромтом.

Келаю Вам от всего сердца ближайших и дальнейших триумфов кой социал-демократии, этой великой, новой и полной надежд гательницы народов, которая во многих отношениях была Ва-ченицей.

С высоким уважением и сердечным приветом

Преданный Вам **А. Лабриола**.

II.

Рим, 21 февраля 1891 г.
(Ripresa de'Barberi, 16).

Милостивый Государь.

Iозвольте мне писать Вам по-итальянски. Вас это не очень няет; а я избавлю Вас от моего немецкого языка, представляю-что-то среднее между жаргоном философов и канцелярским слогом. 'еперь больше чем когда-либо я живу в вашем обществе. В рситете, где, в конце концов, я снова обрел бодрость и свободу уже несколько месяцев я развиваю материалистическую ию истории. Для плохо подготовленного юношества теории

„Капитала“ оказываются слишком темными; поэтому я начал с учения и комментирования „Коммунистического Манифеста“, работы, непревзойденной по глубине мысли и простоте формы. Комментирование Манифеста расширилось у меня в ряд соображений о зарождении современных государств и особенно о запоздалом объединении Германии и Италии.

Затем, поскольку это возможно в пределах университетских занятий, я перейду к возникновению борьбы классов. Германская марка, русский мир и гениальные реконструкции Моргана — вещи слишком отдаленные от умственных навыков студентов. Если они либеральны, они не идут в эту сторону дальше Гарнье, а если радикалы — удовлетворяются революционной фразеологией, облеченной в мадзинианскую напыщенность.

Ошибся ли я, утверждая, что форма стиля „Манифеста“ должна принадлежать Вам? Мне, в самом деле, кажется, что она не совпадает с произведениями Маркса того времени. Не могли ли бы Вы, всегда желавший, в силу своей необыкновенной скромности, играть роль „второй скрипки“, открыть мне эту маленькую тайну составления „Манифеста“?

Работая над интеллектуальной подготовкой социалистической пропаганды на более долгий срок, я ищу здесь помощи и утешения в горьких разочарованиях, которые мне принесло преждевременное „создание“ кружков, лиг, федераций и рабочих партий — всех организаций, какие здесь в Италии распадаются, лишь только их создают; распадаются в настоящее время совершенно так же, как это случалось двадцать лет назад, в хорошо Вам известные времена Интернационала.

Сообщил ли Вам Бернштейн о письме, которое я через него послал Каутскому, извиняясь за мое молчание? Оно — голая истина. „Рабочая партия“ вылетела в трубу накануне выборов, обе котерии — сторонников легальности и противников ее, — действуют, как банды политиканов. И к своему сожалению я должен сказать, что на стороне противников легальности, если учесть должным образом их сумасбродство и наивность, больше самостоятельной инициативы и добросовестности, в то время как некоторые из сторонников легальной тактики представляют собой только людей, фабрикующих оплачиваемые префектами кооперативы и учреждающих газеты, субсидируемые мелкими банками.

Итальянская буржуазия более пластична для католического влияния и представляет собой пропитанную большим маккиавелизмом развратительницу, чем буржуазия какой бы то ни было другой страны. Обладая своим политическим инстинктом, она не нуждается в том, чтобы черпать „злую науку“ в возвышенных советах знаменитого Шеффле.

Помимо общих условий промышленности и независимо от невежества рабочих, в Италии социализм встречает препятствие в де-

:огических хитростях Aftersocialisten. Впрочем, если Каутский не ıтся, когда говорят всю правду, он получит то, что ему нужно.

Если мое скромное одобрение не лишне Вам, примите его от эго моего сердца за напечатание письма Маркса; оно взволновало ня до глубины души не потому, что оно заключает в себе что-ниџь новое, после того, как мы уже получили „Учение и дело Маркса", потому, что нам нужен призыв к настоящим источникам циалистического вдохновения именно теперь, когда на лях социальной демократии так легко размножаются дурные :тения поссибилизма—с одной стороны, юношеской само-.деянности — с другой.

Возникшая по поводу этого письма полемика нашла отголосок в Италии, но в грубом, гадком и непристойном виде. Сообщаю м, между прочим, что вы нашли добровольного и бесплатного заıтника в том профессоре Лориа, которым Вы имели случай заняться страницах „Social-Democrat" в мае 1883 г. У меня нет ни авторита, ни компетенции экономиста, чтобы спорить с коллегой оф. Лориа, но все же это любопытное зрелище, когда одно и то ı лицо играет столько ролей в комедии: антисоциалист в академиских изданиях, марксист — в полемике, а потом его еще хвалят литические журналы за то, что он вновь разбил все „софизмы" ıркса!

Прежде чем закончить это письмо, которое я пишу, чтобы наомнить Вам о своем уважении, и, желая Вашего совета и Вашего ощрения, позвольте мне обратиться к Вам с несколькими просьбами. 'да в конце концов делись издания „Genossenchaftlicher Verlag", существовавшего в Лейпциге в 1873 г.?

Переведен ли он в Цюрих? Я тщетно ищу изданной им брошюры ur Wohnungsfrage".

В Риме имеется только один экземпляр сочинения Маркса „Zur ·itik der Polit. Oekon.": он хранится в министерстве земледелия, блиотека которого чрезвычайно богата подобными работами. Антиарий Прагер из Берлина был таким нахалом, что запросил 18 марок, обы разыскать его. К кому мне нужно обратиться?

Здесь, в Риме, поэт-анархист Маккай, фанатический поклонıк Штирнера и собиратель всего, что было написано и сказано об ом одиноком философе. Зная об оставшейся неизданной Вашей и ıркса работе, в которой к числу других послегегельянских филофов относился так же и Штирнер, Маккай просит Вас через меня общить ему, каким путем и с какими гарантиями вы позволили бы ıу прочесть эту рукопись.

Не могу ли я получить от г-жи Эвелинг-Маркс экземпляр „Маıфеста" о создании международного секретариата?

Не откажите мне в Вашем совете и примите мой сердечный ›ивет.

Преданный Вам **А. Лабриола.**

III.

Рим, 23 марта 1891 г.

Милостивый Государь!

Посылаю Вам различные итальянские газеты, с отметками синим карандашем; они могут дать хотя бы приблизительное понятие о настоящем положении рабочей агитации в Италии. Почти все газеты буржуазные, но в них можно найти довольно много.

Новое министерство заинтересовано в том, чтобы показать себя более либеральным, чем Криспи. Через несколько дней это кончится. Вопрос о безработных поистине вошел в острый период. При наличии нескольких тысяч лир, какими можно было располагать, существовал способ изолировать агитацию от влияний политических и социалистических котерий.

Вы увидите, какой хаос царит в умах этих рабочих. Но таковы они лишь покамест, и следует ожидать, что они разовьются с опытом и практикой.

Что представляет собой котерия социалистов, стоящих на почве легальности, можете судить по газете „Momento", являющейся их органом. Она прямо непристойна по своему нахальству. Затем, я предложу Маркс-Эвелинг, чтобы она из всего, что касается Италии, ограничилась для настоящего времени собиранием лишь простых сведений фактического характера. Нет такого центра сил, нет такой организации, которая могла бы что-нибудь обещать или отвечать за что-нибудь.

Усиленно работая теперь с безработными, шлю Вам свой привет и сердечное уважение.

Ваш **А. Лабриола**.

IV.

Рим, 30 марта 1891 г.

Милостивый Государь!

В „Italia del Popolo", которую я Вам посылаю, Вы найдете манифест одного собрания, имевшего место в Милане. Инициатива шла из мадзинианских кругов, но я, хотя и не расположен быть в компании некоторых особ, не отказался поддержать ее. Тон манифеста не только значительный и благородный, но даже почти социалистический.

Идея не очень практична, как уже отметил Берлинский „Vorwärts". Но в Италии в настоящее время нет иных средств, и надо же освободить партию от иллюзий радикалов. Вообще, среди мадзинианцев развивается некоторая склонность к социализму.

Если когда-нибудь к Вам придет приглашение из Милана,— потому что меня просили указать некоторые имена, — не побрезгайте ответить письмом, которое можно было бы напечатать. Ваше имя окружено уважением в душах всех революционеров Италии.

Агитация безработных завершила для настоящего времени свой круг. Восемь тысяч рабочих были отправлены из Рима за счет правительства; во Флоренции и в Неаполе были разогнаны собрания; в Римини, в Мессине, в Катании были произведены аресты и обыски. Но вопрос поставлен, и неопределенное слово социализм мало-помалу заменяется понятием борьбы классов.

Между этими явлениями, возникающими самопроизвольно, и развитым сознанием пролетарской революции, в Италии отсутствует соединительное звено, какое представляет социалистическая культура. Наши рабочие не будут, конечно, наследниками немецкой классической философии именно потому, что эта философия едва ли прошла через одинокий мозг какого-нибудь итальянского профессора. Новое поколение знает только позитивистов, которые, по-моему, представляют собой вырождение буржуазного типа до кретинизма.

В другом номере „Italia del Popolo" Вы увидите, как Колайяни, лучший из итальянских социологов позитивистской школы, оспаривает материалистическое понимание истории. А в номере 5-м „Critica Sociale", где ведут дискуссию многие, включая и моего однофамильца, Вы увидите еще, как Канделари ставит Лориа в открытии этого принципа на место Маркса.

В области знания мы теперь расплачиваемся за реакцию 1815 г. и за австрийскую тюрьму, между тем как до конца XVIII-го века мы были в общем потоке великого европейского движения. Гениальный аббат Гальяни!

С совершенным почтением
преданный Вам **А. Лабриола.**

V.

Рим, 3 мая.

Милостивый Государь.

Посылаю Вам некоторые газеты, чтобы Вы могли иметь приблизительное представление о печальных событиях, случившихся третьего дня. Если бы я послал их Вам двадцать вместо трех, Вы узнали бы из них то же самое, потому что газетам важно лишь одно: оправдать или обвинить министерство. А, впрочем, репортеры разбежались при первых выстрелах, и подлинной истории событий не может дать никто.

Здесь были приложены большие усилия, и я одним из первых стремился создать чисто-рабочую манифестацию по случаю 1-го мая. Над ней работали около полутора месяцев. И, действительно, дело шло успешно, потому что все было в руках хорошо организованных рабочих обществ (типографы, каменщики и т. д.), и руководство определялось точными соглашениями о способах манифестации. Но исполнительная комиссия была большей частью плохо осведомлена, была

мало авторитетна в глазах рабочих масс и носила слишком декоративный характер. Представьте себе, что на эстраде комиссии красовался длинный ряд адвокатов и других статистов!

Я участвовал в деле до часу пополудни (в пятницу), но когда увидел, что комиссия спорит о резолюции, которую нужно было предложить, мною овладело печальное предчувствие. Страх охватил всех горожан, все конторы и магазины были закрыты, и не было сделано ничего, чтобы дисциплинировать собрание и ввести его в границы.

Но я не предвидел ничего ужасного и кровавого: напротив, я воображал, что все должно кончиться чрезвычайно быстро, благодаря неспособности комиссии что-нибудь наладить. У меня был перед глазами номер однодневной газеты „1-ое мая“, составленный как ни попало, как-будто у него отсутствовал редактор, и бессвязность этого листка уже дала мне представление о собрании.

Вся сущность вопроса лежит теперь в особе этого Ланди, которого до сих пор не разыскали. Никто из здешних анархистов и социалистов никогда его не видел. Говорили, будто он приехал из Парижа, захотел получить слово силой, возбудил сумятицу и затем исчез. В. Кернер передавал, со слов Чиприани, уже после того, как последнего ранили, такое заявление: „Ланди — агент-провокатор“. Чей и за чей счет? Если секрет кроется не здесь, его нужно искать в Париже.

В трагедии пролетариев, действительно разбитых на-голову, мы замечаем и комическую ноту, прыжок с забора депутата Барцилаи, вмешавшегося в дело в качестве ханжи.

С сердечным уважением
Ваш **А. Лабриола.**

VI.

Рим, 11 мая 1891 г. (понед.).

Милостивый Государь!

Благодарю Вас за письмо, к которому я должен буду вернуться позже. Сейчас мне нужно осведомить вас о студенте Кёрнере. Он был арестован в среду, в $5^1/_2$ часов дня, и мне сообщили об этом через несколько минут. Я поспешил отыскать депутатов крайней левой и, действительно, в его защиту написали Казини и Джанпьетро. На следующее утро я использовал генерала Канцио, зятя Гарибальди. Депутат Сантини также поспешил вмешаться, и пять газет заговорили об этом в благоприятном тоне.

Стремясь выручить этого худосочного юношу, который мог оказаться, самое большее, несдержанным на язык, я написал и передал многим, что вполне за него ручаюсь. Мне было важно снять с него обвинение в том, что он анархист,—что здесь теперь означает злодей—и заставить выпустить его на свободу, чтобы он мог сам хлопотать по своему делу.

Предприятие казалось удавшимся. Но в то время, как миланские газеты сообщали, что, благодаря моему вмешательству, его, мо-

:ет быть, уже освободили, Кёрнер был переведен в субботу из полицейского управления, где он провел три дня, в тюрьму, а это означает, что его отдадут под суд. Больше мне не удалось узнать ничего.

Юноша обратился кое к кому из германского посольства и консульства. Начиная с вечера среды, стали телеграфировать в „Berliner Tageblatt“ уже не о переговорах относительно освобождения, но об аресте настоящего анархиста-конспиратора, имевшего богатую переписку и ведшего опасную пропаганду в университете.

Может быть, здесь имеет место торжественное qui pro quo, со стороны полиции, на которую произвел впечатление тот факт, что Кёрнер посещал все собрания и что у него в доме оказалось большое число писем и брошюр. Но я боюсь еще, не сказал ли Кёрнер какую-нибудь крупную глупость после первого мая, когда он казался мне уже совсем отчаявшимся и экзальтированным, или не совершил ли он из-за юношеской мании величия какую-нибудь неосторожность в те три дня, которые он провел в полицейском управлении.

Он мне давно был известен, как простой социал-демократ, который всегда вел споры со всеми, чтобы обратить их. Он желал знать все и всех, чтобы быть в состоянии писать об итальянском движении. Несомненно, он сближался с опасной и двусмысленной публикой, но при его умении корректно держать себя, ему, в конце концов, удавалось открывать шпионов среди мнимых друзей.

Было бы хорошо, если бы германская социалистическая пресса поскорее и с жаром стала его защищать.

Читаю ежедневно „Vorwärts“, но относительно Италии в нем нет ничего, кроме телеграмм официальных агентств. Посылаю Вам другие газеты. Напишу Вам потом еще раз.

P.S. Во время обсуждения событий первого мая так называемые социалистические депутаты в палате отсутствовали.

Ваш **А. Лабриола.**

VII.

Неаполь. 31 июля 1891 г.
(Riviera di Chiaja, 180).

Милостивый Государь.

Если бы мои письма обязывали Вас к какому-либо ответу, я очень поостерегся бы посылать их Вам. Я не смею отрывать Вас от серьезных и трудных работ ради одного удовольствия переписываться с Вами; ведь мы все так нуждаемся в третьем томе „Капитала“. Но, читая мои письма, смотрите на них, как на сообщения, заменяющие социалистические газеты, которые отсутствуют в Италии или не заслуживают того, чтобы их принимать в серьез. Накануне Брюссельского конгресса я даю вам краткий отчет о положении.

Арестованные в связи с первомайскими событиями в Риме, приблизительно сто человек, были наскоро преданы суду городского

судьи (претора) и были присуждены к тюремному заключению на малые сроки.

Затем пришло время первого серьезного процесса пятидесяти одного, обвиняемых в вооруженном сопротивлении государственной власти. Их дело умышленно изъяли из суда присяжных и передали в уголовный трибунал, который и осудил их всех, за исключением шести, в позапрошлую пятницу (17 числа), среди неописуемого шума в зале и на прилегающих улицах.

За исключением двух студентов университета и одного студента лицея, дело шло о людях, случайно арестованных на площади или после. Непристойный процесс, основанный на одних подозрениях, на простых показаниях агентов полиции, при чем те и другие отличались противоречивостью и безалаберностью. В приговоре, достойном не судей, а сыщиков, были вынесены самые тяжкие наказания: в общем около ста лет тюрьмы. Относительно одного из осужденных (он получил два с половиной года тюремного заключения) было установлено только то, что он разбил камнем фонарь. Прочтя приговор, председатель трибунала должен был бежать из зала суда, вследствие беспорядка, который затем последовал.

Этот приговор был только актом обдуманной репрессии. Все в Риме знают, что эти 51 человек не были ни главными участниками, ни главными зачинщиками мятежа. Всем также известно, что очень многие из рабочих, будучи или ранены, или избиты, беспрепятственно возвращались к себе домой. Несомненно еще и то, что в беспорядках, продолжавшихся на площади и прилегающих улицах с $4^1/_2$ до 8 часов вечера, дело не сошло бы так легко, если бы рабочие пользовались чем-нибудь, кроме случайно подобранных камней, и если бы солдаты не стреляли в воздух.

Задача заключалась в том, чтобы иметь в руках козлов отпущения; задача заключалась в том, чтобы совершить акт белого террора. Общественное мнение подготовлялось к этому подлейшей и еще более невежественной, чем подлой, печатью. В крохотных головах наших журналистов происшествия первого мая приняли пропорции великого исторического события и характер серьезной революционной угрозы. В этот момент почти вся печать была в руках двухглавого правительства (Рудини—из бесприместных правых и Никотера—из левых, бывший радикал). Сами радикалы вели себя непристойно. Их представители на крайней левой устроили в палате кулачный бой, чтобы спасти Никотеру, т. е. карикатуру на Криспи. Никотера, нарушивший ранее наше публичное право запрещением всех собраний, направленных против тройственного союза, вел переговоры с анархистами, социалистами и республиканцами о том, чтобы 1-е мая удалось к его чести и славе; теперь, когда дело у него расстроилось, он был настолько нагл, что заявил в парламенте, будто он собрал столько народу на площади, чтобы „заманить его в западню". И три пятых депутатов аплодировали. При таком со-

стоянии общественного духа, естественно, что полиция и магистратура лишены какой бы то ни было узды. В праздник конституции были награждены медалью за гражданские заслуги агенты полиции и офицеры карабинеров, руководившие репрессиями 1-го мая. Венок за гражданскую войну! Или мы в России?..

Я покраснел бы за свою страну, если бы не писал уже в течение многих лет,—и меня еще не побили камнями,—что мои современники похожи на итальянцев шестнадцатого века, но только уподобившихся свиньям и негодяям, с меньшим талантом, без культуры и без гроша за душой.

Римскому приговору точь в точь соответствуют приговоры, вынесенные в других частях Италии; повсюду они были неистовыми и жестокими, особенно во Флоренции, в Парме и в Губбио. Осужденных и обвиняемых насчитывают уже тысячи, как будто мы живем снова в 1849—1850 г.г.

Затем пойдет в Риме крупное дело об анархическом заговоре, который, при отсутствии специальных законов, уподобляется заговору разбойничьему. В этом процессе и студент Кёрнер. Возможно, что он будет разбираться в октябре. Дело еще в периоде предварительного следствия, и я был допрошен в качестве свидетеля лишь третьего дня.

Построение процесса намечается следующее: январский съезд в Каполаго, на котором было решено организовать революционные группы; путешествие Чиприани в Рим, после того, как он совершил поездку по всей Италии, и его присутствие в столице во время приготовлений к 1-му мая; тайное путешествие Малатесты по Италии; приезд известного Паллы из Парижа (таково, ведь, имя мнимого Венерно Ланди); существование анархических групп по всей Италии и их тайные (!!) решения; обнаружение переписки по поводу свиданий в Риме; возбуждающие речи во время собрания; намеченный накануне ночью план вернуться в город революционным порядком.

С римским процессом связали и другие процессы, которые ведутся здесь, в Мессине, в Катании и т. д.—с ними же поставили в связь и арест Малатесты в Швейцарии, выдачи которого потребовали и не получили. К Малатесте пристал тот знаменитый шпион Терцаги, чьи подвиги в Туринском процессе Интернационала в 1872 г. Вы еще помните. Здешних заключенных долго держали в Кастелло-дель-Кармино в камерах, расположенных ниже уровня моря.

Все построение римского процесса сумели бы разбить искусные адвокаты; они могли бы даже обратить судебные прения в обвинительный акт против правительства и против полиции, особенно же против прошлого Криспи. Но таких искусных адвокатов будет трудно найти и они могут оказаться вроде адвокатов в другом известном процессе; их там было 32, но, исключая Лопиави, Мадза и Фратти, они все оказались самонадеянными молокососами, в большей части

консервативного направления, и выступали они в силу обязанностей службы, так как обвиняемые были бедняками.

Я расскажу Вам мимоходом о некоторых крайне печальных явлениях, потому что они бросают много света на стоячие воды, в которых мы движемся в Италии.

Резолюции съезда в Каполаго целиком печатались в либеральных и консервативных газетах в течение всего января: правительство и пальцем не шевельнуло. Между прочим, всем известно, что г. К., явившийся на съезд в качестве делегата, получал вознаграждение от двух римских консервативных газет, так как посылал им корреспонденции, которые позже оказались источником всех сведений. Г. К. всегда был подозрителен, как шпион, а теперь он среди обвиняемых. Он продолжает криспианскую комедию разнуздывания страстей каждой партии и каждой группы против остальных.

Чиприани объехал всю Италию, но как только он приехал в Форли, он заявил в предназначенном для публики письме, что он был обманут и что в Италии нельзя пока надеяться на революцию. И всюду, где он говорил или писал, он высказывался в том же духе, а в это самое время правительство посылало газетам сообщения, что Чиприани подготовляет революцию. Западня, о которой говорил Никотера, следовательно, чистая, хотя и непристойная истина. Обман, на который указывал Чиприани, конечно, исходил от одного из тех, кто для публики является анархистом, но кто в то же время целиком уходит в деловые комбинации и представляет собой агента по выборам. Известно всем, что многие проповедники неучастия в выборах затем обрабатывают избирателей или в положительном, или в отрицательном смысле.

Чиприани присутствовал в Риме на многих чисто-рабочих собраниях и не брал там слова и никогда не участвовал в голосовании, но полиция уже посылала сообщения газетам, что это были собрания анархистов.

В Риме образовывались революционные группы, но они собирались в трактирах и других общественных помещениях. В их рядах скоро оказывались агенты-провокаторы и шпионы, которым давалось поручение толкать эти группы на деяния или смешные, или преступные. Все это было выяснено за много дней до 1-го мая, особенно благодаря Кёрнеру, а когда сознался один из главных интриганов, г. М., журналист, который, будучи припёрт к стене, заявил, что получал 200 лир в месяц за такое благородное ремесло, было даже создано нечто вроде следственной комиссии. Первое мая, арест многих сотен людей и последовавший затем террор сделали бесполезным расследование, за которым я издали наблюдал, решив извлечь из него материал крайне скандального характера. Теперь, когда интрига дала весь свой результат, не представляется больше случая говорить о ней. Можно было бы издать хорошую юмористическую

брошюру, озаглавленную так: „Западня достопочтенного Никотеры, разъясненная народу".

Были установлены следующие факты: много раз проповедники неучастия в выборах оказывались работающими за плату, и делалось это во вред противоправительственным кандидатам; агенты-провокаторы толкали анархистов на то, чтобы расстроить движение безработных, которое становилось на прочную ногу и представляло собой серьезную угрозу; когда трое анархистов явились с угрозами в кабинет к Никотере, они только повторили заученную ими наизусть речь некоего Н. Н., который получил также поручение заманить в Рим Малатесту, чтобы предать его в руки полиции. Некий Б. вел с полицейским управлением переговоры о высылке безработных; наконец, неудачникам, помешанным и экзальтированным, были даны советы устраивать кражи, вымогательства и поджоги.

Это особый повод, чтобы я воскликнул: куда же привела ты, в конце концов, моя бедная философия! Потому что многих из этих злодеев я видел, я их слыхал, я их изучал со священным терпением. И часто я говорил этому бедняге Кернеру, который все стремился проповедывать новое евангелие, что для того, чтобы жить в Италии, следует сначала выучить наизусть „Фиеско" Шиллера и каждый вечер читать сказку Гауди „Schneidergesell".

После 1-го мая интриги продолжались, и я видел, как за моей квартирой целых два месяца следила полиция. Всюду выслеживали анархиста, постоянно разыскивали фальшивые бомбы и мнимые документы, и, при помощи интриг и особенно трудами г. Г., аресты продолжались целый месяц.

Теперь, думается мне, начинают испытывать неудобства, связанные с этим колоссальным процессом, а публика уже начинает чуять грехи правительства. Я посодействую насколько могу, чтобы публичные судебные прения приняли такой оборот, при котором обнаружилась бы указанная мною мимоходом закулисная сторона.

Представьте себе, какая скука, какие хлопоты, какие огорчения выпали на мою долю в это время, и мишенью для скольких инсинуаций и скрытых обвинений я сделался. Но я не придал бы всему этому значения, если бы случившееся послужило уроком и советом, как сделать лучше. К сожалению, оно создало только страх и обман.

Масса рабочих осталась при убеждении, что правительство, республиканцы, анархисты—все обманули ее. Горсточка мадзинианцев, взявшая на себя команду 1-го мая в Риме, удалилась затем в священном спокойствии. В Риме сделалось уже невозможным созвать хоть одно собрание рабочих.

В Милане должно было состояться 29-го июня собрание делегатов от рабочих обществ для выборов представителей, которые отправились бы в Брюссель. Но, ввиду недостаточного числа сочувствующих, дело пришлось отложить на 14-е июля, а затем окончательно на 2-е августа. Значит, собрание, которое итальянское красноречие именует конгрес-

сом, состоится послезавтра. Боюсь, что дело здесь в обыкновенных адвокатах и поверенных, которым выгодно волновать пролетариат и использовать его так, чтобы последний примирился со своим беззащитным и дезорганизованным положением. Об этом я откровенно писал третьего дня перчаточнику Кроче в Милан, приглашавшему меня: „дать созреть рабочей партии, но не изобретать ее".

Но среди всех непристойных фактов, о которых я Вам рассказывал, самым непристойным было затем поведение сторонников легальности, т.-е. банды социалистов, принявшей это имя. Они рассматривали римское несчастье, как свою собственную победу. Они воздерживались из принципиальных соображений от посещения палаты до 10-го июня, и Коста, бывший там, молчал во время прений 1, 2 и 3-го мая. С тех пор, как его амнистировали, он замкнулся в своей Имоле и говорит, что „на него в качестве Синдика и председателя Конгрегации Равенства возложен долг показать, что социалисты созрели для управления государством" (sic!). Прамполини отличился еще больше, потому что в своей газете „Справедливость" (Реджио Эмилия) напал, называя их по именам, на мнимых защитников римских беспорядков. О других депутатах-социалистах я не говорю, потому что они—полное ничтожество; поэтому-то Колайяни и хочет быть вне общей массы.

При этом жалком положении вещей, слово „социалист" уже кажется в Италии эквивалентом или сумасшедшего, или афериста, и особенно оно кажется таким для грубого здравого смысла неаполитанцев (если бы я был родом из Романьи, я сказал бы—мой Неаполь). Они, ведь, помнят старые подвиги Гамбуцци, Капоруссо и т. д. и у них перед глазами теперешние подвиги г. Д. А., собственника „Montagna", называющего себя социалистом, а в действительности агента бразильской эмиграции на жаловании в 2.000 лир в месяц.

Все это—не начало новой жизни, а крайний предел буржуазного разложения, по-итальянски веселого и неряшливого.

Бедный Кёрнер прислал мне из тюрьмы всего одну записку и передает в ней привет заключенных в римской тюрьме студентов Брюссельскому конгрессу. Он хотел, чтобы я, переведя на немецкий язык, послал это приветствие Бебелю. Но я не знаком с Бебелем и потому прошу Вас удовлетворить это честное желание моего доброго и смелого Кёрнера.

Если бы связанные с 1-м мая дела шли в Риме хорошо, я бы попытался поехать в Брюссель, чтобы немного подышать воздухом того мира, который в самом деле живет, и завязать некоторые знакомства. Я заехал бы в Лондон, чтобы повидаться с Вами. Но теперь я не обладаю ни положением, ни возможностью ехать в качестве частного лица целиком за свой счет. Мне остается только отправиться туда в качестве корреспондента какой-нибудь газеты—вещь для меня, между прочим, довольно противная.

Это письмо слишком затянулось, прошу у Вас извинения; ему

зойственен красивый слог—тот, кто спешит, бросает слова, как ало.

С запозданием уплачиваю я свой долг Вам, принося благодарь за две брошюры Маркса, не только перепечатанные, но и исправные и дополненные Вами.

Бедный Мартиньетти потерял должность в Бергамо; это меня ит, но я не знаю, что сделать. В Риме, где он нашел меня в кую минуту, он внушил мне живее сострадание.

С сердечным уважением
Ваш **А. Лабриола.**

Фантуцци не сделался более сильным... Мне кажется, в этом) хорошего.

VIII.

Неаполь, 14 августа 1891 г.
(180 Riviera).

Милостивый Государь.

Сердечно благодарю вас за очень любезную открытку, помеченную дом, и позвольте мне еще немного затруднить вас.

Узнав от Геда, что Лафарг с 30 числа прошлого месяца нахоя в Сент-Пелажи, я вчера написал ему и самым осторожным зом, как только мог, сообщил о своем желании сделать для него что может принести ему облегчение. Затем я поручил одному ьянцу-типографу, служащему корректором в „Bourse du Travail", ить и от моего имени приветствовать Лафарга. Его имя Луиджи нано.

Сейчас я не знаю, каково материальное положение Лафарга. Я отел бы задеть его предложением, которое грешило бы излишком упредительности. Поэтому я обращаюсь к вам, так как вы знаи уважаете Лафарга, так же как и членов его семьи. Если недимо помочь им материально и самым деликатным и возможно е шумным образом, я к вашим услугам.

Я не мог поехать в Брюссель и живо сожалею об этом. Дело не ом, чтобы я желал быть там чьим-нибудь представителем. Не ствую к этому призвания, особенно при теперешнем положении ии. Но я хотел отправиться в Брюссель по своим собственным м, чтобы завязать там некоторые знакомства и посмотреть на их вблизи.

В известный момент мне пришлось убедиться, что такой расход авил бы меня в стеснительное положение. Я хотел обратиться к й-нибудь либеральной газете, чтобы получить от нее субсидию в стве корреспондента; но в конце концов мною овладело отвращек тому, чтобы наложить на себя эти малопривлекательные узы. И вот малой горечью я почувствовал себя лишенным удовольствия близко дать многих людей, которых никогда больше не встречу вместе.

Я очень сильно чувствую затруднительность своего положения, ограничивающего мою свободу действия и навязывающего мне осторожность. Я вынужден оставаться еще многие годы профессором университета, а в качестве профессора я уже давно превзошел самую широкую меру всякой свободы. Если мне не пришлось до сих пор плохо, несмотря на все козни полиции и доносы печати, это зависит от двух обстоятельств, имеющих большое значение в Италии: от того, что я пользуюсь известностью, надеюсь заслуженной, как человек безупречный и незаинтересованный, что означает у нас **человека безвредного**, и оттого, что, происходя из патриотически-либеральной семьи, я уже мальчиком был знаком почти со всеми людьми, которые последние тридцать лет так скверно правят страной, а это дает мне возможность оценивать их силу, способности, характер и страсти.

Но это положение со всех сторон становится для меня с каждым днем все более и более неприятным, и нужно, в конце концов, чтобы я из него вышел.

Прочтите, пожалуйста, в „Tribuna", которую я вам посылаю, о крупном скандале в Болонье. Протекло уже много дней, а еще неизвестно, какие меры соблаговолит принять министр. Король затребовал бумаги к себе. И это—только эпизод. Подобные же события случились одновременно в Палермо, в Асколи и в иных местах. Самыми серьезными оказались события в Эмполи, где офицеры гарнизона захватили типографию радикальной газеты, выбросили вон весь шрифт и избили палками членов редакции и печатников. После этого, один из них, уполномоченный своими товарищами, приехал в Рим, чтобы вызвать на дуэль трех радикалов. Этот храбрый поручик Пини, в течение целого месяца нагло нападавший на всю радикальную печать, вчера был, наконец, арестован в Ливорно по требованию судебной власти.

Это—очевидные признаки реакции. Монархия, призвав к власти многих экс-радикалов и имея против себя много радикалов-сторонников легальности и так мало социалистов, при том бессильных, опираясь на Австрию и Германию, уже **поворачивает к старому**.

Прочтите, пожалуйста, и корреспонденцию из Милана в „Vorwärts", № 185: не могу понять, как Якоби, перечитывая одну-две газеты и по временам перекидываясь парой слов в кафе „Чера" с Турати, может измышлять подобные фантазии.

В конце концов мелкие рабочие и социалистические газеты верхней Италии, в которых обыкновенно пишут слогом хвастунов и страдающих манией величия, рассказывают, что дело было почти проиграно. Почти все представители были от Милана и соседних местностей, самое ничтожное число—от других городов, при том имелось много письменных мандатов на представительство по доверию. В результате назначили комиссию—тоже исключительно из миланцев,—которая должна формулировать программу партии. Между

ючим, все жалуются на вечную борьбу между сторонниками и про-
знниками легальности и на несознательность, с какой большая
;ть итальянских рабочих голосует поднятием рук за предложения,
эланные интеллигентными, образованными людьми, как Турати,
и чем эти предложения никого и ни к чему не обязывают, ибо
кто их не понимает. Одним словом, это дом, который всегда начи-
ют строить с крыши.

Вероятно, Якоби слишком по-немецки добродушен, чтобы понять
альянскую комедию; но, по крайней мере, он не должен бы забы-
ть, что это уже не первый, а седьмой конгресс подобного рода, и
о сам он в прошлом году реферировал шестой, собравшийся на-
ауне выборов, в результате которых все затем разлетелось прахом.
вот в седьмой раз голосуют едва заслушанные предложения и по-
м избирают комиссию, которая и должна искать lapis philosophorum
ограммы. Ничего демократического здесь нет, потому что всегда
иеется полдюжины надсмотрщиков, у которых в кармане все то, за
о должны голосовать; впрочем, можно видеть проявления демокра-
и в обмене палочными ударами, а в них-то уж не было недостат-
в Милане.

Причины такого положения, очевидно ненормального, очень про-
ы, хотя и неведомы Якоби. Почти все рабочие общества, посылаю-
ие настоящих делегатов или простые письменные мандаты, которых
акопляется до 30 или 40 в руках одного человека, представляют
бой просто-на-просто организации взаимопомощи. Далее, так
ак наши рабочие не имеют ни желания, ни средств оплачивать
оскошь взаимопомощи, они подпадают под покровительство господ
з уважаемых кругов, которые, субсидируя ассоциации, держат
х в руках, как свою клиентелу. Другие общества—кооперативы; они
же субсидируются или же тысячью способов связаны с префектами
министерствами. Фабрикация таких кооперативов процветает осо-
енно в Романье и в Эмилии, где много народу кормится ими в ка-
естве посредников, консультантов, счетоводов и секретарей. Этому
емеслу предался теперь Коста, который постоянно бегает по пре-
ектам и министрам; без него он никогда не сделался бы депутатом
г Имолы, особенно теперь, когда уничтожена баллотировка целыми
писками. Без этого ремесла в палате депутатов не было бы Аньини
Маффеи, известных консультантов по рабочим делам, особенно
горого, который основал в Риме „Momento" на субсидии от Римско-
о Банка, затем обанкротился и бросил в критическую минуту на-
орщиков и сотрудников. Существует затем небольшое число обществ
опротивления, которым изредка удается руководить стачкой. Напо-
ледок идут действительно политические кружки из рабочих, или
еспубликанцев, из социалистов или анархистов, и среди них встре-
аются люди, удивительные по своему закалу, характеру, воле, по
нстинкту самопожертвования. Они прирожденные трибуны и ораторы.

Когда созывается конгресс, этому меньшинству, подразделяю-

щемуся на противников участия в выборах и политиков, всегда удается взять верх, особенно, если есть кто-нибудь, у кого в кармане имеется десяток резолюций, которые нужно провести. Другие смотрят на дело, как на загородную прогулку, как на спорт, как на парламентскую забаву, и довольные тем, что сказали кое-что приятное этим шельмам буржуа, возвращаются домой, чтобы ничего не делать, так как ни к чему не подготовлены.

Так, 5-й рабочий конгресс, собравшийся в Болонье в 1888 году, наскоро проголосовал, с целью содействия коммунальным выборам, такую массу вопросов в течение одного дня, какую никогда не могла поместить на своих столбцах ни одна французская или бельгийская газета того времени. В самом деле, это был момент расширения избирательного права и многие рабочие и социалисты входили в коммунальные советы, особенно в Романье и Эмилии, раздавая, подобно коммунарам из комедии, смехотворные обещания; а потом они были изгнаны почти отовсюду с двойным обвинением в неспособности ничего осуществить на практике, и это обвинение идет от самих рабочих и с другим, еще более тяжким,—что они погубили общественное дело из-за соображений фаворитизма, как это было доказано в Луго, Фаенце и Равенне.

При таком положении вещей, борьба между противниками легальности и сторонниками ее не на столько безразлична, имеет не только внешнее значение и не так случайна, как то подчеркивал столько раз Якоби в „Vorwärts". Якоби естественно смотрит на вещи через очки немецкого цвета. Он, может быть, не знает, что в Италии голоса покупаются или на собственные деньги, или на деньги государства. И никто не сумел бы ничего ответить на такие возражения противников легальности: каким образом Коста четыре раза проходил депутатом от Равенны, в выборной коллегии которой на четырех депутатов избирателей-социалистов по точному подсчету приходилось только 1500, тогда так, чтобы победить их, нужно было по меньшей мере 6000? Каким образом в Реджио-Эмилии, где нет и тени политической рабочей организации, социалист Прамполини прошел депутатом только потому, что граф Корбелли Феррари, бывший сторонником герцога и бывший офицер австрийских улан, сделался его товарищем и истратил на выборы самую малость—60 тысяч лир?

Вот в чем сущность вопроса, который оставил нерешенным Миланский конгресс, и для решения которого недостаточно прочесть ни прошлую готскую программу, ни будущую—эрфуртскую.

Обещаю вам в течение долгого времени не докучать своими письмами, но пока, прежде чем окончить это письмо, мне хочется сказать, что я чувствую сильное желание лично повидаться с вами, и что это желание рано или поздно я должен удовлетворить.

С сердечным уважением

Преданный вам **А. Лабриола.**

IX.

Рим, 9 ноября 1891 г.

Милостивый Государь.

Очень благодарен Вам за присланный мне в подарок экземпляр о издания „Ursprung der Familie". Эта драгоценная книжечка, ая, под скромной внешностью длинной рецензии на работу Мор- содержит настоящую сокровищницу сведений и мыслей, в истек- году служила мне спутником во второй части моих лекций „о риалистическом понимании истории", когда я пытался дать ные случаи ее приложения. Послезавтра я начинаю курс названием: „До-история семьи, собственности и государства", и книга является ко мне в добрый час, желанная и нужная. Наш ьный год продолжается от ноября до июля без разделения на тры.

Быть может, позже я резюмирую в брошюре сущность идей, из- нных в прошлом моем курсе. Он продолжался около 70 часов и ся для аудитории интернационального состава. Но мне скучно сразу дело с тысячью предметов, а кроме того, я по природе склонен говорить, чем писать. Я начал свою карьеру с книги крате, которую очень хвалил Цетлер, и я всегда остаюсь немного ком Сократа в своих склонностях.

Можно было предполагать, что моей академической деятельно- грожает в этом году некоторое ограничение. И в самом деле, ому материальному ущербу, был уничтожен один институт, ко- й обычно состоял при моей кафедре. Казалось также, что я не ен больше читать по „философии истории". Умеренные газеты али нити, связующие мои лекции с 1-м мая (от племени проке- о Амилькара Чиприани!). Но на этот раз дело еще сошло. Те- правительство при всяком случае и с увлечением подчеркивает вь ко всему французскому; быть может, кое-кто из радикалов т в министерство, и многое будет покрыто пеплом забвения. рхия еще не целиком переварила Гарибальди и плебисцит.

В последнем своем письме, за которое я приношу вам живую дарность, вы намекнули на то, что хотите прислать мне экзем- оригинального издания „Манифеста". Если бы Вы как-нибудь мнили об этом, я был бы очень признателен. Кроме этого изда- являющегося столь драгоценным подарком на память, мне очень ось бы обладать автографом Маркса, если есть такой, который редставляет никакого исторического значения и с которым вам ыло бы неприятно расстаться.

Позже мне нужна будет Ваша помощь и Ваш совет относительно манного мною плана популяризации идей научного социализма. анные брошюры еще не выходят в Милане. Я откровенно сказал ти, просившему меня написать к ним предисловия, что для ических брошюр Маркса—Энгельса комментариев не требуется.

Из посылаемых мною номеров „Tribuna", Вы увидите, как проводился процесс 1-го мая, теперь приостановленный. Намерение вывести полицию на чистую воду почти осуществилось. Если бы судебные прения продолжались, оказалось бы, что некоторые из свидетелей со стороны полиции дают противоречащие друг другу показания. Но защитники слишком неистовствовали, одни из тщеславия, другие из-за мании величия. Из агентов-провокаторов один уже в Тунисе, другой уехал в Бразилию. Теперь все начнется с начала, с новым составом судей; и в то же время протекают два встречных процесса: один обвиняемых против суда, по поводу подделки протокола, а другой —суда против нескольких адвокатов, по поводу оскорбления, нанесенного свидетелям. Это уже предел анархии.

Думаю, что я исполнил, насколько мог, свой долг, чтобы кто-нибудь впоследствии вспомнил об этом и удивился вместе с Данте, „каким хитрецом был дьявол".

Благодарю Вас за разъяснения, содержащиеся в Вашем последнем письме. Ваши слова я воспринимаю, как трогательные советы. Я глубоко убежден, что германские рабочие начнут новый исторический период. Так писали итальянские социалисты конгрессу в Галле.

Не считайте меня нетерпеливым, порывистым и страстным. Для того, чтобы в Италии социализм народился и развивался, нужно много условий, которые теперь отсутствуют. И поэтому прекрасно, когда понятие социализма, по крайней мере, не подвергается фальсификации. А, с другой стороны, я хорошо помню, что падению Интернационала в 1872 году не мало способствовало итальянское вранье.

С сердечным уважением
Ваш А. Лабриола.

X.

Рим, 30 ноября 1891.

Милостивый государь.

Прочтите в посылаемых мною номерах „Tribuna" наивные телеграммы о гнусных происшествиях в Массане. Палата молчит, она даже захотела молчать, снимая вопрос, поднятый Имбриани. Бывают моменты, когда даже франк-масоны радикализма чувствуют необходимость набросить вуаль на мерзости буржуазии и милитаризма.

Вопрос о безработных вступил в новую фазу („Tribuna", № 328). Они перешли к предъявлению легальных требований депутатам. В Генуе приостановлен отъезд в Бразилию 20.000 эмигрантов, которые должны были работать там на массу предпринимателей. Они прильют теперь внутрь страны.

Вчера здесь случилось довольно серьозное происшествие. Двум уже закончившимся конгрессам в пользу мира народные общества противопоставили третий, направление которого заключалось в борьбе не со внешними проявлениями, а с причинами войны. Дезор-

изованные процессом 1-го мая, социалисты снова набрались неко-
рого мужества. Но вчера („Tribuna“, № 330) социалистическая ре-
оция, предложенная типографом Верльди, была отвергнута после
и мадзинианца Фратти в защиту индивидуальной собствен-
сти. Здесь выступило мифическое чудовище ирредентски-республ-
анско-социального патриотизма, в котором ни публика, ни газеты
его не понимают.

Великий Мастер еще и теперь через своих смиренных учеников
еделывает игру, какую сам создал на первом предварительном
здании Интернационала.

Чрезвычайно размножаются во всех углах Италии анархические
жки, издающие летучие листки самого свирепого содержания про-
всего и против всех. В них содержится большая доля оскорбле-
і и по адресу германских социалистов. Все это протекает среди
елой бессознательности итальянской буржуазии.

А Россия? Придет катастрофический момент, без которого с ми-
тивого позволения всех глупцов эволюционизма à la Спенсер,
иего не случается в истории.

Мне кажется, из двухсмысленных заявлений Кальноки о папстве
кно видеть, что Австрия, если она, пользуясь затруднениями Рос-
і, двинется на Салоники, не захочет создавать себе затруднений
ругой стороны.

С сердечным уважением **А. Лабриола.**

XI.

Рим, четверг 15 февраля 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Сейчас получил „Die Heilige Familie“. Да будет она благосло-
нна! Она прибыла в отличном состоянии, и в таком же виде я
шлю ее обратно между 10 и 15 марта.

Как смогу я отблагодарить Вас? Не пишу больше ни о чем. Вы
жны теперь заботиться о Вашем здоровии.

Италия в самом деле входит в эпоху исторического кризиса.

Процесс Пинто-Шове.

Ваш **А. Лабриола.**

XII.

Рим, 14 марта 1894.
Corso V.-E. 251.

Дорогой Энгельс!

Завтра 15-го, ровно через месяц, я отправляю обратно застрахо-
нной железнодорожной посылкой „Heilige Familie“, возвращаю ее
кой же целой и невредимой, как она пришла ко мне. Я был бо-
н сильной инфлюэнцой; много дней меня лихорадило. Несмотря на
», я извлек, списал и перевел все, что мне нужно.

Жалко оторваться от этой книги. Мне нужно иметь ее самому. Позволю себе дать Вам совет: закажите анастатическое издание ее, как это было сделано с „Evangelium des armen Sünders“ Вейтлинга. Таким путем были бы прекращены разговоры о трудностях настоящего, нового издания, предполагающего или обширное предисловие, или длинный комментарий,— вещь также необходимая для немцев нового поколения. С анастатическим же изданием — qui potest capere, capiat!

Я прочел, понял и изведал всю прелесть книги. Понять ее смогут почти все, но изведать всю ее прелесть, как я — пока немногие.

В Неаполе, среди частных лиц в 1840 – 1860 г.г., и затем публично в университете в 1860—1875 г.г. имело место возрождение гегельянства. Бравый Тари (человек, впрочем, гениальный) дедуцировал музыкальные инструменты и купол Св. Петра и конструировал романы Бальзака. Серьезный популяризатор Вера оставил много книг и много учеников. Жив и теперь почти мой сверстник Мариано, который учит еще в Неаполе крайне правому гегельянству. Спавента (наиболее выдающийся среди них, о других я умалчиваю) чудесно писал о диалектике, снова открыл Бруно и Кампанеллу, очертил полезную и практически ценную даже теперь роль Вико и самостоятельно открыл (в 1861 г.!) связь между Гегелем и Дарвином.

В такой среде я родился. В 19 лет я написал памфлет против Целлера за возврат к Канту (вступительная лекция в Гейдельберге). Вся гегельянская и после-гегельянская литература была нам хорошо знакома. Теперь эти книги вышли из моды и их можно найти только или на аукционах у антикваров, или у букинистов.

В 1866—1868 г.г. я изучал Фейербаха, а затем пошла Тюбингенская школа — ich habe, leider, auch Theologie studiert!

Все это кончилось, потому что наша страна представляет собой как бы яму для отбросов истории. Теперь господствует позитивистский demi-monde.

Может быть — даже наверно — я сделался коммунистом вследствие своего здорового гегельянского воспитания, после того, как прошел через психологию Гербарта и Völkerpsychologie Штейнталя и др.

Поэтому, читая „Heilige Familie“, я довольно легко оказался в том психологическом положении, в каком были Вы, когда писали ее. Радостно пишу я эти слова, чтобы заявить о том, чего не было в действительности, но что казалось существующим.

Прошу Вас запастись немного терпением и прочесть прилагаемый здесь отрывок из „Critica sociale“, публикуемый с позволения начальства и под неизбежной эгидой Германии. Правительство уже не знает, каким образом продолжать преследования, потому что оно не находит больше рабочих, которые, по мнению „Critica“, спрятались! А дальше будут рассуждать о том, чтобы создать партию из одних только социалистов, без рабочих — одним словом, жаркое (ragout)

одного луку, стих из одних цезур, бакунианство без Бакунина. тайто и удивлятесь! И за это посылают в тюрьмы столько бедных дей, или создают себе столько мнимых мучеников? Читаете ли Вы eipziger Volkszeitung"?

Ваш **А. Лабриола.**

XIII.

Рим, 7 апреля 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Здесь находится проф. Зомбарт (из Бреславля). Он был напран ко мне Бебелем с тем, чтобы я снабдил его некоторыми сведеями. Он, кажется, хочет писать книгу об итальянском рабочем двиинн. Книга выйдет через два или три года. Я дал ему указания, но как и в дальнейшем буду давать их ему путем переписки.

Но о делах партии (скажем так) я не говорил с ним вовсе. зять г. Шенера, римского корреспондента „Münchener Nachrichten" ругих газет ejusdem farinae. Просил аудиенции и интервью у всех, ючая Криспи и генерала Гейша; поэтому я предоставил ему сау набираться впечатлений и самостоятельно переварить их.

Он восторженный поклонник камер труда, особенно миланской, деется, что они вызовут подражание в Германии. Он считает, развитие капитализма будет быстрым в Верхней Италии, но у нет большой веры в прочность итальянского социализма. По его нию, написать хорошую книгу об итальянском движении может ко немец—что правдоподобно. С того времени, как некий Энгельс сал такую книгу о положении английских рабочих, путь прон для всех.

Социалист ли Зомбарт? Он хорошо знает Маркса, что было видно го статей против Вольфа. Но мне он показал себя в качестве архиста: он убежден, что у монархии еще есть какой-то сольный Beruf, о котором вот уже пятьдесят лет так скучно говов Пруссии. Я прервал разговор шутками. Зомбарт убежден, что рмании нужно покончить с революционными фразами: не прибе- другим определениям, это означает старый припев государвенного социализма.

Партия, именно потому, что она партия, а не секта, не мотказаться от содействия таких сил,—я имею в виду Германию. е она оказалась бы, в конце концов, без науки и без интеллекного вооружения. Теперь выступит на сцену много Зомбартов, еред 1878 годом. Это—необходимость, но в этом и опасность.

I не прав? Тем лучше, если не прав.

Доктор Карпелес просил у меня Ваш адрес, чтобы послать Вам книгу. Он социал-демократ, но, по семейным обстоятельствам, е не может ничего сделать. В самом скором времени он поедет дон.

Переиздадите ли Вы Вашу книгу „Der deutsche Bauernkrieg“? В книжном магазине „Vorwärts“ ее уже нет.

У меня здесь экземпляр, данный мне Штекком (Берн), который я должен отослать обратно. Есть ли она у Вас?

Возможно, что в библиотеке партии в Берлине существует полный экземпляр „Neue Rheinische Zeitung“ (1848—49) и „Neue Rheinische politisch-ökonomische Revue“ (1850 г.). Не оказалось ли бы возможным предоставить его мне на два или три месяца?

Об итальянских делах ничего не пишу Вам. Они говорят сами за себя.

На этих днях я написал и посылаю в газеты протест против утверждения, будто в Сицилии имеет место международный заговор:—это теперь, когда в Палермо начинается большой процесс против де-Феличе, Боско и товарищей! Чтобы свести все к наименьшим размерам, как и есть на самом деле (какое-то мое письмо, несколько сот лир, несколько газетных статей, какая-то благодарность Боско и пр.), я рискнул: 1) рассеять иллюзию, не всегда бесполезную и не всегда поверхностную, будто существует Интернационал (имя существительное с прописного „И“, 2) ухудшить положение де-Феличе, который мог болтать лишнее.

Посылаю Вам последний номер „Critica Sociale“. Если не окажется для Вас неудобным, прошу Вас вернуть его мне. Хочу его сохранить.

На стр. 100 в нем содержится ложь du Vaudeville.

Ваш **А. Лабриола.**

XIV.

Рим, 13 июня 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Разрешите мне одно философское замечание. Вы вновь издаете „Анти-Дюринг“. Хорошо знаю эту книгу, потому что постоянно пользуюсь ею. У меня всегда под рукою много печатной бумаги, но я всегда изучал лишь несколько книг, чтобы сохранить здоровым свой мозг. И вот так за последние годы мною усвоены Ваши работы и сочинения Маркса. Итак, буду говорить, как бы получив Ваше согласие.

Вы употребляете, как антитетические термины слова: метод диалектический и метод метафизический. Здесь, в Италии, чтобы сказать то же самое, я должен вместо д и а л е к т и ч е с к о г о говорить о г е н е т и ч е с к о м методе. Слово „диалектика“ в общем употреблении выродилось в риторическое и адвокатское искусство: одним словом, в Scheinbeweiskunst.

Здесь больше ничего не известно о гегельянской традиции. Но, при настоящем положении философской культуры в Германии, Вам кажется, что будет ясным, очевидным, убедительным и исчерпываю-

цим наименование метода диалектическим, чтобы определить то, что Вы хотите определить, т.-е. форму мышления, которая постигает вещи не постольку, поскольку они пребывают (factum—устойчивый вид—категория и т. д.), но поскольку они становятся, и что вследствие того она сама, подобно мысли, должна быть в состоянии движения?

Я полагал бы, что обозначение генетическая концепция кажется более ясным и, конечно, более понятным, потому что обнимает реальное содержание вещей, которые становятся, как логически нормальная способность понимать их становящимися. Словом „диалектика" выражается только формальная сторона (для Гегеля, как идеолога, представляющая собой все). А говоря генетическая концепция мы охватываем и дарвинизм, и материалистическое понимание истории и всякое иное истолкование вещей, которые становятся закрепляются, и изменяют свое положение. Я хочу сказать, что выражение „генетический метод" еще не предрешает эмпирической природы каждого частного образования,—чего не понимают те, кто придает расширенное толкование дарвинизму, и почитатели великого евнуха—Спенсера. Что касается другого термина антитезы, т.-е. метафизического метода, то я понимаю, как трудно найти выражение более приемлемое, но данный термин тем не менее недостаточен. Прежде всего не следует смешивать себя с г. Контом, создателем басни о метафизической эпохе, которой никогда не существовало. Не спорю о случайно вкравшемся слове; сам Аристотель от него, быть может, отказался бы в своих исследованиях, которые были названы так кем-то другим. Но не следует считать правым этого кретина—г. Спенсера, когда он, создавая, сам не зная того, скверную метафизику (первые принципы!), будучи гегельянцем, вернее псевдогегельянцем без гениальности, и изобретателем метафор, выдаваемых им за понятия, квакает против метафизики. И вот теперь, позитивизм überall grassiert и кричит против метафизики, не в нашем ее понимании, не как против анти-диалектики, пре-эмпирики, экстра-эмпирики и мета-эмпирики, но для того, чтобы бороться со всяческим усилием мысли, которое направилось бы на установление связи и единства в разнообразии наблюдений.

Слово „метафизика" не всегда означало одно и то же, т.-е.—постижение неподвижных и неизменных вещей (характерная форма Вольфианской мысли, ограничивающей себя вещью и ее свойствами). Напр., Гербарт называл метафизикой совокупность исследований, путем которых он, между прочим, разлагает и категории на психические образования; отрицая особые способности души, он открыл путь настоящей науке к генетической психологии.

Кроме того, слово Wissenschaft имеет для нас более интимный, более сложный, более органический смысл, чем знаменитая Science позитивистов.

Итак,—скажете Вы,—вопрос о словах! Совершенно верно. Потому, но потому, что я думаю так, как Вы, и даже усвоил себе Ваш

способ мышления, я чувствую, насколько трудно быть здесь понятным без того, чтобы меня не смешали с другими, которые как будто говорят то же самое. Затем, в качестве профессора, мне приходится разговаривать с коллегами и студентами, и на мне лежит обязанность просматривать много плохих книг. В настоящее время, под предлогом их антиметафизики, Дарвин, позитивизм, Спенсер, социология, социализм и т. д. и т. д. —все это в полуобразованных головах читателей журналов становится одним и тем же.

„Вы подумайте: человек, который позволяет себе цитировать Аристотеля,"—так рассуждал один писатель из „Critica Sociale". „Долой иезуитов, значит—долой латынь!" —так кричали неаполитанские студенты в 1860 г. Впрочем, я пишу письмо, а не научное исследование, и в этих беглых замечаниях, пожалуйста, смотрите не на самые слова, а на то, что подразумевается.

Еще одно краткое замечание: Вы совершенно верно говорите, что философия, как нечто самодовлеющее, кроме логики и диалектики (что означает учение о формах познания), обречена на исчезновение. Однако не в противоположность Вашему утверждению, а чтобы дополнить его, следует отметить две вещи:

1) Это происходит только тогда, когда наука достигла такой ступени зрелости, что в состоянии элиминировать одностороннее философское исследование. Например, совершенное познание законов, присущих социально-историческому процессу, устраняет одностороннее исследование, называемое философией права (которая, впрочем, имела со времени Гроция и до Канта, параллельно развитию экономики, великое революционное значение). Таков случай и с „Капиталом" Маркса.

2) Под именем логики и диалектики естественно понимать всю специальную методику частных наук, другими словами—формальное знание акта и процесса познавания и мышления в любом отношении с опытом и наблюдением.

В этом, впрочем, всегда и заключалась подлинная роль философии, остальное, т.-е. путаница систем, зависело: а) или от незрелости эмпирического знания (Греция), b) или от внедрения теологии (Средние века), с) или от беспорядочности в занятиях философов переходного периода (Возрождение и XVIII век), d) или же от влияния эстетико-религиозных идеалов вненаучного характера (напр., Шеллинг и отчасти Гегель) и т. д., и т. д.

Появление социализма устраняет все причины, затемнявшие в о б щ е с т в е н н о м с о з н а н и и человека ценность науки (или знания), и поэтому нам теперь известно, чем была философия, чем она больше не должна быть, и какими скромными пределами ей следует впредь ограничиться.

Извините за эту непрошенную беседу.

Всегда Ваш А. Лабриола.

P. S. Теперь совсем о другом. Крик „да здравствует де-Феличе!“ ит от одного конца Италии до другого. Он и другие осужден- з Сицилии выставляются в знак протеста кандидатами во мно- городах Италии на ближайших дополнительных муниципальных рах.

Из Милана сделано предложение, чтобы пять депутатов-социа- в сложили свои полномочия с целью провести, под знаком про- пять агитационных кампаний. Депутаты отказались. Против нского приказа возражали многие секции, о чем могу судить по лу ряду секций, Эры, Справедливости, Народа, представители ых приходят ко мне.

Был кроме того приказ, чтобы сицилийцев выставили кандида- во всех городах Италии. Но в Милане не выставляют ни одного ийца; хотя бы одного выдвинули при стольких Пьокки, Биньями

XV

Кастелламаре, 11 августа 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Одна дама, очень хорошо знающая дела Вальденской церкви ное местопребывание в Риме), но не ханжа, пишет мне: „Досто-) то, что раньше, чем он сделался пастором, П., неизвестно за о провинность, отбыл тюремное заключение; затем он переменил имя, так что теперешнее его имя—не настоящее. В этом одна ичин, почему его отпустили. Но если Вы хотите узнать ю суть дела, вам следует написать доктору В. К. Лаадельсу о Siccardi, 51, Турин), который принял его на службу, будучи ен в заблуждение П., а затем отпустил, узнав его подлин- историю“.

Одно лицо, не являющееся ни студентом, ни журналистом, ни катом, пишет мне из Турина: „Я знал в Турине П. прошлой й, во время сицилийских беспорядков; я не смог бы утверждать, его не было на острове, когда волнения начинались. Но я не ю, чтобы он когда-нибудь говорил мне об этом: обстоятельство льно странное, если он там пострадал. Не знаю, что сделал он Сицилии, кроме четырех или пяти стихотворений, которые выпу- отдельной брошюрой; может быть, ее будут продавать в пользу радавших. Пока он жил в Турине, я считал его за отличного века и даже сделал ему визит за день до его отъезда. То, что отерял место из-за своей социалистической пропаганды,—верно; дел устанавливающие это документы. Но впоследствии я узнал, то отъезд из Турина был бегством, что он оставил в городе ные долги и что он повредил таким образом и своим друзьям, ым не прислал более ни гроша. Приходил ко мне среди других ш содержатель гостиницы, его интимный друг, просивший у

меня его парижский адрес. Он рассказал, что пострадал из-за него на несколько сот лир, и сообщил мне и о других подобных подвигах шантажиста. Я написал в Париж, но он не ответил".

Ожидаю еще ответов из Турина, Генуи, Рима и Палермо. Если там окажется что-либо значительное, сообщу Вам.

Мой туринский знакомый разоблачает в вышеприведенном отрывке свою наивность. Если бы я должен был составить список всех добрых друзей, которые забирали у меня деньги, то мне понадобился бы длинный протокол с подразделением: итальянцы, а затем не-итальянцы.

Кстати: я никогда больше не слыхал, что, в конце концов, сделали с деньгами, собранными для Сицилии. Знаю лишь, что у адвоката... в Палермо имеется на руках 5 тысяч лир, и он из-за всеобщей путаницы не знает, как их распределить; а в это время дочь де-Феличе в позорной форме просит о помощи и защите.

То, что Вы говорите в юмористическом тоне об итальянских шарлатанах, с точки зрения ученого, верно. Но представьте, какое большое удовольствие находиться среди них, быть бессильным найти защиту против их влияния и подвергаться риску сойти за одного из них. Единственное преимущество этой страны над другими в абсолютной прозрачности. Последний сотрудник „Messagiero" пишет с ясностью венецианского посла эпохи Возрождения. Теперь в Италии осуществится на деле то, что с первого взгляда кажется абсурдным: совершенная очевидность разложения сделает более легким быстрые преобразования. И это случится не как результат предварительной работы партий или школ, но так, как происходили великие перевороты с XI и до XIII века.

Теперь совсем об ином. Если Вы взглянете на № 14 „Critica Sociale", Вы увидите, что один совсем еще неопытный мальчик (Р. Сольди) позволил себе напечатать критическую головомойку Лориа по поводу критики, которую тот направляет против Маркса. Приходит № 15 и оказывается написанным в честь и во славу нашего друга Лориа—как всегда, изобретателя материалистического истолкования истории, и с соответствующим анонсом о ближайших апологетических и контр-критических статьях и т. д.

Если уж говорить всю правду, Лориа во всем этом решительно не при чем. На протяжении трех тысяч страниц, которые он до сего времени напечатал, он всегда сражался против социализма и, по меньшей мере, триста раз называл Маркса софистом, мистификатором и т. д. Лориа—не политический деятель, у него нет никакой популярности, он не говорит для большой публики, не пользуется никаким влиянием, и в качестве профессора он имеет только одно значительное достоинство—нежелание читать лекции. Его сочинения мало читаются, так как они неудобочитаемы, и, как человек, он не пользуется уважением: наоборот! Эту claque создали ему—и недобросовестно—невежествующие монахи социализма, а он приспосо-

бился к ней, потому что, говорил он мне, „великие люди (sic!), например, Бисмарк, обращают внимание на свои идеи, а не на своих последователей". И это было в ответ на мой вопрос: „как вы терпите, чтобы социалисты называли вас социалистом, если вы не являетесь им?".

Еще о другом. При данном положении вещей в Италии мне кажется, что социалисты поступили бы правильно, если бы смягчили свою полемику против радикалов. Особенно это важно в Милане, где, при наличии демократического большинства, муниципалитет будет в самом скором времени распущен. Вопрос здесь совсем не в идейной близости, а в здравом смысле. Кроме того, мне кажется благоразумным отсрочить национальный конгресс (в Имоле). Если бы на нем получили преобладание сторонники легальности, вроде Ферри, он оказался бы, в конце концов, смехотворным. Если бы он был слишком ярким, он явился бы несчастьем. А кроме того, там может народиться раскол, на него могут даже подстрекать. Отсрочка не принесет вреда. Поскольку не существует готовой программы, какую можно было бы поставить на обсуждение и т. д., и т. д. Из Милана мне отвечают, что я в высокой степени прав. В первой части, однако... но... и т. д. Что касается второй, то они будут рады найти предлог, чтобы не созывать конгресса; таким образом, по крайней мере, деньги, которые должны быть израсходованы на поездки, смогут пойти в Центральную Кассу!

Скажем же, в конце концов: да здравствует сбережение денег!

А теперь уже не о постороннем. Обращаюсь к Вашему письму от 31-го числа. Когда я говорю „генетический", я, главным образом, имею в виду I том „Капитала". В плоскости метода мышления нет ничего столь совершенного. Совершенна не какая-либо отдельная форма, но все формы вообще. Конкретный генезис (напр., английское накопление); абстрактный генезис (анализ товара и пр.); противоречие, побуждающее выйти из круга понятия или факта (например, формула Д—Т—Д') и т. д., и т. д. Трудность читать Маркса заключается именно в его форме мышления. Голые результаты, изложенные популярно à la Девиль и Каутский, кажутся почти общеизвестными. Я не игнорирую то злоупотребление, часто глупое, которому подвергается в немецкой речи слово „генетический". Но колоссальное немецкое бумагомарательство сделало незначительными и поверхностными массу и других слов (Idee, Ideal, Beziehung, Verhältniss, Apperception)! И чего только не творят с диалектикой гегельянцев.

Die sprachvergleichende Logik – не только необходимая дисциплина (в зародыше она дана уже у Гербарта и затем в развитом виде у Штейнталя, однако всегда с некоторым остатком идеологической фантасмагории), но и ключ к тому, чтобы отыскать причины или происхождение всех метафизических отклонений мысли. Это ясно видно у Платона, который является отцом метафизики. Едва лишь понятие было случайно определено (Сократом), как функция конкретного рассуждения, оно тотчас превращается (sprachlich) в

ипостась самого себя. И это повторяется вплоть до эволюции Спенсора, которая представляет уже не сокращенное выражение конкретных процессов (клетчатка, ткань, растение, рак, собственность, государство и т. д.), но нечто существующее само по себе (нечто платоническое), целиком слагающееся из абстракций (однородное, разнородное, ассимиляция, дифференциация и т. д.).

А пока до свидания.

Ваш **А. Лабриола.**

XVI.

6 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Получил. Благодарю также и за Сганареля и Дулькамару. Мы одного и того же мнения. Эта обетованная земля классических шарлатанов. В самом деле, накануне Великой Революции Италия подарила истории Казанову и Калиостро. Досадно то, что мне будет трудно найти итальянский журнал, который захотел бы воспроизвести в хорошей прозе превосходные удары бичом, наносимые г. Дулькамаре; если только я не захочу прибегнуть к „Rivista Internazionale di scienze sociale“, редактируемому монсиньором Таламо (будущий кардинал) и субсидируемому непосредственно папой (единственный журнал в Италии (!), который говорит о социальном движении с некоторой объективностью!).

Социалистическая партия не отзовется на палочные удары, доставшиеся Лориа, потому что после затеянного правительством убийства она хорошо запомнит юбилей 14 марта.

Сердечная благодарность Зорге и поклон г-же Луизе.

Всегда Ваш **А. Лабриола.**

P. S. Об Италии ничего не пишу Вам. Все само собой понятно.

Вместо того даю Вам суммарное изложение результатов моих исследований о генезисе новейшего социализма:

A. Я уже вполне постиг, в чем заключается разница между античным, средневековым и новейшим коммунизмом. Понимаю происхождение буржуазии из ее протоплазмы (итальянских коммун). Поставил на свои места, в зависимости от того, каково их значение, старых утопистов (Мора и др.). Ясно вижу основное содержание предшественников коммунизма (Мелье, Мабли, Морелли и др.) в тех же самых эгалитарных предпосылках освободительной и либеральной доктрины. Овладел общей картиной французской революции. Мне ясна идеологическая реакция Оуэна, Фурье и Сен-Симона. Присутствую при зарождении марксизма, и все сомнения насчет материалистического понимания истории от меня отошли.

B. Мне еще не ясны причины поражения чартизма и последующая остановка в развитии английского социализма. Еще не разбираюсь с необходимой точностью в игре школ и партий во Франции

1830—1848 г.г. С недостаточной ясностью охватываю картину немецкого коммунизма до-марксистского периода.

С. Что касается настоящего, я не понимаю бессилия социализма во Франции; и я очень сомневаюсь (после Цюриха), чтобы в современном социализме, кроме незрелых элементов, не существовало еще и много бессознательных реакционеров.

Мне понадобился бы целый год для беседы с Вами: лишь Вы один или обладаете знанием, или в состоянии направить на путь, где его можно получить.

XVII.

11 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Быть может, 15-го числа этого месяца неаполитанский журнал „Rassegna“ напечатает перевод Вашего Vorrede к III тому „Капитала“. Так, по крайней мере, мне обещал собственник этого журнала, г. Э. Капуано, а у меня есть основания ждать от него любезного отношения. Январский выпуск вполне приличен; ввиду этого, чтобы привлечь новых подписчиков, его напечатают на тысячу экземпляров больше. Вчера Мартиньетти (рекомендованный мною для этого г. Капуано) прислал мне для просмотра перевод, который я отчасти исправил, поскольку это о к а з а л о с ь д л я м е н я в о з м о ж н ы м. Вы знаете, что переводить М.—д е л о т р у д н о е. Во всяком случае, я надеюсь, что он выйдет, по крайней мере, приличным и правильным

Ваш **А. Лабриола.**

NB. Я полагаю, что „Klüngel—диалектическая форма от Klingel (конечно, ничего общего не имеет с Klünkern). Я даже вспоминаю, что видел заглавие диалектических стихов „Kölsche Scheldereie“, часть IV—„Der Kölsche Klüngel“.

XVIII.

13 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс

Поздравляю г-жу Фрейбергер. Вы также будете рады крику новорожденной.

Мне пишут, что Лориа ответит на III том „Капитала“ в „Riforma sociale“, которую издает Нитти (Турин, Ру) в № от 25 числа этого месяца. Так как он не может свершить чуда и прочесть еще не опубликованный том, то ответ, быть может, будет относиться к Вашему Vorrede, возможно, сообщенному ему Кулешовой. Он собирается защищаться. Он способен конструировать III-й том a priori. Кто такой этот Нитти—Вы знаете: два года назад он высмеял бедного Мартиньетти; был редактором полицейского „Mattino“ (Неаполь); руководит теперь журналом для всех; не жалея времени, занимается ремеслом сочув-

ствующего социализму, а кроме того представляет собой доверенное лицо министров, префектов и комиссаров полиции; после сицилийских событий он объявляет „Critica Sociale“ органом разрушения и революции, вслед за чем Турати, чтобы собрать толпу, хвалил его и ласкал и льстил ему, что, впрочем, он делал и со многими другими, например, со знаменитым Ваккаро, личным секретарем Криспи и автором положения о ссылке. (О, восхитительный „Vorwärts“, как вам весело!)

Хорош Чиприани. У него гарибальдийская натура, и поэтому с ним нельзя рассуждать. При стольких своих перипетиях, он вступал в отношения с таким множеством негодяев, что больше уже не различает их ясно. Затем, будучи человеком мужественным, он, естественно, далек от того, чтобы не доверять людям. Когда он сидел здесь, в тюрьме, за события 1-го мая 1891 г., и я построил ту систему защиты, которая привела к открытию шпионов Палли и Массари (сознавшихся затем комиссару полиции), он писал из тюрьмы в защиту Палли на основании только того факта, что Палли жил за границей с Малатестой, а последний, в свою очередь, не ведая о том что случилось в Риме (конспираторы всегда априористы!), рекомендовал мне Палли через Агнессу Генри. Поэтому предупредить Чиприани является делом человеколюбия. Чтобы убедить его, ему следует сообщить, что Мерлино был предан в Неаполе полиции (в январе этого года) студентом университета (horresco referens) Ландольфи, заработавшим таким образом 1500 лир. Ни одна газета не писала об этом. Затем последовали жалобы инспектора Сессы, который из награды в 2000 лир получил только 500. Большой вопросительный знак представляет собой некий Луиджи или Феличе Н., а в действительности Никола Джильотти. Может оказаться, что он в каких-то отношениях с международной полицией, служба которой была организована между Римом и Парижем в июле—августе.

Маленькая поправка к предыдущей заметке. Лавка épicier на High-Street, 112, Islington, в действительности содержится Дефелли (из Мантуи), а не Ричардом, у которого другой магазин на Grafton Street, W. E.

Сейчас в Лондоне некто Орест Боффино, бежавший отсюда в августе, когда начался процесс Аквачетозы, завершившийся комическим образом. Суд осудил двух агентов провокаторов, Клари и Феличе, и оправдал всех остальных. Теперь оправданные упорно говорят, что третьим шпионом был Боффино, во-время убежавший. У меня отсутствует непосредственное знание дела, потому что уже с 2 часов пополудни 1 мая 1891 г. моей ноги не бывало больше ни на одном собрании, и потому что летом я не был в Риме. Достоверно то, что этот Боффино бежал из Рима, унося с собой часы одного друга; в Милане он заставил выдать себе 50 лир, в Лугано заставил себя одеть, в Цюрихе явился от моего имени к Маурицио, который дал ему на расходы на две недели и собрал 70 лир, чтобы он

убежать в Лондон. До июля я часто видел этого Боффино, и он гда мне казался ничем иным, как несчастным declassé, бедным ом и великим невеждой. Его отец был мелким собственником в монте, мелким торговцем в Генуе и теперь живет здесь крайне но. Пока он имел средства, он давал воспитание старшему сыну, берто, юноше больших дарований. Умберто умер два года назад и авил отца и младшего брата на мое попечение: я должен был ать им рекомендации... и пособия. Этот Орест испробовал все пун кончил тем, что выбрал себе путь безделья. Последние месяцы жил, просто выпрашивая лиры... у товарищей, так как сделался иалистом... на итальянский лад, записавшись в римскую секцию этии работников... (читай:) анархистов вроде Аквачетозы, где по іным того времени... на 250 членов не было и 20 рабочих. (Теперь, да эта секция, подобно другим, находится под судом, на 27 обвимых приходится девять адвокатов и не знаю сколько студентов.) перь товарищи заявляют, что Боффино был в секции ради слежки, іако этого до июля месяца мне никогда не говорили. Верно то, он был в Цюрихе во время конгресса: я не знаю, что он там іал; однако он всегда сопровождал меня... может быть, чтобы подать за мой счет. Но полиция не могла думать о том, чтобы сдеь из него шпиона... потому что он слишком туп. Быть может, он іялся лишь жалким несчастливцем, и больше ничего, и убежал Рима, чтобы ускользнуть от гнева одного супруга, именно редака покойного „Анно", который, выйдя в июне из тюрьмы, нашел, Боффино пытался соблазнить его жену или подругу.

Среди этих-то элементов нам и приходится жить... милосердми к преступлению, как сказала бы знаменитая жертва социазма, проф. Ферри (о, наивный „Vorwärts"!).

Если бы во вторник (11-го) не дошло до парламента письмо олитти, правительство имело бы громадное большинство; особенно интерпелляциях по внутренней политике, а также по запросу соалистов, которые, впрочем, признают исключительный закон я других. Финансовый доклад не произвел плохого впечатлеі. Поэтому нельзя было терять времени, и крайняя левая ошо сделала, что подталкивала Джолитти и помогала ему. В сьме не все,—конечно, нет. Несомненно, не окажется векселя на тыс. лир, от наследного принца, причины стольких бедвий. Вероятно, Лине Криспи не придется тратить в один только он в Карлсбаде 250 тыс. лир. Может быть, однако, окажется, что ером 20 декабря 1892 г. (первая интерпелляция Колайяни) Таурго отблагодарил Криспи, а последний 29 числа уплатил 25 ты: лир. И тогда Лина написала: „Дорогой Таулонго, за то, что сдеЧиччо, это слишком мало".

Кроткий и чудесный Римский Банк, и я тебе благодарен, потому , хотя ты уже и мертв, ты все еще моя опора (не знаю, ясно ли я ражаюсь).

Поэтому-то наши социалисты и внушают мне жалость. Они позволили из **страха** вырвать у себя оружие нападения, какое является единственным оружием защиты.

Миланская камера труда созывает — rein ökonomisch — конгресс с относительным Ньокки „Critica Sociale" и „Lotta di Classe": **великое отступление**. Правительство, между тем, сделалось mürbe. Последовали освобождения в Терни, Римини, Генуе, Форли. Провинциальная комиссия освободила Бадалони. Суды (апелляционные) объявили себя некомпетентными в деле Аньини и Прамполини. Миланский процесс, который должен был явиться первым и главным, едва ли состоится. Большая часть социалистов (буржуазных) предпочитает, чтобы за них поручились и чтобы их считали социологами и идеологами. Браво! Немецкие газеты медлительны и запаздывают: „Leipziger" пришлось напечатать 29 ноября статью, в которой было охарактеризовано положение, изменившееся уже 10 октября.

У Вас оказывается время и любопытство для всего, так прочтите „Präformation oder Epigenese" О. Гертвига, 1894 г. Иена, Фишер.

Ваш **А. Лабриола.**

XIX.

Рим, 18 декабря 1894 г.

Дорогой Энгельс!

Сейчас, в 11 ч. утра, получил оба тома целыми и невредимыми. У меня нет слов, достаточных для того, чтобы отблагодарить Вас за подарок. Постараюсь скорее изучить это произведение, которое, дополняя мысль Маркса, останется вечным документом Вашей братской любви к нему, так как вы сумели извлечь из подобных отрывков нечто последовательное, стройное и удобочитаемое.

Из последнего номера „Critica Sociale" (№ 24) Вы увидите, какие моральные и интеллектуальные последствия вызвала Ваша предупредительность по отношению к г-же Кулешовой, когда Вы послали ей предисловие с Вашей критикой Лориа. Из-за этого „Cr. Soc." превратилась в официальный орган Лориа [1]. Последний, впрочем, заслужил того, чтобы сделаться центром внимания в журнале, представляющем рекламный листок старьевщиков (Trödler), как увидите собственными глазами.

Вы воздадите мне справедливость: я никогда не обманывался относительно таких бездельников, похитителей идей и программ и более или менее неудачливых интриганов; и **не будем больше говорить об этом**.

Мое пожелание на новый год — IV том „Капитала".

А. Лабриола.

1) См. стр. [illegible] 380.

XX.

Рим, 30 мая 1895 г.

Дорогой Энгельс!

Доктор Грюнвальд, бывший в течение многих лет корреспондентом „Frankfurter Zeitung" в Риме, теперь, то же в качестве корреспондента, переехал в Лондон. Он искренний демократ, симпатизирует социалистам, хорошо знает Италию и по своему характеру и по остроте своего ума, заслуживает полного доверия. Он оказал много услуг делу демократии и подвергался большим гонениям со стороны Криспи. В деле с Римским Банком он был чрезвычайно полезен и очень осторожен. Он хочет повидаться с Вами и явится к Вам с моей рекомендацией. Прошу Вас принять его. Он желает ориентироваться в английском социалистическом движении и в прочем. При случае он может быть полезен. С ним можно быть относительно откровенным, так как он не простой журналист-профессионал.

Не буду затруднять Вас описанием итальянских дел. Они говорят сами за себя. Если они не всегда кажутся такими в немецкой прессе, это зависит от того факта, что не во всех странах думают прозой, как итальянцы. И какой прозой!

В середине наступающего месяца я напечатаю первый выпуск (введение) из серии очерков „О материалистическом понимании истории". Сделаю попытку трактовать этот вопрос, изучавшийся мною в течение восьми лет, или хотя бы часть его в ряде брошюр (здесь никто не читает книг).

Всегда Ваш **А. Лабриола.**

XXI.

25 июня 1895 г.

Дорогой Мартиньетти.

Извините меня. Запоздал с ответом Вам. Вы хотели знать, почему „Rassegna" не напечатала Вашего перевода статьи Шмидта. Но я сам ничего об этом не знаю. Капуано дал мне формальное обещание. Думаю, что „Rassegna" погибает. Она появилась на свет со времени графа Джуссо, когда Капуано представлял собой сельско-хозяйственный кредит Неаполитанского Банка. Я полагаю, что теперь наполовину разорился и он. Некоторое время назад, чтобы поддержать „Rassegna", он прислал мне подписных бланков на акции... на 200 лир, на что я счел нужным не отвечать.

Знаю Капуано так же, как знаю массу людей, потому что он сын одного, приятель другого. Но, конечно, не знаю его в политическом отношении. Было настоящим чудом то, что он напечатал Ваш перевод предисловия Энгельса. К тому же я больше не могу теперь настаивать.

Ни один из социалистических, социальных, социалистоподобных и социологических журналов,—я просматриваю их все, не занимался

Вашим переводом. Здесь сейчас наши депутаты со своей свитой и приближенными, и нет ни одного, кто признался бы, что прочел этот перевод—никто даже и не знает о нем ничего, и кажется, что почта, которая все задерживает, доставляет себе удовольствие уничтожать невинную „Rassegna". Поэтому я и просил Вас выслать ее снова кое-кому, что Вы и сделали: благодарю Вас за это.

Я уже примирился с чувством бессилия. Но Вы прекрасно понимаете, что такое примирение не доставляет мне удовольствия. Бессилие унизительно со всех точек зрения.

История с Лориа была непристойной проказой; но, конечно, она — не изолированный случай; потому что так течет вся наша итальянская жизнь.

Если сочтете нужным, пошлите это письмо Энгельсу. Мне не хочется ему докучать.

Как Вы поживаете? Надеюсь, что хорошо.

Ваш всегда **А. Лабриола.**

XXII.

Рим, 27 июня 1895 г.

Дорогой Энгельс!

Я писал Вам, что около 15-го пошлю Вам свое сочинение. Но типографии всегда таковы—не держат своего слова.

Посылаю Вам сорок уже напечатанных страниц. Я хотел выпустить книгу в свет около 15—20-го числа одновременно с выходом перевода, отчасти уже напечатанного в „Devenir Social".

Этот перевод—мною не просмотренный — имеет отличный от текста к о л о р и т и содержит 5 или 6 довольно значительных ошибок.

Прошу Вас пожертвовать двумя или тремя часами своего времени, чтобы прочесть мою маленькую работу (в ней всего 87 страниц) по и т а л ь я н с к о м у тексту.

Н а с т р о е н и е, с каким я пишу, делает это желательным для меня. Это сочинение—как бы мысленная беседа с Вами.

Кроме того, имеется соображение практического характера. Эта работа заключает в себе изложение массы вопросов, которые я буду рассматривать в отдельных брошюрах, на расстоянии 2 или 3 месяцев каждый раз. Поэтому я нуждаюсь в Вашем ободрении и, если понадобится, в Ваших п о п р а в к а х.

Надеюсь, что Вы здоровы и что Ваше молчание не вызвано никакими неприятными мотивами.

Всегда Ваш **А. Лабриола.**

Письма А. Лабриолы к Р. Фишеру.

I.

Рим, 9-го апреля 1891 г.
Corso V.-Emanuele, 251.

Дорогой друг!

Дай мне, пожалуйста, следующие справки:

Имеются ли в партийной библиотеке такие издания:

1) „Vorwärts"—парижская газета, Париж 1844 г.

2) „Neue Rheinische Zeitung", Кельн 1848—49 г.

3) „Neue Rheinische politisch-ökonomische Revue", Лондон и Гамбург 1850 г.?

И в том случае, если в партийной библиотеке эти издания имеются, не могу ли я получить их на 3—4 месяца?

Или их следует искать в Берлинской национальной библиотеке?

Я уже давно и с великим старанием ищу эти газеты и некоторые другие издания и книги. За некоторые я платил очень дорого, как, например, за „Deutsch-französische Jahrbücher"—45 марок, „Misère de la Philosophie"—18 марок, Штибера и Вермута—30 марок. Другие же книги, как „Heilige Familie" Маркса и Энгельса, я получил только для прочтения.

Затем, где я могу найти „Neue Zeit", 1-й год издания (1883), 2-й (1884), 4-й (1886), которых мне недостает? В издательстве „Vorwärts" уже нет больше обеих брошюр Энгельса и Бебеля о крестьянской войне. Скоро ли появятся они в новом издании? Скажи, пожалуйста, Бебелю, что я говорил с проф. Зомбартом. Он получил от меня нужные ему сведения. Я подразумеваю сведения в более широком значении слова, так как я знаю, что проф. Зомбарт, хотя и склоняется к социализму, все же не состоит в партии.

С сердечным приветом **А. Лабриола.**

II.

Рим, 22 апреля 1891 г.
Corso V. Emanuele, 251.

Дорогой друг!

Прими мою горячую благодарность. Я очень охотно возьму два тома „N. Zeit", I (83 г.) и II (84 г.), по назначенной цене в 9 и 8 марок. Будь так добр, вышли оба тома—при посредстве фирмы Путткаммер и Мюльбрехт—книгопродавцу Лешеру и К-о. Я получаю все книги и прочие печатные произведения через магазин Лешера, так как считаю очень удобным в конце каждого семестра платить по округленному счету.

Если бы было возможно получить IV (1886) том „Neue Zeit" и две брошюры Энгельса и Бебеля о крестьянской войне из вторых

рук или у антиквария, я был бы за это очень благодарен. Что касается повышенной цены на них, то я полагаюсь в этом на тебя.

Теперь о главном. Если мне приходится искать „Neue Rheinische Zeitung" и другие подобного рода редкие издания, то это не увлечение коллекционера или ученая причуда. Уж много лет я делаю попытку трактовать здесь, в университете, социализм, как обычный предмет преподавания. Так, например, в 1890—91 учебном году (здесь у нас нет семестров, и академический год продолжается без перерыва с 15-го октября по 15-е июля, включая сюда и экзамены) я разбирал „Коммунистический Манифест" в качестве введения в материалистическое понимание истории. С октября же 1892 г. я установил твердый учебный план под названием „Генезис современного социализма". Каждый год я буду трактовать целое бегло и компилятивно и в то же время буду у г л у б л я т ь ту или иную часть путем изучения документов и к р и т и ч е с к о г о разбора. Так, в 1892—93 г. я специально занимался ф р а н ц у з с к о й р е в о л ю ц и е й и ч а р т и з м о м, а в этом году я занимаюсь, главным образом, развитием марксизма и Интернационалом.

Научная работа велика, но трудность находить книги еще больше. О здешних частных и публичных библиотеках думать не приходится. Итальянские партийные товарищи знают только брошюры „Critica Sociale" и самое большее „Revue Socialiste".

Я должен покупать многие тысячи книг и брошюр, и многое мне совсем не удается найти, несмотря на повторные объявления в „Биржевом листке" и других библиографических изданиях.

В целом мои лекции никогда впоследствии не станут содержанием книги. Это превышает силы отдельного человека, если только не писать поверхностных компиляций à la Малон. Но некоторые отрывки из целой истории я предполагаю трактовать в форме книги. В первую очередь—„Генезис Коммунистического манифеста". Это и практично. Общее социальное положение Италии, если отвлечься от препятствующих и конкурирующих политических факторов, стоит еще ниже того социального уровня, который принимается в качестве предпосылки в „Коммунистическом Манифесте". Мы должны теоретически и практически пройти снова весь путь развития, так как мы н е ш л и в н о г у с другими народами.

Для такой историко-критической обработки „Коммунистического Манифеста" мне недостает еще некоторых вспомогательных средств. Поэтому я еще раз прошу одолжить мне на-время нужные издания. Без „Neue Rheinische Zeitung" (Кельн 1848—1849) я могу пока обойтись. Но я настоятельно прошу прислать мне „Neue Rheinische ökonomisch-politische Revue" (Лондон и Гамбург 1850 г.). Оно мне безусловно необходимо. Пересылки опасаться не следует. Недавно я пользовался экземпляром „Heilige Familie" (товарища Зорге) и затем выслал его обратно з а с т р а х о в а н н о й посылкой, ценой в 500 франков. От-

а непрерывно посылаются в Германию немецким профессорам рукописи и редкие книги. Правительство заботится об этом.

Прости, что пишу так длинно. Я хотел объяснить, по какой причине я не могу не докучать тебе.

Твой **А. Лабриола.**

III.

Рим 25 мая 1896 г.
Corso, Vittorio-Emanuele, 251.

Дорогой друг.

Только что (в 2 ч. пополудни, в понедельник) я получил в самом лучшем состоянии три застрахованных почтовых посылки. Я тотчас просмотрел экземпляр „Neue Rheinische Zeitung“ и констатировал, что все в порядке. Как тебе, конечно, известно, в этом экземпляре не достает главного листа в № 112, как это и отмечено на ярлыке переплета.

От всей души и горячо благодарю тебя. Я уже потерял было надежду, что смогу когда-нибудь основательно перечитать „N. Rh. Zeitung“.

Будь так добр и скажи мне, заинтересован ли партийный архив в том, чтобы я указал срок для возвращения газеты?

Когда я обратился 29 марта с просьбой к Шиппелю, я рассчитывал получить газету к 20 апреля, и так как она мне нужна по меньшей мере на два месяца, то я обещал послать ее обратно к 20 июня. Сегодня 25 мая. Я мог бы выслать газету обратно приблизительно в конце июня. Но мне нужно было бы задержать ее еще несколько дней, так как в конце июня и начале июля у нас (в университете) происходят экзамены.

Еще раз благодарю и шлю дружеский привет.

Твой товарищ **А. Лабриола.**

IV.

Porto d'Ischia (Неаполь).
7 августа 1896 г.

Дорогой друг!

У меня давно уже имеется „Господин Фогт“ и „Deutsch-französische Jahrbücher“ (заплачено сорок восемь и сорок пять марок!!).

„Neue Rheinische Zeitung“ и „Neue Rheinische Revue“ (Лондон 1850) являются единственными годными для использования редкостями социалистической литературы, которых мне не достает. При их наличии я мог бы работать дома так же, как если бы я был в специальной партийной библиотеке.

Позволю себе дать тебе совет. Я знаю, что на „N. Rh. Zeit.“ существует очень большой спрос. Об этом мне писали многие торговцы редкими книгами. Мне известно также, что полных экземпляров

нельзя найти почти ни в одной публичной библиотеке. Например, экземпляр Британского музея не полон.

При таких обстоятельствах, по моему мнению, вовсе не было бы непрактичным предприятием, если бы издательство „Vorwärts" нашло возможным выпустить новое издание в анастатической репродукции. Я недавно видел сообщение о том, как один итальянский профессор дал напечатать свою книгу анастатическим способом именно в Германии, и цена за лист оказалась действительно невысокой.

Держу пари, что как только издательство „Vorwärts" сообщит о перепечатании, оно получит большое количество заказов. Издание будет, конечно, рекламировано во всех партийных газетах. Даже в Риме я почти могу поручиться за пять экземпляров.

Для того, чтобы сбыт был легче, было бы хорошо выпускать Monatshefte постепенно, так, чтобы подписчики получили все издание только в течение 8—10 месяцев.

Я произвел калькуляцию только на 100 экземпляров (это минимум при анастатическом воспроизведении), и я уверен, что не только были бы покрыты расходы, но и оказалась бы сверх того небольшая прибыль.

Подумай-ка об этом. Я считаю, что „Neue Rheinische Zeitung" еще для многих очень поучительна.

В ближайшем времени у Жнара и Бриэра появится французский перевод моего очерка „Об историческом материализме", посланного тебе в свое время; перевод выйдет в одном томе с более ранним очерком „К юбилею Коммунистического Манифеста".

С самым горячим дружеским приветом

Твой **А. Лабриола**

V.

9 августа 1896 г.

Дорогой друг!

В конце этого месяца я пошлю „N. Rh. Zeitung" обратно. Теперь одна просьба. Мне настоятельно необходимо приобрести „N. Rh. Zeit.", тем более, что в ближайшем академическом году (1896—97) я буду заниматься революционной эпохой 1848—1850 г.г. Я ищу ее повсюду. Можешь ли ты помочь мне? Несколько месяцев назад один экземпляр предлагал Лоренц (Лейпциг) за сорок марок. Я заказал его по телеграфу. Он был уже продан. Я готов заплатить наличными двойную цену.

С горячим дружественным приветом

Твой **Ант. Лабриола.**

VI.

18 авг. 1896 г.

Дорогой друг!

Поздравляю тебя по поводу твоей речи, т.-е. твоего отчета на Лондонском конгрессе (прочел в „Vorwärts“). Что касается Англии— о всем согласен. Тред-юнионы суть то, что они суть, т.-е. то, чем они сделались исторически (после крушения чартизма и старого Интернационала). Но английские социалисты... сектанты, а их дух и приемы затрудняют обращение тред-юнионистов.

Твой **А. Лабриола.**

VII.

28 августа 1896 г.
Porto d'Ischia (Неаполь).

Дорогой друг.

Неприятный курьез. „Critica Sociale“ (№ 16 от 16 августа) говорит (в статье на 4 столбцах, написанной Турати по поводу Лондонского конгресса), что итальянская социалистическая партия *не* была представлена в Лондоне; что явившиеся в Лондон итальянцы не были избраны *ни* конгрессом (во Флоренции), *ни* национальным советом, *ни* секциями партии; что это были господа, у которых в кармане нашлось достаточно денег, чтобы совершить поездку в Лондон, и что большинство из них—анархисты.

Мой привет.

Твой **А. Лабриола.**

VIII.

Порто д'Искья, 19 сентября 1896 г.
(Адрес в Риме с 1 октября, Corso Vittorio-Emanuele, 251

Дорогой Фишер!

Сегодня утром отправлена отсюда „Neue Rheinische Zeitung“. Три почтовых посылки, застрахованных в общей сложности в 900 франк.

Я отправил бы газету раньше, но здешний (единственный) почтовый чиновник ничего не знал о подобных отправлениях. Он должен был написать в Неаполь. У него отсутствовали необходимые сопроводительные бланки и ярлыки для наклейки. На этих блаженных островах знают только лимоны, апельсины и отличное вино.

Я не могу обойтись без „Neue Rheinische“. Если ты найдешь случай предложить мне экземпляр этой газеты, напиши немедленно. Я буду тебе всю жизнь благодарен.

Я охотно заплачу даже высокую цену.

Будь так добр, передай мою благодарность Шиппелю. Я забыл его адрес.

Твой **Ант. Лабриола.**

Учение Гегеля о „действительности“.

„Без Гегеля, конечно, обойтись невозможно, но при том нужно время, чтобы его переварить“.

Энгельс, письмо к К. Шмидту 1/XI—91 г.

„Группа редакторов и сотрудников журнала „Под Знаменем Марксизма“ должна быть на мой взгляд своего рода „обществом материалистических друзей Гегелевской диалектики“.

Ленин, „О значении воинствующего материализма“, „Под Знаменем Марксизма“, № 3 за 1922 г.

В наше время, время бурной практической борьбы, философия, а вместе с ней и Гегель находятся в загоне. Своеобразный нигилизм, свойственный всякому революционному классу, проявляющийся подчас в огульном отрицании старой культуры, подчас в быте, особенно молодежи, и т. д., находит свое высшее упрощенное выражение в том теоретическом и практическом походе на философию, свидетелями которого мы являемся.

Одни с великолепным презрением отменяют ее, другие, отвечая кратковременным запросам нашей эпохи, ее упрощают и извращают; третьи, наконец, с величайшим благодушием и снисходительностью оставляют за философией историю мировоззрений. Но глубоко ошибается тот, кто на основании этих поверхностных и недолговременных явлений вынес бы окончательный приговор философии. Как раз у нас, в стране, в которой у власти стоит пролетариат, происходит небывалая по размаху и глубине разработка марксизма. В нашей стране марксизм изучают не десятки и сотни в вынужденные и тяжелые досуги тюрьмы и ссылки, а десятки тысяч в учебных и ученых государственных учреждениях. Опыт революционной борьбы заменил с успехом пролетариату кропотливую работу дореволюционных пропагандистских кружков и сократил его путь к овладению марксизмом. Только безнадежно-слепой человек не видит, что молекулярная работа, происходящая в наших вузах, кружках и школах готовит новую эру в марксизме. Мы говорим новую эру, потому что дело не только в том, что у нас будут десятки и сотни тысяч грамотных марксистов,—изучение и обобщение огромного опыта нашей революции, разработка марксизма и его источников в стране победившего пролетариата обозначают и новое продвижение марксизма. Речь идет, конечно, не о ревизии. Мы показали на практике, что мы являемся единственными ортодоксальными последовательными марксистами. Речь идет об углублении марксизма и об овладении им всей совокупностью современного знания.

Расцвет марксизма означает, конечно, и расцвет марксистской философии. Наше нигилистическое отношение к марксистской философии является не только теоретической, но и политической ошибкой.

кто лучше нас не знает, как тесно связана теория с практикой. вместе с тем мы отдаем десятки тысяч рабочих в жертву буржуазной философии. Разве мы не знаем, что наши спецы в учебных заведениях всеми силами контрабандой прививают учащимся буржуазные философские идеи? А что мы этому противопоставляем?

Или ничего, или гомеопатические дозы да и не марксистской философии, а некоей философской кашицы.

Подобный философский либерализм, правильней — хвостизм, отдает фактически дело философского воспитания наших вузовцев в руки буржуазных идеологов.

Нужно предвидеть, что тысячи, десятки тысяч рабфаковцев, стремящихся в кратчайший срок, хотя бы ценой упрощения, овладеть выводами марксизма, потребуют, по мере совершения первоначального накопления положительных знаний, философского обоснования этих выводов, ибо „мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания" [1]).

К этой борьбе нас может подготовить только Гегель.

Наша работа и является попыткой разобраться в учении Гегеля о действительности", излагаемом им во 3-ей книге „Науки логики", в непосредственной связи с марксизмом.

1. Гносеология (теория познания).

Такая попытка представляет свои специфические трудности. Дело в том, что сама „Наука логики" Гегеля находится, может быть вопреки собственной воле его, в двух плоскостях. С точки зрения развития его системы, „Н. Л." является непосредственным продолжением „Феноменологии духа".

В наше время находятся многие, которые с превеликим торжеством провозглашают, как последнее слово марксизма, снятие гносеологической проблемы. Несмотря на некоторые замечания Плеханова и Ленина, включающие гносеологическую проблему в систему марксизма, разоблачение ее является, по нашему мнению, шагом вперед в области марксистской философии.

Однако этот переворот в понимании философии был произведен еще сто лет назад Гегелем, именно его „Феноменологией духа".

Вся предшествующая ему философия билась в безысходных противоречиях и тщетно пыталась разрешить вопрос об отношении мышления к бытию. Несмотря на все различие систем, начиная от Локка и кончая Кантом, у всех у них был общий коренной пункт. Они брали окаменевший момент исторического процесса познавания, разлагали его на элементы и из этих элементов пытались объяснить и конструировать отношение мышления к бытию.

Поток знания абсолютен только как процесс, состоящий из относительных моментов. Если на рынке цена представляет по отношению к стоимости и моментов, то ни один исследователь, который абсолютизировал бы $\frac{1}{n}$-ый момент, не понял бы закона цены. Ослепленный одним моментом действительности, он не понял бы никогда абсолютной действительности, которая представляет собой единство многих моментов. Ему ничего не оставалось бы сделать, как вытащить из кар-

---

[1]) Ленин, О значении воинствующего материализма.

мапа догматические предрассудки своей среды, чтобы провозгласить их научным результатом исследования. Таково проявления всемирно-исторического фетишизма в области науки.

Таким фетишем всякого классового общества, в частности капиталистического, за исключением тех исторических моментов, когда буржуазия представляет собой фокус общественной революции, является религиозное мышление, т.-е. расщепление действительности на имманентную общественной практике, лежащую в ее пределах, и трансцендентную, лежащую вне пределов общественной практики, непознаваемую. Непознанный закон общественных отношений объявляется принципиально потусторонним и персонифицируется в боге и чорте. В философии этот всеобщий религиозный фетишизм находит свое специфическое выражение в постановке гносеологической проблемы: „Как возможно знание", „Как возможно единство бытия и мышления?".

Уже в самой постановке вопроса кроется противоречие. Знание есть демонстрация единства мышления и бытия. Поставить вопрос об этом единстве может только тот класс, который в своем духовном багаже имеет до исследования догмат о расщеплении действительности.

Разве Гегель не дал всеобщий ключ к раскрытию фетишизма в гносеологической проблеме своим замечанием:

„Они пошли так же далеко, как Пилат, римский проконсул, который, услышавши из уст Христа слово: истина, спросил его „что есть истина?", как человек, который решил этот вопрос и не сомневается, что знание истины невозможно".

Отдельный момент знания относителен, но то, что сегодня относительно, приближается завтра к абсолютному. Логический анализ гносеологической проблемы вполне подтверждает предыдущее.

Если решать вопрос об абсолютности знания анализом отдельных элементов его, порочный круг неизбежен.

Сомнение является методологическим началом всех систем, предшествовавших Гегелю, но только Юм остался до конца верен ему. Поэтому результатом его исследования был скептицизм. С большим правом, нежели Кант, он может быть назван отцом критической философии. Результат анализа элементов знания логически всегда предрешен исходным пунктом.

Гегель первый из философов нового времени разрешил этот вопрос. Он показал единство мышления и бытия как процесс всемирно-исторической действительности. В коллективной общественной деятельности это единство осуществляется. В результате его „Феноменологии духа" это единство из единства в себе стало единством для себя, т.-е. осознанным. Этим он не только разрешил гносеологическую проблему, но и снял ее. Знаменитый тезис Маркса: „Вопрос о том, способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности,—вовсе не теоретический, а практический вопрос. Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т.-е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений. Спор же о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос",—является выводом из „Феноменологии духа".

Философия превратилась у Гегеля в общую методологию, в науку об общих законах действительности, каковой и является „Н.Л.".

2. Место „Науки логики" в системе Гегеля.

Считается установленным, что сам Гегель впал в противоречие определении места, которое „Н. Л." занимает в его системе. Нам жется, что мы имеем дело не с логическим противоречием, но с вумя разными аспектами. В системе знания „Н. Л.", конечно, следует за „Феноменологией духа". В „Ф. Д." Гегель подводит итоги сему предшествующему развитию философии и только после этой аботы приступает к изложению своей философии в „Н. Л.". Результатом „Ф. Д." является установление единства бытия и мышления, этот результат делается, в свою очередь, исходным пунктом „Н. Л.". го настолько ясно указывается самим Гегелем, что особо доказывать эт никакой необходимости. Но, с другой стороны, путь „Н. Л." является у Гегеля становлением самого обезличенного господа-бога, бсолютного духа. Этот вневременный (ибо абсолютный дух пребывает, конечно, вне времени и пространства) онтологический акт в истеме метафизики является, конечно, предпосылкой „Ф. Д.". Если азделить познавательную и метафизическую точку зрения, то никакого противоречия не получается. Но Гегель был глашатаем абсолютного духа, правильнее, им самим. Противоречие получилось из о стремления отождествить путь возникновения конкретного, т.-е. йствительности, в знании с метафизическим путем возникновения амой абсолютной действительности.

„Конкретное потому конкретно, что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении но выступает как процесс соединения, как результат, но не как ходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного зерцания и представления. Если идти первым путем, то полное едставление испарится до степени абстрактного определения при тором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конретного путем мышления. Гегель поэтому поддается иллюзии, что реальное следует понимать как результат эсходящего к внутреннему единству (des sich in sich sammenfassenden), в себя углубляющегося и из себя азвивающегося мышления, между тем как метод восождения от абстрактного к конкретному есть лишь юсоб, при помощи которого мышление усваивает эбе конкретное, воспроизводит его духовно, как конретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного" [1]).

3. Расщепление пути „Н. Л.".

Процесс познания категорий действительности является у Геля также и процессом их осуществления в действительности. Если и Гегель стремился дать только положительную часть, систему законов действительности, он, может быть, достиг бы совпадения категорий знания с категориями действительности на всем протяжении оей „Н. Л.". Однако он стремится вместить в развитие категорий кже и критику философских систем. Поэтому подчас категории ания в своем развитии искусственно выводятся на пути, на которые

[1]) Маркс, Введение к Критике политической экономии, стр. 25

объективная действительность и не вступает. В таких случаях путь „Н. Л.“ расщепляется. Категории, оставляя почву действительности, движутся в исторической сфере науки о знании. Совершив там свою разрушительную работу, они снова сливаются в своем шествии с абсолютным миром.

Это расщепление пути логического понятия чрезвычайно важно для попыток строить марксистскую логику на базе гегелевской. Все три книги „Н. Л.“ имеют в своей архитектуре следующее формальное тождество: каждая состоит из трех отделов; категория первого отдела переходит в категорию второго, и затем обе отменяются и синтезируются в категории третьего отдела.

„Логика“ изображает путь „Бытия“, „Качество“ которого нашло в „Количестве“ свою „Меру“; „Сущность“ этого „Мерного Бытия“ обрела в своем „Явлении“ свою „Действительность“; „Понятие“ этой „Явленной Сущности Мерного Бытия“, самоопределяясь, опустилась от неопределенной „Всеобщности“ к слиянию с „Единичностью“, выстрадало себе через „Перворазделы“ спекулятивное „Слияние“ и развернуло на этом пути свою „органическую“ природу, в которой „идеальное“ совпадает с „реальным“; так сложилась „Идея“, как тождество идеального и реального; „Идея“ есть реальная „Жизнь“, совпадающая с идеальным „Знанием“, т.-е. живая всеобъемлющая система смыслов, или „Истина“; живая, реальная „Истина“ есть, очевидно, верховное „Благо“, и совпадение их порождает последнее увенчание процесса—„Абсолютную Идею“ [1]).

Однако это формальное сходство движения категорий, стоившее огромного труда Гегелю и требующее огромного напряжения при его изучении, маскирует глубокие различия в переходах отдельных групп категорий.

В первой книге,—в „Бытии“,—категории: количество, качество и мера являются одновременно категориями знания и действительности. Хотя качество и количество отменяются в мере, они отменяются не как фикции резонирующего рассудка, но как метафизические сущности. Они сохраняют объективное существование как несамостоятельные моменты. Качество имеет объективное существование, но оно не может существовать вне количественного определения. То же самое о количестве: чистое количество это абстракция. В своем единстве, мере, оба момента содержатся и сохраняются полностью. Качество, количество и мера содержатся во всяком изменении.

Мы думаем, что было бы чрезвычайно целесообразно эту группу категорий диалектики назвать категориями изменения.

Категории качества и количества составляют уже завоеванные, неотъемлемые категории марксистской диалектики. Категория меры не отчеканена классиками марксизма, хотя они постоянно пользовались ею. В естествознании мера занимает такое же место, как количество и качество, т.-е. без нее естествознание немыслимо.

Наименьшее применение категория меры имела в общественных науках. Здесь перед нами один из тех путей, по которым должно пойти дальнейшее развитие марксизма.

Совсем другую картину представляют собой обе последующие книги „Н. Л.“. Ни категории рефлексии, ни категории явления не имеют объективного существования. В мере логический процесс отделяется от почвы действительности и на протяжении первых двух отделов „Сущности“ витает в сфере исторической критики рассудочной теории познания. Только в третьем отделе он опять возвращается

[1]) Ильин, Философия Гегеля, т. 1, стр. 195.

объективному миру. „Рефлексия“ и „Явления“ представляют собой ритику рассудочного восприятия мира, по преимуществу критику анта. Все значение этих отделов заключается в уничтожающей ритике этих категорий, в доказательстве того, что они не меют никакого объективного существования. Это уже категории действительности, но ложные категории познания. атегории „Рефлексии“ и „Явления“, синтезируясь в „Действительности“, отменяются в ней не только, как самостоятельные сущности, попросту как фикции [1].

Поэтому, во 2-й книге 1-ой части метафизический путь становления бсолютного отделяется от пути становления категорий знания. Категории знания покидают своего спутника в „Рефлексии“, чтоб, ыполнив свою частную задачу, воссоединиться с ним в „Действительности“.

Вот почему в диалектике марксизма нет и не может быть категорий сущности и явления (в кантовском смысле). Они не встречаются „Анти-Дюринге“; а еще более показательным является тот факт, то Маркс не привлекает этих понятий в 1-ой части III-го тома „Капитала“, где на первый взгляд они больше всего уместны.

В тех же случаях, где Маркс и Энгельс употребляют эти выражения [2]), они прибегают к ним, как к общепринятым понятиям, но не ак к познавательным категориям.

Мы приходим к выводу, что только в 3-ем отделе 2-ой книги егель возвращается к категориям объективного мира.

Если категории: количество, качество и мера имеет смысл назвать категориями изменения, то категории действительности следует азвать категориями отношения. Однако и в третьем отделе Гегель е сразу переходит к ним.

4. Абсолютное.

Гегеля можно сравнить с большой рекой, которая на своем ти впитывает в себя все ручьи и потоки действительности. Его илософия есть результат исторического развития человечества. оэтому он и не может ограничиться изложением своей системы, но лжен показать ее как завершение предыдущих. Прежде чем рейти к категориям „Действительности“, т. е. абсолютного бытия, переплавляет, как материал, как предмет производства, в доменной чи своего интеллекта понятия абсолютного, добытые предшественками. И, главным образом, он останавливается на Спинозе.

На первый взгляд может показаться, что в марксизме категории солютного, в том духе, как здесь трактует Гегель, вовсе не встреются.

Мы говорим об абсолютных истинах, но об абсолютном, как о ковом, — ничего. На самом же деле вопрос об абсолютном подымается нас, как вопрос о материи. В нашей борьбе с философскими врами, особенно из махистского лагеря, мы логикой спора вынуждены итти к определению материи.

„Вообще, самая слабая сторона того критерия, который т. Бельз считает достаточным для определения „материалистичности“ лософских взглядов, заключается в его смутности и расплывча-

---

[1]) Это не значит, конечно, что эти отделы являются пустыми страницами для марзма: и из них многое должно быть завоевано для нашей диалектики.

[2]) Напр., Энгельс в статье о „К кр. п. эк.“ Маркса

тости. Понятия „природы“ и „духа“ настолько неопределенны, их антитеза может быть принята в таких различных смыслах, что строить на таком базисе основную характеристику мировоззрения совершенно невозможно; или уж надо заранее дать ясные и точные определения обоих понятий, чего тов. Бельтов не дает и что чрезвычайно трудно выполнить в действительности“ [1]).

Однако Бельтов это определение дает: „В противоположность „духу“, „материей“ называется то, что, действуя на наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения“ [2]). Это определение является общепризнанным в марксистской литературе. Надо все же признать, что это определение материи, данное уже материалистами XVIII в., будучи само по себе верным, чересчур бедно и требует дополнений. Анализ абсолютного Гегелем указывает путь, которым мы должны идти для более полного определения матерйи.

Всякую попытку определения абсолютного в начале философствования Гегель считает безнадежной, ибо абсолютное это все, пучина, в которой исчезает всякое определение. Абсолютное не может быть определено, оно может быть только изложено. Процесс познания абсолютного, который происходит в „Н. Л.“, и есть самоизложение, деятельность абсолютного. Абсолютное есть деятельный разум, оно всегда в движении, поэтому застывшее определение не может его охватить. „В его истинном изображении это изложение есть достигнутое покуда целое логического движения бытия и сущности, содержание коего не выхвачено извне, как нечто данное и случайное, равным образом не погружено путем внешней ему рефлексии в пучину абсолютного, но определило себя в нем через свою внутреннюю необходимость, и, как собственное становление бытия, равно как рефлексия сущности, возвратилось в абсолютное, как в свое основание“ [3]).

Гегель кривит душой, он не хочет сознаться, то в „Н. Л.“ путь самого абсолютного не совпадает подчас с путем его познания. Мы не займемся словесной эквилибристикой, которой он пытается спасти положение. Для марксизма здесь ценен тот вывод, что определение абсолютного возможно и достигается только через процесс его познания.

Однако для марксизма становление познания и становление абсолютного совершенно различные вещи. Абсолютное для нас—данное, правильней—преданное (т.-е. существующее объективно до процесса познания и помимо него), и наш путь познания есть именно путь деятельной внешней рефлексии. Поэтому критика Гегелем Спинозы приобретает для нас огромное значение.

5. Спиноза и материализм.

Вопреки многим философам, даже марксистам, Гегель сквозь шелуху дедуктивно-рационалистического метода Спинозы ясно видит его эмпирико-материалистическое содержание. Хотя Спиноза начинает с абсолютного, Гегель утверждает, что, по существу, он начинает с модусов, с конечного, и от них постепенно восходит к абсолютному. Вся система Спинозы носит ярко эмпирический характер. Утверждая множество атрибутов, Спиноза в самом деле чисто эмпирически останавливается только на двух.

[1]) Богданов, Эмпириомонизм, кн. III, стр. XIII.
[2]) Бельтов, Кр. наш. критиков, стр. 233.
[3]) Гегель, „Н. Л.“, кн. 2, стр. 118.

Гегель принужден с явным сочувствием излагать деятельный ономерный и имманентный характер спинозовской субстанции. Вся критика направлена на один только пункт: „Спинозизм есть ому недостаточная философия, что в нем рефлексия и ее многоазное определение есть внешнее мышление. Субстанция в й системе есть одна субстанция, одна нераздельная полнота; такой определенности, которая не содержалась бы и не разрешаь бы в этом абсолютном... Определенность есть отрицае—таков абсолютный принцип спинозовой философии, этот истинt и простой взгляд обосновывает собой абсолютное единство субзции. Но Спиноза останавливается на отрицании, как определености или качестве: он не приходит к понятию его, как абсолюто, самоотрицающего отрицания; поэтому его субстання не содержит в себе самой абсолютной формы, и ее нание не есть имманентное познание. Правда, субстанция есть ›лютное единство мышления и бытия или протяжения: таким обрав ней содержится само мышление, но лишь в его единстве с тяжением, т.-е. не как отделяющее себя от протяжения, тем ым вообще не как определение и формирование, равно не как вращающееся в себя и начинающееся из самого себя движение. едствие того субстанция отчасти лишена принципа личности" [1].

Эти рассуждения должны быть разобраны с полной ясностью, они могут дать повод к неправильному пониманию точки зрения юго Гегеля. На первый взгляд возражения Гегеля позволяют ать, что сам он стоял на почве тождества мышления и бытия, его и рекомендует Плеханов в своих „Основных вопросах". В м же деле удар Гегеля направлен на примат бытия, протяжени над мышлением, который он своим гениальным умом разглядел стеме Спинозы (чего, кстати, не хотят или еще не умеют сделать торые из современных марксистов).

В системе Гегеля мышление является исходным пунктом. „В але бе слово". На известной ступени своего развития деятельный отчуждает себя в природу, чтоб затем в общественном самосоии вернуться после длинного пути опять к себе. Гегель вовсе трицает материальной природы, но считает ее продуктом духа. инозы же мышление есть не „возвращающееся в себя и начиеся из самого себя движение". Протяженность, бытие, является мышления данным, отчего и субстанция лишена характера личи, ибо личность есть самосознание.

Критика Гегеля убеждает нас в том, что Спинозовское понимасубстанции является не только диалектическим, но и материалиеским, и оно вполне приемлемо для марксизма. Нужно только себе труд отделить шелуху от ядра. Неверны также гегелевские ки, что субстанция Спинозы мертвенна и неподвижна. Его субция есть и субъект в марксистском понимании этого слова, ибо зсть causa sui (причина самой себя), она деятельна и исключает ую трансцендентность.

6. Определение материи.

Итак, категории бытия и сущности, которые предшествуют в Л.* категориям „действительности", показывают, определяют само ютное, но не вполне. Они моменты абсолютного; ему предстоит употребляя удачное выражение Ильина, выстрадать действи-

тельность, субъективность и объективность, излагаемые Гегелем в 3-ей книге „Н. Л.“, и найти только в идее свое полное конкретное выражение, как полното всех своих развитых моментов.

Таким образом определение абсолютного возможно только как результат философского исследования. Я думаю, что только так марксизм и может подойти к определению материи. Материя—это, переведенная на материалистический язык, гегелевская абсолютная идея (только не законченная, неокостеневшая), все,—а моменты ее определяющие:

1. Causa sui (мышление не есть causa sui, оно возникает в материи на определенной ступени развития; исследование этого вопроса, это—область естествознания).

2. Категории изменения: качество, количество, мера.

3. Категория отношения: бесконечная деятельность, осуществляющаяся в конечном; причинность, взаимодействие.

4. Бесконечное чувственное многообразие.

Мы ограничиваемся указанием моментов определения материи, не пытаясь в настоящее время сформулировать их в полное определение [1].

7. „Действительность“.

Вернемся к „Действительности“ Гегеля.

„Как такое несящее само себя движение изложения, как вид и способ, который есть свое абсолютное тождество с самим собой, обнаруживание не чего-либо внешнего, не противоположного другому, но лишь абсолютное проявление себя для себя самого, абсолютное есть действительность“ [2]).

Для нас совершенно ясно, что Гегель понимает под действительностью. Так как это понятие опосредовано у него критикой рассудочного понимания мира, то снятыми моментами его оказываются вещь в себе (сущность, основание и т. д.) и явление. Его основной задачей является уничтожение бледного кантовского призрака, вещи в себе. Поэтому он и напирает на действительность, как на единство внутреннего и внешнего.

Особый интерес приобретает для нас различение бытия и действительности. Являются ли и для марксизма „бытие“ и „действительность“ двумя различными категориями?

„Бытие еще не есть действительное; оно есть первая непосредственность“ [3]). Для него это имеет тот смысл, что качество есть первое непосредственно данное чувственному восприятию. Всякое знание начинается с качественного восприятия объекта. Но качество объективно, реально; не только для марксизма, но и для Гегеля. Почему же категории бытия резко отмежевываются Гегелем от категорий действительности?

Бытие есть качественное многообразие мира и законы его изменения. Здесь единство бытия, его нерасщепленность на имманентный и трансцендентный мир, господствует безраздельно, но господствует непосредственно. Единство является не результатом преодоления рассудочной точки зрения, но вопрос о нем наивно отсутствует:

[1]) Мы, конечно, не думаем, что исчерпали полностью все моменты определения материи. Нам важно лишь указать наш метод определения в противоположность гносеологическому, к которому под давлением борьбы с кантианством и махизмом прибегали Плеханов и Ленин.

[2]) Гегель, [illegible] стр. 121.

[3]) [illegible] 125.

его непосредственность не есть бытие в себе и для себя", оно еще о всемирно-историческом опыте не выстрадано. Поэтому необходимым езультатом его развития является вторжение рассудочной рефлексии переход в сущность [1]). И уже, как результат развития категорий ущности, единство восстанавливается в действительности, как опосредованное, как единство в себе и для себя.

Изложенный ход мысли Гегеля неоспорим, но только с точки рения историко-философской. Вспомним, что для Гегеля путь знания, злагаемый им в „Н. Л.", является одновременно и путем становления абсолютного духа. Поэтому для него каждая книга представляет звестную ступень в развитии не только знания, но и самой, абсолютной, т.-е. объективной, действительности.

С точки же зрения марксистской, т.-е. соответствия объективному миру, различение категорий бытия и действительности является ничем не оправдываемым удвоением объективности. Для Гегеля такое азделение было неизбежным результатом стремления отождествить уть знания объекта с путем становления его. Точка зрения, которая ожет дать ключ к социально-фетишизирующей философии Богданова, о неприемлемая для марксизма. Нам кажется, что для марксизма онятия: бытие, действительность, абсолютное — являются синонимными выражениями одной и той же категории.

Переходя к категориям отношений действительности, Гегель оворит, что раньше всего действительность есть бытие вообще, наличный факт, или, как это хорошо выразил Розенкранц: „...die geeine Wirklichkeit, mit welchem Ausdruck wir nicht einen Tadel, sonern nur die allgemeine Gleichheit aller Erscheinungen in der Aeusserchkeit ihres Daseins aussprechen wollen, als in welcher das Höchste nd Edelste als Inneres nicht weniger ein Aeusseres ist, als das Niedgste und Verworfenste, Jedes ist eine Thatsache und eine Thatsache t, wie Talleyrand sagte, brutal..." [2]).

8. Формальная возможность.

Но так как действительность не является кладбищем окостеневших фактов, но деятельностью, то в ней, помимо непосредственной аличной действительности, содержится действительность in potentia, озможность.

Так как деятельная действительность это деятельный разум, то твлеченно взятая возможность, вне связи со всей совокупностью аличных фактов, превращается в основной догмат докантовского ационализма; то, что возможно, что не противоречит себе в понятии, — возможно и в действительности. Вот на эту-то возможность,

[1]) Для более легкой ориентации читателя, незнакомого с „Наукой логики", мы дам ее структуру. „Н. Л." состоит из 3-х книг: 1-я часть „Объективная логика" — 2 книги, 2-я часть „Субъективная логика" — 1 книга. Каждая книга состоит из 3-х отделов. В каждом отделе говорится об одной категории. Переход одной категории в другую происходит не механически, но как необходимый результат логического развития категории. Точно так же происходит переход от одной книги к другой. Название 1-й книги „Учение о бытии". Это учение излагается в отделах: качество, количество, мера. 2-я книга „Учение о сущности": сущность, как рефлексия в ней самой, явление, действительность. 3-я книга называется — „Субъективная логика или учение о понятии", ее отделы: субъективность, объективность, идея.

[2]) Rosenkranz, Wissenschaft der logischen Idee, S. 432—433:

„... обычная действительность, что обозначает не упрек или принижение, но всеобщее равенство всех явлений в их внешнем существовании, так что внутреннее высочайшего и благороднейшего является таким же внешним бытием, как и низкое и презреннейшее; каждое явление есть факт, а факт, как сказал Талейран, груб..."

которую Гегель называет формальной, он обрушивает свою критику, напоминающую критику Канта в его „Versuch den Begriff der negativen Grössen in die Weltweisheit einzuführen“.

Возможность есть тождесловное отношение какого-либо содержания к самому себе без момента объективизации. Поэтому она является субъективной формой чего угодно: в смысле этой формальной возможности возможно все, что не противоречит себе; царство возможности есть поэтому бесконечное многообразие“ [1]). Но оно содержит также и противоречие. Если A = A, то — A = — A, т. е. если возможно многообразие со знаком +, то не менее возможно и многообразие со знаком —. Каждый предмет содержит не только многие, но и противоположные определения: зерно содержит в себе возможность быть стеблем, но в такой же степени и невозможность этого, ибо оно может превратиться и в муку. Таким образом формальная возможность оказывается, как это уже доказал и Кант, пустым тождесловием. „В самом деле возможность есть пустое и отвлеченное соотношение предмета к самому себе. Это то же самое, чем был внутренний элемент сущности [2])...

Розенкранц пробует доказать, что формальная возможность имеет положительное значение, она имеет даже способность сообщать людям огромную силу: узник может питаться надеждой на свободу, больной на выздоровление—формально их надеждам ничего не противоречит. Такое слюнтяйство, конечно, не имеет ничего общего с Гегелем, и для нас категория формальной возможности никакого ни теоретического, ни практического значения не имеет. Формальная возможность представляет для Гегеля историко-философский экскурс. Особенно ясно это подтверждает „Энциклопедия“.

9. Реальная возможность.

Реальная действительность, это—многообразие, которое потому действительно, что оно деятельно. Его деятельность заключается в отношении, в проявлении своей деятельности самостоятельного в другом. Действительность, это—вещь со многими свойствами, которая находится в многообразном отношении к окружающим вещам. В самой себе, в многообразии своих свойств и отношений, она содержит реальную возможность.

Зерно in abstracto (рассматриваемое абстрактно) содержит в себе всевозможные возможности, но тоже только in abstracto. Зерно, взятое в реальной действительности, имеет много реальных возможностей в зависимости от всей совокупности конкретных обстоятельств. Оно может вырасти, если будет достаточно солнца, влаги и т. д., оно может увянуть, если этих условий не будет и т. д. и т. д.

„Поскольку мы вникаем в определения, обстоятельства, условия некоторой вещи, дабы познать из них ее возможность, мы не останавливаемся уже на формальной, а рассматриваем ее реальную возможность“ [3]).

Формальная возможность—это есть отношение, рефлексия содержания в само себя; реальная возможность—рефлексия в окружающее: „реальная возможность некоторой вещи есть поэтому существующее многообразие относящихся к ней обстоятельств“.

1) Гегель, там же, стр. 127
2) Гегель, Энциклопедия, § 143 примечание.
3) Гегель, там же, стр. 131.

Реальная возможность есть в то же время действительность. к действительность вещи есть тождественное себе содержание, ко-)ому противостоит определенность формы, т. е. возможные опосре- зания взаимосвязи с окружающей действительностью.

Мы попытаемся иллюстрировать абстрактные рассуждения кон- :тным примером из нашей общественной практики. Мы имеем в іу дискуссию о профсоюзах и в частности статью т. Ленина „Еще з о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого" [1].

„На дискуссии 30 декабря он (Бухарин. *С. П.*) говорил: „товарищи, многих из вас споры, которые здесь происходят, производят впе- гление, примерно, такого характера: приходят два человека и спра- :вают друг у друга, что такое стакан, который стоит на кафедре. ин говорит: „это стеклянный цилиндр и да будет предан анафеме ікий, кто говорит, что это не так". Второй говорит: „стакан, это :трумент для питья, и да будет предан анафеме тот, кто говорит,) это не так".

„Этим примером Бухарин хотел, как видит читатель, популярно ›яснить мне вред односторонности. Я принимаю это пояснение с ігодарностью и, чтобы доказать делом мою благодарность, я отве- о популярным объяснением того, что такое эклектизм в отличие от илектики.

„Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр, и инструмент і питья. Но стакан имеет не только эти два свойства, или качества, і стороны, а бесконечное количество других свойств, качеств, сто- і, взаимоотношений и „опосредствований" со всем остальным ми- і. Стакан есть тяжелый предмет, который может быть инструментом і бросания. Стакан может служить, как пресспапье, как помещение і пойманной бабочки, стакан может иметь ценность, как предмет с іожественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от о, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли эма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому іобное".

На этом пока прервем нашу иллюстрацию, мы вернемся к ней же. Уже из этого видно, что возможность некоторой вещи зависит бытия других действительных вещей. „Реальная возможность со- вляет всю совокупность условий нерефлектированную в себя. сеянную действительность, определение которой однако таково, оно должно быть бытием в себе некоторого другого и возвра- ться в себя" [2]).

Реальная возможность имеет два момента:

1) Непосредственную действительность — вещь, стакан, как на- іный факт без определений.

2) Другие непосредственные действительности, как условия раз- і возможностей первой вещи.

Когда все условия какой-либо возможности на-лицо, происходит средование (взаимоотношение, взаимодействие) вещей, и возмож- ть переходит в реальную действительность. Реальной возможности противопостоит другая реальная возможность, ибо она зависит от ноты моментов, которые сами существуют как действительные. іжение реальной возможности в реальную действительность есть имоопосредывание уже существующих на-лицо моментов.

„Далее. Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его

[1]) Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1, стр

[2]) Гегель, там же, стр. 15

форма и действительно ли он сделан из стекла, но за то важно, чтобы в дне не было трещины, чтобы нельзя было поранить губы, употребляя этот стакан, и т. п. Если же мне нужен стакан не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда мне годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и т. д...

„Можно перейти от стакана к профсоюзам и к платформе Троцкого.

„С одной стороны, школа, с другой, аппарат"—говорит Бухарин и пишет в своих тезисах. У Троцкого ошибка в том, что он „недостаточно защищает момент школы"... у Зиновьева—„недостаток на счет момента и аппарата".

„Почему это рассуждение Бухарина есть мертвый и бессодержательный эклектизм? Потому, что у Бухарина нет и тени попытки самостоятельно, со своей точки зрения, проанализировать как всю историю данного спора (марксизм, т.-е. диалектическая логика, требует этого безусловно), так и весь подход к вопросу, всю постановку—или, если хотите, все направление постановки вопроса в данное время, при данных конкретных обстоятельствах. Ни тени попытки у Бухарина сделать это. Он подходит без малейшего конкретного изучения с голыми абстракциями и берет кусочек у Зиновьева, кусочек у Троцкого. Это есть эклектизм.

„Профсоюзы, с одной стороны, школа; с другой—аппарат; с третьей—организация трудящихся; с четвертой—организация почти только промышленных рабочих; с пятой—организация по производствам и т. д. и т. д. Никакого обоснования, никакого самостоятельного анализа у Бухарина нет и тени, чтобы доказать, почему надо взять первые две „стороны" вопроса и предмета, а не третью, четвертую, пятую и т. д. Поэтому и тезисы Бухаринской группы—сплошь эклектическая пустышка. Бухарин в корне неверно, эклектически ставит весь вопрос о соотношении „школы" и „аппарата".

„Чтобы поставить этот вопрос правильно, надо от пустых абстракций перейти к конкретному, т.-е. данному спору. Берите этот спор, как хотите: так ли, как он возник на V Всероссийской конференции профсоюзов, или так, как его поставил и направил сам Троцкий своей брошюрой-платформой 25 декабря, и вы увидите, что весь подход Троцкого, все направление у него неверно. Он не понял того, что надо и можно подойти к профсоюзам, как к школе, и тогда, когда ставишь тему о „Советском трэд-юнионизме", и тогда, когда говоришь о производственной пропаганде вообще, и тогда, когда так ставишь вопрос, как Троцкий, о „сращивании", об участии профсоюзов в управлении производством. И в этом последнем вопросе, так, как он поставлен во всей брошюре-платформе Троцкого, неправильность состоит в непонимании того, что профсоюзы являются школой административно-технического управления производством. Не „с одной стороны—школа, а с другой нечто иное", а со всех сторон—при данном споре, при данной постановке вопроса Троцким, профсоюзы суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничания, школа управления" [1]).

Реальная возможность это не есть механическое перечисление формальных возможностей, но такая совокупность моментов действительности, опосредывание, взаимопроникновение которых переводит в действительность только одну и никакую другую возможность: реальная возможность переходит в реальную необходимость.

[1]) Ленин, [illegible] стр. [illegible]

10. Реальная необходимость.

В условиях уже существующей, наличной действительности ятся условия возможностей, которые по мере вызревания с необхо-имостью переходят в действительность, чтобы самим превратиться в ловия новых возможностей: „...действительность постоянно движется. а не остается неизменной в своем бытии. ее непосредственное со-ояние исчезает и обнаруживает свою сущность в новых формах; и всех этих формах она остается той же самой действительностью" [1]).

Однако, на первый взгляд. эта возникающая реальная необхо-мость носит относительный случайный характер.

Необходимость превращения профсоюзов в школу коммунизма вытекает имманентно (непосредственно) из них самих, из их изоли-ванного состояния, но также и из состояния промышленности, удель-го веса крестьянской экономики, классовой борьбы на Западе и т. д.

Переход реальной возможности в действительность заключает в бе три момента: условия, предмет и деятельность.

1. Условиями в разбираемом нами случае является обществен-экономическая среда Сов. России и Запада в 1921 г.; это само-ятельные действительности.

2. Предметом являются сами союзы: их численность, организо-нность, качественный состав людей и т. д.

3. Деятельностью—динамика общественной жизни, связывающая эти самостоятельные действительности во взаимодействующий оцесс.

При данных условиях предмет, профсоюзы, не может быть ни другим, как только школой коммунизма. Но если бы какое-ни-ь из этих условий изменилось, то изменилась бы и роль проф-зов: они могли бы сделаться и аппаратом управления промыш-ностью, и органами государственной власти. и орудием классовой ьбы с государственной властью. Таким образом тождественное е содержание профсоюзы, в зависимости от другой самостоятель-действительности, принимают определенную, ограниченную, одну возможных форм, форму школы коммунизма. Вот этот-то резуль-т носит видимость случайности, а эта реальная необходимость имость относительной необходимости. Но случайность двойственна амой себе: с одной стороны, как случайность, она не имеет осно-ния; с другой стороны, как единство с действительностью, она не-одима, т.-е. имеет основание.

Эта видимость относительности необходимости снимается. Само-тельные действительности, условия, не являются пассивной сре-деятельности предмета, и отношение их к предмету не является ними. Условия и предмет опосредованы взаимной деятельностью. опосредование не есть внешнее, ибо деятельность есть единство шнего и внутреннего, абсолютное, субстанциональное единство, чем каждое самостоятельное само обладает характером необхо-ости. Тем самым „...переход необходимости есть скорее собствен-изложение абсолютного, его движение внутри себя, которое зывает себя само в своем обнаружении" [2]).

Относительная необходимость обнаруживается как абсолютная танциональная необходимость.

С. Гоникман.

(Окончание следует).

---

[2]) Гегель, Энциклоп., § 146, прибавление.
[1]) Гегель, там же, стр. 137.

К вопросу об исторической реальности родоначальника древнего материализма.

Вопрос о том, кто был родоначальником древнего материализма, Левкипп или Демокрит, давно занимает филологов и историков философии. Стереотипная история философии, „не сделавшая ни шага дальше от Аристотеля", представляет себе дело так, что система атомистики во всех своих существенных чертах была намечена Левкиппом и развита в отдельных областях знания его учеником Демокритом. Левкиппу приписываются, обычно в силу аристотелевских традиций, столь почитаемые Дильсом два сочинения: о „великом миростроении" и о „разуме". Но в то время как подлинность, напр., первого из них утверждается Теофрастом, Эпикур, современник Теофраста, отрицал даже существование какого бы то ни было философа Левкиппа. С другой стороны, мы имеем список сочинений Демокрита, составленный Трасиллом по тетралогиям (т.-е. по группам в четыре названия). Его „физические" тетралогии выглядят таким образом:

I. 1. Великое миростроение (то самое, которое Теофраст приписывает Левкиппу). 2. Малое миростроение. 3. Космография. 4. О планетах.

II. 1. О природе, первая книга. 2. О природе человека (или об органическом теле), вторая книга. 3. О разуме. 4. Об ощущениях (эти последние некоторыми объединяются в одну книгу под заглавием „о душе".

Таким образом Трасилл указывает те же самые два сочинения, но в числе произведений Демокрита, при чем, называя „великое миростроение", он даже добавляет: „то самое, которое Теофраст приписывает Левкиппу". В геркуланских свитках также имеется косвенное указание („говорят, что"...) на принадлежность этого произведения Левкиппу [1]). Свида считает подлинными сочинениями Демокрита только два и в их числе это „великое миростроение". Неудивительно, что подобная разноречивость в свидетельствах всегда была в литературе поводом к ожесточенным спорам. Эрвин Роде и В. Нестле столь же горячо и безоговорочно отвергают историческую реальность

1) Crönert, Kolotes, 147. FVS^{3}, 387,5.

Левкиппа и утверждают принадлежность „великого миростроения" Демокрита, сколь горячо и безоговорочно признают историческую реальность Левкиппа Дильс, Гомперц, Дыров, Зуземиль [1]) и подавляющее большинство новейших филологов и историков философии, следующих авторитету Дильса.

Чтобы разобраться в вопросе о подлинности сочинения о „великом миростроении", естественно, следует так или иначе решить эту наделавшую много хлопот в литературе „проблему Левкиппа".

Все наши биографические сведения о Левкиппе исчерпываются следующими словами Диогена Лаэртского: „Левкипп происходил из Элей, по мнению других из Абдеры, а по мнению некоторых—из Милета. Он слушал Зенона" [2]). Стобей говорит: „уроженец Милета" [3]). Теофраст говорит (у Симплиция): „элеец или милезиец,—о нем говорят и то и другое [4]). Эпифаний повторяет: „милезиец, а по мнению некоторых—элеец" [5]). Псевдо-Гален в „истории философии"—более определенно: „Левкипп Абдерский" [6]).

Следовательно, ничего определенного о родине Левкиппа не было известно уже в древности. Все эти противоречивые туманные сведения, повидимому, добавлялись гораздо позже к свидетельствам Аристотеля, при этом, очевидно, руководствовались или тем, что Теофраст делал Левкиппа учеником Зенона и Парменида, и связывали его имя с Элеей, или же тем, что Аристотель рисовал его, как учителя Демокрита, и выводил его из Абдеры, или же тем, что по некоторым свидетельствам Милет был родиной Демокрита, и потому связывали его имя с Милетом. Спрашивается: какой вывод мы должны сделать из этой полной разноречивости биографических сведений о Левкиппе, сообщаемых древними писателями, или, вернее, из отсутствия таковых? Роде склонен утверждать, что отсюда вытекает весь миф о Левкиппе. Он думает, что этой туманности и разноречивости биографических сведений как нельзя лучше соответствует и полное молчание Демокрита о его мнимом учителе, и, именно, на этом молчании Демокрита, по его мнению, и основывался Эпикур, отрицая существование какого бы то ни было Левкиппа. Но весь этот довод не обоснован в достаточной мере уже потому, что в такой безоговорочной форме можно утверждать с одинаковым правом как то, что Демокрит с благодарностью вспоминал в своих сочинениях имя своего мнимого учителя, так и то, что он обходил его полным молчанием: соображения подобного характера могут быть выдвинуты, когда уже найдено решение вопроса, а не в качестве главного аргумента. Вот почему, не делая никаких поспешных выводов, правильнее просто констатировать факт

[1]) Susemihl, Phil. [illegible] 18.. сл.
[2]) Diog. L. IX, 30.
[3]) Dox. 285 b
[4]) Dox. 483,12.
[5]) Dox. 590,26.
[6]) Dox. 601,9

непопулярности у древних имени Левкиппа. Существовал ли он, как реальная личность,—решить это у нас пока-что нет никаких данных. Но что он, еще, может быть, при жизни, был малоизвестен среди учеников Зенона или Парменида или какого-либо другого,—это мы можем утверждать с полной достоверностью. Но если это так, то нетрудно догадаться, в каком, именно, смысле высказывал Эпикур свою смелую и парадоксальную мысль о „мифичности“ личности Левкиппа. „Аполлодор в хронике пишет (читаем мы у Диогена Лаэртского), что Эпикур слушал Навзифана и Праксифана. Но сам Эпикур отрицал это и объяснял в письме к Эврилоху, что он сам себе ученик. По его мнению, как и по мнению Гермарха, не существовало вовсе некоего философа Левкиппа, о котором другие, и между ними эпикуреец Аполлодор, утверждали, что он был учителем Демокрита“ [1]. В русском переводе, если он близок к подлиннику, исчезает одно интересное заметное в подлиннике обстоятельство, которое осталось неотмеченным в литературе, хотя внимание, повидимому, и останавливалось на нем. Дело в том, что Эпикур отрицает существование не Левкиппа вообще, но Левкиппа философа, ἀλλ' οὐδὲ Λεύκιππόν τινα γεγενῆσθαί φησι φιλόσοφον,—другими словами, он говорит, что Левкипп не был философом. Между тем, Роде и Дильс переводят: „ein gewisser Leukipp habe nie existirt“ [2]. О. Апельт переводит: „einen Philosophen Leukippos überhaupt nicht gegeben“ [3]. Я же перевожу: Эпикур говорит, что Левкипп никогда не был тем философом, которого выдавали за учителя Демокрита“ [4]. Против моего перевода ничего не говорит грамматика, с чем согласен и Дильс [5], но, что подтверждается кроме того наблюдениями Роде над γέγονε Свиды, у которого γεγονώς, нередко означает просто период времени, называемый ἀκμή, т. е. „расцветом“ философа [6]. Но если Эпикур не принимает Левкиппа за философа,—возражает Дильс,—то за кого же ему оставалось его принять? „Если Эпикур также знал Левкиппа только по цитатам у Аристотеля, то он должен был так же, как и Демокрита, представлять себе его как присяжного философа“. Но Эпикур знал Левкиппа, очевидно, не только по цитатам у Аристотеля,—в противном случае, какие у него могли быть основания не верить Аристотелю, когда он говорит Левкиппу, или верить только тогда, когда он цитирует Демокрита? Вопрос, именно, заключается в том, чтобы правильно понять Эпикура, имевшего на руках подлинные сочинения Демокрита, а не только цитаты Аристотеля. Поэтому, мне кажется, если внимательнее отнестись к переводу или толкованию интересующего нас места из

[1] Diog. L. X, 13.

[2] Diels: Verhandl. d. 53. Vers. d. Philol. in Stettin, Lpz. 1881, 97.

[3] Немецкий перев. д. Diogenes Laertius, Lpz. 1922.

[4] Поэтому совершенно прав, как я позже заметил, E. Zeller: Phil. d. Gr. I[4], 842 b): „Epikur wollte den Leukippos gar nicht für einen Philosophen gelten lassen“.

[5] Diels: Verh. d. 53. Vers. d. Phil, Lpz. 1881, 97,3.

[6] См. его статью Γέγονε in den Biographica des Suidas, Rh. Mus. 33 (1878), 177.

·ена Лаэртского, то легко понять, каким образом следует подхо- к разрешению левкипповой проблемы".

При всяком ином понимании его слов было бы совершенно це-тно, какая может быть связь отрицания им своего ученического шения к Навзифану с отрицанием физического существования иппа. В самом деле, не хочет ли он сказать, напротив, что по о тому, как для него выдумали учителя Навзифана только для чтобы поместить в преемстве учителей и учеников, так и для крита создали учителя с этой же самою целью? [1]). С другой оны, менее всего можно приписать Эпикуру стремление под-нуть свою оригинальность. Возможность личного интереса исклю- уже тем, что будет ли Левкипп учителем Демокрита или нет, уру должно было быть ясно, что зависимость его от Демокрита ется, как раньше. Кроме того, известно, что Эпикур полемизи- т с Демокритом и вовсе не был заинтересован в том, чтобы личить его историческое значение. Наконец, менее всего он заинтересован в том, чтобы сделать атомистику моложе, прибли- ее к современности; наоборот, казалось бы, как ее реставратор, лжен был относить ее к более древнему времени, чтобы сделать лее авторитетной [2]). Следовательно, Эпикуром руководили объ- ные соображения. Поэтому спросим себя: какие объективные ые заставляли Эпикура утверждать, что некто по имени Левкипп гда не был философом, а тем более учителем Демокрита? А это ачит поставить вопрос об исторической реальности Левкиппа, философа.

Обратим внимание прежде всего на то обстоятельство, что един-ным и решающим аргументом в пользу существования философа иппа являются не туманные данные о его родном городе, ко- , а неоспоримый, на первый взгляд, факт его литературной льности. Целый ряд доксографических источников, черпающих истотеля и Теофраста, как будто признают с несомненностью адлежность ему двух философских книг: „Великое мирострое- и „О разуме". И Дильс, в добросовестности которого вряд ли бо усомнится, поместил фрагменты и свидетельства об этих зведениях Левкиппа" в числе подлинных фрагментов последнего. ычная у Дильса гипертрофия критического чутья тут ему из- а: он пошел по стопам авторитетов Аристотеля и Теофраста.

Следующие соображения имеют целью если не доказать, то ть наиболее вероятной ту мысль, что как „Великое мирострое- так и сочинение „О разуме" принадлежат Демокриту и ника- отношения к „философу" Левкиппу не имеют.

Называя „Великое миростроение", Трасилл добавляет: „то самое е Теофраст приписывает Левкиппу". Почему же Трасилл ставил

[1]) Ср. E. Rohde: Verhandl. d. 34. Philol.-Versamml. zu Trier, Lpz. 1881. 75 r. 1, 222.

[2]) Ср. P. Tannery: Rev. des grecs, 1897, 127.

это сочинение во главе физической тетралогии, если ему было известно противоположное мнение Теофраста? Или он не верил Теофрасту, не верил, как платоник, перипатетику и его авторитету, Аристотелю? Не тот же Аристотель был и для него, как и для Теофраста, единственным источником о Левкиппе? В самом деле, очевидно, нам нужно внимательнее остановиться на этом таинственном сочинении о „Великом миростроении“ и попытаться уяснить себе его возможное содержание, его возможные проблемы [1]).

Если принять во внимание, что Аристотель сообщает нам только физические учения Левкиппа, то естественно возникает прежде всего вопрос: не является ли „Великое миростроение“, μέγας διάκοσμος, сочинением по физике? Если вспомнить, что в списке сочинений Демокрита Трасилл приводит также „Малое миростроение“, μικρὸς διάκοσμος, то эта догадка оказывается весьма вероятной. „Διάκοσμος,—говорит Роде,—как обозначение гармонического строя вселенной (при чем должна быть отброшена всякая мысль о телеологии) есть древнее слово вместо позднего общеупотребительного κόσμος; оно уже есть у Парменида. От него атомистика могла заимствовать как это слово, так и понятие такого строя вселенной. „Малый“ мир мог бы в таком случае обозначать **наш** мир, в который мы заключены“ [2]). И действительно, план трасилловского списка [3]) сразу становится ясным: сперва он перечисляет космологические сочинения, затем антропологические, далее физиологические и, наконец, методологические. Кроме того, в атомистике действительно было положено начало тому различению между микрокосмом и макрокосмом, которое впоследствии стало самым обычным в древности для различения ζῷον и τὸ πᾶν, жизнь и вселенная. Это совершенно ясно из того, что в одном из фрагментов Порфирия [4]) речь идет о тех ученых, которые называют человека „μικρὸς διάκοσμος“ [5]), „малым миром“, а Давид, один из схолиастов к Аристотелю, пишет, между прочим: „в человеке, в этом малом мире, **по выражению Демокрита**“ [6]). Наконец, у Галена читаем: „древние говорили, что живое существо—это малый мир“ [7]). После этих свидетельств, думается, совершенно не приходится сомневаться в чисто-демокритовском происхождении различения макрокосма и микрокосма [8]). Но если это так, то остается только допустить, что „Великое миростроение“ принадлежит Демокриту. Можно, правда,

[1]) И здесь естественно не должно быть никаких готовых выводов, что, к сожалению, заметно в рассуждениях E. Rohde, с которым в некоторых пунктах я солидаризуюсь.

[2]) E. Rohde, Kl. Schr. I, 226.

[3]) См. выше.

[4]) Porphyr. у Stob. flor. 21, 27. Отсутствует у Дильса, FVS[2].

[5]) „Nicht κόσμος!“—правильно подчеркивает Rohde, Kl. Schr. I. 227,1.

[6]) David Prol. 38, 15. Busse, FVS[2], 398, 8.

[7]) Galenus de usu partium III 241. FVS[2], 398, 15.

[8]) Отсюда должно быть ясно, что одно из „миростроений“ Демокрита названо малым не в отличие от **сочинения** Левкиппа того же заглавия (как где-то думает Т. Гомперц в „Греч. мысль“), а по существу своего предмета, т.-е. „малого **мира**“.

иогена Лаэртского, то легко понять, каким образом следует подхо-ть к "разрешению левкипповой проблемы".

При всяком ином понимании его слов было бы совершенно непонятно, какая может быть связь отрицания им своего ученического отношения к Навзифану с отрицанием физического существования Левкиппа. В самом деле, не хочет ли он сказать, напротив, что подобно тому, как для него выдумали учителя Навзифана только для того, чтобы поместить в преемстве учителей и учеников, так и для Демокрита создали учителя с этой же самою целью? [1]). С другой стороны, менее всего можно приписать Эпикуру стремление подчеркнуть свою оригинальность. Возможность личного интереса исключена уже тем, что будет ли Левкипп учителем Демокрита или нет, Эпикуру должно было быть ясно, что зависимость его от Демокрита останется, как раньше. Кроме того, известно, что Эпикур полемизировал с Демокритом и вовсе не был заинтересован в том, чтобы увеличить его историческое значение. Наконец, менее всего он был заинтересован в том, чтобы сделать атомистику моложе, приблизить ее к современности; наоборот, казалось бы, как ее реставратор, он должен был относить ее к более древнему времени, чтобы сделать ее более авторитетной [2]). Следовательно, Эпикуром руководили объективные соображения. Поэтому спросим себя: какие объективные причины заставляли Эпикура утверждать, что некто по имени Левкипп никогда не был философом, а тем более учителем Демокрита? А это значит поставить вопрос об исторической реальности Левкиппа, как философа.

Обратим внимание прежде всего на то обстоятельство, что единственным и решающим аргументом в пользу существования философа Левкиппа являются не туманные данные о его родном городе, конечно, а неоспоримый, на первый взгляд, факт его литературной деятельности. Целый ряд доксографических источников, черпающих из Аристотеля и Теофраста, как будто признают с несомненностью принадлежность ему двух философских книг: „Великое мироустроение" и „О разуме". И Дильс, в доброе вестности которого вряд ли кто-либо усомнится, поместил фрагменты и свидетельства об этих произведениях „Левкиппа" в числе подлинных фрагментов последнего. Необычная у Дильса гипертрофия критического чутья тут ему изменила: он пошел по стопам авторитетов Аристотеля и Теофраста.

Следующие соображения имеют целью если не доказать, то сделать наиболее вероятной ту мысль, что как „Великое мироустроение", так и сочинение „О разуме" принадлежат Демокриту и никакого отношения к „философу" Левкиппу не имеют.

Называя „Великое мироустроение", Трасилл добавляет: „то самое, которое Теофраст приписывает Левкиппу". Почему же Трасилл ставит

[1]) Ср. E. Rohde: Verhandl. d. 34. Philol.-Versamml. zu Trier, Lpz. 1881.75 и br. 1,222.

[2]) Ср. P. Tannery: Rev. des grecs, 1897, 127.

это сочинение во главе физической тетралогии, если ему было известно противоположное мнение Теофраста? Или он не верил Теофрасту, не верил, как платоник, перипатетику и его авторитету, Аристотелю? Не тот же Аристотель был и для него, как и для Теофраста, единственным источником о Левкиппе? В самом деле, очевидно, нам нужно внимательнее остановиться на этом таинственном сочинении о „Великом миростроении“ и попытаться уяснить себе его возможное содержание, его возможные проблемы [1]).

Если принять во внимание, что Аристотель сообщает нам только физические учения Левкиппа, то естественно возникает прежде всего вопрос: не является ли „Великое миростроение“, μέγας διάκοσμος, сочинением по физике? Если вспомнить, что в списке сочинений Демокрита Трасилл приводит также „Малое миростроение“, μικρὸς διάκοσμος, то эта догадка оказывается весьма вероятной. „Διάκοσμος,—говорит Роде,—как обозначение гармонического строя вселенной (при чем должна быть отброшена всякая мысль о телеологии) есть древнее слово вместо позднего общеупотребительного κόσμος; оно уже есть у Парменида. От него атомистика могла заимствовать как это слово, так и понятие такого строя вселенной. „Малый“ мир мог бы в таком случае обозначать **наш** мир, в который мы заключены“ [2]). И действительно, план трасилловского списка [3]) сразу становится ясным: сперва он перечисляет космологические сочинения, затем антропологические, далее физиологические и, наконец, методологические. Кроме того, в атомистике действительно было положено начало тому различению между микрокосмом и макрокосмом, которое впоследствии стало самым обычным в древности для различения ζῷον и τὸ πᾶν, жизнь и вселенная. Это совершенно ясно из того, что в одном из фрагментов Порфирия [4]) речь идет о тех ученых, которые называют человека „μικρὸς διάκοσμος“ [5]), „малым миром“, а Давид, один из схолиастов к Аристотелю, пишет, между прочим: „в человеке, в этом малом мире, по выражению Демокрита“ [6]). Наконец, у Галена читаем: „древние говорили, что живое существо—это малый мир“ [7]). После этих свидетельств, думается, совершенно не приходится сомневаться в чисто-демокритовском происхождении различения макрокосма и микрокосма [8]). Но если это так, то остается только допустить, что „Великое миростроение“ принадлежит Демокриту. Можно, правда,

[1]) И здесь естественно не должно быть никаких готовых выводов, что, к сожалению, заметно в рассуждениях E. Rohde, с которым в некоторых пунктах я солидаризуюсь.

[2]) E. Rohde, Kl. Schr. I, 226.

[3]) См. выше.

[4]) Porphyr. у Stob. flor. 21, 27. Отсутствует у Дильса, FVS².

[5]) „Nicht κόσμος!“—правильно подчеркивает Rohde, Kl. Schr. I. 227, 1.

[6]) David Proleg., 1?, Busse, FVS², 398, 8.

[7]) Galenus de usu partium III 241. FVS², 398, 15.

[8]) Отсюда должно быть ясно, что одно из „миростроений“ Демокрита названо малым не в отличие от сочинения Левкиппа того же заглавия (как где-то думает Т. Гомперц в „Греч. мысль“), а по существу своего предмета, т. е. „малого мира“.

зить вместе с Дильсом [1]), что подобное толкование „великого“ ілого“ миростроений неправильно по той причине, что Демо- написал ряд специальных сочинений об антропологических іемах так что „малое миростроение“ не повторяло бы разо- іые проблемы. Но, ведь, в действительности это возражение ничего оворит, и достаточно вспомнить, что Демокрит написал также й ряд и других физических сочинений, чтобы убедиться в этом. Но можно сделать и более важное возражение. Можно сказать, если бы даже „Великое миростроение“ принадлежало Демокриту, ічто не мешает нам допустить, что Левкипп также написал фи- ское сочинение под тем же заглавием и высказывал там взгляды, ые впоследствии могли лечь в основу философии Демокрита. огда следует допустить, что Демокрит и Левкипп высказывали ічные взгляды, что Демокрит развивал дальше мысли своего ·ля.

Между тем все, что нам известно о мировоззрении Левкиппа, не что иное, как стереотипный оттиск основных взглядов Демо- і в области физики. Прежде чем перейти к доказательству этой и, любопытно отметить, что сохранившиеся свидетельства Ари- ля о Левкиппе почти всегда называют его вместе с Демокритом: мест в 2 местах он говорит об одном Левкиппе [2]), а в осталь- местах он говорит об обоих вместе, при этом интересно. что он ит то о „Левкиппе и его товарище (ἑταίρῳ) Демокрите“ [3]), то, рот, о „Демокрите и Левкиппе“ [4]), как если бы они действи- о фигурировали вместе в том неизвестном источнике, на осно- і которого он излагал учение Левкиппа.

В самых кратких чертах взгляды Левкиппа сводятся к следую- . Ничего не происходит из ничего. Все существующее так же ›но, как и то, что не существует, т.-е. пустота. Пустое простран- и тела являются основными элементами вселенной. Бытие не нечто неразрывное, единое, оно не образует простейшего тожде- ного единства, но состоит из бесконечного множества неделимых лайших частиц материи, которые вечно движутся в пустоте. кение их никогда не начиналось и никогда не прекращается. ватываемые вихрем этого движения неделимые материальные іцы или атомы то начинают соединяться, то отрываться от уже кших соединений. Благодаря соединению атомов образуются ічные тела, а благодаря их разъединению эти тела разрушаются. ы различаются по форме и величине, они бескачественны и не- іны. В зависимости от форм и величин атомов возникают те или тела в природе. Напр., из соединения круглых и легких ато- образуется огонь. Над всеми процессами совершающимися в при-

[1]) Diels, Verh. 53. Phil.-Vers., Lpz. 1881, 101.

[2]) de gen. et carr. 325a 23—325b metaph. 1071b. 32.

[3]) metaph. 985b 4. de gen. et carr. 325a 2. de coelo 300b 8.

[4]) de gen. et carr. 314a 21. ib, 315b 6. de coelo 275b 29.

роде господствует всеобщий механический закон необходимости. Всякая мысль о каком-либо высшем провидении или божественной цели должна быть отброшена. Необходимость и есть это вечное вихреобразное вращение атомов. По закону этой великой необходимости образуются не только наш мир, но и бесконечное множество других миров.

Таковы основные черты всего того, что передает Аристотель об учении Левкиппа. Я дал только скелет, если хотите, тезисов этого учения. Но и это фрагментарное изложение главнейших мыслей Левкиппа убеждает нас в том, что никакого существенного отличия от взглядов Демокрита мы вовсе не находим у него. „Имеем ли здесь,—спрашивает Эрвин Роде,—только основные черты атомистики? Я, наоборот, думаю, что это вполне законченная система атомистики, заключающая в себе все, что может быть отнесено, именно, к системе. Что же остается на долю Демокрита, как его личное достояние?“ Ни в одном принципиальном вопросе они не высказывали различных взглядов и даже тогда, когда у Теофраста был удобный случай остановиться на различиях между натурфилософией Левкиппа и Демокрита, он свое изложение взглядов Левкиппа заканчивает следующими словами: „одинаково с ним учит и Демокрит“ [1]).

Если обратить внимание на то, о каких различиях в их взглядах повествуют нам Аристотель и черпающие из него доксографы,—то и с этой стороны ничто не мешает нам допустить, что эти различия могли возникать в научной деятельности одного человека. По Левкиппу солнце—самое отдаленное от земли тело [2]), а по Демокриту самыми отдаленными являются неподвижные звезды [3]). Причину возникновения грома Левкипп видит в чрезмерной густоте облаков, а по Демокриту—гром происходит вследствие неравномерного распределения их частей [4]). Вот и все отклонения Демокрита от Левкиппа. О каких либо других различиях в их взглядах нам ничего неизвестно. Но нужно ли доказывать, что эти различия, во-первых, не принципиального характера, а, во-вторых, они касаются столь специальных проблем, что в устах такого писателя, как Демокрит, научная деятельность которого обнимает несколько десятилетий, вполне уместны взгляды, высказываемые в ряде сочинений, развиваемые или опровергаемые в последующих сочинениях.—Итак, в своем философском наследстве, Левкипп не утверждал ничего, что не входило бы в атомистическую систему Демокрита. Но если это спорное „великое мироустроение“ Левкиппа излагало взгляды, ничем не отличающиеся от взглядов Демокрита, то у нас больше оснований считать Демокрита, а не Левкиппа автором этого сочинения, хотя бы уже потому, что он нам известен не только по основным биографическим

1) Simplic. in. Drist. p. 25,7 Diels.
2) Diog. L. IX, 33.
3) Dox 344a 14.
4) Diog. L. ib. Dox. 369b 9- 25.

гам, но и по целому ряду фактов своей жизни, в то время как о …ром нам ничего не известно.

Следовательно, не только формально, но и по содержанию своему …ликое миростроение" остается только приписать Демокриту. Правда, …жно подумать (вместе с Дильсом), что под именем Демокрита действительно было у всех на руках сочинение о „великом миростроении", но на самом деле оно принадлежало Левкиппу. Но это предположение совершенно ничем не обосновано по той причине, что обыч… в древности сочинения учеников обращались на руках под име… м учителя, напр., пифагорейцы — под именем Пифагора, платоники — …д именем Платона, и т. д. Но, ведь, в случае с Левкиппом мы име… … дело как раз с обратным явлением: основное сочинение, откры…ющее целое философское направление, главное произведение осно…теля целой школы, лишилось его имени и стало повсеместно из…стно в качестве произведения его ученика!

Но не пора ли задаться, в таком случае, вопросом: каким обра…м такой глубокий и серьезный мыслитель, как Аристотель, мог …лагать атомистическое учение и приписывать его Левкиппу, кото…ый, быть может, по слову Эпикура, и не был философом? Это тем …лее странно, что Эпикур был современником Теофраста, жил долгое …емя вместе с ним в Афинах и даже сталкивался с ним, что видно … его полемического сочинения „против Теофраста" [1]). Какова же …лжна быть смелость Эпикура, утверждавшего парадоксальную …ысль о том, что никакого отношения к философии названный Лев…ипп никогда не имел!

Чтобы ответить на все эти вопросы, надо внимательнее остано…иться на литературной манере Аристотеля. И здесь, в подтвержде…ие одного сделанного мною в этой области наблюдения, как нельзя …стати приходят на помощь исследования Поля Таннери, сделанные … новейшее время в связи с малоизвестными и совершенно неиз…естными именами древних философов [2]).

…ело в том, что, цитируя категорически, без всяких заминок, …ократа (или кого-либо из его современников), Аристотель вовсе не …меет в виду философа Сократа, сына Ксантиппы, но одного из дей…гвующих лиц, фигурирующих в диалогах Платона. Это может быть …становлено с очевидностью, не оставляющей никаких сомнений. Даже … тех случаях, когда Аристотель цитирует Платона, он имеет в виду …е произведение самого философа, а то или иное положение его фи…ософии, которое в очень большом количестве обычно составляли …го ученики, в особенности, напр., Гераклит Понтийский, излагавший …е взгляды учителя, которые тот развивал в устных собеседованиях. …от эту манеру Аристотеля и усвоил Теофраст, его ближайший …ченик, бывший с ним в тесном общении, а от него и последующие

---

[1]) Plut. adv. Colot. 7

[2]) P. A. Tannery: Revue des études grecs, t. X, avril—juin 1897.

доксографическая литература. Это наблюдение Таннери доказывает на примерах двух пифагорейцев Гикета и Экфанта, которые также помещены, между прочим, в „досократиках“ Дильса. Излагать Гикета Аристотель дал повод Теофрасту тем, что он цитировал Гикета, как действующего лица, выведенного Гераклитом Понтийским в одном из его диалогов. В сочинении же „о небе“ (II, 13) он излагает учение пифагорейца Экфанта о движении земли вокруг своей оси, не упоминая имени последнего. Теофраст приписал это учение Экфанту Сиракузскому, а вслед за ним то же самое сделали и последующие писатели, в то время как, на самом деле, Экфант—одно из действующих лиц одного диалога Гераклита Понтийского, в котором последний устами мнимого Экфанта излагал свое собственное учение. „Зная литературную манеру Аристотеля,—говорит Таннери,—мы не имеем никаких оснований думать, что он приписывал Левкиппу произведение, цитируемое им под именем последнего, но, напротив, можно заключить отсюда только то, что произведение, которое он имел на руках, представляло собою изложение учения этого философа“ [1]. Если принять во внимание, что Аристотель сообщает только о физике Левкиппа, то это должно быть одно из космологических сочинений, т.-е. именно „великое мироустроение“, о котором все время и идет у нас речь. В таком случае можно припомнить первый фрагмент из „малого мироустроения“ Демокрита. „Малое мироустроение“ начинается так: „Вот что я говорю обо всем... Человек есть то, что все знают“ [2]. Не начиналось ли аналогичным образом и „великое мироустроение“. Такое предположение и делает Таннери. „Если допустить (говорит он), что „великое мироустроение“ начинается словами: „вот что говорил мне Левкипп, мой товарищ“ [3]), то все неясности левкипповой проблемы сразу отпадут. Такое начало, кроме того, как нельзя лучше согласуется с характером самого Демокрита, который, как человек без всякого тщеславия, мог высказывать свои взгляды, влагая их в уста своего товарища. Левкипп был для него такой же маской, какой был для Платона Тимей. Демокрит имел несомненно больше оснований, чем Платон, не опубликовывать „великого мироустроения“ под своим именем, если оно действительно, судя по рассказу Деметрия Магнезийского, было первым произведением,—произведением, написанным уроженцем Абдеры, который входил в свой родной город разоренным, правда, уже с большой научной репутацией, но и с нелюбовью к нему его сограждан, как к человеку, растратившему имущество своего отца. Что оставалось ему делать? Ему оставалось только показать, какую пользу принесли ему путешествия, другими словами, познакомить их с такой физической системой, которую он не мог бы узнать оставаясь в Абдере; но, с другой стороны, к своему счастью он прекрасно сознавал, что нужно гарантировать себя и от

[1]) Ib. p. 128.
[2]) Cicer. Ac. pr. II, 23, 73. Sextus VII, 265. см. FVS², 115, 11.
[3]) [illegible] у Аристотеля

зможного вреда и не рисковать брать под свою ответственност ение, которое легко могло показаться нечестивым и которое без мнения в Афинах навлекло бы на него преследования" [1]. „Вот что ворил мне Левкипп, мой товарищ"—такое начало гармонирует также желанием абдерийца познакомить своих сограждан с результатами воих путешествий. „Левкипп"—в сущности, не что иное, как ловкий дипломатический маневр человека, которому, с одной стороны, ужно оправдать растрату отцовского имущества, с другой стороны, елюбовь к нему его сограждан и Афин как растратившему отцовское мущество [2],—защиту нового атомистического мировоззрения сделать ак можно безвредной и неопасной для себя. Это не значит, что Левкипп ыл псевдонимом молодого Демокрита, как думает Таннери и как ытался еще недавно защищать эту мысль Нестле [3]. На этот счет у ас вообще нет никаких достоверных данных, чтобы можно было говорить с такой определенностью. Напротив, если бы Левкипп был олько псевдонимом Демокрита, то рассказ Антисфена [4] о том, что Демокрит прочел перед своими согражданами „великое мироустроение", потерял бы всякий смысл, так как Демокриту незачем было бы читать чужое произведение. „Великое мироустроение" Демокрит читал абдерийцам не как чужое, но именно как свое собственное произведение, „чтобы вырвать оружие у клеветников" и завистников, но построил сочинение так, что некоторые из своих взглядов он изложил устами „своего товарища" Левкиппа.

Теперь нам понятно, почему Эпикур отрицал существование философа Левкиппа. Он высказывал столь парадоксальную мысль не потому, что не нашел в сочинениях Демокрита имени его учителя [5], но потому, что в лице Левкиппа, фигурирующего в произведении Демокрита в качестве литературного персонажа, он не видел исторически реального философа. Эпикур не был ученым и не хотел быть ни ученым, ни чьим бы то ни было учеником, но сочинения Демокрита он изучал тщательно, как об этом говорит его полемика в письме к Геродоту; это общепризнанный в литературе факт. Трасилл также имел на руках произведения самого Демокрита и, относя „великое мироустроение" без всяких колебаний к подлинным произведениям Демокрита, он добавляет: „то самое, которое, по мнению Теофраста, принадлежит Левкиппу". Но Эпикур и Трасилл—не единственные источники. Среди сочинений, дошедших до нас под именем Аристотеля, мы имеем, как известно, одно сочинение под названием „О Мелиссе, Ксенофане и Горгие". В этом сочинении приводится

---

1) Revue des études grecs, 1897, p. 129.

2) Об умственной отсталости Афин его времени см. мою первую статью об „Источниках изучения Демокрита". „Под Знаменем Марксизма", 1923, № 6—7, стр. 195—196.

3) Philologus, 1908 (67), 551.

4) См. „Под Зн. Марксизма" № 11—12, 1923, стр. 136, „К вопросу о жизни и личности Демокрита".

5) Как думает Э. Роде.

мнение, высказанное ἐν τοῖς Λευκίππου καλουμένοις λόγοις, „в так называемых рассуждениях Левкиппа“. Это предположительная условная форма выражения, вытекающая как бы из сомнения в принадлежности Левкиппу этих рассуждений, в данном случае весьма характерна. Между тем „О Мелиссе, Ксенофане и Горгие“ написано, если не Аристотелем, то во всяком случае перипатетиком, и отсутствие какого-бы то ни было эпикурейского влияния, очевидно, не подлежит сомнению. В связи с этим замечательно и то, что о Левкиппе не говорит не только Лукреций, но и Секст Эмпирик не говорит ни слова.

Между тем, целый ряд древних свидетельств говорит в пользу принадлежности „великого миростроения“ именно Демокриту. Известен рассказ Антисфена, что Демокрит, прибывший в Абдеру после своих путешествий, „для того, чтобы вырвать оружие из рук завистников и клеветников, прочел своим согражданам сочинение: „Великое миростроение“, самое замечательное из того, что им было написано“. Кроме того, Свида из всех его сочинений подлинными считает только два, и в их числе „великое миростроение“ [1]).

Сопоставление подобных свидетельств, с одной стороны, а с другой—характеристика литературной манеры Аристотеля должны убедить нас в правоте Эпикура. Это не значит, конечно, что Аристотеля и Теофраста мы выводим какими-то „лгунами и обманщиками“, как думает Дильс [2]). Мы утверждаем только, что они были введены в заблуждение литературным приемом Демокрита, а вслед за ними все позднейшие, черпающие из них доксографические источники.

Итак, если историческая реальность Левкиппа выводится из его авторства сочинения о „великом миростроении“, то у нас все основания сомневаться в правильности подобного „вывода“.

Но если верить Дильсу, литературная деятельность Левкиппа не исчерпывается одним „великим миростроением“. По его мнению, следует верить свидетельству Стобея [3]), что Левкиппу принадлежит также сочинение о „разуме“. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и это сочинение не может быть приписано Левкиппу.

По содержанию своему это, несомненно, нетеологическое сочинение. Единственный фрагмент, оставшийся от этого сочинения, гласит: „ничто не происходит без причины, но все—в силу основания и необходимости“. Если обратить внимание на заглавие, то очевидно, что Левкипп доказывал причинное возникновение восприятий или необходимость объяснения их в силу известных строго определенных причин. В этом смысле и толкует все это сочинение Дильс [4]). Но если это так, то можно ли это сочинение приписывать Левкиппу, когда о психологических взглядах его ни один писатель древности нам ничего не сообщает? Аристотель и Теофраст рассказывают лишь

---

1) Дильс. FVS², 357,2.

2) Verh. d. 53. Philol.-Vers. z. Stettin in Lpz. 1881.96.

3) Dox. 321b.10.

4) FVS², 711 k 350,5.

осмологических теориях мнимого учителя Демокрита. Дилс возра-
эт: разве перипатетические источники не передают взгляды Лев.
ппа об „образах", на которых покоится вся атомистическая психо-
чия? [1]). Но, во-первых, об образах (эйдолах) Левкиппа мы имеем
ько два свидетельства одного лишь Аэция (Дох. 394,403), при чем
обоих речь идет в общих выражениях: „Левкипп, Демокрит, Эпи-
р"... Во-вторых, эти свидетельства позднейшего происхождения.
и результат сравнения и обобщения столь сходных систем, как
стема Левкиппа, Демокрита и Эпикура. Наконец, в-третьих, ни
истотель, ни Теофраст нигде не говорят об эйдолах Левкиппа.
сюда ясно, что остается допустить только одно — что авторство
вкиппа в данном случае возникло вследствие смешения цитируе-
го Стобеем как его сочинения „о разуме" с одноименным сочине-
ем Демокрита, которое мы находим в списке Трасилла. Видеть в
ом произведении полемику против Анаксагора и, пользуясь упре-
ми Демокрита последнему в плагиате, обосновывать этим путем
) принадлежность Демокриту [2]),—было бы очень натянутой „до-
дкой". Между тем, то обстоятельство, что сочинение „о разуме"
ло посвящено психологическим проблемам, как нельзя более гармо-
рует с Трасилловским списком.

Таким образом, литературная деятельность Левкиппа такой же
иф, как и то, что он был учителем Демокрита. Не Левкипп, но
эмокрит был родоначальником древней атомистики. Не Левкипп, но
эмокрит входит в историю мировоззрений как отец современной
изики.

Гр. Баммель.

---

[1]) Verh. d. 53 Phil.-Vers. Lpz. 1881, 102.

[2]) Как делает W. Nestle Philol. 67,551.

Диалектический метод в психологии [1]).

Возможность применения диалектического метода к психологии, как науки о реакциях или поведении человека, явствует уже из того, что психология является научной дисциплиной, стоящей на грани биологии и социологии. И подобно тому как диалектический метод находит свое полное применение и оправдание в области этих последних дисциплин, ясно, что он должен найти свое применение и в психологии. Это во-первых. Во-вторых, это применение диалектического метода к психологии обусловливается также и тем принципиальным нашим положением, что психика есть не что иное, как свойство высоко-организованной материи, т.-е. процесс чисто-материального порядка, тем самым подлежащий в своем развитии этому основному методу диалектического материализма.

Вот почему Энгельс был глубоко прав, когда, давая определение диалектическому методу, он определил его, как „весьма общий и потому широко-действующий и важный закон развития природы, истории и **мышления**". Именно мышления, как прежде всего категории чисто-психологического порядка.

Но ограничиться этими двумя выводами чисто-дедуктивного характера для доказательства применимости диалектического метода к психологии было бы, конечно, далеко недостаточно. Необходимо фактически обосновать эту применимость на живом и конкретном материале, который дает нам современная психология, дабы это применение диалектического метода к психологии было не только абстрактно мыслимой теоретической предпосылкой, но и конкретным фактором, подчиняющим себе реальное течение психических процессов.

Начнем с рассмотрения первого положения, являющегося основным для диалектического метода—**принципа непрерывной изменчивости всего сущего**. Этот принцип, как известно, говорит о том, что мир надо понимать не как комплекс готовых вещей, но как комплекс процессов, в которых вещи, кажущиеся нам неизменными, равно как и их мысленные отражения в нашей голове,

[1]) Доклад, прочитанный на Психоневролог. Съезде в Петрограде.

ı. понятия, проходят беспрерывную смену возникновения и уничтожения. Надо ли много говорить, что этот принцип находит свою лучшую иллюстрацию именно в области психологии, где именно нет предметов, а есть только процессы, где все динамично и актуально, нет ничего статического. Вот почему целый ряд психологов, являющихся метафизиками в своих философских воззрениях, не нашли я себя возможным защищать субстанциональность в психологии являются актуалистами, каковы Вундт, Джемс, Тиченер и многие другие. Применение этого принципа непрерывной изменчивости в психологии слишком очевидно, чтобы на рассмотрении его следовало останавливаться дольше.

Почти в таком же положении находится и второй принцип диалектического метода—принцип всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности, сводящийся к тому, что нет необусловленных и изолированных явлений, все находится в непрерывной цепи, являясь и причиной, и следствием. В применении к психологии этот принцип, можно утверждать, признается психологами всех направлений, включительно до представителей умозрительной психологии. Если между последними и ведутся разногласия в признании или только психо-физической причинности, чего держатся сторонники теории взаимодействия, или же только чисто-психической причинности, чего держатся сторонники психо-физического параллелизма, то и самые эти разногласия говорят лишь о том, что же сторонники умозрительной психологии не мыслят психических процессов ничем не обусловленными. Наоборот, в современной психологии наблюдается тенденция крайней детерминированности, психических процессов во всех их даже, казалось бы, случайных проявлениях (описки, оговорки, забвения и т. п.), как это, например, мы находим в школе Фрейда.

Таким образом и этот второй принцип диалектического метода не встречает никаких возражений против своего применения к психологии.

Значительно сложнее обстоит дело с третьим принципом диалектического метода—принципом скачкообразного развития процессов, с переходом от количественных определений к качественным. Как известно, этот принцип говорит о том, что количественное развитие любого процесса совершается постепенно, а производимое им качественное изменение возникает внезапно: в виде скачка вещь или процесс изменяется и наступает совершенно новое состояние. Мы знаем, что этот принцип был заимствован у Гегеля, при чем эти пункты перехода количества в качество он называл узлами, а линию, соединяющую узлы—узловой линией отношений мер. Гегель первый дал образцы применения

этого принципа к явлениям природы, а Маркс впервые применил этот принцип к развитию общественной жизни.

Что касается психологии, то этот принцип скачкообразного развития процессов с переходом от количества к качеству находит вое наиболее очевидное и крайне плодотворное применение именно в этой области, при том по преимуществу в той ее части, которая является наиболее точно обоснованной, именно в экспериментальной психологии, имеющей дело как раз именно с этими количественными определениями, о которых говорит этот принцип.

В самом деле, весь отдел ощущений с целым рядом экспериментально обоснованных фактов говорит нам об этом: таково, например, качественное различение основных цветов. Как известно из физики, в основе этого различения лежит количественное различие в числе колебаний эфирных волн. Так, при 729 биллионах колебаний мы воспринимаем фиолетовый цвет; при постепенном, но незначительном количественном уменьшении числа этих колебаний мы не замечаем никаких качественных изменений цвета, и лишь при количественном уменьшении этих колебаний до 621 биллиона мы ощущаем качественно отличный от фиолетового—синий цвет; затем при 599 биллионах колебаний—зеленый, далее скачкообразно при 521 билл. колебаний—желтый и т. д. Мы видим, что количественное уменьшение или нарастание числа колебаний, дающее качественно различные воспринимаемые нашим глазом цвета, всецело подчиняется этому принципу скачкообразного развития.

Совершенно то же самое мы наблюдаем и в области слуховых восприятий, где количественное нарастание колебания воздушных волн, дающее качественное различие воспринимаемых нашим ухом тонов и полутонов, идет тем же скачкообразным темпом: так, в пределах первой октавы при 261 колебании мы имеем *do*, при 293 колебаниях—*re*, при 329 колебаниях—*mi* и т. д.

Еще более этот принцип скачкообразного развития выступает при обосновании так называемых минимальных и разностных порогов ощущений. В самом деле, ведь, всякого рода раздражения мы начинаем качественно воспринимать лишь только тогда, когда эти раздражения достигнут определенного количественного предела: так, для восприятия минимальнейшего давления на кожу необходимо, чтобы груз достиг веса, не меньшего 0,002 грамма; для восприятия минимальнейшего тепла необходимо увеличить t° до $^{1}/_{8}{}^{\circ}$C; для восприятия минимальнейшего звука необходимо падение пробкового шарика, весом в 0,001 грамма, с высоты 0,001 метра на стеклянную пластинку, при расстоянии уха от этой пластинки на 0,091 метра, и т. д.

Тому же самому принципу подчиняется нарастание и разностных порогов ощущений. Так, для того, чтобы вы заметили, что груз, ле-

ий у вас на руке, стал тяжелее, необходимо этот груз увеличить
энее $1/_{17}$ части его первоначального веса; для того, чтобы заме-
что в зале, где горит тысяча свечей, стало чуть-чуть светлее,
одимо прибавить не одну, две, три и т. д. свеч, а не менее $1/_{100}$
наличия свеч, т.-е. не менее десяти свеч. А для того, чтобы
стр, в котором играют, положим, 70 человек музыкантов, стал
ать чуть-чуть громче, надо увеличить количество музыкантов не
е, как на $1/_7$ часть, т.-е. на 10 музыкантов, и т. д.

Закон Вебера-Фехнера и констатирует по существу не что иное, положение, что при последовательном количественном росте раз-ений качественный рост ощущений подчиняется именно этому нципу скачкообразности в своем развитии.

Тому же самому учит нас и теория контрастов: качественное ичие контраста констатируется лишь на определенной стадии чественных изменений в контрастирующих компонентах.

Несомненно, что тому же самому принципу скачкообразности в м развитии подчиняется и рост более сложных психо-физиоло-ских процессов: утомления, упражняемости, запоминания, забы-ія и т. п. Данные эксперимента на каждом шагу подтверждают Так, забывание оттенков серого цвета, по данным Лемана, идет ропорционально протекшему времени с момента восприятия, а стает скачкообразно, и если через пять секунд после запомина-все воспроизведения верны, то через 30 секунд верных воспроиз-ний остается 83%, а через 120 секунд—только 50%. То же про-дит и при запоминании: и тут нет прямой пропорциональности ду количеством заучиваемого материала и качественным эффектом запоминании: так, по данным Меймана, ряд, состоящий из 5 за-ваемых слогов, требует пятикратного повторения, а ряд вдвое нее—семнадцатикратного повторения, ряд же в 24 слога требует заучивания—тридцатикратного повторения. Таким образом скачко-зность в запоминании явно на-лицо.

Совершенно то же самое наблюдается и при нарастании утомле , упражняемости и т. п.

Можно думать, что этому же принципу скачкообразности в своем витии подчиняется и эмоциональная сфера, хотя применить здесь исимость качественных изменений от количественного нарастания нительно труднее. Но, тем не менее, и здесь мы можем установить узловые пункты, как называл их Гегель, которые являются резуль-м скачкообразного развития. Общеизвестно, что одна качественно-еделенная эмоция, достигнув известной грани развития, перехо-в качественно резко отличную от нее. В самом деле, я не говорю об элементарных состояниях удовольствия и неудовольствия, орые при известной длительности и интенсивности переходят в

прямо-противоположные состояния, но если мы возьмем эмоции и более сложного порядка, то увидим, что, например, чувство похвалы, достигнув известного узлового пункта, переходит в самолюбование, чувство собственного достоинства—в чувство гордости, бережливость—в скупость, отважность—в нахальство и т. п., т.-е. в состояния, хотя и однородные, но качественно отличные от своих исходных состояний.

Но если, отвлекаясь от всех этих частностей, мы возьмем поведение человека в его целом, то многое в этом поведении для нас станет понятным, если мы подойдем к рассмотрению этого с диалектической точки зрения, именно с точки зрения принципа скачкообразности в развитии.

В самом деле, почему часто крупные и значительные факты сравнительно бесследно проходят для нас, а какой-нибудь часто случайный разговор, беглая встреча, вскользь брошенное замечание вызывают резкую реакцию, изменяют в корне наше поведение? Это определяется в значительной степени близостью человека к определенному узловому пункту, где необходима лишь самая ничтожная нагрузка, чтобы получился совершенно не соответствующий внешнему раздражению эффект, качественно изменяющий в корне поведение человека.

Таким образом можно видеть, что именно этот третий принцип диалектического метода — принцип скачкообразности — находит свое наиболее полное применение в психологии, как науке о поведении человека.

Перейдем теперь к четвертому и последнему принципу диалектики—к принципу прогрессивного развития, к известной триаде Гегеля, говорящей о том, что всякое прогрессивное развитие обусловлено противоречием, как отрицанием тезиса антитезисом, отрицание которого в свою очередь новым противоречием приводит к синтезу, как утверждению тезиса на высшей ступени.

В качестве первого примера названной триады я беру основной факт протекания психических процессов в двух их противоречащих формах—тезиса и антитезиса, сознательной и бессознательной сферы. Здесь в целом ряде конкретных форм мы видим, как то, что было сознательным, погружается в сферу бессознательного, с тем чтобы вновь возникнуть в своей сознательной и более богатой по содержанию форме. Таковы процессы запоминания, следующей затем подсознательной переработки и нового воспроизведения в акте воображения. Таков по своему характеру весь акт творчества, где от сознательной постановки и часто интенсивной работы над данной проблемой, мы, не добившись результата, получаем его в совершенно готовом виде лишь значительно позже, как следствие интенсивной работы в сфере бессознательного.

О том же самом говорит нам и теория психоанализа Фройда, :ледом за полученной травмой следует скрытый период задержан- нервного разряда, влекущего за собой заболевание, и где синте- ıвляется высвобождение этого разряда в психоаналитическом акте. Аналогичную трихотомию мы находим и в сфере протекания вного акта поведения человека—акта реакции, как известно, ɔящего из восприятия и осознания внешнего раздражения и об- ого ему—его антитезиса—акта реагирования на это раздражение, цанием которого в свою очередь, а тем самым, следовательно, нтезом, является возвращение вновь к начальному моменту сле- цей реакции, но уже всегда усложненной опытом предшествую- реакций. В том-то и заключается прогрессирующее развитие цесса реагирования, что опыт предшествующих реакций не исче- бесследно, а накопляется и усложняет новые реакции. Приведу один пример применения трихотомии в виде того принципа, рый мной установлен экспериментально и который я подробно гаю в своем „Учении о реакциях человека", называя это прин- ɔм однополюсной траты энергии. Диалектическая сущность этого ıцила сводится к тому, что энергия в человеческом организме ıожет быть одновременно интенсивно расходуема и центрально— 'мственный труд—и периферически—на физическую работу. Один расходования энергии отрицательно действует на другой. Но ıедовательная смена одной траты энергии другой и дает именно синтез физической работы и умственного труда, который и явля- наивысшим и наиплодотворнейшим видом расходования энер- организмом.

Не во всяком, конечно, психическом процессе возможно усмо- ь и проследить указанную триаду, ибо если в области биологии ɔциологии трудно бывает проследить все стадии какого-либо про- :а, для того, чтобы усмотреть конкретное применение этой триады, ıотря на то, что в этой области работали первоклассные умы ть хотя бы Маркса и Энгельса),—то тем более трудная задача ıать это в психологии, где впервые приходится пробивать этот путь. тем не менее вышеприведенные примеры говорят о том, что и хологня не составляет в этом отношении никакого исключения, чиняясь всецело диалектическому методу.

В заключение возникает крайне существенный вопрос: какой же сл имеет применение диалектики к психологии? Является ли эта лектика только принципом объяснения процесса развития или же ɔяду с этим и методом исследования? Я стою на этой второй ɛе зрения, почему я и называю диалектический принцип мето- . Н в отношении того, какое же значение имеет этот диалекти- ɛий метод для исследования, я думаю, что в психологии следует

итти по тому же пути, по которому идут биология и социология. Что касается двух первых принципов—принципа всеобщей изменчивости и всеобщей связи,—то надо ли говорить, что оба эти принципа стали элементарными требованиями всякой научной дисциплины, и потому исследовательское их применение не возбуждает сомнения. Что касается трихотомии, то этот принцип имеет скорее философское значение, как формула прогрессивного развития. Я думаю, что наибольшее значение в исследовательском смысле, по крайней мере для психологии, может иметь и имеет—принцип скачкообразного развития процессов с переходом от количественных определений к качественным. И если в области биологии этот принцип дал нам теорию мутаций де-Фриза, объясняющую наступление внезапных изменений в развитии видов, а в области социологии—теорию социально-экономических кризисов и революций, то в области психологии теория перехода количественных определений в качественные имеет первостепенное значение при разрешении многих проблем, как теоретического, так и прикладного характера. Так, например, давнишний спор между И. П. Павловым и В. А. Вагнером о том, является ли инстинкт чем-то по самой природе отличным от рефлекса или же только усложнением этого последнего, этот спор, вероятно, был бы давно разрешен, если бы был принят во внимание этот принцип перехода количественных определений в качественные. В данном случае, как и во многих других, спор носит всецело вербальный характер, ибо часто то, что кажется принципиально различным, на самом деле есть лишь не больше, как только новая качественная форма иного количественного определения того же самого объекта.

Не бесполезным оказалось бы применение этого принципа скачкообразности и в тех областях психологии, как науки о реакциях человека, где эти реакции являются часто неожиданно и резко качественно меняющимися, как, например, в детской психологии и психо патологии. В самом деле, каким образом возможно было бы понять и объяснить те резко наступающие качественные изменения в поведении ребенка или больного, если не учесть этого принципа скачкообразного перехода от количества к качеству. Только знакомство с диалектическими принципами развития делает нам понятным и самую сущность этих изменений. Вот почему прав Энгельс, когда он говорит, что диалектика является не только принципом доказательства, но вместе с тем и методом исследования. И я думаю, что этот метод исследования окажется столь же плодотворным в применении к психологии, насколько он оказался плодотворным в применении к биологии и социологии.

К. Корнилов.

Эйнштейн и материализм.

(Ответ т. А. К. Тимирязеву).

В 6—7 № „Под Знаменем Марксизма" 1923 г. тов. А. Тимирязев ...ливается на мою статью „Наступление на материализм". Нельзя ...ать, чтобы тон его статьи оправдывался солидностью предста...ных им соображений. Он не упускает случая для высокомерного ...ения и упрека меня в круглом невежестве. Его шокирует мысль, люди, не обладающие профессорскими „титлами" и не специали...вавшиеся в той или иной отрасли естествознания, имеют сме...ь суждения о принципе относительности. Излагая сделанную ...о попытку доказательства приемлемости принципа относительности материалиста, Тимирязев далее пишет:

„Как может философ материалист выполнить такую задачу, Для этого надо быть во всеоружии всего современного естествознания; надо уметь отличить факты от их, может быть, очень эффектных, но все же произвольных толкований... Короче, надо уметь отличать опытную науку от умозрений, оторванных от действительности... Для всякого ясно, что эта задача невыполнима без основательного знакомства с изучаемыми явлениями, чего нельзя достигнуть, однако, пользуясь низкопробной, в своей значительной части, популярной литературой по принципу относительности, заполнившей книжный рынок на Западе и нас".

Все это камень в мой огород. Неоднократно, на протяжении ...статьи т. Тимирязев с „ученым видом знатока" сообщает о моей ...ведомленности, о „звоне, который слышал тов. Гольцман", о ...елых разъяснениях тов. Гольцмана" и т. д. и т. п. до бесконеч...ти. Самому названию своей статье т. Тимирязев придал сарка...ический характер: „Несколько замечаний по поводу наступления материализм тов. Гольцмана".

На страницах журнала „Под Знаменем Марксизма" это уже не ...вый случай „ученого отпора" профессорских руководителей жур...а неучам профанам, пытающимся и свое суждение иметь по во...сам материалистической философии.

В № 4—5 журнала т. Стуков поместил статью „Теория относи...ности и материализм". По существу дела т. Стуков во многом ...бается, в некоторых случаях он прямо неправильно толкует по...ения, выдвигаемые Эйнштейном. Однако он делает искреннюю ...ытку разобраться в вопросе: выяснить отношение марксиста к ...нципу относительности.

Ответ т. Максимова Стукову, помещенный в том же номере ...нала, представляет собою верх ученого величоления, превзойден...

ного разве только Тимирязевым. Оба они предполагают, что являются монополистами в толковании современных достижений естествознания. Может быть, в этом был бы и не большой грех, но оба они кичатся также и своей непогрешимостью в области философии. Это уже значительно хуже, потому что если они даже и недурные естественники, то с ними можно и должно спорить на философской арене.

Стуков правильно отмечает в следующем номере журнала, что тон статьи Максимова означает не что иное, как „ученое чванство“. Он так и вводит этот термин „уччванство“. И надо отдать ему справедливость, что, несмотря на то, что по существу дела он совершил не мало ошибок, а Максимов, с другой стороны, высказал немало вполне правильных соображений, тон статьи последнего представляет собою несомненно не товарищеское „уччванство“.

Что требовалось доказать?

Прежде всего выясним основные вещи. Что доказывается в упомянутой мною статье „Наступление на материализм“ и что пытается доказать т. Тимирязев?

Статья—„Наступление на материализм“—прямо начинается с того, что принцип относительности использовывается буржуазными учеными для нового похода на материалистическую философию. Несколькими цитатами из книжек—Васильева, Кассирера, Эдингтона и других—подтверждается стремление буржуазных профессоров обернуть принцип относительности против материализма. Далее там же говорится, что среди самих материалистов господствует несогласованность взглядов на теорию Эйнштейна. Часть из них признает эту теорию вполне приемлемой с материалистической точки зрения; другая часть считает, что принцип относительности отвергает материализм:

> „Тем более необходимо разобраться в философском значении этой теории, что у материалистов также не наблюдается пока единства взглядов в отношении этой теории. Тов. Тимирязев в № 2 „Красной Нови“ за 1921 г. высказался в том смысле, что теория Эйнштейна разрушает материализм, что она антиматериалистична. Эту же мысль он повторил осенью 1922 года на докладе в Московском Комитете Р.К.П.“ (стр. 85).

Следовательно, вопрос ставится не в плоскость анализа физических воззрений Эйнштейна, а в плоскость выяснения их философских последствий. Неоднократно оговаривается эта мысль в упомянутой статье.

> „Дело физиков и математиков вносить те или иные частные коррективы в построения Эйнштейна. Для нас ценно было узнать философское, т.-е. общее, значение его теории“.

Более того, там прямо говорится, что философские взгляды самого Эйнштейна точно также не могут нас интересовать. Нас интересует исключительно вопрос о том, отвергается ли материалистическая философия принципом относительности, или же этот принцип, как и все великие завоевания естествознания, лишь подтверждает теорию диалектического материализма.

Стало быть, совершенно ясно, что перед нами стоит исключительно философская проблема.

Верно ли замечание, что у материалистов нет определенного взгляда на теорию относительности? Верно ли утверждение, что

Тимирязев считает принцип относительности несовместимым с материализмом?

Верно. И для ответа на первый вопрос для нас достаточно свидетельства т. Троцкого, который к тому же обобщает свой ответ. Имея в виду новейшие исследования психо-физиологии и физики, Троцкий констатирует их разобщенность. По его мнению, их следует ввести „в общем контексте диалектического материализма". Следующими словами обрушивается он на наших жрецов „непоколебимо-пролетарской" науки:

„Что скажут метафизики чисто-пролетарской науки по поводу теории относительности? Примирима она с материализмом или нет? Решен ли этот вопрос? Где, когда и кем? Что работы нашего физиолога Павлова целиком идут по линии материализма—это ясно и профану. Но что сказать по поводу психо-аналитической теории Фрейда. Примирима ли она с материализмом, как думает, напр., т. Радек (и я вместе с ним), или же враждебна ему? Тот же вопрос относится и к новым теориям о строении атома и пр. и пр." [1]).

Во втором номере „Красной Нови" за 1921 год обращаем внимание на статью Тимирязева „Принцип относительности". Предоставим ему слово:

„Если же вникнуть глубже в теорию Эйнштейна и в особенности в ее философские следствия, которые пытается вывести отчасти и сам автор, а еще в большей степени его, часто не в меру ревностные, поклонники и последователи, то мы сейчас же почувствуем, что мы в области чисто идеалистической философии, философские взгляды самого Эйнштейна во многом диаметрально противоположны материалистической философии марксизма".

Излагая далее теорию Эйнштейна и заканчивая возражениями Лєнара, Тимирязев прибавляет от себя:

„Вот тут-то мы и вступаем на нездоровую почву так называемых умственных экспериментов, т.-е. таких предположений, которые неосуществимы... Умственные эксперименты хороши для иллюстрации хода мыслей в сложных вопросах, но беда, когда на них основываются, как на реальных опытах. Тогда мы неизбежно вступаем в область, где все забронировано от опыта и, лишившись своей верной опоры, физик неминуемо должен скатиться в область идеалистической философии, т.-е. туда, где ему прежде всего придется расстаться со всей своей наукой".

Точка зрения т. Тимирязева высказана им здесь вполне категорично и без всяких туманностей: Эйнштейн приводит нас к идеализму Эйнштейн диаметрально противоположен материалистической философии марксизма.

Если т. Тимирязев был недоволен статьей, защищающей Эйнштейна именно с точки зрения „материалистической философии марксизма", то он должен был бы выдвинуть в первую очередь философские аргументы. Но что он делает? Он доказывает, что толкования Эйнштейна были неправильны в статье защитника последнего

---

[1]) Л. Троцкий, Литература и революция, стр. 162.

и что автор статьи, защищающей Эйнштейна, вообще незнаком с естествознанием. Допустим, что все это именно так. Следует ли отсюда, что принцип относительности действительно противоречит марксизму? Вот это-то и надо было доказать, а этого т. Тимирязев не делает.

Что же требуется для совместимости теории относительности с диалектическим материализмом?

Мы видели, что т. Тимирязев не доказывает существования противоречия между Эйнштейном и материализмом. Он декретирует его.

Между тем, громадный интерес представило бы собой доказательство этого противоречия. Что должен сделать марксист, пытающийся установить отношение материализма к данной физической теории? Совершенно ясно, что он должен подвергнуть эту теорию испытанию с точки зрения основных принципов нашей материалистической философии. Рассуждения Тимирязева об „умозрительном" характере Эйнштейновской теории не имеют никакой цены. Разве теория Ньютона не „умозрительна"? Обратите внимание на все основные теории, на которых держится современное естествознание, и назовите мне те, которые не оперируют „умственными экспериментами".

С своей стороны, я назову всю геометрию Евклида, о котором мы еще будем иметь случай вести более подробный разговор впереди. Расскажите мне, где это Евклид делал „опыты" при выработке основных своих теорем? Где это вы видели треугольник или окружность в непогрешимо Евклидовском смысле этих понятий? Теперь обратимся к геологии и биологии. Избегали ли Ляйель и Дарвин умственных экспериментов? И могли ли бы они их избегнуть, если бы даже этого хотели?

Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что чем величественнее, смелее та или иная физическая теория, тем абстрактнее постулат, на котором она покоится. И во всяком случае не марксисту и не материалисту суждено требовать от философии ограничения одними „фактами" и опытами. Отсюда прямая, давным-давно проторенная дорожка к позитивизму—узколобой „философии" естественников буржуазной ориентации.

Чего требует материализм от физики? Не очень многого. Для того, чтобы физическая теория удовлетворяла диалектическому материализму, н е о б х о д и м о и д о с т а т о ч н о, ч т о б ы о н а с в о д и л а в с е с о б ы т и я в п р и р о д е к п р о ц е с с у в е щ е с т в.

Все отговорки т. Тимирязева (а кстати и т. Максимова) о том, что Эйнштейн произвольно выдумывает теории, что у него „умозрительный подход", что „зависимость между пространством, временем, движением и пр. состояниями материи родилась лишь из головы Эйнштейна", суть лишь пустые увертки, отвиливания от решения задачи, вместо короткого и ясного ответа на поставленный выше вопрос.

Вот если они нам докажут, что Эйнштейн о т р и ц а е т с у щ е с т в о в а н и е м а т е р и и, как единственной сущности природы, тогда мы с ними согласимся. Или если они „на основании фактов и опыта" докажут нам, что м а т е р и я у Э й н ш т е й н а н е п о д в и ж н а, тогда мы им поклонимся в ноги и признаем наши ошибки.

Покуда спор идет о ф и л о с о ф с к о й ц е н н о с т и принципа относительности, нам нет надобности дискутировать о тех или иных частностях теории Эйнштейна. Потуги Тимирязева и Максимова („парочка товарищей") дискредитировать непостоянство воззрени

штейна на эфир не имеют решительно никакого отношения к делу. ществует ли эфир или нет, материализму до того нет дела. Если сегодня т. Тимирязев или какой-либо иной великий ученый крыл, что никакого эфира нет,—материализм, как философия, от ого ничего бы не проиграл, но ничего не выиграл он и от обратго. Материализм никогда не выдавал векселя на признание пра.льности тех теорий, которые его подтверждают. Пример: как отностся диалектический материализм к спору Ньютона и Гюйгенса о аспространении света? Если угодно, теория Ньютона, на первый згляд, более импонирует материалисту, так как она сводит распро·ранение луча света к прямому излучению материальных частиц. юйгенс выдвинул теорию колебания эфира. Что такое эфир, никто, днако, толком не знает. Следует ли из этого, что материалист отдаст редпочтение Ньютону? Ни в коем случае! Борьба между Ньютоном Гюйгенсом замкнута в себе и нисколько не задевает основ матэриалистической философии, поскольку и тот и другой **признают объективность процессов, вызывающих распространение света**.

Совершенно ясно, что если бы какой-либо доморощенный материалист отдал предпочтение одной из упомянутых теорий, **исходя з философско-материалистических** соображений, мы олжны были бы признать, что этот человек занимается „чистым мозрением", что свое невежество в естествознании он прикрывает философией", т.-е. мудрствованием лукавым. Мы сказали бы, что он лохой естественник и уж во всяком случае очень слабый материалист.

Но, ведь, этот подход и усвоили себе по отношению к Эйнштейну т. Тимирязев и Максимов.

Материализм сохраняет полный и безусловный нейтралитет по тношению к физическим основам теории Эйнштейна. Он может ысказаться исключительно с точки зрения философской ее приемлемости Но разумеется, когда физическая теория побеждает, материалист никогда не откажется обернуть всю ее силу против своих идеалистических противников всех мастей.

Кое-что о материи.

Итак, удовлетворяет ли принцип относительности основному ребованию материализма: **признает ли он существование материи?**

Этот вопрос освещен в упомянутой статье: „Наступление на материализм", и здесь мы можем ограничиться лишь краткими указаниями. Эйнштейн не выдвигает никакой новой теории вещества. Он целиком принимает данные физики, разработанные Рузерфордом, Максвеллом и др. Он говорит:

> „Так как по нашим современным воззрениям и элементарные частицы материи представляют не что иное, как сгущение электромагнитного поля"... и т. д. („Эфир и принцип относительности", стр. 25).

Для него вообще вопрос о материи не ставится гносеологически, но его больше интересуют взаимоотношения различных свойств материи, раз она существует.

Больше всего, однако, обижается тов. Тимирязев на признание Эйнштейновской формулы

$$M = \frac{E}{C^2}.$$

масса тела равна его—энергии, деленной на квадрат скорости распространения света[1]. Тут у него два возражения: Прежде всего, эта формула открыта не Эйнштейном, а Томсоном. Затем эта формула еще не проверена окончательно.

Но мы не будем здесь защищать приоритет того или иного ученого. Характерно это непонятное озлобление т. Тимирязева против Эйнштейна: „Эта формула $\left(M = \frac{E}{C^2}\right)$ была выведена гораздо раньше Эйнштейна Джозефом Томсоном и игнорируется буржуазной наукой“. Что же из того, т. Тимирязев? Мы готовы воздать должное Д. Томсону и полагаем, что его приоритет ни в какой мере не может повлиять на оценку этой формулы. Раз вы эту формулу принимаете (независимо от того, кто ее автор), вы признаете вместе с тем, что масса вещества может быть сведена к энергии.

Но в этом пункте тов. Тимирязев уклоняется от прямого ответа. И в этом его второе возражение. В одном месте он говорит: „Томсоновское объяснение позволяет нам освободить физику от носящего явно метафизический характер понятия „потенциальной энергии“. Как будто отношение к Томсону приличное. Двумя строками ниже: „Но станем ли мы на точку зрения... Томсона или на точку зрения Эйнштейна—мы должны будем сказать, что эта формула далеко еще не так хорошо проверена на опыте“ (Стр. 237).

Это типично ученый язык: с одной стороны—с другой стороны. Формула хороша, но не совсем хороша. Но все же, т. Тимирязев, насколько она хороша? Первое впечатление таково, что она слишком хороша, ибо „игнорирует я буржуазной наукой“! По этой причине можно предположить, что она—хороша именно для диалектического материализма. Ибо известно: „что русскому здорово, то немцу—смерть“.

Для нас грешных профанов, однако, не столь важно, если т. Тимирязев „на опытной проверке“ внесет на 10% поправку в эту формулу. Нам интересно выяснить, согласовывается ли эта формула при современном состоянии науки с основными положениями диалектического материализма.

Упомянутое превращение (или вернее—однородность) материи в энергию необычайно пугает нашего автора. Он рекомендует мне прочесть снова книгу Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“, где Владимир Ильич, якобы, обрушивается на Германа Когена, надеявшегося на то, что электрическая теория материи приведет к победе идеализма. „Удивительные, право, дела творятся на свете!—восклицает т. Тимирязев.—Материалисты идут под-ручку с идеалистами“.

Разрушается ли материализм сведением материи к энергии, и наоборот?

Насчет того, кто с кем гуляет под-ручку, мы еще будем иметь случай убедиться как-нибудь позднее. Пока же посмотрим, что писал т. Ленин.

Конечно, никто из нас не может выдать векселя в том, что его мысли будут всегда и во всем совпадать с выводами Маркса, Эн-

[1] В упомянутой моей статье приведена та же формула, что и здесь в тексте, но написано для краткости:

... „Энергия, деленной на величину скорости света“. Из формулы, конечно, ясно, что речь идет о квадрате скорости. Тем не менее, т. Тимирязев не упускает случая высокомерно воскликнуть: „неверно—на квадрат скорости“ (стр. 235).

и Ленина. Однако сочинения последних служат нам крит-
с которым мы должны, так сказать, соизмерять наши сообра-
, постоянно себя проверяя.

Неприятно, поэтому, сознаваться, что мыслишь по иному, чем
, ибо это требует новой коренной и тщательной поверки как
енной аргументации, так и хода мыслей т. Ленина.

Вот с такими чувствами снова раскрывал я X том сочинений
на, в котором напечатан „Материализм и эмпириокритицизм".
Должен без оговорок признаться: святая правда на стороне
мирязева. Действительно, я нашел у Ильича ряд интереснейших
й, свидетельствующих о той ясности и непредубежденности,
орой этот, по преимуществу политический, борец подходил
росам философии. Я настоятельно рекомендую т.т. читателям
и снова перечитать это поразительное сочинение, написанное
15 лет назад и так прекрасно отвечающее на вопросы, терзаю
современную физику. Я настоятельно рекомендую и т. Тимиря-
не „просмотреть", а прочесть всю 5-ю главу от начала и до
..

Владимир Ильич вполне правильно ставит вопрос не как фи-
а как философ. Дело физиков доказывать, действительно ли
тся к водороду все вещества, является ли электричество основой
ии, существует или не существует эфир и пр. Пусть они „хо-
проверяют все это на опыте". Ильича же интересуют философ-
выводы [1]):

„Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т.-е.
диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить
существуют ли электроны, эфир и **так далее** вне человече-
ского сознания, как объективная реальность, или нет? На этот
вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут
ответить и отвечают **да**, как они без колебания признают суще-
ствование природы до человека и до органической материи.
И этим разрешается вопрос в пользу материализма, ибо понятие
материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически
ничего иного, кроме как: объективная реальность, суще-
ствующая независимо от человеческого сознания и отображаема
им" (Стр. 219—220).

Тов. Тимирязев совершенно не понял Ленина, когда ссылался
о возражения против Оствальда. Дело заключается совершенно
том, что Оствальд признавал однородность материи и энергии
Спор шел вовсе не по этой линии и знаменитая формула

$$M = \frac{E}{C_2}$$

не при чем.

Тов. Тимирязев слышал звон и спешит откликнуться. Столкнуть
ьной головы на здоровую. Между тем, если бы Оствальд при-
л, что энергия, электрон, эфир „и так далее" существуют вне
еческого сознания, как „объективная реальность",—спора бы и
ло. Вся беда в том, что Оствальд рассуждал не как физик
философ и хотел из своих философских постулатов вывести
ческие законы, аналогично тому, как т. Тимирязев отвергает
тейна, исходя из якобы философских посылок.

[1]) В дальнейшем—во всех цитатах будет курсив Ленина. Цитируется по тому X
ний. Госиздат. Москва 1923 г.

Когда в связи с возникновением электрической теории материи буржуазные философы, в том числе Герман Коген и др., подняли крик о крушении материализма, об „исчезновении материи“, об „энергетических основах бытия“ и пр. и пр., когда, казалось, вот-вот снова раздастся знаменитое Дюбуа-Реймондовское „Ignorabimus“ (точь в точь, как теперь в связи с принципом относительности), Ильич хладнокровно разобрался в чем дело, изучил вопрос и заявил:—Что вы, милые!? Материя исчезла! Материализм погиб! Да вы никогда не имели представления ни о материи, ни о материализме. Но только никакого кризиса материализма нет и в помине, но, наоборот, никогда еще диалектический материализм не получал столь блестящих подтверждений со стороны физики, как именно теперь. Послушайте, т. Тимирязев, Ильича и укажите, Христа ради, где это Ильич опасается замены материи энергией. (Или вы, быть может, оспариваете, что электричество есть энергия?)

„Естествознание ведет, следовательно, к „единству материи“— вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку столь многих. „Материя исчезает“, это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор. Наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. д.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное „свойство“ материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания“ (Стр. 218).

Прямо удивляешься необычайной смелости высказанных здесь Ильичем мыслей. Тем более, что он писал свою книгу все-таки без малого 15 лет назад, когда эти физические теории были еще едва-едва сформулированы. Однако его выводы гораздо более „еретичны“, чем те, на которые обрушивается т. Тимирязев. Принимая Эйнштейновскую формулу, я полагал, что масса вещества измеряется его энергией, деленной на квадрат скорости света. Не вдаваясь в детальную оценку этой формулы („хорошая поверка“ т. Тимирязеву) я заявил: эта формула не противоречит диалектическому материализму. Из-за нее мы с Эйнштейном ссориться не будем. Но Ленин идет куда дальше. Он заявляет, что даже полное исчезновение массы, уничтожение „основных“ свойств материи, т.-е. тех, которые до сего времени были неразрывно связаны с нашим представлением о материи, как, например, непроницаемость, инерция и т. д.— это не обескураживает, как материалиста. Ибо, повторяю, материализм не дает и, надо полагать, никогда не даст гарантии покровительства той или иной физической теории, поскольку она не имеет специально физического обоснования. Материализм не знает монополии в естественных науках.

Когда Ленин боролся против энергетиков, махистов, кантианцев и пр. представителей идеалистической философии, он не то ставил им в вину, что они заменяют материю электричеством, энергией или чем либо иным. Речь шла о том, что по представлениям всех этих „школ“ взамен материи ничего не ставилось. Оставалось одно лишь „движение“, но не внешней среды, а лишь как „ощущение“. Вот против этого-то и выступал Ильич, ибо всякий, кто в какой бы то ни было форме признает, что движение есть только наше ощуще-

ие, хотя и „хорошо проверенное" на опыте, тот неминуемо скатится солипсизму. Как известно, Ильич правильно сводил все на материалистические воззрения к солипсизму.

Когда же т. Тимирязев борется против электрической теории атерии во имя материализма, то он служит не богу, но Маммоне, бо материализм отнюдь не возражает против „единства материи", то представляет себе, что „материя" должна обладать обязательно ями свойствами, которые ей приписываются классической физикой кстати сказать, сформулированных уже Спинозой в его „Этике"), тот, лучшем случае защищает вульгарный материализм Бюхнера—Моэшотта, но не современный диалектический взгляд на природу.

Нужно ли связывать судьбу Евклида с материализмом?

Этот вопрос точно также возникает из нашей с т. Тимирязевым искуссии. Правда, сперва он длинно упрекает меня в безграмотности, оказывая, что Рузерфорд, Зоммерфельд, Эйлер и еще полдюжины печисленных им ученых никогда на Евклида не пеняли. Мы оставим, днако, эти упреки без внимания и подойдем непосредственно к поставленному выше вопросу.

Тов. Тимирязев сам чувствует необходимость ответа на этот опрос. Однако его „позитивистская" осторожность не дает ему во ожности определенно по этому поводу высказаться. „Таким образом акгов, доказывающих необходимость отказаться от Евклидовой геоетрии, пока еще нет; из этого вовсе не следует, что нам никогда не ридется признать, что Евклидова геометрия есть первое приближение; но для этого надо будет подождать новых фактов, новый открыый" (стр. 237).

Конечно, это терпение делает честь т. Тимирязеву. Со времен Евклида прошло ни много, ни мало: — две с половиной тысячи лет. С тех пор не мало-таки воды утекло и кое-что произошло и в науке, о... мы проверим хорошо, „подождем новых фактов, новых открытий".

Когда Евклид собирал в своих трудах опыт сотен лет (а может ыть и тысячелетий) предыдущего математического творчества челоечества, последнему был знаком лишь небольшой треугольник земой поверхности, упиравшийся своими вершинами в Малую Азию, Египет и Грецию. Я не предполагаю, чтобы кто-либо из материалистов оспаривал, что аксиомы Евклида фактически отображают собой опыт индо-греческого человечества. Что геометрия возникла из опыта, знает теперь каждый школьник. Нужно удивляться мощи Евклидовского гения, сумевшего чисто умозрительным путем из такого ограниченного опыта абстрагировать к столь общим доказательствам.

Для того, чтобы этих доказательств достигнуть, Евклиду пришлось совершенно отвлечься от физических свойств тех тел, с которыми он имеет дело. Для его плоскости, шара или пирамиды не имеет никакого значения температура, тяготение или движение тела. Более того, изучая одни величины, он совершенно игнорирует другие, столь же физически необходимые величины тела. Линия не имеет у него никакой толщины и ширины, точно так же, как плоскость не обладает глубиной. Поэтому, в смысле абстрактного происхождения Евклидовых аксиом, Эйнштейн имел полное право сказать, что „поскольку положения математики относятся к действительности, постольку они неверны; и они верны постольку, поскольку они не относятся к действительности" („Геометрия и опыт", стр. 4), хотя это и звучит парадоксально. Евклидовы фигуры и тела имеют абсолютно правильные

формы. Но эти формы нигде в природе не существуют. Они выдуманы! Пожалуй, нет лучшей аналогии для Евклидова мира, как Платоновский мир заоблачных идей. Но этим дело не ограничивается. Представления Евклида о шаре и шаровой поверхности целиком заимствуются и основываются на его представлениях о прямолинейных отрезках и плоскостях. Ни для кого не секрет, что измерения криволинейных плоскостей и объемов построены на основе приближенных вычислений, посредством плоскостей и отрезков. Такой подход к криволинейным поверхностям и объемам оправдывается историческим происхождением Евклидовой геометрии. Как уже было упомянуто, геометрия эта развилась на небольшом треугольнике между Египтом, Малой Азией и Грецией. Чем меньше участок земли знаком человечеству, тем ближе к действительности измерения, проводимые на основе Евклидовой геометрии. Идеальные поверхности и отрезки, представляемые Евклидом, практически соответствуют ограниченному опыту человечества, замкнутого на небольшой территории. Ознакомление с большими площадями земной поверхности, связанное с возникновением путешествий, стало колебать основу Евклидовой геометрии. Открытие Христофора Колумба показали, что практически прямой линии не существует и даже идеальный прямолинейный отрезок, проведенный на школьной доске при значительном его продолжении образует собою кривую.

У Поля Лафарга, цитируемого соратником по „антиэйнштейнианству“ тов. Максимовым, Тимирязев найдет доказательство того, как исторически была поколеблена Евклидова геометрия.

Знаменитый постулат Евклида о параллельных линиях был отброшен именно открытием шарообразности земной поверхности в эпоху мировых путешествий. Лафарг выражается категорически:

„... кривизна плоскостей и линий варьирует, смотря по большей или меньшей удаленности от экватора. Таким образом Евклидов постулат, который лежит в основе геометрии, оказался при проверке опытом ошибочным; не Евклидовы же системы геометрии ближе подходят к истине“ [1])

Как видно, Лафарг выражается довольно-таки определенно в противовес Тимирязеву, ждущему новых „опытов“. Лафарг прямо заявляет, что Евклидов постулат ошибочен и что не-Евклидовы геометрии ближе подходят к истине. Разумеется, никто не станет оспаривать того, что у Лафарга истина есть истина—опыт, а не абстракция.

Простой пример показывает нам, насколько оказалось необходимым для человечества перейти от прямолинейной Евклидовой геометрии к иным формам измерения. В древности единицей измерения был „локоть“, пядь [2]) и т. д. Что это такое: прямолинейные отрезки или нет? При старых условиях измерений, это, естественно, были прямолинейные отрезки — масштабы, посредством которых измеряли количество передаваемых при обмене друг другу товаров. Наш русский аршин есть точно также прямолинейный отрезок—масштаб. Но эта стадия экономического развития ограничена узкой территорией и узкой базой обмена. Здесь Евклидова геометрия безраздельно господствует как в прикладных измерениях, так и в математических представлениях людей. Однако характерной иллюстрацией практического

[1]) У меня нет под рукой сочинения Лафарга: „Экономика, естествознание, математика“ и я цитирую по статье Максимова в 1—5 номере журнала „Под Знаменем Марксизма“. Кстати Максимов усердно доказывает устарелость Евклидовой геометрии против Стукова. Я предложил бы нашей фракции антиэйнштейнианцев сговориться между собой по такому простому вопросу.

[2]) Отсюда выражение: „ни одной пяди земли“

седневного перехода человечества к криволинейной системе измения является введение новой единицы измерения — метра. Что ое метр? На первый взгляд это прямолинейный отрезок. На деле часть дуги, сознательно принятая, именно как таковая. Метр ен $\frac{1}{40.000.000}$ части земного меридиана. Т.-е. 40 милл. метров дставляют собою сдавленную у полюсов окружность. 10 милл мет являются четвертью дуги, – квадрантом. Однако в практической седневной жизни метром можно измерять и то, что принято на ать плоскостью или отрезком. Это наиболее характерный пример), как в узких пределах криволинейные масштабы могут совпадать :рямолинейными, и как последние являются частным случаем вых.

Как сказано было, мировые путешествия XVI и XVII столетий исто есчи привели к сферическим масштабам и отсюда—к не-евклид ой геометрии. Смешны доводы т. Тимирязева, что Евклидова иетрия пользуется всеобщим практическим признанием. Поскольку ь идет о твердых телах, употребление которых не требует от нас менения корректива на происходящие внутри них процессы, поську, конечно, Евклидова геометрия практична. Старое живет на у с новым и Евклидова геометрия применяется на-ряду с совреными, почти совершенно отвергающими ее измерениями. Однако)еменный ученый при применении Евклидова метода измерения 'да имеет в виду ту ошибку, которая может его ожидать при этом ;обе и при этих масштабах.

Тов. Тимирязев говорит о том, что ряд новейших исследований)ваны на Евклиде. С тем же правом он мог бы сказать, что совре ный цивилизованный язык основан на санскритском, ибо наши опейские языки, как известно, происходят от последнего и лингг отыщет в нем корни употребляемых нами слов. Тем не менее, один взрослый человек не станет утверждать, что санскритский язык язык современного человечества. То же с Евклидом. Если угодно, :ема дифференциального и интегрального исчислений имеют корни эклида; их связующим звеном является теория пределов. Однако, ютрите, разве не два совершенно различных мира—современные ференциальные исчисления и Евклидова геометрия твердых зков!

Дело не этим только ограничивается, что человечество от узких иторнальных участков перешло к овладению всем земным шаром. логично тому, как в биологии, на-ряду с макробиотикой, разви 'ся учение о микроорганизмах, так и в физике—измерение гро ных мировых пространств идет параллельно внедрению человече 'о знания в жизнь небольших тел и атомов. Представление о мире о теперь совершенно несоизмеримо древне-греческому. Совре ная природа не является суммой ограниченных поверхностей знакомых древнему греку, ибо каждое тело в свою очередь ока сь громадным миром. Современная атомистика лучше всего это верждает. Поэтому и Евклидова геометрия оказалась недостаточ не только благодаря переходам к большим величинам, но и благо ря тому, что малые величины, если можно так выразиться, пре ились в беспредельно громадные.

Мир движений, открытый в современном атоме, делает точке же неприменимой Евклидову геометрию твердых отрезков, как и диозные величины мирового пространства.

Поэтому, когда вопрос ставится так – связан ли материализм с

Евклидом, мы должны сказать: нет; безусловно не связан. Материализм опять-таки в математике, как и в физике, не намерен предоставлять монополии той или иной теории. Но в силу этого, он и не будет цепляться за Евклида. Покуда весь мир был ограничен небольшими участками земли, материализм отдавал предпочтение Эвклиду и если бы тогда появилась, напр., Риманнова геометрия, то весьма вероятно, что материалисты выступили бы против нее, ибо в тех условиях она была бы именно „воображаемой" геометрией. Но, при современных условиях, когда Евклид ограничен локтями и аршинами, а исполья емые человечеством пространства раскинулись на миллионы и миллионы километров, воображаемой геометрией является скорее геометрия Евклидова, чем что бы то ни было иное.

О социальной характеристике теории относительности.

Необычайный шум подняли т.т. Тимирязев и Максимов относительно социологического значения теории Эйнштейна.

Наши естественники, философы и математики, помимо всех своих качеств, оказываются еще и хорошими социологами. Они доказали заочно, что Эйнштейн является олицетворением упадочности не только современной науки, но и всего современного капиталистического общества, что „мистерия, окутывающая теорию Эйнштейна, выражает собою отчаяние буржуазных классов побежденной Германии". В особенности много на этот счет писал т. Максимов. Поддерживал его в этом деле и Тимирязев.

Но откуда берутся факты, которыми можно было бы доказать, что теория относительности является как раз выражением этого общественного настроения, о котором говорят наши товарищи. Ведь, для того, чтобы судит о социальном значении той или иной теории, надо же найти хоть какие-нибудь, если не много фактов; ведь, недостаточно построить одну лишь „умозрительную теорию", основанную на том, что за Эйнштейна хватались кантианцы, махисты и проч. идеалисты всех мастей. Это совершенно справедливо и об этом говорится в моей предыдущей статье. Но что же из этого следует? Разве орудием против материализма не являлась в руках спецов от философии любое открытие естествознания? Посмотрите, пожалуйста „Историю материализма" Ф. Ланге, и вы увидите, как на протяжении веков научные открытия обертывались против материализма, правда, ударяя затем фатально обоими концами по идеалистической философии. Тов. Ленин, в упомянутой своей книге, прекрасно доказывает, что вся современная физика и одно за другим все открытия ее использовались, как материал против материализма.

Однако скажите, пожалуйста, где это видано, чтобы на основании этого судить, что эти открытия являются олицетворением „упадочности" или реакционности современной буржуазии [1]). Как раз наоборот. Чем сильнее вой идеалистов, ниспровергающих в тысячный и стотысячный раз материалистическую философию, тем больше

[1]) Само собою разумеется, сказанное в тексте относится лишь к физическим и др. естественнонаучным открытиям и отнюдь не к их идеалистически-философским „выводам". Так, напр., дарвинизм есть плодотворное естественно-научная теория, признаваемая каждым марксистом, но философия Мальтуса, вдохновившая Дарвина и учение Спенсера, якобы вытекающие из дарвиновской теории, нами не могут быть приемлемы. В их основе лежит не естественно-научная, но политическая мысль самозащиты господствующих классов.

ланов (будьте уверены), что причина этого воя—их боязнь за собственную шкуру.

Электрическая природа материи, теория квантов, которую, кстати, как восхваляет т. Тимирязев, разве все это не послужило поводом к новым нападкам на материализм. С равным успехом можно утверждать, что теория квантов, как и принцип относительности, использовывалась против философии пролетариата. Тов. Тимирязев является противником Эйнштейна. Это его дело. Но он хочет доказать, что за Эйнштейном стоят лишь реакционеры. Это уже совершенно напрасные хлопоты. Преобладающее большинство современных физиков признает принцип относительности. В сущности говоря, вместе с Тимирязевым стоит ничтожная кучка ученых; заслуги некоторых из них перед наукой можно оспаривать. Особенно сильно ссылаются Тимирязев и Максимов на проф. Ленара. О заслугах Ленара перед физикой можно было бы немало поговорить отдельно. Но интересно выяснить политическую физиономию этого профессора. В „Известиях" мы находим подробную корреспонденцию из Гейдельберга, где Ленар читает свои лекции. Из этой корреспонденции читатель увидит, что даже Гейдельбергское студенчество, которое не страдает излишней революционностью, вынуждено было устроить забастовку и побить стекла в квартире Ленара. Ленар заматерелый черносотенец, жидоед, прославившийся не столько своими научными открытиями, сколько католически-черносотенными выступлениями. И вот эта-то фигура высокого профессора-паписта является столпом современного похода против принципа относительности!

Если бы я захотел воспользоваться демагогическим приемом Тимирязева, я должен был бы воскликнуть: „удивительные дела творятся на свете". Философ-материалист, марксист и революционер прогуливается под-ручку и любезничает и коалирует с немецким черносотенцем, жидоедом.

В настоящее время нет, конечно, достаточно данных для характеристики социально-политических причин возникновения принципа относительности. Подводить социологическую базу под чисто-физическую теорию Эйнштейна теперь так же трудно, как найти социологическое объяснение возникновения, скажем, теории Ньютона, или той же теории квант—Планка. Для того, чтобы выяснить социальные принципы возникновения этих теорий и развитие науки в таких деталях, нам нужно было бы обладать микрометрическими марксистскими шаблонами.

К сожалению, таких точных измерительных приборов в области социологии в нашем распоряжении еще не имеется, и все попытки социологического объяснения отдельных физических теорий являются покушением с явно негодными средствами.

Мы неоднократно оговаривались и оговариваемся в последний раз, что философская физиономия самого Эйнштейна не представляется для нас интересной. Мы отнюдь не можем защищать тех философских выводов, которые он делает (если и делает) из своей теории. Но, во всяком случае, политическая физиономия Эйнштейна нам гораздо ближе, нежели целый ряд даже нейтральных ученых, а тем более „ученых" типа Ленара.

А. Гольцман.

Эйнштейн, материализм и тов. А. Гольцман.

Ответ на ответ.

Тов. А. Гольцман жестоко на меня обиделся за то, что я в моей статье, напечатанной в № 6—7 „Под Знаменем Марксизма" без всяких оговорок и стеснений указал на недопустимые промахи, которыми переполнена его статья „Наступление на материализм". Слов нет—бывает очень неприятно, когда тебе укажут на твои ошибки и в особенности после того, как сам во всем разберешься и убедишься, что ошибки действительно были. Тогда—и это вполне естественно—хочется с одной стороны найти для себя какие-нибудь смягчающие обстоятельства и с другой найти какой-нибудь повод, чтобы хоть чем-нибудь уколоть противника. В таком состоянии однако легко наговорить больше чем следует, и в ответе т. Гольцмана на мои возражения мы имеем яркий тому пример. „Его (т.-е. меня. *А. Т.*) шокирует мысль, что люди, не обладающие профессорскими „титлами" (курсив наш. *А. Т.*) и не специализировавшиеся в той или иной отрасли естествознания, имеют смелость суждения о принципе относительности". Теперь позвольте задать вопрос: где и когда в печатной, рукописной или устной форме я это высказал? Или, быть может, Вы обладаете даром чтения мыслей? Тогда, мой совет, не полагайтесь на эту способность, так как она приводит всего только к неособенно похвальным приемам полемики.

З н а т ь т о, о ч е м г о в о р и ш ь и п и ш е ш ь—это т а к о е п р а в и л о, к о т о р о е д о л ж н о с о б л ю д а т ь с я в с е м и, б е з в с я к о г о и с к л ю ч е н и я. На исполнении этого правила я только и настаиваю, при чем же тут демагогия о профессорских „титлах", питаемая разгоряченной фантазией?

Что бы Вы сказали, тов. Гольцман, о таком естественнике—допустим, профане в области общественных наук и элементарной политграмоты, который бы где-нибудь сказал или даже напечатал, что нет никакой разницы между большевиками и меньшевиками, потому что и те и другие считают себя марксистами? Мы бы, конечно, вместе с Вами—я непременно бы Вам помог—изобличили невежду, и, я уверен, нас никто не обвинил бы в „учванстве", если и мне будет позволено писать, по выражению т. Демьяна Бедного, „на чорт знает каком языке".

Но какой смысл останавливатся так долго и на таких пустяках, скажет хладнокровный читатель? К крайнему сожалению, это необходимо и необходимо в первую голову потому, что именно здесь, в этих, казалось бы, мелочах мы и находим ключ для объяснения всего

ра—всей нашей дискуссии. Ход мысли тов. Гольцмана таков: за беда, если я не знаю каких-то мелочей, над которыми копотся разные физики, химики и прочие там всякие естественники; философам материалистам нет никакого дела до ваших теорий, всяких эфиров—мы никому из вас монополии давать не будем. бы читатель однако не подумал, что я только для отвода глаз ал по поводу чтения мыслей, чтобы самому мне было удобнее час же заняться этим мало похвальным делом, я приведу почные слова самого т. Гольцмана. „Материализм сохраняет полный езусловный нейтралитет по отношению к физическим основам теи Эйнштейна. Он может высказаться исключительно с точки ния философской ее приемлемости". „Материализм опять так и атематике, как и в физике, не намерен предоставлять монополии или иной теории". „Существует ли эфир или нет—материаму до этого нет дела".

Простите, т. Гольцман, за то, что я Вам возвращаю комплит, но в этих Ваших словах сказывается чванство философа, коым Вы сильно заражены и которым, как правило, болеют философы алисты, с презрением относящиеся к насущным задачам естествония. У Вас этот вид чванства, повидимому, вытекает из Вашего еобразного применения диалектического материализма к естествонию. „Чего требует материализм от физики? Не очень многого. того, чтобы физическая теория удовлетворяла диалектическому ериализму, **необходимо и достаточно, чтобы она свела все события в природе к процессу веществ**" (Кур. автора). Нет! тов. Гольцман, тысячу раз нет! **Необходимо, не достаточно!** А где же тогда критерий практики? Ведь это нь и очень существенная сторона теории познания диалектичего материализма. Вот Вам наглядный пример. Знаете ли, какая еня есть теория? Когда на меня смотрит кто-либо из моих собеников и моргает глазами, то в этот короткий срок, измеряемый ями секунды, я, пишущий эти строки, успеваю слетать на одну планет, вращающихся около Сириуса, и вернуться обратно, это исходит так быстро, что я сам об этом ничего не помню. Мне возают, что не все моргают сразу: кто-нибудь да удосужится когдаудь увидеть Ваш полет. Все это верно, отвечаю я, но так как чатления в глазу сохраняются довольно долго, во всяком случае лне ощутимые доли секунды, так как я всё-таки большую часть мени провожу на земле, то принципиально мой полет никто не ет увидать. Не видят же люди летящий снаряд? А что касается тастической скорости, то ведь теперь и Эйнштейн разрешает говоо скоростях больше чем 300.000 километров в секунду. Давайте дим: подходит ли теория под те немногие требования, какие должен

предъявлять материалист с Вашей точки зрения? Что я сам, пишущий этот неприятный для Вас ответ, состою из материи—в этом никто не усомнится, и что мое путешествие есть процесс и даже самое простое движение материи—это тоже не подлежит сомнению. Теперь, скажите пожалуйста, тов. Гольцман, по совести, достаточно всего этого, чтобы с моей вздорной теорией должен был считаться материалист? Вот что значит забыть про критерий практики! Материализму дела нет, говорите Вы, существует ли эфир или нет. Что же? Очень хорошо! Значит материализму дела нет, опровергает ли наука чудеса или проповедует оные. Признание факта существования волн света и волн в тысячи раз более длинных, употребляемых в радиотелеграфе и радиотелефоне, никем не отрицается, даже самыми рьяными поклонниками Эйнштейна. С другой стороны, некоторыми отрицается существование той среды, в которой бегут эти волны. Признавать волны и отрицать то, что волнуется—значит проповедывать самое доподлинное чудо: существует движение—не существует только то, что движется! В моей статье я привел метафизические взгляды Эйнштейна на эфир. Новый эфир, декретированный Эйнштейном, нельзя мыслить состоящим из частей и к нему нельзя применять понятие движения и покоя. На это т. Гольцман просто не обратил внимания, отмахнувшись от эфира вообще. И еще с видом победителя объявляет, что ни я, ни тов. Максимов не указали, в чем теория Эйнштейна не согласуется с диалектическим материализмом. Кто же спрашивается, прибегает „к пустым увверткам“?

Но есть места в ответе тов. Гольцмана прямо изумительные: „Когда же т. Тимирязев борется против электрической теории материи во имя материализма, то он служит не богу, но Маммоне. Ибо материализм отнюдь не возражает против единства материи“...

Тов. Гольцман, читали ли Вы мою статью, которая Вас так рассердила, как следует, или только „просматривали“? Что же я делал, как не защищал электрическую теорию материи, излагая ясные взгляды Томсона на единство материи и эфира? Об этом же вопросе я писал и раньше в № 4 „Под Знаменем Марксизма“ за 1922 г., на эту же статью я ссылаюсь в статье, посвященной разбору Вашего „Наступления на материализм“. Я только защищаю материалистический взгляд на электрическую теорию материи Томсона и восстаю против идеалистических истолкований тех же самых положений, что и у Томсона, но выводимых из абстрактных постулатов Эйнштейна.

Различие между этими двумя взглядами можно увидеть на следующем хотя бы и очень грубом примере. Я махаю сложенным и свернутым зонтом—мне это легко: я рассекаю воздух и очень мало увлекаю его с собой. Далее я раскрываю зонтик, преодолевая сопротивление пружинящих прутьев, и передаю им энергию, которую я

при этом затрачиваю. Зонт обладает теперь некоторым избытком энергии в виде согнутых прутьев. Если я теперь начну им махать, мне будет труднее это сделать—я должен двигать значительно большие массы воздуха,—раскрытый зонт не рассекает так хорошо воздух, как это делает свернутый. На этом примере наглядно иллюстрируется мысль Томсона. Увеличение энергии сопровождается изменением формы изучаемой системы, вследствие чего эта система увлекает с собой больше вещества из окружающей среды—эфира; масса этого эфира и есть та масса, которую Эйнштейн приписывает самой энергии. Эти глубокие мысли были встречены весьма холодно буржуазной философией, потому что они строго материалистичны. А когда, опираясь на постулаты Эйнштейна и на подогретую энергетику Оствальда, стали говорить, что „поле силы" или заключенная в нем „энергия", т.-е. „способность производить работу" (другого определения энергия не имеет), имеет сама массу, а потому никакого вещества или „носителя энергии" больше не надо, тогда все идеалисты, а вместе с ними и тов. Гольцман, возрадовались. Еще Оствальд утверждал, что единственная реальность есть энергия, носитель же энергии—материя—ничем себя не проявляет,—это непознаваемая, а потому и никому не нужная вещь в себе; не гладко выходило у него только насчет массы, как на это указал Больтцман. Эту полемику обстоятельно разбирает тов. Ленин в своей замечательной книге „Материализм и эмпириокритицизм". „Против оствальдовской энергетики Л. Больтцман полемизировал неоднократно с точки зрения физики (видите, тов. Гольцман, Владимир Ильич не говорит: нам, материалистам, нет дела до ваших специальных вопросов. *А. Т.*), доказывая, что формулу кинетической энергии (половина массы, помноженной на квадрат скорости), Оствальд ни опровергнуть, ни устранить не может и что он вертится в порочном кругу (вспомните, т. Гольцман, Ваш собственный порочный круг—материя—есть поле сил, а поле сил есть движущаяся материя. *А. Т.*), выводя сначала энергию из массы (принимая формулу кинетической энергии), а потом массу определяя как энергию"[1]. Как же не радоваться, если теперь на основании абстрактных постулатов Эйнштейна можно строго логически доказать, что масса—это не свойство материи или эфира, а свойство энергии, т.-е. „способности производить работу", и никакого носителя энергии, т.-е. вещества-материи, больше не нужно. Вопрос, как видите, очень серьезный и притом философский, а Вы с высоты вашего философского величия этого не заметили и забавляете своих читателей, что у меня речь идет только о приоритете Томсона и что я, как подобает узколобому „титулованному" педанту, говорю глупости, с одной стороны, эта фор-

[1] Материализм и эмпириокритицизм, стр. 292.

мула, как Томсоновская, хороша, а с другой, как Эйнштейновская, плоха, „ибо известно: что русскому—здорово, то немцу—смерть". Этот, опять-таки, не особенно похвальный, но зато весьма удобный, полемический прием приводит т. Гольцмана в весьма божественный экстаз.

„Послушайте, т. Тимирязев, Ильича и укажите, Христа ради, где это Ильич опасается замены материи энергией (или Вы, быть-может, оспариваете, что электричество есть энергия?)". Вот в том-то и дело, что электричество не энергия, и вам, как работнику Глав-Электро, не мешало бы это знать! В книге Ильича Вы действительно нигде не найдете, чтобы он боялся замены материи электричеством (но электричество—не энергия, тысячу раз не энергия!). Представьте себе, этого и я нисколько не боюсь, потому я и отстаиваю взгляды Томсона и его электрическую теорию материи. А об энергии тов. Ленин достаточно ясно выразился в одном примечании к изложению материалистических взглядов Больтцмана. Речь идет об одной рецензии учебника физической химии, написанной Больтцманом. Желая похвалить книгу и желая показать свое согласие с точкой зрения автора, Больтцман пишет: „автор строго держится за дуализм материи и энергии". К этому месту есть ценное примечание тов. Ленина. „Больтцман хочет сказать—автор не пытается мыслить движение без материи. Говорить о дуализме здесь смешно. Философски монизм и дуализм состоят в последовательном или непоследовательном проведении материализма и идеализма" (стр. 294). Те, кто пытаются свести все явления к одной энергии (за подробностями отсылаем читателя к нашей статье „Наступление на материализм тов. Гольцмана" № 6—7, 1923 г., стр. 232), неминуемо приходят к выводу, что существует одно только движение, но мы ничего не знаем о том, что движется. Оствальд считал энергию реально существующей помимо нашего сознания, он признавал объективность движения и только отрицал объективность носителя движения, оттого на него нападали и материалисты и идеалисты; так всегда бывает с эклектиками. Теперь спрашивается, кто же не понял книжки тов. Ленина? Далее, считая насущнейшие задачи физики не интересными и не важными для материалиста и отвергая критерий практики, Вы, понятно, считаете не основательными мои и тов. Максимова замечания на счет „умозрительности" теории Эйнштейна. По-вашему, это все не имеет никакого отношения к сути дела, т.-е. к вопросу, вяжется ли теория относительности с материализмом или нет.

Вы, не без яду, по этому поводу замечаете, что требование, предъявляемое всеми здравомыслящими учеными — требование опытной поверки теории и особенно такой парадоксальной, как Эйнштейнова,—требование не марксистское. „Отсюда,—говорите Вы,—прямая,

авным-давно проторенная дорожка к позитивизму—узколобой „философии“ естествоиспытателей буржуазной ориентации“.

Так, так, очень хорошо! Для того, чтобы сделать пакость позитивизму, мы должны забыть, что опыт естествоиспытателей имеет мало что общего с опытом в эмпирио-критико-символико-монистически-махистском смысле, мы должны забыть основы своей собственной философии, мы должны отказаться от проверки всех наших теоретических построений опытом—практикой, от диалектического превращения „вещей в себе в вещи для нас“! Ведь, как будто бы, мы все должны знать, что „господство над природой, проявляющее себя в практике (курсив наш. *А. Т.*) человечества, есть результат объективно верного отражения в голове человека явлений природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина“ [1]). Нет, тов. Гольцман, нам с Вами не по пути: мы не настолько испугались „узколобой философии естествоиспытателей буржуазной ориентации“, чтобы им на смех повернуть от Маркса вспять через Гегеля в умозрительные дали...

Вы видите, опять у нас разногласия не в мелочах, а в чем-то гораздо более существенном.

Переходим теперь к Евклиду. Тут тов. Гольцман почувствовал себя смелее, спрятавшись за спину Лафарга. Но беда в том, что статья Лафарга в части, посвященной не-Евклидовой геометрии может, действительно, ввести в некоторое заблуждение. Лежит ли вина здесь на плохом переводе [2]), или недостаточно четком изложении самого Лафарга, или, наконец, дело сводится к допущенной Лафаргом ошибке — сказать трудно, не имея подлинника. Во всяком случае здесь необходимо разобраться по существу. Основная мысль у Лафарга безусловно правильная—к не-Евклидовой геометрии легко притти, изучая геометрию кривых поверхностей. А что заставило изучать геометрию кривых поверхностей? Ясно—далекие путешествия по поверхности земного шара.

Действительно, не-Евклидова геометрия развилась после того, как далекие, т.-н. „кругосветные“, путешествия вошли в обиход. Но надо сознаться, что такой наглядный подход к не-Евклидовой геометрии от геометрии кривых поверхностей не высказывался ни Лобачевским, ни Гауссом, ни Болиаи, насколько мне, по крайней мере, известно. Это истолкование было дано позже знаменитым итальянским математиком Бельтрами. Впрочем, вполне возможно, и история, быть может, когда-нибудь это докажет, что и Лобачевский пользовался по-

[1]) Н. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, глава III, стр. 190.

[2]) Сборник, под редакцией Семковского. Москва 1919.

добными наглядными геометрическими образами, но не привел их в окончательном изложении. Мы знаем не мало примеров, когда ученые для стройности и строгости изложения тщательно убирали те „леса“, которые им были необходимы для постройки здания. Но дело совсем не в этом: неужели тов. Гольцман думает, что Евклидова геометрия не знает кривых линий и поверхностей? Ведь, если *мы говорим о не-Евклидовой геометрии на шаре, или какой-нибудь другой поверхности, то только при одном условии, о котором у Лафарга ничего не сказано: мы должны отвлечься от всего, что находится вне этой поверхности; мы должны временно запретить себе думать о чем-либо, выходящем за пределы шаровой поверхности — мы должны мыслить себя существами двух измерений!* Тогда на шаре (см. рис.) роль прямой линии будет играть дуга АМВ большого круга; о существовании хорды ANB мы должны временно забыть, иначе опять попадем в гости к Евклиду. И вот, если мы примем указанные условия и будем считать дугу большого круга за прямую, тогда и только тогда можно говорить о не-Евклидовой геометрии. Тогда между двумя точками — полюсами шара А и С — будет не одна „прямая“, а бесчисленное множество — каждая дуга меридиана есть кратчайшее расстояние от А до С, *считая по поверхности*. Но как только мы снимем с себя запрет и мысленно хотя бы уйдем с поверхности, то тогда сейчас же окажется, что кратчайшее расстояние от А до С есть самая настоящая евклидова прямая и она единственная (см. рис. 1, пунктирная линия АС). Неверно также утверждение Гольцмана со ссылками на Лафарга, что не-Евклидова геометрия нам навязывается, как только мы начинаем оперировать с большими участками земной поверхности. Бывают случаи, когда мы не ограничиваемся поверхностью земли. Волны землетрясения бегут, например, как по поверхности, так и по прямым линиям, самым настоящим Евклидовым хордам АВ. Сейсмологи, изучив скорость распространения волн как по поверхности земли, так и по хордам АВ, могут определить по промежутку времени, отделяющему прибытие сигнала через толщу земли по хорде от прибытия волны вдоль поверхности, на каком расстоянии находится очаг землетрясений. Расчет основан на элементарной задаче Евклидовой геометрии. Итак, вопреки всем вашим догадкам тов. Гольцман, все те физики и механики, о которых я упоминал в своей статье, и много,

ного других, о которых я ничего не говорил, пользуются и поныне амой старой Евклидовой геометрией. Кроме теории относительности и в одном вопросе физики неэвклидовой геометрией не пользуются, апомните это, как следует! Ваше сравнение с санскритским языком икуда не годится. Изучающие строение атома физики говорят по-Эвклидовски—на чистейшем Евклидовом языке! И не только говорят, о, что еще гораздо важнее, нисколько этим не смущаются!

В заключение несколько слов о „социальной характеристике теории относительности" и о блоке с „лысым папистом, черносотенцем и жидоедом Ленаром".

Тов. Гольцман совершенно игнорирует мои достаточно ясные указания на то, что одно уже стремление навязать природе во что бы то ни стало всеобщую относительность заставляет Эйнштейна и его последователей доказывать ошибку Галилея в его споре против учения св. церкви. Правоверный релятивист, сидящий в тисках своей теории, принципиально не может и не должен знать, движется ли земля или нет. А что это по совершенно объективным условиям на руку попам всех оттенков и категорий, так тут уж двух мнений быть не может. Говорят, что решительно все в естествознании можно использовать для борьбы с материализмом, а так ли это? Скажите, пожалуйста, был ли использован спинтарископ, демонстрирующий наглядно действия каждого отдельного атома, для каких-нибудь мракобесных целей? Использовали ли метод Вильсона, заставившего облака воданого пара выделяться на путях, по которым только что пролетел атом или электрон, для измерений в мире сновидений и духов, как это не без видимого внешнего успеха делает с помощью специального принципа Эйнштейна проф. В. Г. Богораз-Тан в своей книжке „Эйнштейн и религия"?

А что же касается проф. Ленара, то я не хуже вас знаю, что он черносотенец и антисемит. А разве наш знаменитый академик И. П. Павлов придерживается очень советских взглядов? Все это, конечно, очень грустно. Но что и Павлов и Ленар в естествознании – настоящие материалисты, так это очень хорошо! Блокироваться с материализмом не плохо—если материализм настоящий, хороший—и при том от кого бы он ни исходил. Радоваться же тому самому, чему радовался идеалист Герман Коген, как это невзначай с Вами случилось, по-моему, для материалиста много хуже и указание на столь прискорбное событие я никак не могу назвать демагогией.

За одно только Ваше решение, тов. Гольцман, я могу порадоваться, так как оно избавляет меня от длинных и скучных выписок. Вы решили на этот раз не говорить о научных заслугах Ленара, о чем „можно было бы немало поговорить отдельно". Позвольте по

этому поводу подать Вам товарищеский совет: не пишите на эту тему и впредь. Во-первых, это как будто соответствует Вашим взглядам: философу-материалисту не стоит говорить о вопросах, занимающих только специалистов, а, во-вторых, „Известия Ц.И.К.", откуда Вы заимствовали сведения о черносотенных похождениях Ленара, очень хорошая газета, но полагаться на нее при решении вопроса о заслугах людей науки перед наукой все-таки в высокой мере рискованно [1].

Я очень жалею, тов. Гольцман, что опять вынужден был наговорить Вам не мало неприятных вещей. Вы называете это не товарищеским образом действия. Но я все-таки полагаю, что первый долг товарища говорить все на-чистоту, ничего не утаивая. Теперь я думаю, для всех и особенно для нас с Вами ясно, что корень наших разногласий лежит не в каких-нибудь деталях. Вы считаете, что материалистическая философия должна жить и развиваться в стороне от естествознания, предоставив естественникам делать их дело и только от времени до времени слегка их осаживать. А я думаю, что прав был Энгельс, когда он говорил, что „поскольку в каждой отдельной науке предъявляется требование выяснить свое положение по отношению к общей связи явлений и в сфере их познания, всякая особая наука об этой связи становится излишней. От всей прежней философии остается еще, в качестве самостоятельной науки, учение о мышлении и его законах—формальная логика и диалектика. Все прочее относится к положительной [2]) науке о природе и истории" [3]).

А. Тимирязев.

[1]) В той же самой статье в „Известиях", где говорится о черносотенных выходках Ленара, дано нелепо тенденциозное изложение научных работ этого крупнейшего физика и глубокого мыслителя, к сожалению, являющегося отчаянным реакционером. Автор заметки задался целью показать, что Ленар и в науке ничего не сделал. Это в стиле „Ревизора": если тетка у него есть, то и ей желаю всякой пакости! Конечно, для газетного сотрудника легко вычеркнуть работы Ленара из современной физики. Но можно только порадоваться, что подобные статьи забываются так же скоро, как и пишутся. На-ряду с этим и наши ученые часто пользуются в своих статьях выводами Ленара, затушевав слегка его материалистические взгляды и выдавая их за свои; не знаю, следует ли применять вообще подобные методы даже по отношению к черносотенцам? Я полагаю, что мы достаточно сильны и можем с успехом оставить в стороне подобные методы борьбы.

[2]) Какие страшные, тов. Гольцман, слова решался произносить Энгельс: не к ночи будь они помянуты!

[3]) Анти-Дюринг, стр. 7.

Существует ли актуальная бесконечность?

1.

Все научные знания проистекают в конечном счете из опыта—таково одно из основных положений материализма. Абстрактные истины математики не являются исключением и представляют собою только отражение свойств реальной действительности. Многие математики оспаривают это положение и считают отвлеченные математические аксиомы свободным созданием разума, не зависящим от опыта и от свойств эмпирической действительности. Такой вне-опытный характер носит, без сомнения, теория актуально-бесконечных чисел Георга Кантора.

Как бы ни подходить к этой теории, несомненно одно: теория Кантора никоим образом не могла произойти из опыта; нигде в эмпирической действительности мы не встречаемся с бесконечными множествами, как с чем-то данным нам во всех своих частях, и нигде мы не можем наблюдать их свойства. Таким образом теория трансфинитных чисел является действительно свободным построением разума.

Но все ли благополучно в основных посылках этой теории? Можно утверждать, что указанная теория не имеет права на существование, что она построена на паралогизмах. Если это удастся доказать, то учение об актуальной бесконечности уже не будет служить примером вне-опытного знания, а, наоборот, будет доказывать от противного невозможность вне-опытного знания.

Математический метод заключается в том, чтобы выводить все положения теории из некоторой системы принятых аксиом и постулатов. Так как все дальнейшее логически вытекает из принятых посылок, то эти последние должны быть подвергнуты особо-тщательному рассмотрению. Математическая логика выработала ряд требований, которые предъявляются к системе основных постулатов, и которым они должны удовлетворять. Главным требованием является совместимость между собою всех постулатов; не совместимые постулаты приводят к противоречию при дальнейшем развитии теории, и таким образом приводят теорию к самоупразднению. Именно эта ошибка допущена в теории Кантора. Принимая в качестве постулата существование целостно-бесконечных множеств, Кантор в то же время прибегает к таким приемам рассуждений, которые не совместимы с его основной посылкой.

2.

Математическая и философская мысль всегда стремилась так или иначе уяснить себе понятие бесконечного и при этом всегда колебалась, подобно маятнику, между представлением незаконченно (потенциально) бесконечного и представлением целостно или определенно бесконечного.

Конечное число можно определить, как данное определенное число, обратное отношение которого отлично от нуля, т. е. определенное число n конечно, если оно удовлетворяет условию $\frac{1}{n} > 0$. Бесконечное число можно определить, как такое, которое больше всякого конечного.

Для доказательства существования бесконечного необходимо и достаточно привести пример какой-либо бесконечной величины, например, натуральный ряд чисел. Но относительно природы бесконечного можно сделать два допущения: во-первых, можно принять, что бесконечное является незаконченным, потенциальным, и, во-вторых, что бесконечное есть целостное. За и против того и другого допущения можно привести доводы равной силы.

Можно прежде всего указать, что переменная, безгранично-возрастающая величина может принять значение большее всякого заданного определенного конечного числа и, следовательно, потенциально может быть признана бесконечной. Можно попытаться также доказать невозможность целостно бесконечного. Нет такого определенного числа, обратное отношение которого равнялось бы нулю $\left(\frac{1}{n} = 0\right)$. Ко всякому определенному числу можно прибавлять единицы и получать другие определенные числа, обратные отношения которых будут отличны друг от друга, а следовательно, и от нуля. Кроме того, сравнивая, например, два бесконечных ряда:

$$1,\ 2,\ 3,\ 4,\ 5\ .\ .$$
$$1,\ 4,\ 9,\ 16,\ 25\ .$$

мы убеждаемся, что второй ряд имеет столько же членов, сколько и первый, хотя в то же время представляет часть первого. Отсюда мышление избегающее противоречия может сделать только один вывод: немыслимо, чтобы ряды были чем-либо законченным.

Сейчас же можно возразить, что оба аргумента доказывают только отсутствие аналогии между конечными и бесконечными числами. Аргументы доказывают, что целостно-бесконечное противоречит интуиции, привыкшей вращаться в области конечных чисел, но нисколько не доказывает несуществование, логическую невозмож-

:ь целостно-бесконечного. Наоборот, теперь можно попытаться ɪзать невозможность потенциально-бесконечного.

Переменная может принять какое угодно частное значение, но ее возможные значения конечны, и впереди всякого частного чения существуют большие его конечные числа. Следовательно еменная величина вовсе не может подойти под понятие бесконечти.-Только совокупность частных значений переменной, та область, оторой движется переменная, действительно может быть признана конечной: но совокупность частных значений переменной не есть еменная величина.

С точки зрения потенциально-бесконечного можно опять возраъ: совокупность частных значений переменной не есть что-либо иное и существующее. Дан только закон изменения переменной, овокупность частных значений не может быть дана и т. д.

В итоге мы получаем, что оба допущения о природе бесконечго вполне логически возможны, хотя ни одно из них не может ть охвачено интуицией. Ни одно из этих допущений не может ть строго доказано или опровергнуто, и любое из них может быть инято в качестве постулата.

Наилучшим выходом из такого положения было бы признать ществование бесконечного и воздержаться от гипотез о его свойвах. При этом математика избежала бы произвольных допущений осталась бы на почве достоверности: важнейшие учения матемаіки, как например анализ, нуждаются для своего обоснования в ɪном лишь понятии бесконечного и не нуждаются в гипотезах о его рироде.

3.

Теперь перейдем к выяснению противоречий, на которых построена теория Кантора.

В теории Кантора большое значение имеет операция установления одно-однозначного соответствия между множествами. Эта опеация сводится к следующему: пусть мы имеем два множества A и B, з которых первое состоит из элементов a_1, a_2, a_3 . . . . , а второе из лементов b_1, b_2, b_3 . . . ; мы последовательно отбираем по одному лементу от A и B и мысленно соединяем их попарно. Так a_1 мы оединяем с b_1, a_2—с b_2 и т. д., пока не исчерпаем всех элементов акого-нибудь из множеств. Если всякому элементу A отнесен один только один элемент B, и наоборот, и если при этом ни в одном ɪножестве нет лишних, не имеющих пары элементов, такое соответтвие между множествами называется одно-однозначным, а множетва называются эквивалентными. Например, множество дней в декабре и множество дней в январе месяцах между собою эквивалентны.

В отношении конечных множеств эквивалентность является лишь строгим определением арифметического равенства. Но эквивалентность можно устанавливать также между бесконечными множествами. Сравним опять множества:

$$1,\ 2,\ 3,\ 4,\ 5\ \ldots$$
$$1,\ 4,\ 9,\ 16,\ 25\ \ldots$$

Очевидно, что между ними возможно установить одно-однозначное соответствие: в самом деле, достаточно обратить внимание, что всякому числу из первого ряда соответствует его квадрат из второго. Но когда мы имеем дело с бесконечными множествами, мы не можем непосредственно проследить соответствие в рядах, взятых в их целокупности. Поэтому мы прибегаем здесь к заключению математической индукции. Принцип, согласно которому мы при этом умозаключаем, может быть формулирован так: если некоторое свойство справедливо для $n+1$-го члена множества, раз оно справедливо для n-го члена, и если это справедливо для первого члена, то оно будет справедливо и для всякого члена множества.

Те множества, которые могут быть приведены в одно-однозначное соответствие с натуральным рядом чисел, называются исчислимыми множествами. Так как натуральный ряд чисел представляет собою множество всех возможных номеров, то очевидно, что всякий член исчислимого множества будет иметь один определенный номер.

Прибегая к заключению математической индукции, можно доказать, что исчислимое множество исчислимых множеств также будет исчислимым множеством. Возьмем множество U, составленное из бесконечного повторения натурального ряда:

$$U = \begin{vmatrix} 1_1, & 2_1, & 3_1, & 4_1, & \ldots & n_1 & \ldots \\ 1_2, & 2_2, & 3_2, & 4_2, & \ldots & n_2 & \ldots \\ 1_3, & 2_3, & 3_3, & 4_3, & \ldots & n_3 & \ldots \\ \ldots & & & & & \ldots & \\ \ldots & & & & & \ldots & \\ 1_s, & 2_s, & 3_s, & 4_s, & & n_s & \ldots \\ \ldots & & & & & \ldots & \end{vmatrix}$$

Легко убедиться в исчислимости множества U. В самом деле, всякий член n_s множества U имеет один определенный номер p; причем p определяется формулой: $[1+2+3+\ldots+(n+s-2)]+n=p$. Легко видеть, что и p также определяет n и s.

Если символом α представить исчислимое множество, то множество исчислимых множеств U представится символом α^2. По доказанному $\alpha^2=\alpha$. Отсюда следует также: $\alpha^3=\alpha^2 \cdot \alpha=\alpha^2=\alpha$ и вообще $\alpha^n=\alpha$. Применяя к числу n математическую индукцию, получаем: $\alpha^n=\alpha$.

Указанное одно-однозначное соответствие исчислимых множеств может быть понимаемо в двояком смысле. Во-первых, его можно по-

имать так: всякий член исчислимого множества имеет свой номер; о-вторых, так: все члены исчислимого множества перенумерованы. la первое толкование нам дает право применение математической ндукции; второе толкование обусловлено уже применением другого риема заключения—полной индукции. Принцип полной индукции южет быть формулирован так: то, что справедливо для всякого члена ножества, справедливо и для всех членов, взятых в целокупности. Іожно ли применять полную индукцию вслед за применением матеiатической индукции? По отношению к конечным множествам такая юзможность вполне очевидна; но по отношению целостно-бесконечiых чисел применение полной индукции является не только спорiым и не достоверным, но прямо ложным и совершенно не допустиiым. Между тем, теория трансфинитных чисел всюду принимает квивалентность бесконечных множеств во втором смысле. Здесь-то i лежит одна из тех ложных посылок, на которых построена теория рансфинитных чисел. Применение полной индукции к целостно-бесконечным множествам основано исключительно на воображаемой налогии между конечным и бесконечным. Кантор не доказывает возюжности такой аналогии; он ее молча принимает, быть может, незаiетно для себя; в сущности он просто не различает полную индукцию т математической. Но легко убедиться, что такой способ рассуждеiий ведет только к противоречиям.

Согласно учению Кантора, множество 2^a является бесконечностью юлее высокого порядка, нежели множество a или, как принято говоить, множество 2^a имеет высшую мощность. Согласно Кантору, множество 2^a не является исчислимым, оно не эквивалентно множеству натурального ряда и не может быть приведено с ним в одно-однозначное соответствие.

Однако, вопреки теории трансфинитных чисел, легко доказать, посредством применения математической индукции, эквивалентность a и 2^a. Сравним бесконечные множества:

$$1,\ 2,\ 3,\ 4,\ 5 \qquad (1)$$
$$2^1,\ 2^2,\ 2^3,\ 2^4,\ 2^5\ . \qquad (2)$$

Эти множества эквивалентны и, следовательно, имеют одинаковую мощность. Составим из этих множеств новые множества по следующему закону:

$$[1], [1,2], [2], [1,3], [1,2,3], [2,3], [3], [1,4], [1,2,4], [2,4], [1,3,4] \qquad (3)$$
$$[2^1], [2^1 2^2], [2^2], [2^1,2^3], [2^1,2^2,2^3], [2^2,2^3], [2^3], [2^1,2^4], [2^1,2^2,2^4], [2^2,2^4], [2^1,2^3,2^4] \qquad (4)$$

Ряд (3) получен из ряда (1) по тому же самому закону, как ряд (4) из ряда (2): каждый новый элемент ряда (1) или (2) сперва

последовательно присоединяется ко всем комбинациям предшествовавших элементов, а затем выделяется в особую комбинацию. Следовательно, если ряды (1) и (2) эквивалентны, то ряды (3) и (4) будут также эквивалентны (применение математической индукции). Впрочем в эквивалентности рядов (3) и (4) легко убедиться и непосредственно. Но число членов ряда (3) равно 2^a, а число членов ряда (4) равно a. Следовательно $a=2^a$, и предложение, которое считается недопустимым в теории трансфинитных чисел, доказано! [1]).

Но Кантор заранее опровергает возможность допущения эквивалентности множеств a и 2^a. Рассмотрим, в чем заключается сущность его рассуждений.

Множество 2^a, как доказывается в теории, имеет мощность, равную мощности всех вещественных чисел в пределах между 0 и 1, т. е. совокупности всех как рациональных, так и иррациональных чисел в указанных пределах (а впрочем, и вне указанных пределов). Если мы теперь допустим, что все члены множества 2^a перенумерованы, и следовательно, также перенумерованы все вещественные числа между 0 и 1, то, как доказывает Кантор, мы придем к противоречию.

Итак, допустим, что указанный комплекс вещественных чисел между 0 и 1 расположен в порядке и перенумерован, так что получился ряд:

$$N_1,\ N_2,\ N_3 \qquad (5)$$

Обратим все числа комплекса в бесконечные десятичные дроби; в том случае, если дробь обрывается на каком-либо десятичном знаке, дополним число десятичных знаков до бесконечности нулями. Составим теперь такую десятичную дробь:

$$C=0,C_1C_2C_3C_4 \qquad C_n$$

где C_1, C_2 . . . C_n . . . —последовательные десятичные знаки числа C. Возьмем теперь C_1 отличным от первого десятичного знака числа N_1 из ряда (5). C_2—отличным от второго десятичного знака числа N_2. C_3 отличным от третьего десятичного знака числа N_3 и т. д. В результате мы получим число, содержащееся между пределами

---

[1]) Я не могу здесь останавливаться на подробном объяснении, почему ряд (3) равен 2^a. Укажу только, что ряд (3) представляет собою „множество всех частей" ряда натуральных чисел, а „множество всех частей" какого-либо множества n равно 2^n+1. Что касается того, что ряд (4) равняется a, это можно видеть из следующего сопоставления:

$[2^1]$, $[2^1,2^2]$, $[2^2]$, $[2^1,2^3]$, $[2^1,2^2,2^3]$, $[2^2,2^3]$, $[2^3]$, $[2^1,2^4]$, $[2^1,2^2,2^4]$ . . . $[2^3,2^4]$, $[2^4]$.
2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 15, 16

Здесь степени двойки того и другого ряда совпадают, и очевидно, что оба ряда имеют равную мощность.

1, и в то же время не равное ни одному числу из расположен. комплекса. В самом деле, если мы допустим, что составленная дробь C находится где-либо, напр. на n-ом месте ряда (5), то придем к противоречию, так как n-ный десятичный знак числа по условию отличен от C_n—n-ного десятичного знака числа C. как при всяком расположении комплекса вещественных чисел но составить сколько угодно чисел, подобных C, не содержася в исчислимом множестве, то Кантор заключает, что комплекс ественных чисел не является исчислимым множеством.

Однако Кантор не обращает внимания, что подобное рассуждебьет только по заключению полной индукции, нисколько не вергая заключение математической индукции. В самом деле, видно, что, составляя бесконечную десятичную дробь $O, C_1 C_2 C_3 \ldots$, роходя последовательно числа N_1, N_2, N_3 . расположенного плекса, мы можем дойти до всякого члена N_n ряда (5), не доав в то же время, что полученная нами дробь не может принадать к ряду (5). Следовательно, нет никакого противоречия в том ущении, что всякий элемент комплекса вещественных чисел ет определенный номер. Если же допустить, что перенумерована совокупность вещественных чисел, то последнее допущение приится рассуждением Кантора к противоречию.

Итак, применяя математическую индукцию, мы приходим к выу, что 2 исчислимое множество: применяя же полную индукцию, приходим к противоположному выводу.

Доказательству Кантора могут быть приданы различные формы, все они сводятся к тому, что приводят к противоречию заклюие полной индукции. Но отсюда следует только то, что эквиватность между бесконечными множествами возможно понимать ько в первом, а не во втором смысле, и что вообще применение ной индукции к целостно-бесконечным множествам логически не пустимо. Возможно высказать следующее предложение: все бесечные множества эквивалентны в первом смысле: никакие не кдественные бесконечные множества не эквивалентны во втором ысле, т. е. взятые как целокупности. Как бы ни переворачивать все лады теорию трансфинитных чисел, в ней нельзя найти ни ного аргумента против нашего предложения. Все доказательства зивалентности бесконечных множеств, какие мы находим в теории нсфинитных чисел, основаны на применении математической (не полной) индукции: все доказательства существования множеств сших мощностей основаны на приведении к противоречию заклюния полной (не математической) индукции.

Из рассуждения Кантора вытекает, что множества (3) и (4) не вивалентны во втором смысле (как целокупности); но в таком

случае то же самое справедливо по отношению к рядам (1) и (2). Ряд натуральных чисел и ряд квадратных чисел, хотя и эквивалентны в первом смысле, но вовсе не могут, как целокупности, быть приведены в одно-однозначное соответствие. Следовательно, утверждение, что часть бесконечного числа может быть равна целому, основано на недопустимом здесь применении полной индукции и является просто-на-просто софизмом. Этого и следовало ожидать, так как на опыте, в эмпирической действительности мы нигде не находим подобных отношений.

Итак, применение полной индукции несовместимо с допущением целостно-бесконечного. Но теория трансфинитных чисел целиком основана на применении полной индукции к целостно-бесконечным множествам. Без применения полной индукции невозможно различение бесконечных множеств не одинаковой мощности и, следовательно, невозможны никакие алгебраические выкладки с ними. Теория трансфинитных чисел, таким образом, теряет под собой всякую почву.

4.

Мы отнюдь не отвергаем логической возможности понятия определенно или целостно-бесконечного. Но Канторово понятие актуальной бесконечности построено на применении таких методов рассуждения, которые в отношении к целостно-бесконечному совершенно недопустимы. Один из таких недопустимых приемов—применение полной индукции—мы уже рассмотрели; тем самым теория трансфинитных чисел уже опровергнута. Но для полноты характеристики мы рассмотрим и некоторые другие приемы рассуждения Кантора, которые точно также не могут быть применимы к целостно-бесконечным числам.

Второй ошибкой Кантора является то, что он игнорирует относительную природу определенного числа. Всякое число тем или иным способом может быть построено из единицы (а комплексное число из разнородных единиц) и находится в определенном отношении к единице; но вместе с таким отношением всегда дано и обратное отношение, отношение единицы к данному определенному числу. Определенно-бесконечное число представляет собою собрание единиц; следовательно, оно бесконечно по отношению к единице. Кантор определяет бесконечное число, как упорядоченное число, не имеющее последнего члена; но при этом равным образом надо указать тот масштаб, ту единицу, по отношению к которой некоторая величина может быть представлена в виде такого построения, не имеющего конечного члена. По отношению самого к себе всякое бесконечное число является простой единицей. Но вместе с отноше-

:м бесконечно-большого дано столь же определенное обратное отпеине—единицы к определенно-бесконечному числу. Актуально конечно-малое является коррелатом актуально бесконечно большго—вот вывод, которого нельзя отвергнуть, не упраздняя логики. лепо думать, что существует число a, но не существует числа $\frac{1}{a}$.

жду тем в теории Кантора из двух соотносительных понятий одно ль же категорически утверждается, как другое отрицается. Больно, предшественник Кантора, определенно указал на относительную иролу бесконечных чисел. Но Кантор отвергает актуально бесконечно-малое, и, следовательно, отвергает относительную природу бесенечно-большого. Он имел бы на это право, если в то же время вергал определенность и целостность бесконечных множеств, и гал ва точку зрения потенциально-бесконечного. С точки зрения рогой логики, только неопределенно бесконечное может быть назвно абсолютной бесконечностью; целостно-бесконечное является ковым в отношении к некоторой конечной мере. Для того, чтобы лостная величина a могла быть признана бесконечно-большой, обходимо и достаточно, чтобы конечная величина, взятая по отношению к a, обращалась в нуль. Переменная, безгранично возрастацая величина может быть признана бесконечной в возможности в з указанного условия.

Таким образом, допуская существование относительно-бесконечього, мы допускаем тем самым существование относительного нуля. опуская существование определенно-бесконечных чисел, мы принмаем вместе с тем гипотезу, что какая-либо определенная величина ожет быть точным нулем по отношению к другой величине, не являясь солютным ничто сама в себе. В таком и только в таком случае орая величина по отношению к первой определенно-бесконечна. аким образом целостно-бесконечно-малое так же относительно, как целостно-бесконечно большое: **целостно-бесконечно-малое сть относительный нуль.**

Вводя относительный нуль, мы обобщаем понятие нуля и вво им последний в круг математических построений. Так, в теории рупп принимается, что все числа образуют группу по отношению к ложению, и все числа, за исключением нуля, образуют группу по ношению к умножению. Теперь же нет необходимости выключать уль, так так умножение и деление на нуль становится вполне опустимым. Частное от деления на нуль равно целостно-бесконечому числу: если об этом помнить и обращаться с ним соответствен ым образом, то никаких недоразумений или противоречий быть не ожет. Из понятия относительного нуля следует также, что две величины точно равны и в том случае, если их разность равна относительному нулю.

Единица в отношении к целостно бесконечно-большому числу точно равна нулю; единица будет конечным числом в отношении ко всякому числу натурального ряда; если же мы возьмем число $\frac{1}{a}$ и примем это число за новую единицу, то наша прежняя единица в отношении к новой окажется даже числом бесконечно-большим. Таким образом всякая целостная величина может быть характеризована, как конечная, бесконечно-большая или бесконечно-малая, в зависимости от той единицы, в которой мы ее исчисляем.

Не может быть двух отличных друг от друга нулей, т.-е. всякие две данные величины равны между собою и равны нулю, если за единицу принята величина бесконечно-большая по отношению к данным; поэтому $\frac{1}{a}$ и 1 равны между собою и равны нулю, взятые в отношении к a. Если мы возьмем теперь новое собрание элементов a^2, которое составлено из a таким же образом, как a составлено из 1, то $\frac{1}{a^2}$ все же будет равняться $\frac{1}{a}$ и равняться нулю, точно так же, как число $\frac{a^2}{1}$ будет равно $\frac{a^2}{a}$, равно $\frac{a}{1}$ и равно той же самой целостной бесконечности. Но так как не только 1, но и a может быть отброшена, как нуль, по сравнению с a^2, то из этого все же видно, что a^2 является бесконечностью высшего порядка. Таким образом всякая бесконечная величина, взятая сама по себе, может быть увеличена, но отношение ее к бесконечно-малой единице увеличено быть не может, так как очевидно, что обратное отношение (нуль) не может быть уменьшено.

С этим согласуется и ранее полученный результат, по которому бесконечные числа, рассматриваемые, как построения из единицы, бо̀льшие всякого конечного числа, все между собою эквивалентны, но взятые, как замкнутые в себе, целокупности не могут быть приведены в одно-однозначное соответствие друг с другом.

Согласно Кантору, совокупность всех членов натурального ряда чисел представляет собою вполне определенное число и обозначается символом ω. Указанное число является первым актуально-бесконечным числом II-го числового класса; за ним следует отличное от него число $\omega+1$ Из предыдущих рассуждений следует, что число $\omega+1$ есть соединение разнородных единиц и, следовательно, число комплексное. Если принять 1 за общую единицу, то в таком случае $\omega+1=\omega$; если же за общую единицу принять ω, то $\omega+1$ превращается в единицу. Все числа, построенные по образцу $\omega+1$, т.-е. все трансфинитные числа, суть комплексные числа. Покуда мы рассматриваем трансфинитные числа, как условно построенные комплексные числа, все действия над ними, указанные Кантором, логичны и законны; но их ни

.ком случае нельзя интерпретировать, как исчисление бесконечно-ших множеств. В самом деле, переходя к такому истолкованию, должны указать одну общую для всех членов числа единицу. Но, дствие этого, каждое трансфинитное число превратится или в эчное число, или в ω.

Наконец, двусмысленность основных понятий в теории Кантора, ісящая от того, что произвольно определенные понятия считаются менимыми к эмпирически знакомым группам вещей, также слу-: источником многочисленных парадоксов. Образцом подобной смысленности может служить играющее важнейшую роль в теории ятие „принадлежности к множеству". Указанное понятие имеет смысла: во-первых, принадлежность к множеству в силу произ-ьного условия, и, во-вторых, автоматическая принадлежность к ожеству в силу подходящих признаков некоторых объектов. Такая смысленность, конечно, приводит к противоречиям, не находящим его разрешения в учении о множествах.

„Множество всех множеств" считается понятием противоречивым, как множество всех множеств, есть множество и, следовательно, жно входить в число своих членов; но всякое множенство есть вещь, ичная от своих членов, и, следовательно, не может входить в чи-сло своих членов. Однако противоречие здесь мнимое: множество ожеств входит в число своих членов в силу того, что оно множе-ю, т.-е. в силу того, что оно само обладает общим признаком их членов, а не входит в силу аксиоматического условия, согласно орому мы не включаем множество в число своих членов. Если мы ем рассматривать понятие принадлежности к множеству в одном ределенном смысле, то противоречие исчезает. Пусть мы прин-эм принадлежность к множеству в первом смысле. Множество мно-ств не является своим членом в силу аксиоматического условия. обстоятельство, что множество множеств обладает общим призна-м своих членов, в этом случае не имеет значения: в самом деле, принялн, что только произвольные соглашения определяют мно-ство, а никак не признаки самих объектов. Никакого противоре-я нет. Примем второй смысл принадлежности к множеству. Но и этом придется снять аксиоматическое условие о непринадлеж-сти множества к числу своих членов. Например, множество де-вьев в саду не принадлежит к числу своих членов теперь не по-ловию, а потому, что само множество не есть дерево, т.-е. не обла-ет общим признаком своих членов. Но множество множеств есть ожество, и, след., обладает общим признаком своих членов. Однако что не препятствует теперь включить его в число своих членов. отиворечия опять нет.

В выражении „множество всех вещей" даже вполне очевидно,

что предъявляются одновременно два противоречивые условия: чтобы множество включало все вещи и чтобы оно не включало одной вещи, т.-е. самого себя.

Таким образом никакой диалектики в теории Кантора нет. Его противоречия носят плоский, формальный характер, основанный на простом недоразумении.

5.

Понятие целостно (относительно) бесконечного, как мы видели, вполне логически допустимо; то же самое можно сказать и о понятии потенциально (абсолютно) бесконечного. Быть может, реальная бесконечность вселенной примиряет противоречие между указанными понятиями, которое находит формальная логика; быть может, оба указанные понятия являются только двумя односторонними отражениями реальной бесконечности.

Но как бы ни было, канторово понятие актуальной бесконечности следует признать в корне фальшивым. Точно также не имеет никаких оснований исчисление актуально-бесконечных множеств, т.-е их нагромождение друг на друга. К этому можно прибавить, что единственная бесконечность производит на наш ум более сильное впечатление, нежели самая большая куча бесконечностей.

При этом возникает вопрос: как может подобная теория в продолжение многих лет считаться одним из гениальных достижений математики? Отчасти это можно объяснить тем, что математики увлекаются более техническим развитием деталей теории Кантора, нежели критикой ее основных посылок. Но главной причиной следует считать то, что математикам нравится вполне очевидный вне-опытный характер теории. Таким образом то самое, что возбуждает наше недоверие, наоборот, подкупает авторов математических трудов в пользу теории Кантора.

Всякая наука, поскольку она вполне отрешается от опыта и переходит к чистому умозрению, создает не прочные и хорошо обоснованные теории, а только более или менее эффектные мыльные пузыри мысли. Математика, как показывает учение об актуальной бесконечности, нисколько не является исключением в данном отношении.

И. Орлов.

Главнейшие течения послевоенной литературы Запада.

Среди великого разнообразия литературных течений Запада по-
дних лет можно отметить как, быть может, наиболее характерные
наиболее показательные три: футуризм, экспрессионизм и дадаизм.

Два первых течения восходят еще корнями в довоенное время,
:леднее возникло в дни войны.

Футуризм родился и расцвел в Италии, экспрессионизм—в Гер-
нии и Австрии, дадаизм—„не имеет отечества"—он интерна-
онален.

Если оставить в стороне формальный анализ этих литературных
iений, если остановиться здесь только на социально-психологиче-
)м их „содержании", то вкратце можно определить футуризм, как
зоговорочное признание капиталистической цивилизации, экспрес-
онизм—как полное ужаса и растерянности отрицание буржуазной
йствительности, наконец, дадаизм, как циническое издевательство
д буржуазной культурой и—над самим собой.

Если рассматривать эти три характерные течения преимуще-
венно с их социально-психологической стороны, то за ними встает-
ак нетрудно видеть—история западно-европейского интеллигента
)слевоенного времени, переходящего от признания капитализма к
о отрицанию при явном сознании безвыходности из тупика и, на-
энец,—еще один шаг—к отрицанию не только буржуазной культуры,
о и к собственному самоотрицанию.

Другими словами—за этими литературными течениями явственно
ырисовывается безнадежный кризис буржуазного мира, разлагаю-
цегося среди судорог ужаса и цинических гримас.

I.

Итальянский футурист выступил на жизненную сцену задолго
о войны (1909 г.). Его первое выступление было жаркой апологией
апитализма. Оно и понятно. Италия—до последнего времени—стра-
дала от недостаточного развития капитализма. Отсюда стесненное по-
ложение итальянской интеллигенции. Нигде, кажется, не было такого
перепроизводства в области интеллигентных профессий. Нигде в част-

ности—писательская братия так не нуждалась, как здесь. Когда на севере Италии—в XX в.—стала быстро развиваться индустрия, когда капитализм стал пускать свои корни в итальянскую почву, интеллигенция—известные ее слои—не могли не приветствовать их, как зарю новой жизни. Раскрывались широкие горизонты, золотые перспективы. Вместе с верою в будущее должны были родиться и будущники. Родиной футуризма был—совершенно понятно—север—Милан—сердце и нерв индустриальной Италии. В своем первом манифесте, напечатанном в 1909 г. в газете „Figaro",—Маринетти, намечая темы новой итальянской поэзии, приветствовал новую жизнь, капиталистическую цивилизацию—словами почти экстатическими—индустрию, технику, город, войну, рабочие массы. О рабочих было сказано, впрочем, больше для эффекта. В поэтической практике футуристов—Маринетти—Фольгоре—Буцци и др.—можно найти все—промышленный город—дредноуты, субмарины—апофеоз войны—электричество—моторы—аэропланы—футуристического сверхчеловека—„человека, потенцированного техникой"—все—только нет поэм о рабочих и нет песен о революции. Изменившееся под влиянием новых социальных условий восприятие мира искало естественно новых способов художественного оформления впечатлений и переживаний, новое содержание жизни требовало нового художественного стиля, и Маринетти изложил его основы в манифесте о футуристической технике—о „стиле слов на свободе и беспроволочного воображения"—где, говоря вкратце, речь шла о том, чтобы найти методы передачи одновременности и разнообразия получаемых от подвижной действительности впечатлений и вызываемых ими переживаний. Неизменный военный корреспондент на всех фронтах, где бы ни воевали—итальянцы с арабами, болгары с турками—футурист этот свой новый стиль обрел именно на полях битв,—как Маринетти неоднократно признавался. Когда разразилась мировая война, и итальянское правительство сначала выдерживало нейтралитет, футурист,—устно и печатно давно натравлявший Италию и Австрию,—устно и печатно давно пропагандировавший идею империалистической Италии—„великой Италии"—Italia più grande—кричал на всех перекрестках о национальной измене и успокоился только тогда, когда войска двинулись, наконец, на Изонцо.

Война кончилась. В Италии, ничем не поживившейся,—началась революция.

Вернувшись с фронта, футурист—речь идет преимущественно о Маринетти—видел, как поднимались рабочие массы или, как он по обыкновению гиперболически выразился—„как народные массы ринулись с грохотом на завоевание коммунистического рая". Подобно тому, как в своем первом манифесте он мимоходом упомянул о рабочих массах—так в одной из своих последних—послевоенных—деклараций он мимоходом бросил: „мы сочувствуем революционным бурям". Но, как и прежде, он верил больше в капиталистический, чем в

оммунистический рай. Он видел не без тревоги, что—после войны—интеллигентное меньшинство" и в особенности интеллигенция заразилась всевозможными болезнями—как-то: „озлобленной сопливостью, ихорадочной неврастенией, безнадежным пессимизмом, полнейшим езволием". В атмосфере послевоенного похмелья перед ним стала аким образом новая задача „исцелить послевоенную болезнь". „Вмето того, чтобы разрушать современное состояние человечества, улучшайте его,—приглашал он пораженную параличом разочарования интеллигенцию.—„Дайте человечеству новые настоящие радости". И он принялся за свое—довоенное—ремесло, за профессию изобретателя всевозможных неожиданностей, новых словечек, необычайных выдумок, горашивающих сенсанций. Дело это, впрочем, становится все труднее. Все сюрпризы уже выдуманы—на долю новейших художников почти ичего не осталось",—жалуется он. К тому же в атмосфере послевоенных болезней он и сам значительно полинял. Первая его новая выумка оказалась поэтому далеко не блестящей. В городе Лукка он строил новый театр—Сюрприз-театр;—задача его „огорошить публику всякими приятными ударами"—как он определил его программу. н сам написал соответствующую пьесу: Musique de Toilette. Поднимася занавес: на сцене пианино, на педали которого надеты дамские ашмачки. Это первый сюрприз. Входит горничная, сметает пыль и ри этом исполняет музыкальную пьесу. Второй сюрприз. Третий: - ходит другая горничная и начинает чистить клавиши зубной щеткой, как зубы. Последний сюрприз—появляется мальчик лакей и принимается чистить башмаки на педали.

Занавес падает.

Совершенно сомнительно, чтобы подобная пьеса могла выполнить поставленную Сюрприз-театру задачу, а именно: 1) „чтобы каждый сюрприз на сцене порождал другой сюрприз в партере и в лоах, во всем городе, завтра, послезавтра, очень долго" и 2) спасти тальянскую молодежь от дьявольского наваждения политики,—озверяющей людей".

Посему футурист снова стал высасывать из пальца „новые радости" для человечества—выдумки абсолютно неслыханные—и додуался до совершенно нового искусства—искусства осязания (тактиизма). Необходимо научиться лучше осязать предметы и тогда перед интеллигентным меньшинством" раскроются в самом деле неизведанные радости—ибо одни предметы дают ощущение отвлеченно-холодое, другие—возбуждающе-страстные и т. д., как подробно „можно рочесть в его последнем манифесте о тактилизме [1]). Так можно соавить „тактилистические таблицы для обоих полов, которые позвоят четырем согласованным рукам мужчины и женщины вместе аслаждаться тактилистическими путешествиями".

Можно построить и тактилистический театр. „Сидящие слуша-

[1]) Напечатан в „Современном Западе", № 1.

тели возложат руки на длинные ленты, которые будут доставлять им тактилистические ощущения различных ритмов".

И, наконец, можно сотворить и некое совершенно новое, еще не бывалое искусство.

„Тактилизм будет полным голосом излагать различные ощущения, которые он получил от путешествия своих рук. Передача будет бессловесная — свободная от всякого ритма, синтаксиса и прасодии— она будет по возможности синтетической и мало-человеческой" (!).

Между тем как футурист первого призыва высасывал из пальцев новые настоящие радости для интеллигентного меньшинства, пораженного послевоенным похмельем—подоспел на его счастье фашистский переворот.

Диктатором Италии стал Бенито Муссолини. Теперь футурист мог снова перейти от таких пустяков, как Сюрприз-театр и тактилистическое искусство—к своей затаенной мечте — к мечте о мировом владычестве Италии.

В Риме возникает—идя на смену довоенному журналу Маринетти Lacerba и его же послевоенному Синтетическому обозрению—журнал Impero, редактируемый двумя молодыми футуристами Марио Карли и Эмилио Сеттимелли. В передовой статье первого номера буржуазии и интеллигенции Италии, пораженным разочарованием и безволием, напоминалось, что „одни люди и нации призваны повелевать, а другие—повиноваться и что из всех народов наиболее других достоин роли повелителя мира итальянский „наиболее гениальный".

„В тебе, о, фашистская молодежь Италии, все данные для осуществления этого идеала, — плодовитость, здоровье, воинственный дух" и проч.

Послав затем привет Маринетти—„великому художнику, который подарил миру империализм обновляющего латинского гения" и отвесив нижайший поклон Бенито Муссолини, „человеку, предназначенному повелевать имперской Италией", журнал молодых футуристов обращается к нему со следующими четырьмя скромными требованиями:

1) закрыть все музеи и академии в стране,

2) субсидировать только футуристическое искусство,

3) учредить банк для кредита художникам; банк, который даст деньги на устройство выставки и т. д.;

4) ввести дополнительный налог в пользу жрецов искусства [1]).

Итальянский футуризм — довоенный и послевоенный— родился таким образом из безусловного признания капиталистической и империалистической культуры и идеологически и эстетически до войны, как и после войны, ставит своей задачей—несмотря на платоническое сочувствие „революционным бурям", выражаясь словами манифеста Маринетти — „улучшать современное состояние человечества, а не разрушать его".

---

[1]) См. статью К-п-т в „Известиях"—„Футуризм—фашизм".

II.

Из совершенно иного умонастроения вырос экспрессионизм. Как утурист, экспрессионист выступил на жизненную сцену задолго до ойны. В эти предвоенные годы он был, впрочем, скорее ищущим и мыслил себя в то время преимущественно, как отрицателя натура- пзма и импрессионизма. Поэзии передачи впечатлений[1]) он противопоставлял поэзию „выражения" души[2]) — природе, материи — законы оторой были обязательны для натуралиста и импресионнста, он ротивопоставлял дух человека, творящий вселенную по своим собтвенным законам. Это была отнюдь не одна лишь литературно-худоественная реакция. Экспрессионист отрицал природу, материю, объктивную действительность потому, что эта объективная действительость давила его, угнетала его, обезличивала. Между тем, как Италия—одина футуриста—страдала от недостаточного развития капитализма, ермания—отчизна экспрессиониста—задыхалась от избытка капиталистической цивилизации. Индустриализация, механизация и бюрократизация жизни достигли здесь — в Германии — такого развития, что тдельная „личность", этот фетиш мелко-буржуазного интеллигента, ыла ничто. От этой обезличивающей механической буржуазной действительности экспрессионист еще до войны уходил в недра своего уверенного я — своей „души", и—когда началась война — он почти дин не участвовал в охватившей империю патриотической вакханалии. Он замолк. Поднятое ими литературное движение замерло. Чем уже затягивался узел войны, тем отрицательнее становилось к ней его отношение. Он, конечно, не был циммервальдцем — он читал Толстого, поглядывал с запада на восток, где родилось евангелие неотмирного царства. Он, был пасифист—в противоположность футуристу. Когда в Швейцарии — в изгнании—стал выходить орган „Die Actio", он там помещал свои антимилитаристические стихи. Когда 9 ноября империя развалилась, он коллективно выступил в (изданном Рубинером) сборнике „Товарищи человечества" со своими пасифистскими поэмами, в которых Толстовское непротивленство нелепо мешалось с гимнами революции.

Началась медленная агония некогда могущественной страны. У немецкого экспрессиониста не было основания менять свою довоенную, еще, правда, тогда робкую отрицательную, оценку капиталистической цивилизации. Напротив, в условиях разгрома и репараций под гнетом возраставшей нужды, в атмосфере прогрессировавшего упадка „среднего класса" и в частности и в особенности интеллигенции, его вражда к механической и бюрократической действительности, ко всему буржуазно-мещанскому укладу жизни, вырастала в ненависть. В этом мире,—как ярко показал Кайзер в своих драмах о

[1]) Импрессионизм.

[2]) Экспрессионизм.

капитализме (преимущественно в двух частях „Газа")—нет места индивидуальностям, нет места живым душам. Встречаются разве типизированные люди — миллиардер, рабочие, инженеры. Это царство технических формул, стальных рычагов, электрических сигнализаций—человек стал автоматом — все равно, организатор производства или рабочий. Во II части „Газ", в первой сцене, мы находимся в бетонной зале, уставленной столами,—у каждого — человек в голубом,— не живая личность, а первый человек в голубом, второй человек в голубом, третий человек в голубом—пристально смотрят они на стеклянные кружки, вспыхивающие—передавая донесения с разных участков огромного промышленного предприятия—зеленым и красным электричеством. Потом в III действии их сменяют другие люди—первый человек в желтом, второй человек в желтом и т. д. Если уже организаторы производства автоматы,—то рабочие тем больше—они даже не цельные автоматы, а лишь частица автомата. Девушка-работница рассказывает о своем брате, у которого одна рука была постоянно в движении и росла за счет всего организма.—Эта рука и была весь человек. Мать говорит о сыне: „Разве два глаза, которые стали неподвижны от наблюдения контрольной трубки, это сын?". В этом механизированном обезличенном обездушенном мире судьба людей всецело зависит от математических формул — и трагизм в том, что формула может быть верной и все-таки последует взрыв. Этот чудовищный мир рычагов и формул был создан миллиардером — некогда простым рабочим (в драме „Коралл", прологе к „Газу"). Сын его—возмущенный несправедливостью этого строя—а за спиной молодого человека стоит сам автор— порвал со своим классом и ушел временно в кочегары. Став—в первой части „Газа"—владельцем громадного предприятия, он —противник капитализма, но и не сторонник социализма —„социализировал" завод— рабочие — творцы производства—стали участниками в прибылях. Положенная в основу предприятия формула, математически верная, приводит к катастрофе. Тысяча жертв! Тем не менее рабочие требуют восстановления предприятия, и вдруг наталкиваются на противодействие хозяина-социализатора, выступающего—после катастрофы—отрицателем капиталистической цивилизаци, как таковой. Куда зовет он рабочих? В его проекте новой, лучшей жизни наглядно проступает мелко-буржуазная стихия, из которой родился идеологически (не формально) экспрессионизм. В ответ на требование рабочих пустить завод, он предлагает им вернуться из тюрьмы каменных городов к „вольным пажитям в зелени".

„Над развалинами и обломками воздвигнутся поселки. Вы все освобождены от службы и прибыли—п о с е л я н е с самыми скромными потребностями и с высшей независимостью—л ю д и".

Освобождение человечества возможно, по мнению миллиардера, за спиной которого стоит сам автор —только при условии возвращения назад к патриархальному деревенскому (мелко-буржуазному) прошлому.

Рабочие, естественно, не следуют призыву опрощенца (призыву [э]кспрессиониста-интеллигента, придавленного тяжестью капитализма [с]удорожно мечущегося назад к превзойденному). Они остаются на [з]аводе; начинается война—мы переходим во вторую часть „Газа":—[за]вод национализирован правительством,—сын миллиардера-социализ[а]тора вступает в производство простым рабочим. Спасение нации [(л]юдей в голубом) в максимальной производительности завода—не[т] ого меньше газа (техники), чем нужно, и поражению неизбывно. [Ра]бочие не выдерживают каторжного труда. Они, когда-то требовав[ши]е „газ", теперь кричат: „долой газ". На заводе воцаряются новые [лю]ди—в желтом. Спасение рабочих и страны теперь в ядовитом газе, обретенном инженером. Стоит бросить красный шар, им наполнен[ны]й, и конец национальным и классовым угнетателям.

Так стал автор у самой грани социальной революции. И снова [на]глядно в его отношении к этой проблеме сказалась вся его мелко[бу]ржуазная—ни туда ни сюда—межеумочная психика.

Герой—рабочий-миллиардер—против насилия. Громче чем в [пр]изыве его отца к возвращению к „вольным пажитям в зелени" [сл]ышатся в его речах толстовские нотки—нотки непротивленства.

„Будьте страдальцами в труде и свободными в самих себе. На [зеле]ные луга манил вас некто предо мной—вы оттолкнули его спра[ве]дливо. Ничто вокруг вас не щадит в вас самого важного, оно не [за]мыкается в четыреугольнике человеческих селений — царство [ег]о не от мира сего".

Резко и непримиримо падают, отрицая друг друга, реплики не[п]ротивленца и революционера.

— Возвращайтесь на фабрики.

— Захватите власть.

— Оснуйте царство.

— Зажгите ядовитый газ.

Формула инженера торжествует. Рабочие готовы к насилию... Рабо[ч]ий—миллиардер—вдруг изъявляет желание бросить красный шар—[и] падает назад, снаружи раздается бомбардировка, бетонный зал [п]ревращается в развалины, торчат побелевшие скелеты людей—чело[ве]к в желтом, в стальном шлеме и с телефоном на голове, таща за [со]бой проволоку, вбегает на развалины и кричит в телефон:

— Обратите орудия против себя и уничтожьте самих себя—день [ст]рашного суда—dies irae—solvet saecl...,—не договорив, стреляет себе [в] рот. Вдали свистят, перекрещиваясь, снопы огненных шаров и мир [п]роваливается в бездну среди огня и дыма.

Из тупика механизированного капиталистического царства нет [в]ыхода никуда—для наций, для обществ—разве в взаимоистреблении [1]).

И нет выхода и индивидуального для интеллигента-экспрес[си]ониста никуда—от торжествующего мещанства. В его подавленном

[1]) Есть русский перевод. Изд. Госиздата.

мозгу мещанин, буржуа, занявший всю жизнь, вырастает невольно в нечеловеческую фигуру—в чорта. Он одет—так описывает его Корнфельд в рассказе „Чорт"—в желтые перчатки и светлые гамаши, в смокинг и черный галстук. Он удобно усаживается в кресло, кладет ногу на ногу, опускает руки в карман и позвякивает деньгами. Когда автор очерка напоминает ему, что есть в мире ценности повыше материальных благ, он и все присутствующие одобрительно кивают головой—возражает самодовольно:

„Нет, дорогой мой, важно сделаться приличным человеком. Все мы живем на земле только один раз. Прежде всего мы должны исполнить свой долг—преуспеть в этой жизни"...

В драме того же писателя „Обольщенные" оппонент из только-что упомянутого рассказа превращается в беспочвенного скитальца, клеймящего мещанский мир, но с ним не порывающего, отводящего душу в путанных монологах и любовных похождениях, чье имя Bitterlich—Горестный—достаточно красочно передает всю нудную драму его души. Он возвращается домой из путешествия, в провинциальный городок—в семью, с девочками которой рос—у одной есть жених—заурядный, самодовольный, ограниченный буржуа, никакого зла не сделавший молодому человеку. Последний видит его в первый раз и точно перед ним чорт—осыпает его в присутствии невесты оскорблениями, выталкивает из комнаты и за дверью душит своими руками.

— Кажется, я совершил д о б р о е д е л о,—возвращается он.

— Что ты сделал?

— Кажется, задушил его. Не кричи. Только не кричи. К а к д а в н о я м е ч т а л о б э т о м. К а ж д ы й д е н ь я п о в т о р я л б ы э т о. Не кричи. Я должен был задушить его. Если бы ты знала, к а к л е г к о я с е б я ч у в с т в у ю. Я п о ч т и с ч а с т л и в...

Ненавидя торжествующего мещанина, до готовности его задушить, интеллигент-экспрессионист, однако, дальше буржуазно-мещанского мира не видит, а так как этот уклад ему—интеллигенту—ничего дать не может, то—где выход?

В драме Кайзера „С утра до полуночи" [1]) перед нами кассир, всю жизнь прозябавший в семье и на службе. Пришедшая в банк за деньгами красавица, прикоснувшись к нему, возбуждает в нем пожар неизведанных чувств и устремлений. Похитив шестьдесят тысяч марок, он бросает семью, мещанский уют, службу. Теперь он свободный человек. Перед ним лежит весь мир. Что будет он делать? Он отправляется в спортивный дворец, где за призы устраивается бешеная гонка велосипедистов (символическая картина капиталистического общества и капиталистической конкуренции), сам учиняет призы, заставляя гонщиков доходить до кровавого пота. Неудовлетворенный отправляется в кабак, приглашает в кабинет дюжину масок, угощает

---

[1]) Есть русский перевод. Изд. Госиздата.

икрой и шампанским... Кроме погони за призом и погони за нажденнем тот мир, куда он вступил с такой трепетной надеждой—него дать не может. А другого мира кассир (сам автор) не знает не видит. И вот с утра до полуночи нелено метавшийся по пустыне зни он, наконец, на заседании армии спасения—всходит на трибу—признается в воровстве и трубит в трубу, чтобы было слышно края до края.

— За все деньги из всех касс мира нельзя купить себе ничего еющего настоящую ценность.

Тогда где же выход?

Снова трубит он—как итог своего опыта—над собранием, над ездушенным миром:

— С утра до полуночи мчусь я по кругу и вот призывно-манящий перст указует—куда?

И он стреляет в грудь фрачной рубашки.

Немецкий экспрессионизм (с социально-психологической стороны ссматриваемый)—это трагедия мелкобуржуазного интеллигента, повленного тяжестью механизированно-технической и обездушенно—нежной цивилизации, за гранями капитализма, не видящего возможности иных социальных миров и потому тревожно и судорожно ічущегося от мечты о вольных деревенских пажитях к надежде душить своими руками черта-буржуазию, от пассивного непротиенства во имя неотмирного царства к самоуничтожению!

Но есть для него еще один выход.

Можно эту действительность, каменной плитой на него нававшуюся, объявить презренной материей, не стоящей внимания природой" и противопоставить ей суверенный дух интеллигента, ворящий мир по иным своим законам. Такой выход пытался найти экспрессионист австрийский. Ненавистную объективную действительность он пытался преодолеть мистикой и оккультизмом.

III.

Австрийский экспрессионист—речь идет о Мейринке, как, быть ожет, наиболее типичном из них, авторе переведенного на русский зык романа „Голем" такой же растерянно-мечущийся между буржуазией и пролетариатом беспочвенный интеллигент. Мещанин-буржуа, плоский и рассудочный,—и для него корень всего зла, и еще о войны Мейринк помещал в журнале „Simplicissimus" сатирические черки из быта мещанской обывательщины, потом изданные в виде борника: „Немецкого филистера чудесный рог". Во время войны, ак немецкий экспрессионист, чуждый шовинистического угара, он исал памфлеты против милитаризма и офицерства, которых цензура е пропускала. После войны, расчленившей империю Габсбургов, он, ак и большинство австрийской интеллигенции, был обречен на тяжие лишения. Он видел, как говорится в одном его романе („Зеленый

лик"),—как люди умственного труда, или, как он выражается, люди внутреннего созерцания, осуждены на вымирание, „за недостатком обмена веществ". „Скипетром завладела мускулистая рука, а выделения человеческого мозга каждый день теряют в своем курсе",—вздыхает один из его героев. Придавленный разложением среднего класса и развалом родины, он, однако, не верит и в социализм. К чему стремятся рабочие„—спрашивает в одном из его романов (Зеленый лик) действующее лицо, за спиной которого стоит сам автор—чтобы богатые ушли и их место заняли пролетарии! Но разве это значит „обновлять мир"? Нет надобности перестраивать социальную действительность,—совершенно достаточно усвоить себе „новое мировоззрение". А для этого надо отрешиться от старой веры, будто видимый мир есть единственно-реальное. „Это я называю основанием нового государства". С ним совершенно согласен герой романа—инженер не у дел. От материального мира, от „грязной обыденщины" он, как сам автор, уходит в среду сектантов и мистиков, христианских духовидцев и еврейских хассидов, погружается в изучение оккультных наук, в изъеденные червями рукописи средневековых магов и восточных колдунов—но не в мистике в обычном смысле, выносящей потусторонность за пределы видимости, истина,—таков вывод его из духовных его скитаний,—а в оккультизме, с точки зрения которого и „здесь" и „там" два одновременно и неразрывно существующих мира, стать „гражданином этих двух миров"—ein Bürger Zweier Welten вот цель жизни. Для этого не нужна никакая революция, для этого надо лишь надеяться „видеть", для этого надо лишь „выплакать старые глаза". И очам тогда предстанет „невидимый мир, проникающий видимый". Неудовлетворенный действительностью, готовый, чтобы от нее уйти, на самое „нелепо-странное", он—пройдя курс оккультных наук—научается в самом деле быть „живым человеком" и „здесь" и „там". К его обычному сознанию—говорит автор—присоединилось новое восприятие, которое, оставляя мир нетронутым, вместе с тем его преобразовало".

Для придавленного каменной стеной действительности, и неспособного в ней проложить проход в иной реальный, в иной социальный мир интеллигента, нет в самом деле иного—кроме самоубийства Кайзеровского кассира—выхода, как, оставив жизнь неприкосновенной, надстроить над ней иную, где царят законы не физики и социологии, а законы, творимые самим интеллигентом, суверенным господином лишь в области воображения.

И вот он начинает творить вселенную свою, подвластную иным—его законам.

В одном романе девушка слышит точно откуда-то издалека кто-то зовет ее—неудержимо, властно покоренная таинственным зовом выходит она на улицу, идет в жуткой ночи все дальше по мрачным пустынным переулкам—входит за ограду—перед ней огромного роста негр, она падает изнасилованная и умирает, но тот, кто ее любил

зью чистой, силой еще большего внушения воскрешает ее, и она вет в его объятьях („Зеленый лик") В другом романе среди живых й ходит некий актер—„Зеркало"—не человек, а пустая форма, в ую—по мере надобности—облекается и дух давно умершего влаа дворянской усадьбы, и старый по прозванию „Пиогвин"—приый врач и—на собрании заговорщиков—сам бунтовщик Ян Жиж. Люди раздваиваются, живут чужой жизнью, исполняют чужую , и в смятенном мозгу раздавленного интеллигента, не способно ырваться из каменного тупика, им же созданный—в противовес зистной действительности волшебно-свободный мир становится іаром—„вальпургиевой ночью".

Так озаглавлен один из романов Мейринка. Как обычно у него гане происходит здесь в старой Праге. В день св. Непомука,— а по древнему чешскому обычаю баре и слуги обедают за одним м—разговор заходит о войне, и один из присутствующих принися развивать восточное учение adeysha—учение о шаманах или х, ewli, которые покидают тело свое и водворяются в чужое, заяя человека действовать против воли.

„Зачем это нужно духу?—спрашивает кто-то".—Может быть, он т на земле сделать то, что он забыл сделать. А если он жесток, тем, чтобы учинить кровавую бойню".—„Так значит теперешняя а"...—„Несомненно, все, что люди делают против желания продит от adeysha"...

Как война была делом гуляющих по миру духов, так и подгоенная ею революция,—даже в этом созданном интеллигентским ом чудесном мире,—является лишь навождением неподвластных м сил. В древней, обвеянной легендами, Башне голода собрались ворщики. Русский кучер, ссылаясь на Кропоткина, призывает к ебленню богачей. Барышня-дворянка, отпрыск старого рода, Поена пытается перевести социальное восстание в русло национой революции. Во главе независимой Чехии станет ее возлюбый юноша Оттокар. Устами здесь же присутствующего актера— ркало"—к собранию обращается воскресший Ян Жижка. Толпа выт на улицу, громит замок графини, матери Оттокара, который ает от ее руки;—с фронта вытребован батальон солдат, беспощадно треливающий восставших. Почему барышня-дворянка стала во е мятежа, почему мать убила собственного (незаконного) сына?— потому, что они лишь механически повторили — в современной новке — судьбу прабабушки Поликсены, участницы гуситского тания. А может быть, все это лишь видение,—видение смятенного в, неспособного уйти даже в этом мире, свободно им сконструинном, от давящей объективной действительности. Ибо все эти тия кому-то приснились лишь потому, что наступило 30-е еля, — день вальпургиевой ночи. И нет даже в этом его чудесном е ему спасения от все выше вздымающихся волн социальной олюции.

После войны — таково содержание другого романа Мейринка — в тихом Амстердаме собрались со всех концов света все недовольные, все тоскующие, все, кому то там, то здесь видится некий таинственный — отсюда заглавие романа „Зеленый лик“. Но и этот тихий Амстердам мечты и тоски пропитан тревожным предчувствием.

Пригнетающий страх перед грозными событиями охватил всех. Ждали конца мира, как в страшные времена „перекрещенцев“. „Гигантский призрак унес миллионы жизней и потом заснул — теперь из пропасти подымал свой лик Медузы ужаснейший из всех фантомов, давно пробужденный гнилой, разлагающейся лжекультурой“ — красный призрак. Все нарастая, сгущается страх перед повторением „страшных времен перекрещенцев“ над тихим Амстердамом, последним оплотом, воздвигнутым безумно мятущимся интеллигентом против беспощадной действительности, и разрешается — в конце романа — ураганом, сметающим весь город, старый мир, ураганом, от которого герой спасается в свое „новое“ сознание, которое, оставляя мир нетронутым, позволяет ему надстроить над ним иной воображаемый — мы видели — столь же кошмарный, как „вальпургиева ночь“ объективной действительности, от которой—никуда не уйти ее вотще бунтующему пленнику.

IV.

В то самое время, когда авансцену литературы занимали футуризм и экспрессионизм—вдруг раздался из тиши швейцарского городка протестующий голос:

„Довольно футуристических академий, лабораторий отвлеченно-мозговых потугов“.—„Долой бескровный экспрессионизм“.

На сцену выступили—дадаисты [1]).

Футуризм был явлением итальянским, экспрессионизм—продуктом немецким, дада не знает отечества—он интернационален. Футуризм идейно и морально подготовлял войну—экспрессионизм отрицал ее во имя пасифистско-непротивленских идеалов, дадаизм, не отвергая войну, дезертировал от нее—спрятался в обеспеченном тылу, в нейтральном городке Швейцарии—в Цюрихе.

Здесь под грохот пушек и разрывов шрапнелей—как в некоем Амстердаме Мейринка—собралась в 1916 г. в кафе Вальтера группа поэтов и художников разных национальностей—немцев, румын, французов, американцев—и основала новую школу—имя же ей дада, что вернее всего есть подражание детскому лепету. На всех улицах Цюриха (16 апр.) были вывешены афиши, приглашавшие обывателей на сенсационный вечер международного дада, были обещаны всевозможные аттракционы—музыка, танцы, картины, костюмы и в заключение—чтобы было совсем весело—всеобщая потасовка с вмешательством полиции.

[1]) Hülsenbeck, Dada-Almanach. Hulsenbeck, Dada siegt — „Современный Запад“, № 3.

А там на полях битв лилась рабоче-крестьянская кровь!

Между тем, как футурист охаживал буржуа, изобретая для него вые настоящие радости", дабы излечить его от „послевоенных езней", а экспрессионист ненавидит его, как чорта, и готов заду-ть его своими руками—дадаист просто презирает его, презирает , что тот любит, все, что тот чтит, и это свое презрение к нему, го культуре, к его идеалам он выражает порой достаточно кра-іно. В одном из первых дадаистских манифестов, носящем выра-ельное название „каннибальского", буржуа-мещанин, ползающий брюхе перед единственным своим божеством—перед деньгами,—ображен отнюдь не чортом—как в рассказе немецкого экспрессио-ста Корнфельда, а лаконично назван „вонючкой", тогда как дада-одолжает манифест—не пахнет ничем, ибо оно ничто, ничто, ничто:

как ваши надежды—ничто,
как ваши политики—ничто,
как ваши герои—ничто,
как ваши художники—ничто,
как ваши религии—ничто.

Когда в Париже—уже в 1920 г. стали раздаваться голоса, что да—немецкое изобретение—Made in Germany, что эту опасную туку надо пресечь, то один французский дадаист, протестуя против ого шовинистического навета во имя международного характера вого „искусства", продолжал, становясь в позу митингового оратора:

„Разумеется, милостивые государи, если вы боитесь за нрав-венность ваших жен, за воспитание ваших детей, за спокойствие ших кухарок и за верность ваших любовниц, за целость ваших очных горшков и существующего строя, за существование ваших омов свиданий и—за безопасность государства, то вы правы—но что е делать—вы прогнили, а огонь пылает".

Верно, конечно, что буржуазия прогнила, но и огонь дада не ылает, а только чадит.

Если дадаист—говоря о идеалах, т.-е. об идеалах буржуазии—еизменно сопровождает это слово ироническим припевом „бум, бум", о, ведь, ценность буржуазных „идеалов" с достаточной наглядностью скрыта самой жизнью. Но и дадаист только нигилист, только циник. Он сам дитя этого класса, дитя с опустошенною душой. Как фило-офы умиравшего античного мира, он абсолютный скептик.

„Что такое прекрасное? Что такое уродливое?—Не знаю. Что та-сое я сам—не знаю, не знаю, не знаю". Он поэтому и к себе отно-ится с иронией. Написав программу-манифест, он в конце спешит рибавить: „быть против этого манифеста—значит быть настоящим дадаистом". Ругая обывателя идиотом, он и себя не выключает. Когда дадаисты устроили в Париже первый свой вечер, все участники со-брались на эстраде и хором запели, обращаясь к публике:

— Вы все идиоты, мы все идиоты, вы все идиоты.

А один из них смастерил даже такой афоризм:

„Дада работает изо всех сил над распространением идиотизма и сам намерен скоро стать идиотом“.

Мы были бы, однако, несправедливы, если бы утверждали, что у них нет ничего святого. Один „идеал“ у них имеется. Если один из них сострил: „Публичный дом есть то место, где человек (т.-е. дадаист) больше всего чувствует себя дома“—то это не только игра слов—это программа. Об этом живейшим образом свидетельствует их, с позволения сказать, поэзия. Один небольшой пример:

Представьте себе, у негритянок
Зад вымаран в луже
И груди имеют форму щипцов.
Их пол—это лодочки из белого железа.
Если бы у меня было одиннадцать су,
Я пошел бы в публичный дом.

Но, вообще говоря, дадаисту в высокой степени—как гласит один из их афоризмов—„наплевать на человечество“.

Если он кого-нибудь чтит, так это Распутина, „он был дадаист и к тому же настоящий“.

И подобно тому, как он издевается над буржуазной культурой, так и над искусством. Как следует написать дадаистскую поэму, на этот вопрос отвечает один из их манифестов: возьмите газету, возьмите ножницы, вырежьте статью, длина которой соответствует той, какой вы хотите дать вашей поэме, вырежьте каждое отдельное слово, сложите все в мешок, вынимайте каждый отрезок в таком порядке, как он будет выходить из мешка и—поэма готова. И, конечно, только, как издевательство над „священной“ профессией поэта, можно понять их собственные „стихотворения“ вроде следующего:

Медведь ел канапе.
Съев канапе, он изрыгнул груди,
Из грудей вышла корова,
Корова изошла кошками,
Кошка сделала лестницу и т. д.

Впрочем, у них имеются и свои специальные жанры—поэмы на заумном языке, или, как они говорят, на „майоридском и африканском“, или „концерт из гласных“ и, наконец, в особенности „симультанистическая поэма“, т.-е. поэма, которая читается одновременно несколькими лицами, в разных несовпадающих ритмах и на разных языках—некая поэзия вавилонского столпотворения.

Бывают в жизни странные недоразумения.

Издевательства дадаистов над буржуазной культурой и буржуазным искусством ослепили в Германии очи некоторых поэтов и художников, близких к коммунизму, и они шумно приветствовали фигляров из кафе Вольтера, как своих союзников: было создано издатель-

во Малик, издававшее рисунки Гроса, „Лик господствовавшего ;acca", романы коммуниста Юнга и составленные Гюльзенбеком ьманахи дадаистов.

Как последние относятся к коммунизму, явствует из их мани-·ста „Чего хотят дадаисты в Германии". Если бы в Германии)оизошла революция, они обратились бы к правительству Советской ·рмании со следующими требованиями:

1. Передача всех церквей для исполнения симультанистических дадаистских стихотворений.

2. Введение симультанистического стихотворения в качестве ·ммунистической государственной молитвы.

3. Контроль над всеми постановлениями Советского прави-·льства.

4. Учреждение в каждом городе с населением свыше 80.000 чел дадаистского совета для преобразования существующих форм жизни.

Но „гвоздями" сих скромных требований в глазах авторов мани-·еста, вероятно, были следующие:

1. Публичные, ежедневные (конечно, бесплатные. *В. Ф.*) трапезы ·сех творческих и духовно-значительных личностей на Потсдамской лощади в Берлине.

2. Немедленное регулирование всех половых отношений в интер-ациональном дадаистском духе путем учреждения дадаистского центрального комитета по делам пола.

Что значат мещански-скромные требования футуристов из жур-нала „Имперо" о закрытии музеев и введении налога в пользу жрецов искусства в сравнении с этими публичными пиршествами на берлин-ской площади, дадаистскими советами на предмет преобразования всех форм жизни и этим великолепным дадаистским Ц.К. по делам пола!

Далеко не все течения европейской литературы послевоенного периода нами рассмотрены. Остались необследованными и некоторые представители этих двух направлений. Не освещена и формальная их сторона.

И все-таки,—резюмируя,—можно сделать вывод, что за этими литературными течениями—если брать их с социально-психологиче-ской стороны—встает во весь рост трагикомедия европейского интел-лигента послевоенного периода—придавленный стеной капиталисти-ческой цивилизации и неспособный проломить в ней (хотя бы идео-логически) проход в иной—рождающийся мир; растерянный и бес-почвенный он—такова трагедия немецкого и австрийского экспрес-сиониста—судорожно мечется от мечты о возврате к патриархальной деревенщине к надежде задушить своими руками буржуазного черта, от пассивного непротивленства во имя „царства не от мира сего" к

преодолению ненавистной действительности путем надстройки над ней иной воображаемой, однако, столь же подавляюще-мрачной, и — и здесь трагедия переходит в комедию — опустившийся и опустошенный — он с клоунской расторопностью перескакивает от нелепых выдумок о Сюрприз-театрах и тактилистических путешествиях футуризма к дадаистскому: наплевать на человечество и на искусство.

Так среди трагических судорог и смехотворного фарса, среди ужаса и гримас, разлагается старый мир.

В. Фриче.

Ленин и национальный вопрос.

Одной из величайших заслуг т. Ленина перед мировым социаль-ым движением и международной коммунистической партией явля-ся правильная обстановка т. Лениным столь сложного вопроса, как ациональный, в котором не могли разобраться даже столь сильные теоретическом отношении революционные умы, как Роза Люксем-ург. Между тем, как вполне основательно указывает т. Зиновьев в оем предисловии к напечатанной в 1-м номере петроградского жур-ала „Звезда“ статье Ленина, статье, написанной в 1916 г., именно Правильная политика партии в национальном во-росе,—можно это сказать смело, нисколько не преувеличивая,— блегчила нам победу над эсерами и меньшевиками, ад Деникиным и Колчаком, по крайней мере на 50%“ [1]).

1. Ленин и Михайловский.

Впервые у т. Ленина мы встречаем упоминание о нации, национальности, национальных связях в опубликованной недавно работе Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демо-ратии» (изд. „Московский Рабочий“ и „Новая Москва“ 1923), работе, аписанной тридцать лет тому назад, в апреле 1894 г. и пролежавшей той поры в тайниках охранных отделений.

Эта замечательная работа направлена против корифеев тогдаш-его народничества, Михайловского, Южакова, Кривенко, Николая –она, безбожно искажавших взгляды русского марксизма в целом ряде лостных и невежественных статей, напечатанных в „Русском Бо-атстве“.

Критикуя исторический материализм, Михайловский коснулся, ежду прочим, работы Энгельса „Происхождение семьи, частной обственности и государства“. Михайловский считал национальные вязи продолжением и обобщением связей родовых и трактовал на-иональное чувство, как самостоятельный фактор, вроде полового увства. По поводу этого замечания, показывающего, какими профа-

[1]) См. „Звезда“ 1924. № 1 стр. 108.

нами в области понимания общественных явлений были даже самые выдающиеся народнические писатели, т. Ленин писал следующее:

„Есть у г. Михайловского и еще одно указание—и опять таки это в своем роде перл. „Что касается родовых связей,—продолжает он исправлять материализм,—то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка еще только более явная. Каких же именно форм производства? Пустая фраза), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении—в связях национальных". Итак, национальные связи, это—продолжение и обобщение связей родовых. Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности,—гласит эта доктрина прописей,—состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества (это—чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы), затем, дескать, семья разраслась в племя, а племя разраслось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, то это доказывает только помимо всего другого, что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царствования, никаких родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на связях совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. п. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то *создание этих национальных связей было ни чем иным, как созданием связей буржуазных*[1]). Обоими

[1]) Курсив наш. *М. Н.*

и фактическими указаниями г. Михайловский только побил о себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных погей—„идиллосгей" потому, что объяснял институт наследства производством и его психикой, а национальность—родовыми свя: „буржуазных"—потому, что принимал категории и надстройки і исторически определенной общественной формации (основанной 5мене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитадетей, и „непосредственно" половые связи".

Критикуя далее Михайловского, т. Ленин указывает, что в основе иональной розни, национальной ненависти лежат реальные интет торговой и промышленной буржуазии и что толковать о начальном чувстве, как о самостоятельном факторе, как это делает айловский, значит только замазывать сущность дела. Михайловский ак не может понять той простой истины,— писал Ленин в цитируемой ите,—что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против сса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких иональных рабочих организаций в одну международную рабочую ию против международного капитала.

Уже из этих беглых строк видно, какое значение национальному росу придавал т. Ленин тридцать лет тому назад.

2. К. Маркс и национальный вопрос.

Общая, так сказать, декларативная постановка национального проса дана т. Лениным в статье „Рабочий класс и национальный прос", напечатанной в „Правде" от 18 мая 1913 г. (см. Собрание инений, т. XIX, стр. 28—29).

В этой статье т. Ленин говорит, между прочим, следующее:

„Национальный вопрос требует ясной постановки и решения со роны всех сознательных рабочих.

„Когда буржуазия боролась за свободу вместе с народом, вместе рудящимися, она отстаивала полную свободу и полное равноправие ций. Передовые страны, Швейцария, Бельгия, Норвегия и др., дают м образец того, как мирно уживаются вместе или мирно отделяся друг от друга свободные нации при действительном демократи ском строе.

„Теперь буржуазия боится рабочих, ищет союза с Пуришкевими, с реакцией, предает демократизм, отстаивает угнетение или равноправность наций, развращает рабочих националистичеими лозунгами.

„Один только пролетариат отстаивает в наши дни истинную свободу наций и единство рабочих всех наций.

„Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или сходились (когда это им удобнее), составляя разные государства ля этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим

классом. Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка. Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству—вот принципы рабочей демократии".

Само собой разумеется, что, отстаивая полную свободу и полное равноправие наций, т. Ленин исходил не из побуждений справедливости и „гуманности" к угнетенным народам, а в первую голову из интересов пролетариата и мировой революции.

Полемизируя с Розой Люксембург по вопросу о праве наций на самоопределение, т. Ленин ссылается на Маркса, который еще в 1869 г. доказывал, что прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его связи с Ирландией. Несчастие для народа, если он поработил другой народ. Не освободиться рабочему классу Англии, пока не освободится Ирландия от английского гнета. Реакция в Англии укрепляет и питает порабощение Ирландии.

10-го декабря 1869 г. Маркс писал Энгельсу, что его доклад по ирландскому вопросу в Совете Интернационала будет построен следующим образом (Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIX, стр. 158):

„Совершенно независимо от всякой „интернациональной" и „гуманитарной" фразы о „справедливости к Ирландии"—ибо это само собой разумеется в Совете Интернационала,—прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией. Таково мое самое глубокое убеждение, основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в „Нью-Йоркской Трибуне" (американская газета, в которой Маркс долго сотрудничал). Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс ничего не поделает, пока он не избавится от Ирландии... Английская реакция в Англии коренится в порабощении Ирландии" (курсив Маркса).

Комментируя точку зрения Маркса по ирландскому вопросу, т. Ленин пишет в той же статье („Утопист Карл Маркс и практическая Роза Люксембург").

„Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию и Англию от полувековой оттяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

„Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший доныне сохранивший громадное практическое значение образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям;—дала предостережение против той „холопской торопливости", с которой мещане всех стран, цветов и языков

ешат признать „утопичным“ изменение границ государств, созданных силиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

„Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили бы своим лозунгом отделения Ирландии, о было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач ›мократа и социалиста, уступкой английской реакции и буржуазии“.

Параграф 9 программы Р.С.-Д.Р.П. и Роза Люксембург.

Как мы видим из заглавия цитируемой выше статьи, Ленин опирается на Маркса, полемизируя с Розой Люксембург, считавшей утопией независимость Польши и иронически восклицавшей: „Почему бы не ставить требование независимости Ирландии?“

Параграф девятый программы российских марксистов, говорящий о праве наций на самоопределение, вызвал, как писал Ленин, целый поход оппортунистов, опиравшихся в своей аргументации на доводы Розы Люксембург. Вот почему т. Ленин все острие своей критики направляет против последней.

Совещание Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П. с партийными работниками летом 1913 г. приняло резолюцию по национальному вопросу, в которой мы читаем следующие пункты о самоопределении наций:

„Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый и воспитываемый систематически не только царской монархией и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции.

„Вопрос о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

„Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики

попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций".

Чтобы понять великую историческую заслугу т. Ленина в деле правильной постановки национального вопроса, необходимо остановиться несколько на взглядах Розы Люксембург, имевшей многочисленных сторонников по национальному вопросу как в самой Польше, так, особенно, в России.

9-ый пункт программы Российской Социал-Демократической партии, подвергшийся критике Розы Люксембург, гласил, что **партия требует демократической республики, конституция которой обеспечивала бы, между прочим, „всем национальностям, входящим в состав государства, право на самоопределение"**.

Критикуя эту формулу, Роза Люксембург находила, что признание права наций на самоопределение является повторением старого лозунга буржуазного национализма во всех странах и во всякую эпоху. „Право народов на свободу и независимось". Роза Люксембург указывала, что в Польше, например, „прирожденное право народов на свободу" было классической формулой для народовцев от демократического товарищества до „Побудки" Лимановского и от социалистическо-национальной „Побудки" до антисоциалистической „Лиги Народов", до момента отречения последней от программы независимости. Таким образом,—доказывала Роза Люксембург,—**в признании права наций на самоопределение нет ничего специфически связанного ни с социализмом, ни с рабочей политикой**, а между тем позиция рабочего класса в национальном вопросе, как и во всяком ином, должна отличаться самим методом, своим принципиальным подходом к вопросу от точки зрения самых радикальных буржуазных, а также от псевдо-социалистических мелко-буржуазных партий.

Более того, Роза Люксембург пыталась доказать, будто аргументация защитников 9-го параграфа программы Российской Социал-Демократической партии, справедливо доказывавших, что этот 9-ый пункт является лишь применением, перифразой пункта резолюции по национальному вопросу, принятой в 1896 г. на Международном конгрессе в Лондоне, основана на чистейшем недоразумении. Лондонская резолюция гласит: „Конгресс высказывается за полное право на самоопределение наций и выражает свои симпатии рабочим каждой страны, которая страдает в настоящее время от военного, национального или всякого иного гнета; Конгресс призывает рабочих всех этих стран вступить в ряды сознательных пролетариев всего мира, дабы совместно с последними бороться за уничтожение международного капитализма и осуществление целей международной социал-демократии". Если этот пункт лондонской резолюции говорит против чего-

ь, то, конечно, против Розы Люксембург, а отсюда не против параграфа программы Р.С.-Д.Р.П.

...же „слишком общий и шаблонный характер“ 9-го пункта про...ы Р.С.-Д.Р.П.—утверждала Роза Люксембург—указывает на то, ...одобного рода решение вопроса чуждо марксистскому духу. Право ..., относящееся в одинаковой мере ко всем странам и эпохам в ...ковой мере, есть не что иное, как метафизическая фраза вроде ...человека и гражданина“. Диалектический материализм, будучи ...ой научного социализма, порвал раз навсегда с такими вечными ...улами“. Ибо историческая диалектика доказала, что „вечных“ ..., а следовательно, и „прав“ нет, что, говоря словами Энгельса, ...о здесь и теперь является хорошим, то в другое время—плохим ...оборот, то, „что правильно и разумно при одних обстоятельствах, ...вится несправедливостью и нелепостью при других“. Эта на...ость к наделению всех народов, стран, групп и всех челове...х созданий правом на независимость, равенство и тому подобные ...деяния при помощи одного росчерка пера характеризует, именно, ...енческий период социалистического движения, а, в особенности, ...ологическое удальство анархизма.

Социализм современного рабочего класса, именно, научный со...изм, не прельщается—пропизировала Роза Люксембург—„радикаль...я и благородно звучащими, решениями общественных и нацио...ных вопросов, а рассматривает прежде всего реальные условия ...проблем.

Формула о „праве наций“ недостаточна для обоснования поло...ия социалистов в национальном вопросе не только потому, что не ...имает во внимание всей разнородности исторических условий ...та и времени) в каждом отдельном случае, равно как и не счита...с общим направлением развития всемирных отношений, но и ...му, что совершенно игнорирует основную теорию современного ...ализма—теорию классового общества.

Говоря о „правах на самоопределение наций“, мы разумеем под ...ятием „нация“—народ, как его целое, как неделимую общественную ...итическую единицу. Но именно такое понятие о „народе“ явля... одной из тех категорий буржуазной идеологии, которые марксист...я теория подвергла радикальной критике, указывая на то, что ...такими туманными определениями, какими являются понятия о ...жданской свободе“, „равенстве перед законом“ и т. д., кроется ...кий раз определенное историческое содержимое.

В классовом обществе „народ“, как неделимое общественно-...итическое целое, не существует, а вместо этого в каждом народе ...ествуют классы с антагонистическими интересами и „правами“.

О совокупной и нераздельной воле, о самоопределении „наций“ ...аким образом сформированном обществе—не может быть и речи. ...и мы находим в истории современных обществ „национальные ...жения“ и борьбу за „национальные интересы“, то это—обычные

движения господствующих слоев буржуазии, которая в данном случае может постольку представлять интересы и других народных слоев; поскольку под видом „национальных интересов" защищает прогрессивные формы исторического развития и поскольку трудящийся класс не выделился еще из массы этого, предводительствуемого буржуазией „народа" в самостоятельный сознательный политический класс. Французская буржуазия в этом отношении имела право выступать как третье сословие в Великой Революции от имени французского „народа" и даже немецкая буржуазия 1848 г. могла еще считать себя до известной степени представительницей немецкого „народа", хотя Коммунистический Манифест и отчасти „Новая Рейнская Газета" были уже форпостами особой классовой политики пролетариата в Германии. Оба эти случая доказывают, что революционное классовое дело буржуазии было одновременно, в тогдашней стадии общественного развития, также и делом всей массы народа, образующего еще с буржуазией, ввиду господства феодализма, единую в политическом отношении массу.

Уже это обстоятельство доказывает, —аргументировала Роза Люксенбург, —что оперирование „правами наций" не может быть приемлемым с точки зрения социалистической партии в национальном вопросе. Само существование такой партии является именно доказательством того, что буржуазия перестала быть представительницей целой массы народа, что класс пролетариата не прячется за спину буржуазии, но отделится от нее, в качестве самостоятельного класса с особыми общественными и политическими стремлениями. Так как понятие о „народе" и о „правах" и „воле народа", как о едином целом, является, как мы уже сказали, наследием от времен незрелого и несознательного антагонизма между пролетариатом и буржуазией, то, поэтому, применение классово-сознательным и самостоятельно организованным пролетариатом этого понятия было бы поразительным противоречием притом не школьной логики, а историческим противоречием.

Относительно национального вопроса в современном обществе социалистическая партия прежде всего должна считаться с классовыми противоречиями. Чешский национальный вопрос имеет иное значение для младочешской мелкой буржуазии и иное для чешского пролетариата, точно также мы не можем искать решения национального вопроса одновременно и для г-на Костельского, и для его батрака в Милославле, для варшавской и лодзинской буржуазии, равно как и для сознательных польских рабочих, а еврейский вопрос совершенно иначе отражается в умах еврейской буржуазии и иначе в сознании революционного еврейского пролетариата. Национальный вопрос, так же, как и всякие иные общественные и политические проблемы, является для социал-демократии прежде всего вопросом классовых интересов.

Социал-демократия есть классовая партия пролетариата. Ее исто-

эская задача—быть выразительницей классовых интересов проле-тата и вместе с тем и интересов революционного развития капи-истического общества в целях осуществления социализма.

Следовательно, социал-демократия призвана осуществить не во на самоопределение наций, а право самоопределения трудя-ося класса, класса эксплоатируемого и угнетаемого пролетариата. ой точки зрения социал-демократия рассматривает все без исклю-ия общественные и политические вопросы и с этой точки зрения мулирует свои программные требования.

Критикуя параграф девятый программы русских марксистов, а Люксембург договаривается, как выразился тов. Ленин (т. XIX, . 98), вплоть даже до совсем забавного умствования о том, как ать волю нации.

„Нация должна иметь право на самоопределение",—иронически клицает Роза Люксембург. Но кто же составляет „нацию", кто остоянии и кто имеет „право" быть признанным выразителем ции" и ее воли?

Каким образом узнать, чего, собственно, желает „народ"? Суще-ует ли хотя бы одна политическая партия, которая бы не утвер-ала, что она, вопреки всем прочим, является истинной вырази-ьницей воли „народа", в то время как все остальные—извращен-м и ложным проявлением воли народа. Все буржуазно-либеральные этии, в сущности, считают себя воплощением воли народа, взяв я себя исключительную монополию на представительство „народа". не менее ссылаются на волю и интересы народа консервативные реакционные партии, и в известной степени с не меньшим правом. сомненным проявлением воли французского народа была Великая ранцузская революция, но Наполеон, который ловко сфальсифи-ровал 18 Брюмера в основу всей своей государственной реформы. ложил буквально принцип „la volonté générale" (всеобщая воля).

В 1848 г. „воля народа" сначала выдвинула республику и вре-нное правительство, затем Национальное Собрание и, наконец, одовика Бонапарта, который уничтожил и республику, и временное равительство, и Национальное Собрание. Во время революции России либерализм требовал от имени „народа" кадетского мини-ерства, абсолютизм во имя того же народа устраивал еврейские громы, а революционное крестьянство проявляло свою народную лю, поджигая помещичьи усадьбы. В Польше волю народа взяла аренду черносотенная партия, „Народная Демократия", которая имя „самоопределения нации" подстрекала рабочих-„национа-истов" к тайным убийствам рабочих-социалистов. С истинной „волей рода" происходит то же, что и с настоящим перстнем в драме ессинга „Натан Мудрый": она пропала и, кажется, почти невозможно и отличить от лжи и подделки. Демократический принцип с виду к-будто дает способ отличить истинную волю народа, способ этот—ределение мнения большинства. Народ желает того, чего желает

большинство народа. Однако горе социал-демократической партии, которая когда-либо сочла бы этот принцип для себя приемлемым: это равнялось бы смертному приговору для самой социал-демократии, как революционной партии. Социал-демократия по своему характеру является партией, представляющей интересы громадного большинства народа. Тем не менее, однако, она является, поскольку вопрос касается сознательной воли, в буржуазном обществе временно партией меньшинства, которое стремится только стать большинством, хотя она отражает в своих стремлениях, в своей политике, в своей программе волю большинства народа, но, благодаря тому, что она становится выразительницей сознательной воли вовсе не всего народа, а лишь класса пролетариата и в пределах этого класса, социал-демократия не является и не предъявляет претензий на то, чтобы быть выразительницей воли большинства. Она выражает лишь волю и сознательность передового, наиболее революционного слоя промышленного пролетариата больших городов; она старается развить именно эту волю, проторить ей путь к большинству рабочего народа, раскрывая последнему его собственные интересы". Воля „народа" или его большинство совершенно не является кумиром для социал-демократии, перед которым она благоговейно преклоняется. Напротив, все историческое назначение социал-демократии заключается прежде всего в революционизировании и выработке воли „народа", т.-е. его трудящегося большинства.

Те же традиционные „формы сознательности",—продолжает Роза Люксембург,—которые большинство народа, а следовательно, и трудящиеся классы проявляют в буржуазном обществе, являются обычно формами буржуазной сознательности, враждебной идеалам и стремлениям социализма. Даже в Германии, где социал-демократия является уже самой могущественной политической партией, она представляет еще теперь со своими тремя с четвертью миллионами избирателей меньшинство при восьми миллионах выборщиков буржуазных партий и тринадцати миллионах обладающих избирательным правом. Статистика парламентских выборов дает, правда, хотя неточное, но все же до известной степени понятие о соотношении сил в мирное время. Итак, немецкая нация самоопределяет себя теперь таким образом, что из своего большинства избирает консерваторов, клерикалов и свободомыслящих и отдает им в руки свою политическую судьбу. То же самое, но лишь в большей степени, происходит во всех других странах.

Одним из главных аргументов Розы Люксембург в критике формулы „право наций на самоопределение" являлось указание на „абстрактный", „метафизический", лишенный всякого практического значения характер этой формулы.

Политические программы современных рабочих партий—рассуж-

а Роза Люксембург — ставят себе целью не распространение абстракт. с принципов социалистического идеала, а формулирование тех ктических, общественных и политических реформ, в которых ну- ается и которых требует сознательный пролетариат в среде буржуаз- о общества, для облегчения своей классовой борьбы и своей окон- ельной победы. Пункты их политической программы сформулиро- ы с той определенной целью, чтобы дать непосредственное, ктическое и осуществимое на почве буржуазного строя решение сущных вопросов политической и общественной жизни, вопросов, одящих в область классовой борьбы пролетариата, чтобы они слу- или руководством для повседневной политики и ее нужд, чтобы и вызывали и направляли надлежащим образом политическую дея- льность рабочих партий, чтобы, наконец, они отделяли революцион- ю политику пролетариата от политики буржуазных и мелко-бур- уазных партий.

Формула о „праве наций на самоопределение“, доказывала оза Люксембург, — не имеет этого свойства. Она не дает никакого рактического руководства для повседневной политики пролетариата, вно как и никакого практического решения национального вопроса. а формула, например, не указывает российскому пролетариату, ким образом должен он требовать решения польского на- ионального вопроса, финляндского, кавказского, еврейского и т. д., на является скорее лишь неограниченным полномочием для всех аинтересованных „народов“, дабы они решили национальные вопросы о своему усмотрению. Единственный практический вывод, который ожно сделать из вышеуказанной формулы для повседневной поли- ики рабочего класса, это указание на то, что его обязанность состоит борьбе со всякими проявлениями национального гнета. Если мы ризнали право каждой нации на самоопределение, то, следовательно, огически рассуждая, мы должны порицать всякую попытку одной ации решать судьбу другой, навязывание силой одной нацией дру- ой тех или иных форм национального быта. Однакож обязанность ротеста и борьбы с национальным гнетом для классовой партии ролетариата вытекает вовсе не из специального „права наций“, так е как, например, стремление его к социальному и политическому авноправию полов следует вовсе не из специальных „прав женщины“, а которые ссылается движение буржуазных эмансипаток, а обусло- лено общим отрицанием классового строя, отрицанием всякой формы бщественного неравенства и господства, словом обусловлено самими ринципами социализма. Но кроме того упомянутое указание для рактической политики имеет часто отрицательное свойство. Обязан- ость бороться со всяким проявлением национального гнета вовсе не вляется еще разъяснением, к каким условиям, каким политическим ормам должен стремиться сознательный пролетариат в России в астоящее время для решения польского, латышского, еврейского и т. д. национальных вопросов, какую программу он должен противо-

поставить в нынешней борьбе классов и партий, различным буржуазным, националистическим и псевдосоциалистическим программам. Словом, формула о „праве наций на самоопределение“, в сущности, является не политической и программной директивой в национальном вопросе, а своего рода обходом этого вопроса.

Конечно, мы ныне не найдем у нас среди марксистов людей, которых могла бы убедить аргументация Розы Люксембург. Однако было время, когда подобные взгляды на национальный вопрос имели многочисленных сторонников среди русских и польских марксистов. Тов. Ленин указывает, между прочим (т. XIX, стр. 206—207), что в 1915 г. даже такой товарищ как К. Радек восставал против самоопределения, выдвигая в числе других такой аргумент: самоопределение питает ту мысль, „будто обязанность социал-демократии является: поддержка всякой борьбы за независимость“; ныне только в литературных произведениях социалистов и „марксистов“ 2-го и $2^1/_2$ интернационалов мы встретим отрицание „права наций на самоопределение“ с повторением аргументов, почерпнутых из статей Розы Люксембург не предвидевшей, конечно, как используют ее критику предатели пролетариата.

Совершенно правильно тов. Зиновьев указывает, что в своих статьях по национальному вопросу т. Ленин показал себя не только глубоким теоретиком, но и великим государственным деятелем, учителем и вождем нашей партии, указующим ей верный путь. В. И. Ленин-теоретик подготовлял работу В. И. Ленина-руководителя государства.

4. Ленин о самоопределении наций.

Критикуя точку зрения Розы Люксембург, т. Ленин прежде всего ставит вопрос: „Что такое самоопределение наций?“. Искать ли ответа в юридических определениях, выведенных из всяческих „общих понятий права“?—спрашивает тов. Ленин. Или ответа надо искать в историко-экономическом изучении национальных движений?

„Роза Люксембург, много декламирующая по поводу, будто бы, абстрактности и метафизичности данного параграфа, сама впала именно в этот грех абстрактности и метафизичности. Именно Роза Люксембург постоянно сбивается на общие рассуждения о самоопределении (вплоть до совсем забавного умствования о том, как узнать волю нации), не ставя нигде ясно и точно вопроса—в юридических ли определениях суть дела или в опыте национальных движений всего мира.

„Точная постановка этого неизбежного для марксиста вопроса сразу подорвала бы девять десятых доводов Розы Люксембург... Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной

ы товарного производства необходимо завоевание внутреннего а буржуазией, необходимо государственное сплочение террито- з населением, говорящим на одном языке, при устранении вся- препятствий развитию этого языка и закреплению его в лите- е. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; един- языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших вий действительно свободного и широкого, соответствующего еменному капитализму торгового оборота, свободной и широкой пировки населения, по всем отдельным классам,—наконец, усло- тесной связи рынка со всякими и каждым хозяином или хозяй- м, продавцом и покупателем.

„Образование национальных государств, наиболее удовлетворяю- этим требованиям современного капитализма, является поэтому енцией (стремлением) всякого национального движения. Самые бокие экономические факторы толкают к этому, и для всей За- ной Европы—более того: для всего цивилизованного мира—типич- , нормальным для капиталистического периода является поэтому иональное государство.

„Следовательно, если мы хотим понять значение самоопределения ий, не играя в юридические дефиниции, не „сочиняя“ абстрактных еделений, а разбирая историко-экономические условия националь- к движений, то мы неизбежно придем к выводу: под самоопре- лением наций разумеется государственное отде- ние их от чуженациональных коллективов, разу- ется образование самостоятельного национального сударства“.

Мы видели, что Роза Люксембург не жалеет крепких словечек отив § 9 программы Р.С.-Д.Р.П., объявляя его „огульным“, „шаблон- м“, „метафизической фразой“ и так далее без конца. Естественно ло бы ожидать—замечает по этому поводу т. Ленин,—что писатель- ца, так превосходно осуждающая метафизику в марксовском смысле, е. антидиалектику и пустые абстракции, даст нам образец кон- етно-исторического рассмотрения вопроса. Речь идет о национальной ограмме марксистов одной определенной страны, России, одной ределенной эпохи, начала XX века. Вероятно, Роза Люксембург и авит вопрос о том, какую историческую эпоху переживает Россия, ковы конкретные особенности национального вопроса и националь- ых движений данной страны в данную эпоху.

„Ровнехонько ничего об этом Роза Люксембург не говорит. Ни эни разбора вопроса о том, как стоит национальный вопрос в Рос- ии в данную историческую эпоху, каковы особенности России в анном отношении,—вы у нее не найдете...

„В западной континентальной Европе эпоха буржуазно-демокра- ических революций охватывает довольно определенный промежуток ремени, примерно с 1789 по 1871 год. Как раз эта эпоха была эпохой ациональных движений и создания национальных государств. По окон-

чании этой эпохи Западная Европа превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств. Поэтому теперь искать права самоопределения в программах западно-европейских социалистов значит не понимать азбуки марксизма.

„В восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 году. Революция в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах—вот цепь мировых событий нашей эпохи, нашего „Востока". И в этой цепи событий только слепой может не видеть пробуждения целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых национально-единых государств. Именно поэтому и только потому, что Россия вместе с соседними странами переживает эту эпоху, нам нужен пункт о праве наций на самоопределение в нашей программе.

„...Россия—государство с единым национальным центром великорусским. Великороссы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что „инородцы" (составляющие в целом большинство населения—57%) населяют как раз окраины, во-2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем в соседних государствах (и даже не только в европейских); в-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в 4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в „инородческих" окраинах, чем в центре государства, наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом,—заключает т. Ленин,—именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

Другой довод, который Роза Люксембург повторяет очень часто, это, как мы видели, указание на то, что лозунг „право на самоопределение" не содержит-де в себе ничего практического. Ленин разбивает этот довод следующей аргументацией:

Вся задача пролетариев в национальном вопросе „непрактична" с точки зрения националистической буржуазии каждой нации, ибо пролетарии требуют „абстрактного" равноправия, принципиального отсутствия малейших привилегий, будучи враждебны всякому национализму. Не поняв этого, Роза Люксембург своим неразумным воспеванием практицизма открыла настежь ворота именно для оппортунистов, в особенности для оппортунистических уступок великорусскому национализму.

Почему великорусскому? Потому, что великороссы в России на[ци]я угнетающая, а в национальном отношении—естественно—оппор[туни]зм выразится иначе среди угнетенных и среди угнетающих [на]ций.

Буржуазия угнетенных наций во имя „практичности" своих тре[бо]ваний будет звать пролетариат к безусловной поддержке ее стре[млен]ий. Всего практичнее сказать прямо „да", за отделение такой-то [на]ции, а не за право отделения всех и всяких наций.

Пролетариат против такого практицизма: признавая равноправие и [ра]вное право на национальное государство, он выше всего ценит и [ст]авит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой [бо]рьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное [от]деление. Лозунг практицизма есть на деле лишь лозунг некрити[ч]еского перенимания буржуазных стремлений.

Если мы не выставили и не проведем в агитации лозунга права [н]а отделение, мы сыграем на руку не только буржуазии, но и фео[да]лам и абсолютизму угнетающей нации. Этот довод Каутский давно [вы]двинул против Розы Люксембург, и этот довод неоспорим. Боясь „по[м]очь" националистической буржуазии Польши, Роза [Л]юксембург своим отрицанием права на отделение в [п]рограмме российских марксистов помогает на деле [ч]ерносотенцам, великороссам. Она помогает на деле [о]ппортунистическому примирению с привилегиями [и] хуже, чем привилегиями) великороссов.

Увлеченная борьбой с национализмом в Польше, Роза Люксембург [з]абыла о национализме великороссов, хотя именно этот национализм [—] страшнее всего сейчас, именно он менее буржуазен, но более фео[да]лен, именно он главный тормоз демократии и пролетарской борьбы. [В] каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общеде[м]ократическое содержание против угнетения, и это-то содержание [м]ы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей [н]циональной исключительности, борясь со стремлением польского [бу]ржуа давить еврея и т. д.

„Гоняясь за „практицизмом", Роза Люксембург просмотрела глав[н]ую практическую задачу и великорусского, и инонационального про[л]етариата: задачу повседневной агитации и пропаганды против вся[к]их государственно-национальных привилегий, за право, одина[к]овое право всех наций на свое национальное госу[д]арство: такая задача,—наша главная (сейчас) задача в национальн[о]м вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демо[к]ратии и равноправного союза всех пролетариев всяческих наций.

„Пусть эта пропаганда „непрактична" и с точки зрения вели[к]оороссов, угнетателей, и с точки зрения буржуазии угнетенных наций [(]и те и другие требуют определенного да или нет, обвиняя с.-д. в не[оп]ределенности) На деле именно эта пропаганда, и только она, обес[пе]чивает действительно демократическое и действительно социали-

стическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении".

5. Государственный язык. Письмо Шаумяну.

Тов. Ленин боролся против всякого элемента принудительности в национальном вопросе, в отношениях одной нации к другой. Так, он резко критиковал точку зрения кадетов насчет обязательности государственного языка.

„Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательно. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения.

„Русский язык—велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т. д.

„Все это верно, господа либералы—отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского—велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

„Мы не хотим только одного: **элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной.** Ибо, сколько красивых фраз о „культуре" вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. **Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки".**

Тот же вопрос товарищ Ленин затрагивает в любопытном письме к тов. Шаумяну, не вошедшем в XIX том и опубликованном в „Сборнике статей, тезисов докладов и проч. по национальному вопросу", изданном Закрайкомом Р.К.П. (Тифлис 1922 г.—см. стр. 170—172). В этом письме тов. Ленин говорит:

„Дорогой друг. Очень рад был вашему письму от 15 ноября. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценим отзыв товарищей из России, особенно вдумчивых и занимающихся данным вопросом. Ваш быстрый ответ был потому для меня особенно приятен.

іствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма. ехожу к делу.

„I. Вы за государственный язык в России. „Он необходим; он имел іудет иметь крупное прогрессивное значение". Решительно не ласен. Я писал об этом давно в „Правде" и пока не встретил ›овержения. Ваш довод совсем меня не уверяет,—напротив. Пр(іссивное значение русский язык имел для тьмы жалких и отста. х наций—бесспорно.

„Н о н е у ж е л и в ы н е в и д и т е, ч т о о н и м е л б ы п р о г р е с- в н о е з н а ч е н и е е щ е в б о л ь ш е м р а з м е р е, е с л и б ы н е іло п р и н у ж д е н и я? [1])

„Что же, разве „государственный язык" не означает палки, отбивющей от русского языка? Как вы не хотите понять той психологии, торая особенно важна в национальном вопросе, и которая при маійшем принуждении поганит, пакостит, сводит на-нет бесспорное югрессивное значение централизации единого языка больших годарств. Но еще важнее экономика, чем психология: в России уже ть капиталистическая экономика, делающая русский язык необхоімым. И вы не верите в силу экономики и хотите костылями полиійской швали подкрепить экономику! Неужели вы не видите, что 'им вы уродуете экономику, тормозите ее? Неужели отпадение паривой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы ɪраны и распространения русского языка. Нет, абсолютно не согласен вами и обвиняю вас в кениглих-прейссишер социализмус"...

Пролетарско революционная постановка национального вопроса.

Следя за аргументацией Ленина, мы видим, что в основу своей очки зрения по национальному вопросу Ленин кладет признание за аждой нацией права на государственное отделение от чуженациональных коллективов, права на образование самостоятельного нациоіального. При этом такую постановку вопроса Ленин считает едиственно разумной, прежде всего, в интересах пролетариата угнеающей нации.

„Возьмем позицию угнетающей нации,—говорит тов. Ленин.—Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы? Нет. Интересы свободы великорусского населения требуют борьбы с таким угнетением. Долгая история, вековая история подавления движений угнетенных наций, систематическая пропаганда такого подавления со стороны „высших" классов создали громадные помехи делу свободы самого великорусского народа в его предрассудках и т. д.

„Великорусские черносотенцы сознательно поддерживают эти предрассудки и разжигают их. Великорусская буржуазия мирится с

[1]) Курсив везде наш. *М. П.*

ними или подлаживается к ним. Великорусский пролетариат не может осуществить своих целей, не может расчистить себе путь к свободе, не борясь систематически с этими предрассудками.

„Создание самостоятельного и независимого национального государства остается пока в России привилегией одной только великорусской нации. Мы, великорусские пролетарии, не защищаем никаких привилегий, не защищаем и этой привилегии. Мы боремся на почве данного государства, объединяем рабочих всех наций данного государства, мы не можем ручаться за тот или иной путь национального развития, мы через все возможные пути идем к своей классовой цели.

„Но итти к этой цели нельзя, не борясь со всяким национализмом и не отстаивая равенства различных наций. Суждено ли, напр., Украине составить самостоятельное государство, это зависит от 1000 факторов, не известных заранее. И, не пытаясь „гадать" попусту, мы твердо стоим на том, что несомненно: право Украины на такое государство. Мы уважаем это право, мы не поддерживаем привилегий великоросса над украинцами, мы воспитываем массы в духе признания этого права, в духе отрицания государственных привилегий какой бы то ни было нации".

В статье, напечатанной в № 1 „Звезды", т. Ленин снова возвращается к вопросу о праве на самоопределение наций, входящих в состав России, и говорит:

„Для украинцев и белоруссов, например, только человек, в мечтах живущий на Марсе, мог бы отрицать, что здесь нет завершения национального движения, что пробуждение масс к обладанию родным языком и его литературой (а это—необходимое условие и спутник полного развития капитализма, полного проникновения обмена до последней крестьянской семьи) здесь еще совершится. „Отечество" здесь еще не спело всей своей исторической песни. „Защита отечества" еще может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отечества в данной войне, ибо не родной язык, не свободу своего национального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, „сферы влияния" своего финансового капитала в чужих странах и пр.".

В той же статье, резко критикуя взгляды т. П. Киевского (Ю. Пятакова), т. Ленин пишет:

„Через всю статью П. Киевского красной нитью проходит основное недоумение: к чему проповедывать и—когда мы будем у власти—осуществлять свободу отделения наций, раз все развитие идет к слиянию наций? К чему же, ответим мы, к чему проповедуем и, когда будем у власти, осуществим диктатуру пролетариата, хотя все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой? Диктатура есть господство одной части общества над всем обществом и притом господство, опирающееся непосредственно

нсилие. Диктатура пролетариата, как единственного до конца юционного класса, необходима для свержения буржуазии и отражения ее контр-революционных попыток. Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом с.-д. партии (напоминаем читателю, что статья писана в 1916 г., когда мы называли себя социал-демократами.), кто ее отрицает или только словесно признает ее. Но нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, например, в каком-нибудь маленьком государстве, после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в бесполезности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы. Гораздо вероятнее, конечно, что и в маленьких государствах без гражданской войны социализм не осуществится, и потому единственной программой интернациональной социал-демократии должно быть признание такой войны, хотя в нашем идеале нет места насилию над людьми. То же самое mutatis mutandis (с соответственными изменениями) применимо к нациям. Мы стоим за слияние их, но от насильственного слияния, от аннексий ныне не может быть перехода к добровольному слиянию без свободы отделения".

В этих словах,—замечает т. Зиновьев,—весь Ленин, как политик русских годов революции 1917—1923 г.г., как вождь и учитель нашей партии, указывающей ей правильный путь.

Между тем, на апрельской конференции 1917 г., после падения царизма, т. Ленин и его ближайшие единомышленники вновь скрестили шпаги по национальному вопросу с тем же т. Ю. Пятаковым и несколькими другими близкими нашими друзьями, которые продолжали делать доктринерские ошибки в национальном вопросе. Партия стала на точку зрения т. Ленина.

Тов. Ленин неоднократно возвращался в своих статьях к вопросу о самоопределении наций. В статье „Пролетарско-революционная постановка вопроса о самоопределении наций" т. Ленин пишет (т. XIX, стр. 172):

„Пролетариат угнетающих наций не может ограничиться общими, шаблонными, повторяемыми любым пацифистским буржуа фразами против аннексий и за равноправие наций вообще. Пролетариат не может обходить молчанием особенно неприятного для империалистской буржуазии вопроса о границах государства, покоющегося на национальном гнете. Пролетариат не может не бороться против насильственного удержания угнетенных наций в границах данного государства, а это и значит бороться за право самоопределения. Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых его нацией. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным, ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей нации невозможны; лицемерие реформистских и каутскианских защитников самоопределения, умалчивающих о нациях, угнетаемых их „собственной

наций" и насильно удерживаемых в „их собственном" государстве, остается неразоблаченным".

В другом месте т. Ленин говорит:

„Мелкие буржуа дают себя запугать призраком запуганной буржуазии,—в этом вся суть политики с.-д. меньшевиков и с.-р. Они „боятся" отделения. Сознательные пролетарии не боятся его. И Норвегия, и Швеция выиграли, когда Норвегия свободно отделилась от Швеции в 1905 году, выиграло доверие между обеими нациями, выиграло добровольное сближение между ними, исчезли нелепые трения, укрепилось экономическое и политическое, культурное и бытовое тяготение обеих друг к другу, усилился братский союз рабочих обеих стран.

„Товарищи рабочие и крестьяне! Не поддавайтесь аннексионистской политике русских капиталистов: Гучкова, Милюкова, Временного правительства по отношению к Финляндии, Курляндии, Украине и пр! Не бойтесь признать свободу отделения всех этих наций! Не насилием надо привлекать другие народы к союзу с великороссами, а только действительно добровольным, действительно свободным соглашением, невозможным без свободы отделения.

„Чем свободнее будет Россия, тем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее потянутся к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее в конечном счете братский союз пролетарско-крестьянской республики Российской с республиками какой угодно иной нации".

7. Национальный вопрос и Коминтерн.

Тов. Ленин доказывал, что без правильной постановки национального вопроса пролетариату не удастся свергнуть господство буржуазии и осуществить социальную революцию. Вот как т. Ленин определяет значение национально-освободительных движений, вроде ирландского, в деле торжества мировой социальной революции:

„Кто называет такое восстание путчем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию, как живое явление.

„Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,—думать так—значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: „мы за социализм", а в другом другое и скажет: „мы за империализм", и это будет социальная революция. Только с подобной педантски-

[ть]ешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание [п]утшем".

„Кто ждет „чистой" социальной революции, тот никогда ее не [д]ождется. Тот революционер на словах, не понимающий действитель[н]ой революции.

В статье, напечатанной в 1-й книжке „Звезды", т. Ленин по[в]торяет:

„Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и от[р]ажает ее контр-революционные попытки, неразвитые и угнетенные [н]ации не ждут, не перестают жить, не исчезают. Если они пользу[ю]тся даже таким сравнительно с социальной революцией совсем ма[л]еньким кризисом, кризисом империалистической буржуазии, как [в]ойна 1915 – 1916 г.г., для восстаний (колонии, Ирландия), то не подле[ж]ит сомнению, что великим кризисом гражданской войны в передо[в]ых странах они воспользуются тем более для восстаний.

„Социальная революция не может произойти иначе, как в виде [э]похи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией [в] передовых странах, и целый ряд демократических и революционных, [в] том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, [о]тсталых и угнетенных нациях".

В этих немногих строках,—правильно указывал Зиновьев,—вся ал[г]ебра революционно-марксистской тактики Коминтерна в националь[н]ом вопросе. В эти слова В. И. Ленина особенно обязаны вдуматься работники компартий таких стран, как Англия, Франция, Америка, Япония— тех вообще стран, буржуазия которых угнетает чужие на[ц]ии и грабит колонии и полуколонии.

Эта точка зрения на значение пролетарско-революционной подго[то]вки национального вопроса в деле торжества мировой социальной революции лежит в основе знаменитых тезисов по колониальному и национальному вопросам, принятых II конгрессом III Интернационала.

Одним из важнейших вопросов, стоящих перед этим конгрессом, было точное определение взаимоотношений между Коммунистическим Интернационалом и революционным движением в политически угнетенных странах, находящихся под игом капиталистических стран, как то: в Китае, Индии, Корее, отчасти Турции, Персии, Сиаме и т. д. II конгресс признал, что европейский капитализм черпает свою силу не столько из промышленных европейских стран, сколько из своих колоний, что сверхприбыль, получаемая с колоний, является главным источником средств современного капитализма, что Коммунистический Интернационал должен находиться в тесном контакте с теми революционными силами, которые в настоящий момент принимают участие в деле свержения империализма в политически и экономически угнетенных странах.

Основные идеи тезисов т. Ленина по колониальному и национальному вопросам, легших в основу всей политики Коминтерна на Востоке, были намечены т. Лениным еще до мировой войны, когда он

писал: „Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом знаменуют открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории“.

Самой важной основной идеей тезисов тов. Ленина по национальному и колониальному вопросам, тезисов, принятых на втором конгрессе III Интернационала, является идея о различии между нациями угнетенными и угнетающими. Мы,—говорит тов. Ленин,—подчеркиваем это различие в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии. Для пролетариата и Коммунистического Интернационала особенно важно констатировать конкретные экономические факты и при решении всех колониальных и национальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности.

Буржуазной демократии по самой природе ее свойственна формальная или абстрактная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном.

„Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир разделяется в настоящее время на большое число угнетенных, зависимых, неравноправных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой.

„Буржуазная демократия с присущим ей лицемерием затушевывает свойственное эпохе империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран“.

„Лет сорок тому назад, — говорит Ленин, — считалось немного больше четверти миллиарда населения колоний, которое было подчинено шести капиталистическим державам. Перед войной 1914 года в колониях считалось уже около 600 миллионов населения и, если прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, которые уже тогда были на положении полуколоний, мы получим в круглых цифрах миллиард населения, которое было угнетено богатейшими цивилизованнейшими и свободнейшими странами, посредством колониальной зависимости“.

Мировая война 1914—1918 г.г. шла из-за того, чтобы переделить весь мир. Война шла из-за того, какой из ничтожных групп крупнейших государств — английской или германской получить возможность и право грабежа, удушения, эксплоатации всей земли. Война решила этот вопрос в пользу английской группы.

До войны—как формулировал тов. Зиновьев в своей книге „Война и кризис социализма“ (ч. 2)—6 великих империалистических держав, с населением в 437 миллионов, угнетали колонии и полуколонии с 933 миллионным населением. В результате войны, державы победительницы с населением в одну четв. миллиарда, т.-е. вдвое меньшим, чем прежде, эксплоатируют уже бо́льшее число людей, именно: один с четвертью миллиард населения стран, из которых одни и пре-

е были колониями или полуколониями, другие же попали в положение последних в результате мировой войны. Следствием этой новой экономической картины является дальнейшее обострение всех капиталистических противоречий. С одной стороны нужда, разорение сс возросли неслыханно и прежде всего по отношению к старым колониям и к побежденным державам, с одной четвертью миллиарда людей, т. е. 70 проц. всего населения земли. С другой стороны, внутри каждой страны-победительницы развились противоречия более острые, все капиталистические противоречия обострились. В Англии, Франции, Америке жизнь с каждым днем дорожает, производительность труда падает, деньги теряют свою ценность, государственные долги растут не по дням, а по часам, народные массы все глубже и глубже ввергаются в пучину нищеты и окончательного разорения. И в этом,—как говорит тов. Ленин,—лежит источник того глубочайшего революционного брожения, которое разрастается по всей Европе, и даже в странах-победительницах, как, например, Англии, рабочий класс которой, после российского, в авангарде революционного движения.

Это значительно облегчает борьбу народов Востока за свое освобождение. Восток XX столетия уже не тот, каким он был в XIX столетии. XX век—пробуждение революционного духа в азиатских странах. Первый сигнал в борьбе против старого мира, против капиталистического строя подняла в 1905 году Россия. Россия сама является полуазиатской страной. Она страдала от царского ига, от эксплоатации отечественной буржуазии и от эксплоатации международного иностранного капитала. Ведь, уже до войны Россия была полуколонией англо-бельгийско-французского капитала. Наши угольные шахты, наши металлургические предприятия, наша электро-техническая промышленность, наши трамваи—все это находилось в руках иностранных трестов. Наш царизм, вся наша военно-полицейская система поддерживалась заграничными капиталами и, прежде всего французской биржей, которая ссудила Романовым около 12 миллиардов франков золотом на защиту тронов и старых порядков.

Многие утверждали, будто восточные страны обязательно должны пройти через капиталистическую стадию развития народного хозяйства. III Интернационал признает, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые народы могут перейти к советскому строю и через определенные ступени к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Весь Восток насыщен бактериями революции. Многомиллионные многострадальные массы восточных стран охвачены духом протеста против векового насилия, горят жаждой мести и борьбы. Если мы в этот густо насыщенный революционными элементами раствор введем кристалл в форме крестьянских советов, советов трудящихся, соответствующая кристаллизация пойдет быстрыми шагами и мы значительно подвинем вперед дело революционного воспитания и революционной

организации народных масс Востока в борьбе за новый социальный строй.

Идея же советской организации, как доказывал тов. Ленин на II конгрессе III Интернационала, проста и может быть применена не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям. Крестьянские советы, советы трудящихся, являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями. Поэтому безусловным долгом коммунистических партий, и примыкающих к ним элементов является пропаганда идеи крестьянских советов, советов трудящихся всюду и везде—и в отсталых странах, и в колониях.

Образование советов трудящихся облегчит восточным народам борьбу за свое освобождение от внутренних и внешних врагов, от угнетения со стороны Франции, Японии, Америки и особенно Англии, которая держит в тяжелом рабстве сотни милл. людей.

Мы знаем, что европейский капитализм черпает свою силу, главным образом, не из промышленных европейских стран, а из своих колоний. Могучий промышленный организм Великобритании покоится на эксплоатации ее безграничных колоний.

Отымите последние у Англии и вы переломите позвоночный хребет у великобританского капитализма и империализма.

Как доказал тов Зиновьев в своей книге „Война и кризис социализма", накануне войны на сто жителей метрополии, в таких странах, как Англия, приходилось 850 жителей в колониях. В переводе на простой язык это значит: если из ста жителей метрополии, скажем, 5% представителей крупного капитала эксплоатируют остальные 95%, те же 5% эксплоатировали, кроме того, еще в той или иной форме громадное количество населения в колониях. На каждые пять человек крупных английских капиталистов работает не только 95 человек англичан, живущих в метрополии, но еще 850 человек, населяющих Индию, Канаду, Египет.

Теперь, в результате мировой войны, число колониальных рабов, приходящихся на каждого английского капиталиста, еще более возросло.

Эти цифры лучше всяких рассуждений показывают все значение колоний для капитализма.

Отделение колоний от метрополии нанесет смертельный удар капитализму, перешибет позвоночник последнего.

Вот почему такое громадное революционное значение имеет победа Турции Кемаля над английским империализмом. Значение этой победы усугубляется тем откликом, который она находит во всех угнетенных странах желтого и черного континента: в Индии, Персии, Сирии, Афганистане, Египте, Марокко, Тунисе, Алжире и т. д. Объективно Турция Кемаля играет в данный момент роль величайшего революционного рычага в деле поднятия на воздух и сокрушения

го капиталистического строя. Раз начавшись, национальное революционное движение на всем Востоке не может кончиться так, как кончилась Великая Французская революция, т.-е. низвержением власти помещиков с заменой ее длительным господством буржуазии.

Исторический момент, вся мировая конъюнктура, в обстановке которой развивается могучее национальное освободительное движение на Востоке, не имеет ничего общего с международной обстановкой в эпоху Великой Французской революции. Тогда во всей Европе господствовал полуфеодальный строй, существовало крепостное право и капитализм только зарождался. Ныне мы присутствуем при крахе капитализма во всем мире и быстром усилении организованности и мощи пролетариата, как могильщика погибающего строя. Вот почему, независимо от воли и желаний Кемаля и других победоносных вождей турецкого национального движения, революция в Турции и на всем Востоке пойдет не старым проторенным путем к утверждению господства буржуазии, а к восхождению к власти и в угнетенных полуколониальных странах миллионов рабочих и крестьян. „Миллионы и сотни миллионов людей, фактически, большинство населения земного шара, выступают как самостоятельные активные революционные факторы",—говорит т. Ленин на III конгрессе о могучем движении в колониальных и полуколониальных странах.

М. Павлович.

Н. К. Михайловский и марксизм.

(К 20-летию со дня смерти.)

В январской книге „Русского Богатства" за 1901 г. Михайловский сделал следующее, как он сам выразился, „предсказание": „В непродолжительном времени (и, надеюсь, до моей настоящей смерти) идеи 70-х годов вновь объединят значительную и, конечно, не худшую часть русского общества,—разумеется, не в буквальном своем повторении, а со всеми теми поправками, которых требует пережитый с тех пор опыт. Останутся островки", где кроме декадентов и ницшеанцев „сохранится горсть „ортодоксов"; где, наконец, среди метафизических туманов дружески обнимутся г. Волынский и г.г. Струве и Бердяев". (Последние сочинения, т. I, стр. 442—43. Курсив наш. *Б. Г.*)

Это предсказание в высшей степени интересно и поучительно как в той своей части, которая осуществилась, так и в той, по отношению к которой история жестоко посмеялась над Михайловским.

В самом деле, если еще при жизни Михайловского „идеи 70-х г.г." отчасти возродились в лице эпигонов революционного народничества—партии соц.-рев.; если г.г. Струве и Бердяев не только обнялись

„среди метафизических туманов“ с Волынским, но и стали откровенными буржуазными либералами, вообще начали тот путь, который привел их в конце концов чуть ли не к триединой формуле „за веру, царя и отечество“,—то „горсть ортодоксов“, о которой с таким пренебрежением говорил Михайловский (уже после выхода 1-го или даже 2-го № „Искры“), эта „горсть“ еще при жизни его стала большой партией, одним из важнейших факторов русской общественной жизни, а теперь правит бывшей Российской империей. При этом сам Михайловский основательно забыт, и молодые поколения знают его лишь, как объект полемических выпадов Плеханова и Ленина, подобно тому, как они знают Дюринга лишь по книге Энгельса.

В этом насмешка истории зашла уже слишком далеко, и приговор ее безусловно несправедлив. Ибо, хотя Дюринг, по мнению Михайловского, „твердо вписал свое имя в историю науки и будет, без сомнения, в самом непродолжительном времени пользоваться всеевропейской известностью“ [1]) (писано в 1877 г., до выхода книги Энгельса. Это тоже одно из неудачных предсказаний Михайловского), но теперь можно смело сказать, что, при всем аппарате „учености“ Дюринга, он не может итти в сравнение с Михайловским, научные заслуги которого еще ждут своего беспристрастного историка. Михайловский гораздо глубже и шире того карикатурного портрета, который вырисовывается из полемики с ним Плеханова и Ленина (отчасти также Потресова и др.), и в создании которого он, впрочем, не менее виноват и сам. И мы думаем, что небезынтересно будет в настоящий момент, хотя бы в краткой юбилейной статье, попытаться восстановить действительное отношение Михайловского к марксизму, при чем мы будем иметь в виду три стороны марксизма по преимуществу: теорию исторического материализма, „судьбы капитализма в России“ и теорию грядущей социальной революции [2]).

I.

В своей полемике со Струве, Плехановым, Туган-Барановским и другими тогдашними марксистами Михайловский не раз говорил, что они нередко „его же добром бьют ему челом“, что многие из тех идей, которые выдаются за новые и оригинальные открытия марксизма, были ему, Михайловскому, известны давно и печатно им высказыва-

---

[1]) Сочинения, т. X, стр. 275. В другом месте той же страницы Дюринг причисляется к „характерным, крупным вольнодумцам прошлого столетия“.

[2]) Тому, что Михайловский давно уже так мало читается, содействует отчасти его литературная манера, т. е. бессвязность и несистематичность изложения, непрерывные отступления, скачки мысли и т. п. Все это для современников делало периодические статьи Михайловского живыми и интересными, как непринужденная литературно-научно-публицистическая беседа; но для новых поколений чтение его сочинений подряд вызывает иногда прямо скуку...

ь. В самом деле, считать Михайловского идеалистом в истории, писывать ему веру во всемогущую роль „критически мыслящей ности“, которая может лепить из „толпы“, как из глины, все, что дно, называть его, как это делал Плеханов, „субъективным гем“, для которого не существуют законы истории,—все это можно ю делать лишь в пылу полемики, вызванной, правда, жестокими, праведливыми и подчас прямо нелепыми нападками Михайловго на русских марксистов.

Еще в 1869 г., в статье „Аналогический метод в общественной ке“, Михайловский жестоко издевался над профессором Герье, ицавшим закономерность исторического процесса. „Г. Герье, предлагая, что противоречит Боклю, указывает в пику ему на „идеи“, на двигательную силу народов. Едва ли какой-нибудь благоразный человек—Бокль y compris—когда-либо сомневался в таком чении идей, что не мешает сим последним самим подняться многоразличным условиям. Есть, правда, идеи, я которых, фигурально выражаясь, закон не писан. Эти последние ть, по определению Гейне, „всякая глупость, которая вам взбредет голову“. Но о несуществовании для них законов можно говорить енно только фигурально. В сущности, идеи самого г. Герье еют свои причины“ (Сочинения, т. I, стр. 368. Курсив зде наш).

Что важнейшее место в числе этих причин занимает так называемый „экономический фактор“, Михайловский никогда не отрицал. потому в середине 90-х годов в полемике с Туган-Барановским он полным правом мог сказать о себе: „Я не думаю отрицать великое ачение экономического фактора в истории, да оно и никогда э отрицалось в русской литературе (т.-е. в писаниях самого Михайловского. Курсив наш. *Б. Г.*). Я утверждаю лишь, что Туган-Барановский защищает „значение экономического фактора“ грно: рубит с плеча там, где требуется тонкий анализ, извращает ии факты, закрывает глаза на другие, учит незнанию“. Это происходит, между прочим, от того, что он „придает экономическому актору метафизический характер сущности исторического процесса. рактер той „самой жилы“ (из цитированного Михайловским рассказа Успенского „Неизлечимый“. *Б. Г.*), в которую можно попасть, минуя „там нервы эти разные“ (Сочинен., т. VIII, стр. 321). Нам кается, что под этой характеристикой тогдашнего Туган-Барановского, оторая годится и для всякой вульгаризации марксизма, мог бы мело подписаться и Плеханов. Мало того. Та „смена форм кооперации“, которую Михайловский считал основным законом общественого развития, очень близко подходит к марксовским „производственым отношениям“.

Дальше, в той же самой статье Михайловский говорит: „Без мнения, экономический фактор достаточно влиятелен для того, чтобы о можно было принять за „центральную цепь“ исторического процесса,

но надо помнить, что это делается лишь в видах тех или других удобств исследования, а не благодаря открытию „самой линии“, безусловного начала всех начал; что звенья этой цепи обусловливаются, то как причина, то как следствие, другими историческими факторами“ (там же, стр. 342). Эти оговорки Михайловского объясняются, конечно, его органическим непониманием диалектического метода марксизма. Но что и они отчасти довольно метко попадали лишь в вульгаризаторов марксизма, попросту отрицавших „роль идей“ или пытавшихся всякую идею во что бы то ни стало выводить из „экономики“,—видно не только из подобных же всем известных оговорок у Плеханова и самого Энгельса, но и из замечательного, только что опубликованного [1]) документа, которым мы еще не раз будем пользоваться в настоящей статье: обширного письма группы марксистов к Михайловскому, написанного в самом начале 1894 г., т.-е. еще до известной полемической работы Ленина о „друзьях народа“. В этом письме анонимные авторы его следующим образом возражают Михайловскому: „Говоря о гегелевской триаде, Вы приписываете, напр., экономическому материализму в высшей степени странное утверждение, по которому он будто бы все изменения духовной жизни стремится свести к экономическим изменениям. Мы не знаем такого места ни у Маркса, ни у Энгельса, из которого можно было бы вывести, что они весь процесс развития критической мысли во всех его последовательных фазах считают возможным поставить в зависимость от изменяющегося экономического элемента. Никогда Маркс и Энгельс не могли утверждать, напр., что теории Галилея, Кеплера или Ньютона возникли в головах этих мыслителей только потому, что к этому толкали их изменяющиеся экономические факты. Процесс развития критической мысли не может для экономического материализма не быть до значительной степени самостоятельным процессом“. Здесь не совсем удачно выражена та мысль, что развитие идей, которые в конечном счете зависят от „экономического фактора“, т.-е. от развития производительных сил и общественных отношений, имеет в то же время и свою внутреннюю логику, без понимания которой нельзя объяснить—во всей его конкретности—ни одного факта в истории идеологий. Но то, что пензевеным марксистам-революционерам, воспитавшимся на Плеханове, казалось „странным утверждением“, было и есть весьма распространенным упрощенством у весьма и весьма многих неофитов марксизма (достаточно вспомнить тех, кого имели в виду оговорки Энгельса в 90-х годах); в частности, у нас, начиная с Туган Барановского середины 90-х г.г. и кончая значительной частью современной коммунистической молодежи.

Бывали моменты, когда Михайловский, говоря о роли некоторых „надстроек“, применял совершенно марксистский подход и пользовался почти марксистской терминологией. Так, в 1880 г., в эпоху

[1]) „Былое“ № 23, 1924 г.

да русское „общество" настойчиво и упорно ждало „конституции" итической свободы, Михайловский написал следующие трезвые юки: „Политическая свобода бессильна изменить взаимные отношения ичных сил в среде самого общества; она может только обнаружить , вывести на всеобщее позорище, а вместе с тем, следовательно, идать бóльшую яркость, обострить эти отношения". Не напоминают читателю эти строки некоторые места из Маркса, сказанные по воду февральской революции 1848 г., или писания большевиков в эху нашей февральской революции, направленные против благошной обывательской веры в то, что „свобода" должна принести с бою всеобщее „благорастворение воздухов"?

Такому же критическому пересмотру должны быть, при объективм исследовании, подвергнуты и взгляды Михайловского на роль чности в истории, взгляды, бесконечно далекие от полемической рикатуры Плеханова, против которой сам Михайловский решительно отестовал. При этом он подчеркивал, что в своих статьях о „геях и толпе" он употреблял слово „герои" в особом, условном, нюдь не „героическом" смысле, что иногда даже под „героями" он зумел людей, совершенно случайных и появляющихся на короткий мент с тем, чтобы затем бесследно кануть в историческую Лету,— которые играют роль искры, брошенной в кучу пороха, т.-е. певодят скрытую, потенциальную энергию толпы в энергию действенную, кинетическую. Статьи о „героях и толпе", равно как их родолжение—„Вольница и подвижники", представляют собою величайшую научную заслугу Михайловского и притом не только не противоречат марксизму, но, наоборот, являются, с одной стороны, блестящей иллюстрацией диалектического перехода количества в качество, а с другой—дают ту психологическую основу, в виде социального гипнотизма, без которой нельзя понять многие конкретные случаи влияния великих исторических деятелей. В этом смысле теория „героев и толпы" Михайловского в некоторых своих астях является необходимым дополнением исторического материализма, каким являются и многие данные биологии, в том числе, конечно, вся теория Дарвина, к которой, к слову сказать, тот е Михайловский также сделал ряд глубоких и остроумных, ценных и специалистами, дополнений.

Чрезвычайно приятно констатировать, что вышеупомянутое олько что опубликованное письмо неизвестных революционных марксистов, несмотря на их искреннее и вполне законное возмущение полемическими приемами Михайловского и его упорным непониманием марксизма, уже 30 лет тому назад признало научное значение его теории „героев и толпы". Насколько нам известно, это—один из немногих случаев публичного [1]) признания марксистами заслуг Михайлов-

[1]) „Два письма к Михайловскому" были в том же 1894 г. изданы нелегально отдельной брошюрой. Эта брошюра и воспроизведена теперь редакцией „Былого". Я слышал о ней во времена своего студенчества, но никогда не видел.

ского в той именно области, которая обыкновенно вызывала только глумление.

„Вы выдвигаете далее,—пишут авторы письма,—как возражение экономическому материализму, вопрос о „героях и толпе“. Вопрос этот несомненно очень почтенный, и теория экономического материализма совсем не необходимо должна вести к его игнорированию. Всякая классовая борьба предполагает наличность „героев и толпы“, и систематическое появление героев, ведущих за собою толпу, нельзя поэтому не признать постоянным фактом исторического процесса; но именно потому, что это—постоянный факт, признание его ни в каком случае не может пошатнуть теорию экономического материализма. Он мог бы пошатнуть ее только ценою разрушения понимания истории, как процесса, при котором история была бы разбита на ряд случайных, не вытекающих одно из другого событий“ („Былое“ № 23, стр. 119). Далее авторы письма рядом остроумных рассуждений доказывают, что влияние „героев“ на „толпу“ тоже подчинено исторической закономерности. Российская революция является великой иллюстрацией и подтверждением правильно понятого марксистского взгляда на „роль личности в истории“. Но она же подтверждает и ряд положений Михайловского [1]).

А что появление великих исторических личностей, как и степень их влияния, обусловлены исторической закономерностью, Михайловский знал очень хорошо и неоднократно формулировал в почти марксистских выражениях. В статье „Граф Бисмарк“, появившейся в печати в феврале 1871 г., он писал: „Великие люди, люди будущего, являются в такие моменты истории, когда в обществе есть элементы, способные к развитию, но их немного—если их много, то нет места величию личности. Вдохнув жизнь в эти плодотворные элементы, дав им толчек, люди будущего тем самым кладут основание новому историческому фазису“. И далее: „Первичной формации не жить. Это говорят законы истории, определяющие порядок исторических напластований. Но скорость, с какою известные исторические элементы выходят на сцену и сходят с нее, обусловливается личными усилиями деятелей“ [2]).

В статье „Философия истории Луи-Блана“ (август 1871 г., Соч., т. III, стр. 16—17) Михайловский приводит нижеследующие цитаты из Луи-Блана, говоря, что вопрос о значении великих людей решается Луи-Бланом „блистательно“: „Личность может играть в истории большую роль только под тем условием, если она есть то, что я желал бы назвать представительным человеком (т.-е., вернее, „соби-

[1]) Ср. нашу характеристику Ленина в книжке „От Томаса Мора до Ленина“.

[2]) Сочинения, т. VI, стр. 104 и 108. Курсив принадлежит Михайловскому. Вспомним известное место из письма Маркса к Кугельману, писанное 17 апреля того же 1871 г. „Ускорение и замедление (событий) в сильной степени зависит от этих „случайностей“, среди которых фигурируют также и такой „случай“, как характер людей, стоящих вначале во главе движения“.

ительным". Перевод звучит каламбуром. *Б. Г.*). Сила, которою обладают могучие личности, почерпается ими из себя только весьма меньшею частью; большею же частью они почерпают ее из окружающей их среды". И в другом месте: „Великие люди управляют обществом только при помощи силы, которую получают от него же. Они освещают его, только сосредоточивая в одном фокусе все исходящие от его лучи". Процитировав эти места, Михайловский прибавляет: „Это одно из самых ярких и энергических определений значения личности в истории, какие нам только случалось встретить. Здесь удачно обойдены обе обычные крайности—неразумное отрицание великих людей и столь же неразумный „культ героев". (Там же, стр. 17).

Наконец, сам Михайловский на примере Прудона делает удачный опыт объяснения личности со всеми ее противоречиями—определенной социальной средой, в частности, личности и деятельности Прудона—его мужицким происхождением („Записки профана", глава „Прудон и Белинский", написанная в 1875 г.) [1]).

Можно ли после всех приведенных нами цитат так резко противоставлять Михайловского марксизму, как это обычно делалось нашими марксистами в полемике с ним? Конечно, нет. Но, с другой стороны, самый характер этих цитат, их расплывчатость, готовность всегда сколько-нибудь определенной точке зрения противоставить другую, а также ссылки на Луи-Блана,—все это показывает источник этого незаконченного, неуверенного, зародышевого, так сказать, „марксистообразного" исторического материализма Михайловского: этим источником является, конечно, Чернышевский, сыгравший огромную роль в развитии русской общественной мысли и, в частности, в мировоззрении самого Михайловского. Но именно у Чернышевского гениальные проблески исторического материализма опираются не на Маркса, которого он не знал, а на зародыши материалистического, вернее, „экономического" понимания истории у предшественников Маркса. Если к этому недоразвитому и непоследовательному социальному материализму Чернышевского присоединить неразвитость наших общественных отношений, а также свойственный самому Михайловскому эклектизм (о котором нам еще придется говорить), отталкивавший его от всякой „узости" и „односторонности", то станет отчасти понятным, почему, несмотря на эти материалистические склонности, Михайловский так резко-враждебно отнесся к историческому материализму, как к цельной, стройной и выдержанной теории. Но вполне понять эту враждебность можно будет лишь после анализа общего социального мировоззрения Михайловского, в частности, его отношения к социализму. Этим мы займемся несколько позже. Теперь же остановимся еще немного на основных возражениях

---

[1]) Так же он объясняет и Пушкина его дворянским происхождением, как бы предвосхищая этим известный анализ Плеханова. Вообще к классовой или сословной идеологии Михайловский возвращается неоднократно. Это одна из наиболее сильных его сторон, что впрочем, уже указывалось некоторыми марксистами (Неведомский, Фрипнов).

Михайловского против исторического материализма, а также на пресловутом „субъективном методе“.

Мы уже видели, что многие из возражений Михайловского и многие его нападки, казавшиеся столь странными и чудовищными его противникам из революционно-марксистского „подполья“, как анонимные авторы „двух писем к Михайловскому“, Ленин и другие, направлены были в сущности против вульгаризаторов марксизма, даже против будущих либералов, для которых марксизм был лишь удобной идеологической формой „приятия“ капитализма. Против книги Бельтова у Михайловского не нашлось почти никаких возражений по существу, и он отыгрывался на критике дурного полемического тона и на некоторых ляпсусах у Бельтова (вроде истории со ссылкой на гегельянство Зибера и т. д.). Поэтому из всех вообще его возражений наиболее основными и серьезными были и остались указания на роль национального и расового начала в истории и их отрицательное влияние на чистую борьбу классов. Таковы его ссылки на вражду американских рабочих к китайским, столкновения французских рабочих с итальянскими, а также любопытное предсказание о грядущей европейской войне, во время которой рабочие разных стран „будут резать и грабить друг друга“. К этому можно было бы прибавить факты гражданской войны между разными частями одного и того же рабочего класса данной страны (напр., Германии) в послевоенную эпоху, фашизм и многое другое, что свидетельствует о гораздо бо́льшей сложности классовой борьбы, чем это представлялось авторам „Коммунистического манифеста“, о длительном и прочном влиянии буржуазной и мелко-буржуазной идеологии на значительные группы пролетариата и т. д. В частности, опыт октябрьской революции показал, что национальная и расовая борьба внутри пролетариата, как все пережитки буржуазных и даже еще до-буржуазных влияний, как власть религии над человечеством, что все это лишь смягчается в эпоху диктатуры пролетариата и может исчезнуть только много времени спустя после низвержения самого буржуазного общества.

Наконец, что касается „субъективного метода в социологии“, то и в этом отношении Михайловский отнюдь не является таким законченным типом исторического идеалиста и субъективиста, каким его изображала в свое время полемическая марксистская литература. Правда, это самый слабый пункт его социальной философии, пункт, в котором он местами сходится вполне и с Лавровым, и с его предшественниками социалистами-утопистами первой половины XIX в. Так, если сравнить одну из формулировок Михайловского — „существенная задача социологии состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение“ — с такой же формулировкой Лаврова — „задача социологии — общественный строй, удовлетворяющий

тественным и здоровым потребностям народа",—то впадение получится полное, при чем обе эти формулировки представляют собою чистейший фурьеризм [1]). Но у того же Михайловского найдем не мало мест, противоречащих такому наивному пониманию циологии, хотя везде его объяснения неясны, сбивчивы и подчас отиворечивы. В „Записках профана", т.-е. в 1875 г. (Сочин., III, стр. 401—402), мы находим следующую попытку указать законые пределы применению субъективного метода: „Субъективный и ъективный методы противоположны только по характеру, но ничто е мешает им уживаться совершенно мирно рядом, даже в применении к одному и тому же кругу явлений. Субъективным методом азывается такой способ удовлетворения познавательной потребности, огда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого". десь, повидимому, Михайловский имел в виду изучение нищих, ксплоатируемых классов. Но он не подумал, как быть социологу, сли он изучает **самый процесс эксплоатации** (как Маркс в Капитале"), при чем наблюдаемыми являются одновременно и эксплоататор, и эксплоатируемый. Нельзя же одновременно одному и тому же наблюдателю ставить мысленно себя в положение обоих!

С другой стороны, уже спустя два года, в знаменитой статье Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского", говоря о положении ого будущего „ученика" Маркса, который должен биться в безвыходном противоречии между идеалом, состоящим „в совпадении труда и собственности" и необходимостью, по Марксу, „разлучения труда и собственности", „как первых шагов необходимого и, в конце концов, благодетельного процесса", Михайловский, правда, иронически прибавлял: „Конечно, такое столкновение нравственного чувства с исторической необходимостью должно разрешиться в пользу необходимости. У иного нравственное чувство может и против смерти возмущаться, но ведь придет время, и он со всем своим нравственным протестом уляжется в такой же гроб, в каких лежат и никогда не протестовавшие" (Сочин., IV, 172). Словом, с одним субъективным методом против истории не пойдешь, и Михайловский предлагает поэтому критически отнестись к самой исторической концепции Маркса, чтоб установить, так ли уж неизбежен установленный им путь развития капитализма.

К этому вопросу мы еще вернемся. Теперь же нам хотелось бы в заключение отметить, что весь „субъективизм" Михайловского сводится в сущности к протесту против мнимого буржуазного „объективизма", равнодушного к судьбам эксплоатируемых масс, отдаваемых в жертву идеям „национального богатства", „развития цивилизации", „борьбы за существование" и т. п. Ему хотелось бы объединить в одном синтезе „правду-истину" и „правду-справедливость". В пере

[1]) См. мою статью „Лавров и утопический социализм" в № 6—7 „Под Знаменем Марксизма" за прошлый год.

воде на марксистский язык это значит признать неизбежность классовой точки зрения в общественных науках[1]). И в высшей степени характерным для полного непонимания Михайловским глубоко-революционного содержания марксизма является то, что он отделяет Маркса-ученого от Маркса-революционера, что Маркс-ученый, по его мнению, спокойно исследует фатальный исторический процесс, так что его „Капитал" „никакой апологии (прав рабочего) в виду не имеет", и что лишь в виде противоречия к его собственной теории „фатальной непреклонности исторического процесса" мы находим у того же Маркса... „фабричное законодательство" (Там же, 185 и 188).

II.

В вопросе о судьбах капитализма в России Михайловский был очень далек от чистых народников, неоднократно и очень давно полемизировал с ними и задолго до появления „Группы Освобождение Труда" указывал, что Россия сильно подвинулась в деле развития капитализма и что в самой объективной действительности нет никаких гарантий какого-то особого от Европы пути для нее. Уже в 1872 г., в заметке „По поводу русского издания книги Карла Маркса" Михайловский писал: „Как бы ни ухитрялись наши мраколюбцы, торжество основных начал общечеловеческой цивилизации у нас обеспечено... Но мы знаем, что чем ближе мы подходим ко дню торжества цивилизации, тем более усиливается вероятность, что она у нас примет те же формы, какие она приняла в Европе, а она приняла, между прочим, и формы неправильные" (X, 8). Если отвлечься от наивной фразы, так и отдающей утопизмом начала XIX в., о „неправильных" формах, мы имеем здесь недвусмысленное предсказание о грядущем капитализме. Особенно резко подчеркивал это Михайловский в конце 70-х г.г. А в „Литературных заметках" 1880 г. он заявлял даже, что „наш национальный организм сроднился уже, слился с европейским", при чем делал из этого факта, между прочим, тот вывод, что раз вторжение Европы банковской и железнодорожной на-лицо, „пусть же придет Европа политическая и научная". Еще раз он вернулся к этим соображениям в начале 80-х г.г. в полемике с главным столпом чистого народничества—В. В., который в своей книге „Судьбы капитализма в России" доказывал невозможность развития капитализма в России.

---

[1]) Это, в свое время, отметил еще Л. Кржнвицкий, а также Бердяев, когда был еще „марксистом" или „полумарксистом". С другой стороны, „субъективизм" Михайловского, понимавшийся им в том смысле, что человек может и должен влиять на ход общественного развития, отнюдь не подрывал закономерности этого развития. Ибо и по отношению к природе Михайловский употреблял почти марксистскую (вернее—гегелевскую) формулу: „Человек победил природу, потому что понял свою зависимость от нее" (II, 12).

Почему же этот самый Михайловский обрушивался на марксистов за их уверенность в том, что Россия пойдет по пути капитализма?

Тот же вопрос приходится ставить и в связи с отношением марксистов к крестьянству. Никогда Михайловский не принадлежал к тем, кто слишком превозносит социальные добродетели крестьянства и ждет от них обновления нашей „гнилой" городской цивилизации. „Идеализация мужика,—писал он,—есть не только ложь, но ложь особенно вредная". И если он моментами (в середине 70-х г.г.) мечтал о том, чтоб „утонуть, расплыться в этой серой, грубой массе народа, утонуть бесповоротно", сохранив, впрочем, „тот светоч истины и идеала, какой мне удалось добыть насчет того же народа", то эта дань романтическому народничеству резко противоречила тому противопоставлению неправильных „мнений" народа его „интересам", которое мы находим несколькими строками выше только что цитированных слов (III, 707, „Записки профана"), при чем эти „интересы" должна была, конечно, определять народолюбивая интеллигенция. Мало того, как мы еще увидим, он в это же время резко противопоставлял свое культурное, интеллигентское „я" той самой „серой, грубой массе народа", готовясь отстаивать от ее грубости все дорогие ему культурные ценности. Почему же его так возмущала известная фраза Маркса об „идиотизме деревенской жизни"? Он, ведь, знал, конечно, кое-что и о тех революционных перспективах, которые связывались у Маркса с крестьянством. Далее он писал, уже в 1897 г., по поводу чеховских „Мужиков": „Господа, подайте милостыню своего внимания подлинной вдове и сироте подлинного рабочего человека, где бы он ни работал, в деревне ли, в городе ли, и не сшибайте лбами двух разрядов людей, *жизнь которых в разном роде, но одинаково темна и скудна, одинаково требует и одинаково заслуживает участия*..." [1]). Но ведь, кроме тех „марксистов", которые ухватились за марксистские формулы, чтобы со спокойной совестью идти не только „на выучку к капитализму", но и на идеологическое служение ему, в глазах которых крестьянство в самом деле являлось лишь историческим удобрением, и которые вполне заслуженно возмущали Михайловского,—кроме этих мнимых „марксистов", особенно охотно им облюбованных в своей полемике, была еще *школа Плеханова*, из которой вышло *революционное* крыло русского марксизма, всегда смотревшее на капитализм, как на своего врага, а на крестьянство,—как на союзника пролетариата в будущей русской революции. Михайловский не мог не знать брошюр Плеханова—„Всероссийское разорение" и „Задачи социалистов в борьбе с голодом в России". Читал он, конечно, и адресованное ему в начале 1894 г., уже цитированное нами, второе письмо группы марксистов, где мы, между прочим, еще *до* Ленина находим следую-

¹) Курсив наш. *Б. Г.*

щие замечательные слова: „По мере разорения крестьянства капитализм все настойчивее должен будет чувствовать потребность в факторе, ослабляющем вредные для него самого результаты отделения обрабатывающей промышленности от земледелия и расширяющем для него внутренний рынок [1]). Ход экономического развития сделает, таким образом, неизбежным улучшение положения крестьянства, и, когда затем всевозможные меры, направленные к этому улучшению, исчерпают свое действие, возникнет союз между развившимся рабочим пролетариатом и разоряющимся крестьянством, под ударами которого и падет капитализм" („Былое" № 23, стр. 122. Курсив наш. *Б. Г.*).

Все это не мешало Михайловскому упорно повторять свои насмешки по поводу мнимой веры марксистов в „фатальный исторический процесс", свои обвинения по их адресу в игнорировании интересов крестьянства и т. п. При этом он упорно замалчивал революционную сторону их учения и деятельности или, в лучшем случае, признавал за ними лишь ту заслугу, что они несли просвещение в среду городских рабочих.

Это упорное непонимание и упорная враждебность к учению, с которым у Михайловского, как видно из всего вышесказанного, несомненно были многие точки соприкосновения, требуют объяснения. И это объяснение, кроме характера его писательской индивидуальности, следует искать и можно найти только в каких-то основных элементах его общественного миросозерцания.

III.

Михайловский органически не выносил никакой строго монистической системы взглядов, никакого выдержанного и цельного мировоззрения, особенно общественного. Самой сильной стороной его умственной деятельности был разлагающий анализ, острая и едкая критика, которая подкапывалась под все авторитеты, признанные современниками, которая во всякой системе отыскивала противоречия, считала ее недостаточной, неполной, односторонней, противополагала ей ряд исключений, смягчений, оговорок. „Односторонность", т.-е. строго выдержанная принципиальная точка зрения, была в глазах Михайловского теоретическим смертным грехом (что не мешало ему, впрочем, самому выдвигать совершенно фиктивные, надуманные общественные теории, вроде его теории прогресса, борьбы за индивидуальность и т. п.).

Достаточно вспомнить его выступления против философского материализма, его ненависть к Гегелю, его многолетнюю борьбу со

[1]) Вследствие невозможности, как думали авторы письма, для русского капитализма завоевать внешние рынки. Цитированное место является как бы предсказанием столыпинских аграрных законов и курса на „крепкого мужика".

Спенсером, его поправки к Дарвину и многое другое в его громадной критической работе, не говоря уже о систематическом развенчивании разных дутых знаменитостей, европейских и отечественных. Не признавал он никогда полностью и наших революционных теорий. „История нашего умственного развития,—писал он в статье „Еще о героях" (т. II, изд. 1896 г., стр. 388),—представляет собою последовательную смену разных односторонностей". И против всех этих „односторонностей" он столь же последовательно выступал. Он громил Писарева, полемизировал и с бакунистами, и с лавристами, презрительно разносил Ткачева. Даже по отношению к „Народной Воле", с которой он больше всего сблизился и в органе которой сотрудничал, он сохранил известную долю скептицизма, оставался, так сказать, „при особом мнении", что отразилось и в его нелегальном псевдониме „Гроньяр" („ворчун").

Этот эклектизм и скептицизм, столь характерные для Михайловского, естественно еще усилились в эпоху реакции, что признает отчасти и его поклонник Русанов [1]). Понятно поэтому, как должен был реагировать Михайловский на такое монистическое и в то же время полное бодрости, оптимизма и самоуверенности направление, как русский марксизм. Он ему казался просто неприличным, по кричащей яркости, пятном на том фоне нудного уныния, какой представляли из себя последние писания самого Михайловского.

К этому присоединилось полное непонимание диалектического метода марксизма, который Михайловский упрямо отождествлял с гегелевской триадой, несмотря на то, что от нее открещивались и авторы цитированных нами писем, и Ленин в „Друзьях народа", и впоследствии (правда, менее категорически) Бельтов. Характерно при этом, что в собственных писаниях Михайловский иногда, бессознательно для себя, сам применял диалектический метод, конечно, незаконченный и непоследовательный. Но по отношению к марксизму, особенно к его „радостному прогнозу" (выражение Михайловского, иронически употребляемое в полемике с Бердяевым), он видел все его доказательство только в „отрицании отрицания", т.-е. в „гегелевской метафизике".

Вот тут мы и подходим к тому коренному, основному в социальном мировоззрении Михайловского, что не только мешало ему понять марксизм, но и вызывало в нем враждебное чувство к марксистскому оптимизму. Это основное было его **отношение к социализму**.

Для поклонников Михайловского не было и нет сомнений в том, что он был социалистом. Они могут в доказательство привести де-

[1]) „Политика Н. К. Михайловского", „Былое" 1907, № 7. Все подробности, касающиеся русского революционного движения и отношения к нему Михайловского, см. в печатающейся одновременно в „Печати и революции" моей статье „Михайловский и революция".

сятки мест из его сочинений. Его статьи в „Народной Воле“ носили заглавие „Политические письма социалиста“. Но, при ближайшем рассмотрении, мы увидим в „социализме“ Михайловского ряд таких особенностей, которые диалектически превращают этот социализм в свою противоположность. Михайловский определенно не верил (или, по крайней мере, относился весьма скептически) в *развитие социализма из капитализма* и этим резко отличался от Лаврова, который твердо был убежден, что социализм в Европе будет результатом классовой борьбы пролетариата. Уже в первых статьях по поводу „Капитала“ чувствуется скептическая нотка в вопросе об „экспроприации экспроприаторов“ и дальнейшем обобществлении средств производства. Эта скептическая нотка с годами все усиливается. В 1883 г. в № 7 „Отечественных Записок“ в „Письмах постороннего“ Михайловский подвергает сомнению факт обобществления труда, придания ему общественного характера—самым ходом капиталистического развития. В 1892 г., по поводу утопии Беллами Михайловский пишет, что вместо того гадательного будущего, которое вытекает из экономического прогноза Маркса, можно теоретически допустить гибель всей европейской цивилизации и что поэтому, ради гадательного будущего, никоим образом нельзя оправдать бесчисленные жертвы современного капиталистического режима (VII, 359—361). Ту же мысль высказывает Михайловский в 1895 г., в разгар полемики с марксистами, в частном письме к своему поклоннику Русанову: „Я думаю, что в ближайшем будущем солнце святое не загорится; а затем оно и вообще может загореться и не загореться, — в самом естественном ходе вещей я гарантии не вижу“ („Былое“ 1907, № 7, стр. 135). Наконец, около того же времени он сочувственно цитирует „Введение в философию“ Паульсена, где доказывается, что социализм есть вера, которая обязательна только для верующих, и прибавляет: „Подобно Зомбарту, я считаю теоретически возможным, что развитие капитализма приведет к гибели всей современной культуры“ („если действующая личность“ не „будет обладать энергией принимать решения и стремиться к их осуществлению“) [1]).

Поэтому у Михайловского все чаще встречается противопоставление „любви к дальнему“, т.-е. к гадательному будущему, ради которого приносятся бесцельные жертвы,—противопоставление ей „*любви к ближнему*“, т.-е. противопоставление культуртрегерства и филантропии—революционности. Как правильно писал когда-то по этому поводу Д. Б. Рязанов: „улита едет, когда-то будет“. Вместо того, чтобы стремиться к недостижимому, к „дальнему“, не лучше ли присмотреться к „ближнему“? На свете так много страданий и горя!

[1]) „Последние сочинения“, I, 456. Если вместо туманной и ничего не говорящей фразы о „действующей личности“ ввести, в качестве условия, классовую сознательность, солидарность и революционность пролетариата, то с такой постановкой вопроса может согласиться и марксист.

абудем ли мы все это для какого-то далекого будущего, которое, ожет быть, никогда не настанет? И оставшийся „без дороги" писа- эль... советует теперь Наташе (из повести Вересаева. *Б. Г.*), как Со- омин Марианне, заняться „любовью к ближнему" („Две правды" из Очерков по истории марксизма", стр. 474).

Но т. Рязанов, как и большинство марксистов, противоставля ри этом Михайловского 90-х г.г. тому революционеру, каким он был 70-х г.г. В другом месте [1]) мы подробно доказываем, что Михайлов- кий 70-х годов тоже не был революционером в социальном мысле этого слова. В самом деле, это вытекало, повидимому, из его едоверия к революционным народным движениям, оторые, как и всякие стихийные движения, могут, по его мнению, приводить к самым неожиданным результатам. Чрезвычайно харак- ерной в этом отношении является одна его фраза из статьи „Фило- офия истории Луи-Блана", написанной в августе 1871 г., т.-е. после Парижской Коммуны (Сочин., III, 3): „Луи-Блан один из немногих избежал Сциллы и Харибды—парижских и версальских не- истовств". (Курсив наш. *Б. Г.*). Итак, то восстание парижского про- летариата, которое сделало из Лаврова непримиримого революционера и социалиста, вызвало у Михайловского лишь представление о „не- истовствах", которые он приравнивает притом к организованной вер- сальцами бойне! Правда, несколько лет спустя, по поводу реакцион- ной книжки некоего Ватсона — „Эпилог франко-прусской войны"— он глухо упоминает о каких-то распространяемых книжкой „небыли- цах". Но это не может смягчить впечатления, производимого фразой о „неистовствах".

По отношению к России Михайловский в народную революцию не верил и не считал ее желательной. Вот почему он с такой на- стойчивостью, в самых различных вариантах выдвигал свою любимую идею о „консервативном характере рабочего вопроса в России" [2]). Лю- бопытен один из этих вариантов: „Коренные начала русской эконо- мической жизни не требуют революции, изменения направления своего течения. Требуется только развитие этих начал. Будут ли при этом баррикады или нет, это все равно, т.-е. в том смысле все равно, что не изменяет консервативного характера рабочего вопроса" (I, 736). Понятно при этом, что если баррикады ничего не изменят в консер- вативном характере русского рабочего вопроса, то лучше обойтись без них. Поэтому уже в 1873 г., когда зарождался русский бакунизм, Михайловский писал, что „цель эта („сохранение условий тру- да в руках работника, гарантии теперешним собственникам их соб- ственности") не может быть достигнута без широкого государствен- ного вмешательства, первым актом которого должно быть законода- тельное закрепление общины" („Отеч. Зап." 1873, № 1).

---

[1]) В упомянутой выше статье январского № „Печати и революции" за 1924 г.

[2]) При этом и он употреблял иногда выражение „язва пролетариата", от которой надо избавить Россию.

В чем же заключался „социализм“ Михайловского? Именно в сохранении у „теперешних собственников их собственности“. Он допускал, что при благоприятных условиях из теперешней крестьянской собственности могут развиться высшие, социалистические формы. Это допущение было для него менее гадательным, чем марксовский революционный социализм, вырастающий из классовой борьбы пролетариата с буржуазией, и в то же время оно имело для него то преимущество, что избавляло народные массы от страданий, приносимых капитализмом, и от жертв гадательной по своим последствиям революционной борьбы. Здесь не надо было, во имя „любви к дальнему“, отказываться от „любви к ближнему“, в данном случае,—от помощи крестьянину в деле охраны его собственности. И в осуществимость этой близкой, конкретной цели Михайловский вполне верил, еще в 1880 г. убеждая правительство в том, что только тот политический порядок будет прочен, который заинтересует миллионы, и что если „благонамеренные представители центральной власти“ вступят в союз с интеллигенцией против кулаков и развращенных местных администраторов, то крестьянство будет спасено от бедствий капитализма. Одновременно Михайловский в этом же убеждал и народовольцев, в органе которых он писал (советуя им сблизиться с либералами), что они (либералы) „были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условий русской жизни“. И дальше: „Америка, страна колоссальной наживы, не убоялась ввести у себя, хотя отчасти, принцип принадлежности земли земледельцу. Тем легче будет утвердить этот принцип у нас, где он и без того живет не только в душе народа, но и в сознании каждого порядочного интеллигентного человека“ („Политич. письма социалиста“, X, 35).

Какое место занимает такой „социализм“ в истории социалистических идей?

Из всех европейских мыслителей социалистического лагеря, под влиянием которых находился Михайловский (а среди них были и Луи-Блан, и Лассаль, с их идеей государственной помощи рабочим ассоциациям, и даже Маркс), наибольшее впечатление произвел на него Прудон. „Луи-Блан лишен той страшной диалектической силы, какая свойственна беспощадно последовательной логике его знаменитого противника-товарища — Прудона“ („Философия истории Луи-Блана“, III, 4). „Чтение его сочинений действует замечательно возбуждающим образом, как фермент. Это объясняется обаянием личности писателя: тем бурным клокотанием жизни, которым она полна и которое брызжет из каждой строки то в виде истинно громоносного гнева, то в виде пламенного призыва к чему-то, не всегда определенному, но всегда высокому и светлому, то в виде почти безумной смелости отрицания и критики“ („Записки профана“, III, 656—657).

Вместе с тем Михайловский вполне отдавал себе отчет в консервативном и мелко-буржуазном характере прудоновского „социа-

лизма". „Отрицания собственности (у Прудона) в принципе нет и помина. Для этого Прудон был слишком французский крестьянин, — это очень важно заметить,—известный своей беспредельной, почти идолопоклоннической привязанностью к собственности". „Никакого резкого переворота он не желал" (Там же. III, 647. Курсив везде наш). Влияние Прудона на весь французский социализм Михайловский объясняет в той же статье разлитой в его сочинениях „идеей личности", которая не могла мириться „с планами фаланстерианцев, икарийцев и т. п., замыкающими личность в тесные и фантастические рамки" (657. Курсив наш. *Б. Г.*).

И вот, почти все то, что пишет Михайловский о Прудоне в приведенных выше цитатах,—и в положительном, и в отрицательном,—относится также к нему самому. Михайловскому недоставало французского пафоса Прудона—для этого он был слишком русский интеллигент. Но и его сочинения будят мысль, и они сильны разлагающей, мнимо-диалектической критикой, и в них центральное место занимает „идея личности". Наконец, что важнее всего, и „социализм" Михайловского, как мы видели, отличается таким же консервативным и мелко-буржуазным характером, как и социализм Прудона. И он, как Прудон, заботится лишь о сохранении за мелким собственником его собственности, при чем и он, подобно Прудону, с характерными для мелкого буржуа наивностью и утопизмом ждет осуществления этого идеала при любых общественных условиях и притом от властей предержащих (вспомним известное обращение Прудона к Наполеону III).

Но в то время, как Прудон во многих отношениях был ограниченный мещанин-самоучка, Михайловский был человек с широким образованием и не менее широким кругозором, свойственным русскому интеллигенту. Зато, с другой стороны, в отличие от плебея Прудона, Михайловский, при всей своей любви к народу, смотрел на него сверху вниз и звал интеллигенцию, как мы видели, лишь к участию и жалости. Этот народ всегда казался ему грубым и темным. Что-то презрительно жирондистское чувствуется в знаменитом, не раз цитировавшемся месте из его „Записок профана": „У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог; вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями, разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги,—я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки" (III, 692). Это место находится в той самой главе, из которой мы раньше привели цитату о готовности раствориться в серой народной массе. Оно как бы прямо предвидит нашу революцию. Здесь на протяжении одной главы, как в фокусе, собраны и ярко выявлены все противоречия нашей народнической интеллигенции. Мелко-буржуазный социализм отражает собственнические инстинкты и вожде-

ления крестьянина, а свобода и суверенность личности—социальные потребности интеллигента.

Вот почему, как ни близко подходил иногда Михайловский к марксизму, между ним и марксизмом все же оставалась непроходимая пропасть, пропасть непонимания, отделяющая мелко-буржуазный социализм от научного коммунизма. Ибо Михайловский был в течение всей своей литературной деятельности высоко-талантливым и образованным—быть может, самым талантливым и образованным, какого знает история,—интеллигентским прудонистом.

Б. Горев.

Теодор Дезами.

Канун революции 1848-го года во Франции представляет собою один из наиболее интересных периодов не только во французской истории, но можно сказать, не преувеличивая, составляет узловой пункт в развитии европейского общества. Именно, в эту эпоху расцвел утопический социализм со всеми его школами и ответвлениями, начиная от революционного коммунизма Бланки и кончая „христианским социализмом“ Ламеннэ. Именно, в этот период формировали основные взгляды своего мировоззрения Маркс и Энгельс, которые пришли к научному коммунизму, на основании изучения действительности и критической переработки идей „властителей дум“ современного поколения... Именно, в это время пролетариат стал окончательно складываться, как класс, со своей особой программой и особым миросозерцанием, глубоко враждебным и отличным от буржуазного мира...

Между тем этот период—один из наименее освещенных в исторической литературе. Даже о корифеях 40-х годов мы не имеем ни одного полного, исчерпывающего произведения. Но если Бланки, Луи-Блан, Прудон, Консидеран, Кабе ждут еще своих исследователей, то что сказать о менее заметных писателях этой эпохи, значение которых, однако, достаточно велико в общем ходе развития коммунистических идей? О них ничего не известно. Они забыты. И не только в буржуазных историях, справочниках и словарях вы не найдете о них ни строчки. Даже социалистические писатели по трафарету проходят мимо них, не уделяя им никакого внимания.

* * *

Одному из таких забытых коммунистов и будет посвящен настоящий очерк—Теодору Дезами [1]).

Среди бесчисленного множества рассыпанных в ранних сочинениях Маркса замечаний, проливающих нередко свет на самые темные места современности, попадаются и суждения Маркса об этом интересном и оригинальном утописте.

Так, в „Святом семействе“ Маркс называет коммунистическую систему Дезами „более научной“, чем, например, Кабе, пользовавшегося тогда огромной популярностью в рабочих и мелко-буржуазных

[1]) Автор пользовался материалами Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

ах [1]). В знаменитой „Переписке 1843 года", недавно перепечатан-тов. Рязановым в первом томе сочинений Маркса и Энгельса [2]), кс опять останавливается на системе Дезами. Маркса, очевидно, статочной мере интересовал ход развития этого забытого теперь lунпста, так как еще в примечании к одной из статей, поменых в „Rheinische Zeitung" (от 12-го января 1843 года) [3]), он отет полемику между Дезами и Кабе.

Не прошел мимо Дезами и Плеханов. В одной из статей, посвяных французскому утопическому социализму, он упоминает о ми, называя его революционером, и в примечании, приведя слова кса, пишет [4]): „О нем мало говорят историки французского социа-la, хотя взгляды его заслуживают в некоторых отношениях боль-) внимания". К сожалению, недостаток места, по словам Плеха-, не дал ему возможности остановиться на учении Дезами.

Между тем, Дезами действительно заслуживает „большего вни-ia", чем ему уделялось до сих пор. В спектре социалистических ммунистических учений до Маркса без Дезами будет отсутство один из наиболее ярких красных цветов. Дезами стоит на крайлевом фланге коммунизма 40-х годов, являясь последовательным своего времени материалистом и революционером [5]).

Свою революционную деятельность он начал с участия в „Обществремен года". После раскрытия и ликвидации этого общества ми вместе с Кабе занялся мирной пропагандой коммунизма. Но з некоторое время он разошелся с Кабе и перестал участвовать) журнале „Le populaire".

Дезами основывает газету „Egalitaire", в которой проповедует, народ должен научиться сознавать свои права и обязанности. рода—говорил Дезами—есть гибельные руководители, „демократырики", всецело поглощенные избирательной реформой, не имеюникакой „органической системы". Вместе с тем Дезами деятельно гает среди пролетариата. Примкнувший к Дезами бывший аббат ,о, ставший атеистом и коммунистом, в своей брошюре „Ni cha-, ni chaumières" („Ни дворцов, ни лачуг) доказывает, что „цар-глупости подходит к концу; следовательно, близится царство и", т.-е. коммунизма. Пильо проповедует насильственный перег и так излагает свой закон равенства: „Кто делает то, что он т, тот делает то, что он должен. Каждый имеет право на удовлением своих истинных потребностей, когда все обладают не-димым".

Кроме аббата Пильо к Дезами примыкает и вместе с ним рабо-группа единомышленников, из которых нам известны Навель и В противовес банкетам, которые устраивались буржуазными ралами, Дезами вместе со своими единомышленниками орга-ет первого июля 1840 года коммунистический банкет, на котором утствовало около 1.200 рабочих, при чем собравшиеся „с почти)говейным молчанием выслушивали многочисленные тосты, про-

---

1) „Литературное наследие Маркса и Энгельса". т. II, к-во „Освоб. труда", стр. 273
2) К. Маркс и Ф. Энгельс, т. I, изд. 1923 г., под ред. Рязанова, стр. 361
3) Ibid.—см. примеч. Д. Рязанова, стр. 543.
4) Г. В. Плеханов, „Истор подгот. научн. соц-ма" (Предшеств. Маркса и Эн-). Изд. „Моск. Рабоч.", стр. 173.
5) На это указывает и Д. Б. Рязанов. Так, в своей статье „К. Маркс и Ф. Эн-в их переписке до revол. 1848 г.", тов. Рязанов говорит о „крайнем коммунизме" и довательном материализме" Дезами. См. Д. Рязанов—„Очерки по истории марксизма", зд. „Московский Рабочий", 1923 г., стр. 76—77

возглашавшиеся за освобождение рабочих, за отмену смертной казни, за равенство и за общность" [1]).

Рабочие, примыкавшие к его взглядам, организовали „Société des travailleurs égalitaires", которое имело свой журнал, называвшийся „L'Humanitère" и выходивший в 1841 году.

В 1842 году Дезами выпускает свое главное сочинение „Code de la communauté", в котором он излагает свою систему. В 1843 г. выходит под редакцией Дезами и его друзей „Almanach de la communauté", предназначавшийся исключительно для рабочих. Эти две работы являются основными для выяснения взглядов Дезами. Кроме этих работ он выпустил еще ряд брошюр, направленных против Ламеннэ, против иезуитов, а также против Кабе [2]).

В 1848 году Дезами издавал газету „Les droits de l'homme". Вместе со своим другом, Пильо, он выставил свою кандидатуру в Национальное Собрание, но оба потерпели неудачу. Прожив всю жизнь в нужде и бедности, Дезами, разочарованный неудачами, после революции возвратился в свою родную деревню, где и умер в 1850 г. [3]).

I.

В своих философских воззрениях на человека и природу Дезами является верным учеником французских материалистов XVIII в. Особенно охотно он цитирует Гельвеция, которого он называет „бессмертным" [4]).

Но он не прочь, вообще, опереться на авторитет древних и новых философов и мыслителей, цитируя из них наиболее удачные места.

„Гомер, Эпикур, Гораций, Лукреций и пр.—пишет он [5])—говорят, что задача философии—проникать во все тайны природы и что ничто не должно останавливать человека в его поисках истины".

Поэтому человек будет всемогущ, если он будет знать окружающую природу, если он постигнет ее законы.

„Что такое философия?—спрашивает Дезами. И отвечает:—Это знание вещей, которые существуют в природе" [6]).

По мнению Дезами, все люди способны заниматься философией, за исключением тех, которые считают знание вообще ненужной вещью, или которые боятся знания. Все имеют одинаковую способность мыслить, но эта способность у некоторых находится в мертвой потенции, пока она не будет оживлена страстями. Философия совсем не сложная и понятная вещь. Только софисты и политические дельцы выдумывают про нее подобную галиматью. Какова же цель философии? „Вести людей к счастью",—отвечает Дезами.

---

[1]) См. Жорж-Вейль, „Ист. респ. парт. во Франции", стр. 181.

[2]) Вот список работ, выпущенных Дезами:

1) „M. Lamennais réfuté par lui même, ou examen critique du livre intitulé: Du passé et de l'avenir du peuple". In-32⁰. 1841.

2) „Calomnies et politiques de M. Cabet. Refutation par des faits et par sa biografie". In-8⁰. 1842.

3) „Code de la communauté". In-8⁰. 1842.

4) „Almanach de la communauté 1843" par divers ecrivains communistes (T. Dezamy, I. Navel, J. Gay.) In-32⁰. 1843.

5) „Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme, ou les Constitutions des jésuites et leurs instructions secrétes en parallèle avec un projet d'organisation du travail". In-8⁰. 1845.

6) „Organisation de la liberté et du bien-être universel". In-12⁰. 1846.

[3]) См. „Справочник социалиста" Гуго и Штегмана. т. I.

[4]) „Code de la communaute", стр. 107.

[5]) Ibid., стр. 108.

[6]) Ibid., стр. 110.

Но как прийти к этому счастью? Для этого надо не забывать ного, что человек является частью природы и, как часть природы, дчиняется тем же законам. Человек обладает разумом, который жет эти законы постичь и тогда он станет непобедим. Вера во вмогущество разума является также основной чертой миросозерца-я Дезами, полученной им в наследство от французских материа-стов.

Но природа не создала человека таким, каков он сейчас в пороч-м современном обществе, с его борьбой, неустойчивостью и вечным маном. Нет, „человек, рождаясь в свет, не имеет ни талантов, ни роков, ни добродетелей, но только способности и потребности. Его ношения с внешним миром превращают его потребности в движу-ю силу активности. Совокупность этих движущих сил составляет ю б о в ь к с е б е" [1]).

И, именно, потому, что в каждом человеке заложена эта любовь себе, этот эгоизм, возможно достижение счастья. Следуя Гельвецию, торый провозгласил себялюбие „единственным чувством в своем де", которому мы обязаны всеми нашими стремлениями, всеми шими страстями, Дезами заявляет, что эгоизм – одна из главных ижущих сил человеческого развития.

„Любовь к себе — читаем мы у него далее — это ствол де-ва страстей, которые суть, так сказать, ветви этого ствола; свой обходимый корень последний имеет в нашей способности ощу-ть" [2]).

Страсти—совсем не зло, как стараются представить нам совре-нные писатели. „Слово с т р а с т ь обозначает с п о с о б н о с т ь, пу-енную в д е й с т в и е". Страсти присущи всем людям. Но ими надо еть управлять. Счастье иметь сильные страсти, если они согласо-ны. Между страстями надо установить гармонию. „Е с л и н а д е ж д а лет уравновешиваться т р е в о г о й, ч у в с т в о м е р ы – л ю б о в ь ю ж и з н и, л ю б о в ь к ж и з н и – с т р е м л е н и е м к с ч а с т ь ю, р е м л е н и е к с ч а с т ь ю—с в о б о д о ю и ч у в с т в о м ч е л о в е-ч е с к о г о д о с т о и н с т в а, с к л о н н о с т ь к б е с п о р я д о ч н ы м н а с л а ж д е н и я м—д р у г и м и н а с л а ж д е н и я м и, а также пяте-с а м и з д о р о в ь я, вы не увидите ни развратников, ни пьяниц, безрассудных, ни подлецов" [3]).

Эта теория гармонии страстей напоминает знаменитую теорию рье, более подходящую к тем материалистическим воззрениям, торые были у Дезами. Он подходит к человеку, как реалист, не еализируя его и не наделяя его свойствами, ему неприсущими. ивя в жестокое время, когда плутократия на каждом шагу выста яла наружу свою ничем не прикрытую страсть к наживе, обману, зврату и тупой лести, в ту эпоху, когда, по сильному выражению аркса, „финансовая аристократия, как в своих способах наживы, к и в наслаждениях являлась ничем иным, как в о з р о ж д е н и е м р о л е т а р и а т а б о с я к о в н а в е р х а х б у р ж у а з н о г о о б щ е-с т в а" [4]), живя в стране, в которой конкуренция показала свои худ-ие стороны, обнажив эгоистические страсти даже в среде пролета-ата и разбив его на множество враждующих групп и группочек,—зами посмотрел реально и здраво на вещи, и то, что мечтателям,

[1]) Ibid., стр. 113. Курсив Дезами, как и дальше, где нет особой оговорки.

[2]) „Code de la communauté", стр. 113.

[3]) Ibid., стр. 111.

[4]) М а р к с. „Борьба классов во Франции 1848—1850 гг."—Собр. соч. М. и Э., т. III, издат 1921 г., стр. 30. Курсив Маркса.

вроде Кабе, казалось навождением дьявола, Дезами берет, как исходный пункт человеческой природы [1].

Этот здоровый реализм мы много раз еще будем наблюдать у Дезами, несмотря на то, что, как видно будет из его системы, выпрыгнуть окончательно из утопической оболочки он не сумел и потому остался, правда, на левом фланге, но все же не научного, а утопического коммунизма.

Но если любовь к себе есть основа человеческой деятельности, то это не значит, что люди должны быть разъединены и бороться друг с другом. Наоборот, „люди необходимы, абсолютно необходимы друг для друга".

Когда люди, путем знания, убедятся в той истине, что все элементы счастья находятся в природе, так сказать, „под их руками", когда люди будут одинаково просвещены, тогда настанет „истинное равновесие сил, влияний и никто не будет спекулировать на неведении собственного равенства. Все поймут, напротив, могущество общественной гармонии, а также и то, что приблизиться к своему собственному счастью можно только, работая на общее благо" [2].

Если в современном обществе только любовь к себе является двигателем, то в будущем обществе таким двигателем будет любовь к себе и к другим. Если в современном обществе страсти превращаются в нечто порочное, то виною этому скверная общественная организация. Возьмем, напр., самую возвышенную, по мнению Дезами, страсть,—любовь. Она превратилась в сплошной разврат и лицемерие Это—плод нелепых законов, царящих в обществе. А, т. к. „человеческий организм, общественная организация и внешний мир находятся в неразрывной связи" [3],—то с изменением современного строя изменится и организм человека:—между его потребностями и способностями наступит полная гармония, и человек достигнет счастья.

II.

На природу, вообще, Дезами смотрит, как на „вечную всемирную связь, которая соединяет воедино все события, первопричину существования и движения, это бесконечное целое, которое катится в вечном круге объединения и разъединения, зарождения и трансформации".

Природа и материя для него одно и то же понятие. „Это—говорит он—суть общие названия, которыми философия определяет совокупность качеств, свойств, энергии, общих всем телам, всем существам. Так понимаемая материя содержит в себе самой весь принцип активности, притяжения, разума, гармонии, совершенства" [4].

Мир есть единый организм. „Он имеет в качестве составного элемента атом, в качестве принципа—движение. С точки зрения законов механики мир может быть рассматриваем, как разумная машина, которая имеет свои колеса, канаты, блоки, пружины, тяжесть" [5].

[1]) Впрочем, по вопросу о страстях, Дезами (заметим, в скобках, как и Фурье) является также весьма последовательным учеником французских материалистов. Вот, напр., что говорит Гольбах о страстях: „Страсти являются настоящим противовесом других страстей. Не будем, поэтому стараться об их уничтожении, но только о руководстве ими... Разум—плод опыта—есть лишь искусство избрать те страсти, которым мы должны повиноваться ради нашего собственного блага... См. статью Г. В. Плеханова „Гольбах" в „Очерках по истории материализма". Изд. „Моск. Раб.", стр. 11.

[2]) „Code de la communauté", стр. 114.

[3]) Ibid., стр. 190—191.

[4]) Ibid., стр. 257.

[5]) Ibid., стр. 258.

„Притяжение—причина всех явлений, как физических, так моральных, это основной закон универсальной жизни, это та сила, ıи помощи которой молекулы притягиваются, группируются, классифицируются, гармонизируются, держатся вместе, объединяются, разуют тело; кроме того, это та сила, вследствие которой вещи существа отделяются и отличаются друг от друга. Без этого закона ı было бы возможно чье бы то ни было существование. Притяжеıе—сила, действие которой известно во всей природе; оно действует ı только на материальные тела, прямо пропорционально массе обратно пропорционально квадратам расстояний; не менее важной :тиной является то, что оно одинаково влияет и на моральный духовный порядок, следуя точно таким же законам" [1]).

Что касается человека, то он есть не что иное, как „система ıзличных органических молекул, которые так скомбинированы, что ıждая из них нашла себе место, наиболее соответствующее ее ıгуре. Из этих бесчисленных комбинаций образуются органы, котоıе, комбинируясь между собою, образуют группы органов, а затем, ıконец, совокупность органов... Эта активная и гармоническая соıкупность образует ж и з н ь. Сознание, мысль, воля, разум суть ункции мозга и, как всякое проявление жизни, есть не что иное, ıк гармоническое сочетание органов" [2]).

Всякое знание должно опираться на „свидетельство чувств и свет ıзума". Не существует никакой другой религии, кроме всемирной бщности (коммунизма—communauté) [3]): эта общность—единственная ıциональная религия, единственное нормальное положение челоıечества.

„Эта религия—необходимый результат опытного знания—тип, ıрно, источник всякого блага, всякой красоты, всякого совершенства"...

Таковы основные воззрения Дезами на человека и природу. Он озрождает и углубляет учение Демокрита, Эпикура, Гассенди, являясь оследовательным учеником материалистов XVIII века.

Подобно своим учителям, Дезами является строгим монистом, ıитающим, что наша духовная и телесная сущность является проıвлением одной и той же субстанции—материи. Этим прежде всего тличается Дезами от своих современников: учеников Фурье или ıких коммунистов, как Кабе, которые были дуалистами, и вновь вновь возвращались, поэтому, к вопросу о реорганизации религии— влекаясь идеями „нового христианства", которое возродит и окончаıльно спасет человечество [4]).

[1]) „Code de la communauté", стр. 258.
[2]) Ibid., стр. 258.
[3]) Мы переводим „communauté" большей частью словом „коммунизм", хотя его слеıвало бы перевести словом „общность". Но последнее выражение не всегда адекватно ıсли Дезами, вследствие чего мы его употребляем редко.
[4]) Необходимо, однако, отметить, что и Фурье и Кабе и даже Сен-Симон не пониıают религии в обычном смысле этого слова. Это рационалистическая религия, совсем ı похожая на христианство, в современном представлении. И тем, не менее, все утопиıы остаются деистами, на протяжении всех своих произведений беспрерывно славяıя бога. Сен-симонисты даже вырождаются в религиозную секту, и Дезами совершенно ıраведливо называет их систему „политической теократией" („Code de la communauté" ıр. 49). Плеханов считает эти религиозные искания плодом реакции, результатом раıарования и усталости, вызванных „катастрофой 1793 г.". „Таким образом эти религии— ıшет Плеханов—были связаны с романтической реакцией против просветительной филоıфии XVIII в. Это видно, между прочим, из того, что многие сен-симонисты с увлечением ıтали сочинения Жозефа де-Местра и других писателей того же направления" (См. . В. П л е х а н о в. „Истор. подготовление научн. соц-ма, изд. „Моск. Раб.", стр. 229). Дезами ıчисле очень немногих, не поддался этим реакционным веяниям и остался ярко выраıенным материалистом и атеистом. Не испугала его, как мы увидим дальше, и „ката-

Для Дезами всякая религия, основанная на вере в бога, в верховное существо, стоящее над миром, является пережитком и глупостью. Он—самый крайний атеист.

Но Дезами все же остается тем же механическим материалистом, как и его славные учителя. Он рассматривает явления природы в их взаимодействии, но он не поднимается до понимания их диалектического развития. Последнее так же недоступно Дезами, как и его учителям. Подобно им, он просто переносит законы природы на общество; при чем он считает эти законы „неизменными, вечными и непреложными“ [1]). С сочувствием цитирует он слова Сен-Жюста: „Если дать человеку законы, соответствующие его природе и сердцу, он перестанет быть несчастным и обманутым“ [2]). Поэтому, если он стоит за коммунизм, то, прежде всего, потому, что „коммунизм наиболее простой и наиболее совершенный вид ассоциации“ [2]).

Правда, следуя Гельвецию, он исходит не только из знания природы, но прежде всего из знания человеческого организма. Несколько раз он повторяет и подчеркивает: „Мой критерий, мое правило достоверности есть знание человеческого организма, т.-е. знание потребностей, способностей и страстей человека“ [3]). Он придает этому знанию тем большее значение, что, в своей наивности, склонен идентифицировать законы, управляющие обществом, с законами, управляющими человеческим организмом. „Каждый человек есть, так сказать, общество в миниатюре,—говорит Дезами.—Среди членов человеческого тела нет такого, который отказывался бы выполнять свои функции, убегал от общего дела“ [4]). То же должно быть в идеальном общественном строе, где царят „естественные“ законы и где никто не может отказаться от своих функций.

Указывая на тесное взаимодействие между человеческим организмом, общественной организацией и внешним миром, Дезами полагает, что с изменением социальной организации изменится и внешний мир. „Органы, взятые индивидуально и совместно, изменяются под влиянием внешнего мира; одновременно с этим внешний мир подвержен индивидуальному или совместному действию способностей человека. Человек может, в некотором роде, изменить мир по своему желанию“ [5]).

А в другом месте, в главе о „Социальной гигиене“, он энергично восклицает: „Я показал бы неопровержимым образом, что немедленным последствием коммунистического режима было бы возрождение и совершенствование внешнего мира“ [6]).

Таким образом Дезами идет дальше своих учителей, считая, что даже неизменные, вечные и непреложные законы природы могут быть изменены человеком по его желанию, при совершенной социальной организации. Этот шаг вперед Дезами—следствие развивающейся техники в современной ему Франции. Завоевания химии, мощное распространение паровой машины, переворот в железоделательной промышленности, произведенный пудлингованием еще раньше в Англии и в 40-х г.г. захвативший и Францию, наконец, начавшееся

строфа 1793 г.“. Напротив, в своей практической деятельности и проповеди социальной революции он брал за исходный пункт революционную диктатуру „Комитета Общ. Спасения“.

[1]) „Code de la communauté“, стр. 13.

[2]) Ibid., стр. 11.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid., стр. 245.

[5]) Ibid., стр. 259.

[6]) Ibid., стр. 192.

железнодорожное строительство, все больше и больше изменявшее облик страны, - все это не могло не оказать влияния на миросозерцание Дезами.

Нужно прибавить, что Фурье, у которого очень многое заимствует Дезами, совершенно недвусмысленно говорит о том же, когда он грезит об анти-львах, анти-акулах и пр. Дезами, таким образом, прибавляет к мыслям своих учителей-материалистов XVIII в. освобожденные от фантастической оболочки правильные мысли Фурье о совершенствовании мира, под влиянием техники.

Мало того, Дезами считает, что изменившаяся внешняя природа, влияя на человеческий организм, в свою очередь изменит последний. Он углубляя и расширяя то взаимодействие между человеком и природой, о котором писали французские материалисты.

Но дальше этого Дезами не пошел. Историческая связь общественных явлений, их диалектическое развитие осталось для него совершенно чуждым. Он, правда, не прочь углубиться в историю, указать на то, что первые христиане, анабаптисты, гуситы, квакеры и пр. были коммунистами, что „германцы, как говорит Цезарь, жили в коммунистическом строе, а потому и были здоровыми, сильными, жизнерадостными, братскими, храбрыми и неукротимыми" [1]), что такой же коммунизм был в Перу, когда европейцы принесли туда войну и истребление.

Но эти примеры Дезами приводит для доказательства, что „коммунизм имеет исторические традиции", а не для чего-либо другого. В поисках этой „исторической традиции" Дезами склонен идти настолько далеко, что отцов церкви, Сократа, Мора, Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо и многих других—всех он сваливает в одну кучу и называет коммунистами [2]).

III.

Общественно-исторические взгляды Дезами всецело покоятся на его механическом материалистическом миросозерцании. „Источник существующего зла — это скверные законы общества". Вот вывод, к которому приходит Дезами. Стоит эти законы изменить, и зло исчезнет.

К этим выводам приходят все утописты-социалисты. Ибо все они ведут свое происхождение от франц. материалистов. Вот что пишет об этом Маркс в „Святом семействе": „Бабувисты были грубыми, нецивилизованными материалистами, но и разработанный коммунизм ведет свое происхождение непосредственно от французского материализма. Материализм, в той именно форме, какую ему придал Гельвеций, возвращается на свою родину, Англию. Мораль Гельвеция служит основой системы морали Бентама, построенной на правильно понятом личном интересе, а Оуэн, исходя из теории Бентама, кладет начало английскому коммунизму. Француз Кабе, изгнанный в Англию, испытывает на себе влияние тамошних коммунистических идей и, по

[1]) Ibid., стр. 278.

[2]) „Кем были Сократ, Платон, Эпикур, Зенон, Конфуций, Плутарх, Аполлоний Тианский, Иисус?—Коммунистами. Какую доктрину практически проводили в жизнь эти христианские секты, которые так стоически переносили преследования и пытки?—Коммунистическую. Кем были св. Фома, св. Василий, св. Августин и почти все отцы старой церкви? Также коммунистами. А Томас Мор, Кампанелла, Морелли, Фенелон, Флери, Локк, Гаррингтон, Фонтенель, Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо, Мабли и множество других философов, которых я обхожу молчанием, разве они не были коммунистами и блестящими коммунистическими не эссеистами" („Code de la communauté", стр. 278).

возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма"[1].

Что касается Дезами, то, называя его систему, как мы уже указывали, „более научной", Маркс рассматривает его материализм, „как учение реального гуманизма и как логическую основу коммунизма"[2].

Действительно, когда Дезами выводит свою теорию коммунизма, когда он строит свою социальную систему, он прежде всего исходит из принципов, которые, по его мнению, лежат в основе природы. „Вечные и непреложные законы", на которых покоятся мир и общество, забыты людьми. Стоит их вспомнить и понять, стоит их положить в основание социального организма—и дело будет сделано.

Что же должно лечь в основание этого общества? Да только то, что находится в природе. Свобода, Равенство, Братство, Единство и Общность (Communauté)—вот вечные, естественные принципы. Что такое, напр., Равенство? „Равенство это гармония, совершенное равновесие, которое действует на все вещи—от мира высоко развитых существ до самого малого насекомого. Это—закон, обязательный, как для нашей общественной, так и для индивидуальной жизни... Вне равенства невозможно никакое общество: неравенство имеет следствием возмущение и противоречия, раздоры и войны"[3].

Или братство? „Братство, это—естественный договор, единственный истинный палладиум свободы и равенства"... и т. д.[3].

Коммунистическая система Дезами также непреложно проистекает для него из этих основных принципов, как непреложным было для философов XVIII в.—новое буржуазное общество.

Дезами является только более последовательным в своих выводах. Ибо французские материалисты из „естественного закона" свободы, равенства и братства выводили только неограниченное владычество этих принципов для буржуазии. Они ограничивали этот „естественный закон" другим „вечным и естественным законом"—частной собственностью, тем самым впадая в противоречие с собственными принципами: они еще не видели, да и не могли видеть нового класса, который собственностью не обладает и развивается в складках буржуазного общества, как его грозное memento mori. Французские материалисты были искренне убеждены, что буржуазная собственность—предел всякому равенству. Даже Гельвеций, наиболее бесстрашный из них, который по выражению Плеханова, „казалось, не оставлял больше никакого места для естественного права, который явно нелепейшие законы и обычаи считал разумными", закончил утверждением, что народы тем более приближаются в своих учреждениях к естественному праву, чем более прогресс их разума"[4]. Гельвеций, таким образом, в своем „моральном катехизисе" пришел к выводу, что поддержание собственности есть нравственный бог государств".

Это противоречие стало очевидным уже для Бабефа. Во времена Дезами—в эпоху буйного роста пролетариата, много и много раз обманутого буржуазией, собственной кровью завоевавшего последней возможность жить и роскошествовать было еще больше причин для того, чтобы социальные реформаторы превратили этот „естественный закон" свободы, равенства и братства в основу общества, где частной собственности не будет.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. „Литературное наследие", изд. „Освобождение труда" т. II. стр. 273.
[2] Там же.
[3] „Code de la communauté", стр. 11.
[4] Г. В. Плеханов. Очерки по истор. материализма. Изд. Моск. Раб., стр. 83

И, как французские материалисты из своих предпосылок всемогуva разума, равенства человеческой природы, зависимости чело- от общественной среды, в которой он живет, выводили свое ие о буржуазном обществе с новыми законами, новой нравствен- ью, новым воспитанием и проч.,—так и их ученики, а среди особенно Дезами, стоя на той же точке зрения, выводили свои щипы построения новейшего, уже коммунистического общества, эти законы будут проведены полностью.

Отсюда то множество новых, совершенно готовых систем, кото- изготовлялись социалистами и коммунистами разных направлений роковые годы. Казалось, стоит только приложить эти идеальные щипы в жизнь и на их основе нарисовать схему новой органи- и, чтобы сделать самое важное: Очевидность выгоды нового строя т настолько ясна, что человечество проведет его в жизнь—на е наступит земной рай.

Дезами и пытается дать готовую картину такого строя в своей ной работе „Code de la communauté" [1]).

IV.

В описании того идеального коммунистического строя, которое Дезами, есть много и сходного с системами Фурье, фурьеристов, , но много и отличного от них. Дезами более реально смотри вещи, чем его прекраснодушные современники, в нем больш совой прямолинейности и непосредственного чувства. „Комму- —по его словам—не что иное, как реализация единства и брат- ... Это—наиболее реальное и полное единство: единство во всем— спитании, в языке, в труде, в хозяйстве, в жилище, в жизни, в нодательстве, в политических обязанностях и т. д." [2]).

В каждом обществе надо различать два рода законов: основ- е и конституционные. Только первые неизменны, вечны епреложны. Вторые—имеют целью дело политики: они временны зменчивы. Одним из основных законов природы, а значит и об- тва, является тот факт, что человек не может существовать без , чтобы не удовлетворять свои непосредственные потребности в пи- ии, одежде и пр. Следовательно, общество не может жить без изводства продуктов. Но всякое производство основано на труде. тому „все те, которые пользуются общественными продуктами, жны принять участие в работе" [3]).

Это требование обязательности труда является главным в его геме. Когда-то люди в своем „естественном состоянии" все труди- ь и все были равны. Дезами цитирует стихи Гельвеция об ин- цах Огайо и Миссисипи, „у которых все общее, все равны", и при- ит мнение Морелли о собственности: „поле не принадлежит тому, его обрабатывает, и дерево тому, кто собирает с него плоды; он деет только производством рук своих, частью того, чем он поль- тся,—остальное принадлежит человечеству" [4]).

Этот естественный трудовой закон действителен и для животных. зывая на пчел, Дезами восклицает: „Почему республика людей жна быть менее совершенна, чем республика пчел?".

[1]) Она сначала выходила в свет отдельными выпусками в 1842 г., а затем вышла льной книгой в 1843 году. В Париже, в изд. самого Дезами.
[2]) „Code de la communauté", стр. 12.
[3]) Ibid., стр. 14.
[4]) Ibid., стр. 15.

Если есть ныне люди, который живут чужим трудом, то причиной этого — современный общественный строй. Единственный вывод—общественное равенство и абсолютная общность имущества. Тем, которые указывают, что люди не равны в силе и способностях, Дезами отвечает, что это неравенство—„результат общественного положения, извращенного и маккиавелистического воспитания, долгого рабства, которое висит над всем человечеством в течение стольких веков“ [1].

Но дело не в политических правах. Когда аббат Сийес говорит, что люди могут быть не равны в **средствах**, но отсюда не следует, что они должны иметь также неравенство в правах, то он совершенно неправильно освещает вопрос, ибо дело не в политических правах, а именно в неравенстве имуществ,—утверждает Дезами. Поэтому он обрушивается с критикой не только на Сийеса, но и на сен-симонистов, которые провозглашали лозунг: „всякому—по его способностям, всякой способности—по ее делам“. Этот лозунг ведет, конечно, только к новому неравенству и новой аристократии.

Только общность имуществ, обязательность труда и распределение по потребности может привести к счастью человечество.

Как же будут жить люди в будущем обществе?

В будущем коммунистическом строе люди будут жить в отдельных коммунах. „Известное количество коммун образуют провинцию, известное количество провинций—республику, а республики будут объединены в одну великую всечеловеческую коммуну“ [2].

Все коммуны должны быть безусловно равны между собою и устройством, и пространством, и удобствами и пр.—иначе равенство между людьми не будет достигнуто.

Современные столицы, города, местечки, деревни должны исчезнуть. Но Дезами высказывается против Руссо и Буонаротти, которые считают необходимым уничтожение городов. „Кажется—говорит Дезами,—что Руссо и Буонаротти хотят превратить мир в деревню“. На самом деле, этого не будет: „коммуна будет обладать всеми **комбинированными преимуществами города и деревни**“ [3].

Я не буду останавливаться на описании коммуны, которая построена у него по последнему слову техники, в которой есть галлерея-улицы, летом открытые, а зимой отапливаемые, которая расположена на фоне зелени, лесов, в которой проведена прекрасная система ирригации и пр.

Построение коммуны Дезами напоминает фаланстеру Фурье, с некоторыми добавлениями, проистекающими из завоеваний техники. Описывая скрупулезно подробности устройства коммуны, Дезами дает в приложении к своей книге тщательно вычерченный план, наглядно представляющий эту подлинную комбинацию из города и деревни, со всеми преимуществами культуры, о которой сказано выше. Вот описание жилища снаружи: „Жилище будет расположено в центре коммуны, по краям будут находиться земли высокой культуры, виноградники, поля, рощи и леса и т. д., впереди, в стороне от здания, будут расположены фруктовые сады и огороды, затем немного дальше пойдут парки, рощи и другая природная растительность; наконец, ко дворцу будут вести четыре великолепных аллеи“... Здание коммуны так построено, что образует двойной квадрат. Во внутреннем квадрате расположен прелестный цветник. Во втором квадрате—обширный

[1] „Code de la communauté“, стр. 15.
[2] Ibid., стр. 31.
[3] Ibid., стр. 37 прим.

. Таким образом воздух будет особенно чист и проникать во все эти здания...

В меньшем квадрате расположены залы для отдыха, кухня, тр, библиотека, музей, клуб для дискуссий. В большом квадрате газины, мастерские, школы и частные жилища [1].

Каждому взрослому дается три комнаты: 1) спальня, 2) научный бинет, 3) маленькая лаборатория. Мебель передвижная и удобная [2].

Интереснее распределение благ во всемирной коммуне. Продукты, рабатываемые коммунами, собираются в зернохранилища, склады пр. Один раз в год коммуна направляет центральному управлению эми коммунами бюллетень о всех своих урожаях, произведенных одуктах промышленности и проч. Управление собирает все бюллетени, чтобы оценить все богатство и сравнить богатство и потребности каждой коммуны. В каждой части этой коммуны ведется счет го, что она имеет, и того, что ей нужно. Управление по этим счетам определяет равномерно продукты между всеми коммунами. „Таким разом не надо будет ни министров, ни министерств, ни чиновников!" - склицает Дезами, который, вообще, питает весьма основательную ненависть к буржуазным институтам и чиновникам.

В этих коммунах, которые образуют всемирную общность (communauté) не будет частной собственности; нет различия между отдельными гражданами коммуны. Сохраняется только один вид собственности: каждому лицу индивидуально принадлежат только те щи, которыми он пользуется [3]. „Все люди будут жить, как братья, зависимо от расы, цвета и климата" [4].

Во всех институтах и установлениях будущего строя, при распределении, установлении каких-либо прав, а, в особенности, при воспитании, будет изгнана „из всех душ и сердец малейшая попытка, малейший намек на господство, привилегию, преимущество, первенство, предпочтение, одним словом на всякое исключительное право" [5].

В этой коммуне, где царствует труд, всякая трудовая функция, имеющая целью общественную пользу, объявляется „общественной функцией. Коммуна провозглашает их всех одинаково почетными" [6].

Таким образом коммуна Дезами — это, прежде всего, царство труда.

Труд, который французскими материалистами, предтечами буржуазной революции, а также английской классической политической экономией в эпоху буржуазного Sturm'a и Drang'a провозглашался единственно достойной общества и человека функцией, единственной основой „богатства народов", был изгнан из общественных наук апологетами буржуазии в ту эпоху, когда пролетариат начал уже угрожать могуществу, ее праву на прибавочный продукт, и стал знаменем пролетариата, знаменем всех социалистических и коммунистических школ эпохи 40-х годов.

Однако ни одна из этих школ не довела этого принципа о необходимости труда до его логического конца. Если Адам Смит, считавший с точки зрения буржуа-революционера, труд попов и чиновников непроизводительным трудом, был убежден, что торговец и владелец предприятия занимаются трудом производительным, то его точка зрения была прогрессивна для его времени. Почти такая же точка зрения была у Сен-Симона и Фурье (у последнего надо учесть

[1] „Code de la communauté", стр. 40.
[2] Ibid., стр. 54.
[3] Ibid., стр. 273.
[4] Ibid., стр. 273.
[5] Ibid., стр. 273.
[6] Ibid., стр. 273

ненависть к торговцам, ненависть, имевшая корни больше в личных переживаниях Фурье—точка зрения, которая может быть отчасти оправдываема тем, что в эпоху реставрации буржуазия и пролетариат единым фронтом боролись против попыток возрождения феодализма. Но уже совершенно реакционной надо признать эту точку зрения у сен-симонистов и у фурьеристов.

Дезами в этом отношении идет впереди современников. Разделяя вместе с Фурье ненависть к торговле и спекуляции, ненависть, вполне понятную, если вспомнить тот ажиотаж, ту биржевую горячку, которая охватила буржуазию, обогащавшуюся за счет пролетариата, Дезами считает, вообще, всех предпринимателей, всех собственников, всех чиновников буржуазного государства, всех служителей религиозного культа паразитами, которые живут за счет крови и соков рабочего класса. Это—вампиры, „черная банда", которая должна быть уничтожена.

Даже Кабе не прочь в этом отношении, во избежание революции, временно признать буржуазию, обложив, правда, ее высокими налогами, а относительно уничтожения служителей религии у Кабе, вообще, нет речи, так как он считает необходимым возродить христианство. Дезами среди тех, которые исчезнут в коммунистическом строе, прежде всего считает коммерсантов, предпринимателей, священников, армию, судей и чиновников.

По его мнению, нынешняя система собственности не что иное, как система азарта, привилегии, силы, обмана, монополии, гнета и проч. Там все ненормально и противно: дети командуют опытными старцами, эксплоататор и развратник фабрикует закон умеренности и общественной морали; кучка бездельников задыхается от пресыщения в то время, как масса рабочих ест свой кусок черного хлеба, облитый двойным потом и слезами".

Конечно, напрасно стали бы мы искать у Дезами теоретической ясности в этом вопросе. Движимый классовой ненавистью, Дезами не дает места в своей коммуне капиталистическим паразитам, для этого ему не надо много теоретизировать—паразитизм буржуазии слишком бросался в глаза.

Мы увидим дальше, что Дезами не совсем ясно представлял себе, что такое пролетариат; по крайней мере, формулировал различие между пролетариатом и буржуазией неправильно. Но нужно принять во внимание, что в Париже даже в эпоху Коммуны 71-го года преобладал ремесленный пролетариат, что Франция представляла собой и тогда, по преимуществу, страну с мелкой крестьянской собственностью.

Важно констатировать то, что Дезами в проведении трудового принципа пошел впереди своих современников, что он был последовательнее их, что его мировоззрение является более пролетарски выдержанным и, следовательно, как правильно выразился Маркс, более научным для своего времени.

Г. Зайдель.

(Продолжение следует)

Две книги

о К. Марксе и Фр. Энгельсе.

Две книги Д. Б. Рязанова: „Маркс и Энгельс“ и „Очерки по истории марксизма“ безусловно ценный вклад в русскую марксистскую литературу. Мы преимущественно занимались в годы революции популяризацией марксистского знания, но следует признать, что эта популяризация далеко не всегда соответствовала последним выводам науки. Читатель-пролетарий получал из вторых и третьих рук часто весьма устаревшее и далеко не всегда доброкачественное. Немногочисленные знатоки Маркса в России заняты революционной практикой и не смогли ни продолжать разработку марксистской теории, ни популяризацию ее. А наши изд-ва, „углубляя“ беду, сделали пока весьма мало для того, чтобы дать русскому читателю работы талантливейших наших марксистов, рассеянные повсюду, позабытые, а еще больше неизвестные новому читателю. Все эти причины и делают книги тов. Рязанова литературным событием особой важности.

„Маркс и Энгельс“—лекции, читанные автором на краткосрочных курсах по марксизму при Соц. Академии. Лекции были рассчитаны на пролетарскую аудиторию (на курсах было свыше 80% пролетариев. со значительным партстажем и еще большим практическим стажем). Задача лектора сводилась не только к изложению биографии Маркса и Энгельса, в узком смысле,—необходимо было также дать слушателям представление о революционном движении XIX-го века. „Они посвящены,—читаем мы в предисловии,—жизни и деятельности Маркса и Энгельса, как революционеров“. Книга написана чрезвычайно популярно, поскольку это позволяет предмет лекций.

Вторая книга—„Очерки по истории марксизма“—сборник статей автора, рассеянных в различных немецких и русских журналах (в

„Neue Zeit“, в „Kampf'e“, в „Архиве“ Грюнберга, в „Просвещении“, „Современном Мире“ и т. д.). Но все эти статьи посвящены одной теме: „практической и теоретической деятельности обоих основоположников научного социализма—Маркса и Энгельса“. Однако, сама трактовка биографии учителей дает возможность автору начать дело критического пересмотра истории рабочего движения и социализма в различных странах. Д. Б. Рязанов имеет в виду уничтожение литературных легенд, связанных с историей марксизма и социализма, пытается положить основание научно-историческому анализу марксизма. Выяснить „то, что было“—такова задача, которую ставит себе Д. Рязанов. И если в области исторической науки во имя этой задачи прежде всего обратились к „документам“, то и при изучении истории марксизма раньше всего необходимо выяснить „всю картину интеллектуальной деятельности, все составные элементы великого творения, и все результаты их (М. и Э.) научной, политической, организаторской повседневной работы, которая шла рука-об-руку с самой интенсивной теоретической работой“. Вот почему Д. Б. Рязанов отмечает в предисловии к „Очеркам“: „выводы, к которым я пришел в результате моих исследований, основаны не только на критическом пересмотре имеющегося уже печатного материала, ускользнувшего, однако, от внимания различных марксоведов, но и на огромном архивном материале, разработанном мною впервые“. Этот же богатый архивный материал лежит в основе его популярных лекций. И не удивительно, конечно, что подобный метод исследования привел к разногласиям между Д. Б. Рязановым и историками—немарксистами и марксистами. И в споре с Ф. Мерингом автор выступает „сионским стражем марксизма“, но защита чести Маркса от друзей и врагов является у него в результате строгой проверки исторических документов.

Не может подвергаться сомнению значение подобного метода исследования истории марксизма. Он дал возможность тов. Рязанову исправить ряд ошибок исследователей, ему принадлежит также научная постановка вопроса о происхождении „Коммунистического Манифеста“, он впервые дал возможность критически отнестись к вопросу о борьбе между бакунизмом и марксизмом в I-м Ин-ле. „Архивная крыса“, как сам себя называет автор, благодаря своему удивительному ригоризму в отношении к историческим документам, он дал нам возможность заглянуть в лабораторию творчества Маркса и Энгельса. Стоит только вспомнить его последние изыскания в этой области (см. „Вестник Соц. Академии“ № 6). „Очерки“ дают нам представление о ряде литературных работ Маркса и Энгельса, которые Рязанов впервые извлек из „пыли забвения“.

Особенности метода исследования Д. Б. Рязанова не только в строгой документации, но и в установлении органической связи между марксизмом и Марксом, как личностью. Биогра-

фия основоположников научного социализма трактуется не только в свете социальной среды и эпохи их деятельности: автор ставит себе задачей выяснить долю их индивидуальности в работе. „Одной из важнейших задач современной истории является научная биография Маркса и Энгельса, которая исчерпывающим образом показала бы всю их деятельность—теоретическую и практическую, которая объяснила бы нам их личности, как из их индивидуальных особенностей, так и из воздействия исторической среды—понимая под последней самые различные ее ступени, начиная с непосредственной и кончая всемирно-исторической, которая нарисовала бы развитие во всех фазах их миросозерцания, одновременно сделавшегося господствующей теорией международного рабочего движения". Эта задача научно-марксистской разработки биографии сама по себе задача огромной важности. Если устаревшая и достаточно вульгарная теория о роли личности в истории, героев- властелинов исторического процесса, сменилась строго-научным представлением о последнем, как о естественно-необходимом процессе, то этим отнюдь не был разрешен вопрос о доле и форме соучастия личности в истории. Вопрос был только правильно поставлен. И пользуясь методом марксизма оставалось показать, что „данный исторический процесс во всем его своеобразии, в той форме, как он выступает уже в комплексе данных имевших место отношений и событий, может быть вполне понят и объяснен нами лишь в том случае, если мы в состоянии будем понять и его персональные факторы" (Д. Рязанов). Еще не наступило время, когда можно было бы выполнить целиком всю эту задачу. Необходимо собрать все материалы, чтобы так, а не иначе написать биографию творцов марксизма.

Неудивительно поэтому, что Д. Б. Рязанов много внимания уделяет „защите" и выяснению отдельных эпизодов из жизни Маркса. Стоило ли в самом деле тратить так много сил для опровержения анархистской сплетни, изображающей Маркса, как мстительного эгоиста, а Бакунина, как „невинно убиенного"? Стоит, отвечает Д. Б. Рязанов. Надо противопоставить „этику Маркса" — „этике Бакунина", надо выбить оружие из рук анархистов. Но, заботясь о выяснении личности Маркса, он пользуется материалом биографическим, чтобы развернуть пред нами историю I-го Интернационала и борьбы течений в нем. Таким образом метод документации и научной, марксистской трактовки биографии М. и Э. делает особо-ценными книги Д. Б. Рязанова.

Этим путем кладутся основы новой научной дисциплины—марксоведения. Марксизм прежде всего метод, метод диалектического монизма. Он дает нам возможность не только уничтожить пропасть между наукой о природе и обществе, он единственная гарантия не механического, а синтетического объединения научных дисциплин в единую систему знаний. Тем самым марксизм из метода исследо-

вания превращается в мировоззрение. Его основная отличительная особенность не только монизм материалистический и диалектический, но и революционный практицизм. Марксизм не только должен объяснить мир, но и изменить его. Марксизм впервые таким образом превращает политику, в широком смысле слова, в науку. Вот почему выяснение генезиса, развитие и сущности марксизма не должны быть разделены между многочисленными научными дисциплинами, но имеют право на самостоятельную трактовку и изучение. Именно в этом значение работ Д. Б. Рязанова и интерес его книг. Его лекции при этом выполнили еще и ту задачу, что популяризовали необходимость подобной дисциплины. И мы смеем утверждать, что правильная и достаточно широкая постановка изучения биографии и учения Маркса и Энгельса (а также Ленина), в наших комвузах, партшколах, рабфаках и т. д. послужила бы для изживания того „академизма", на который жалуются теперь многие.

И прежде всего о личности Маркса. „Чудовище обло, озорно, стозевно и лаяй"—таковым изображают его противники. У Маркса „ни сердца, ни грана этики". Если некоторые марксисты не разделяют вполне этой точки зрения, то они во всяком случае готовы признать, что ненависть была его господствующей чертой. Маркс и Энгельс не были ангелами и „не нуждаются в подделке под таковых... Они выносят самую неприкрытую истину, самую беспощадную критику", они не нуждаются в пощаде. Маркс ненавидел сантиментальность, и на замечание бравого офицера Техова о том, что у Маркса много ума и мало сердца, ответил в книге о Фохте: „Техов много хлопочет по поводу моего „сердца". Я великодушно отказываюсь следовать за ним в эту область. „Ne parlons pas morale", как выражается парижская гризетка, когда друг ее начинает говорить о политике". Маркс терпеть не мог позу и фразу. Он геройски жертвовал собой в интересах дела, не афишируя свою жертвоспособность. Меткую характеристику Марксу дал Энгельс в одной сатирической поэме (1842 г.), посвященной Бруно Бауэру:

Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?—
То Трира черный сын с неистовой душой.
Он не идет, бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, борец неутомимый,
Все время мечется, как бесом одержимый.

И когда Маркс в своей „исповеди" отмечает, что его отличительная черта „единство цели", что счастье для него—в борьбе, а несчастье в подчинении, что его любимый лозунг—„подвергай все сомне-

нию", что больше всего он ценит в людях простоту и ненавидит угодничество—он дает нам прекрасную характеристику своей личности. И прав тов. Рязанов, когда, ссылаясь на письмо Маркса к Энгельсу от 31 июля 1865 г.: „Я не могу решиться отослать что-нибудь, пока весь труд („Капитал") не будет лежать предо мной готовым. Какие бы недостатки ни имели мои работы, их достоинство заключается в том, что они представляют художественное целое, и этого я достигаю тем, что никогда не печатаю их, пока они не лежат предо мной целиком",—замечает: „то же самое можно сказать и о всей жизни Маркса. Каковы бы ни были его недостатки, она представляет редкое по своей красоте художественной целое, равное которому трудно найти в истории человечества". Дружба М. и Э. делает это „целое" еще более прекрасным.

Эта дружба нечто исключительное. Энгельс точно устанавливает долю своего участия в совместной работе, а Маркс всегда подчеркивает значение советов и помощи Энгельса. После смерти Маркса, Энгельс не только привел в порядок и дал нам богатое Марксово наследство, его „Анти-Дюринг" остается наилучшей книгой, разъясняющей основные начала марксизма.

Марксизм формировался постепенно на протяжении десятилетий, вот почему для выяснения его развития следует проследить историю немецкой общественной мысли первой половины XIX в. Прежде всего ложно, по мнению тов. Рязанова, представлять дело так, что молодой фабрикант Энгельс проявлял особый интерес к экономическим и социальным проблемам, а Маркс—к философским. Уже в 1842 г. их занимали одни и те же духовные интересы, при чем Ф. Энгельс, правда, не покончил еще своих счетов с христианством и ему, а не Бакунину, принадлежит блестящая критика последней фазы в развитии философии Шеллинга. Мы знаем, что Маркс и Энгельс через Фейербаха пришли к марксизму. Но путь от левого гегельянства к марксизму был сложен, потому что надо было не только выяснить социальную сущность человека, следовало также найти путь к „массе", к „народу". Именно это было переломным моментом в истории марксовой философии, в отличие от братьев Бауэров, которые, „наоборот, усмотрели причину этого краха (крушения иллюзий 1842 г.) в том, что философия в том же 1842 г.—„вышла из своего резерва и апеллировала к массе", которая—и это доказывалось равнодушием последней при запрещении „Рейнской Газеты" и „Немецкой Летописи"—„позорным образом изменила своим вождям". Но видеть в „массе" рычаг исторического процесса далеко еще не значит марксистски трактовать процесс общественного развития. Следуя формулировке Д. Б. Рязанова: будучи политиком радикалом, натолкнувшись уже в 1843 г. на противоречие между „политической" и „социальной" революцией, Маркс лишь около 1845 г. находит решение вопроса о соотношении между социализмом и политикой. Маркс выдвигает теперь идею пролета-

риата, как авангарда этих масс, он формулирует идею партии этого авангарда, отличной от всех остальных группировок рабочего класса. Это отличие в том, что компартия защищает интересы пролетариата в целом, а не отдельных частей его. Однако, прежде чем кристаллизовалась эта идея, основоположники научного социализма прошли полосу серьезного увлечения „истинным социализмом". Особенно Энгельс с большим трудом порвал идеологическую связь с „утопическим социализмом". Выяснению этого вопроса Д. Б. Рязанов уделяет несколько интересных страниц своей книги. Именно к этому периоду относятся утверждения Энгельса, что „в Германии, более чем где-либо, можно надеяться на учреждение коммунистической партии среди образованных классов". В одном из своих писем к Марксу Энгельс пишет (17 марта 1845 г.): „Буржуазия политизирует и ходит в церковь, а что делает пролетариат—мы не знаем, да и вряд ли можем знать". К этому, примерно, периоду относится также письмо Энгельса из Парижа, где он дает яркую картину успехов утопических идей в рабочих немецких кружках и с печалью отмечает: „И глупые рабочие—я говорю о немцах,—в е р я т в этот план: они, которые с трудом могут найти 6 су, чтобы вечером собраться в кабачке, хотят на свои сбережения скупить всю Францию... Право, лопнуть можно от досады. Самая бессмысленная фраза имеет для них больше смысла, чем простой факт, использованный в экономической аргументации. Не позорно ли это, что еще приходится выступить против такой варварской небылицы"... Но, если раньше Энгельс находился еще в плену некоторых иллюзий „истинного социализма", то в 1846 г. он был уже свободен от этих иллюзий; он надеется теперь помочь рабочим освободиться от идей Грюна, однако он все еще не связался с рабочими массами, не нашел пути к ним. Но установить связь с массами возможно было лишь в практической революционной работе. Эта работа основоположников коммунизма и привела к созданию „Союза Коммунистов" и его „Коммунистического Манифеста".

Здесь Д. Б. Рязанов уничтожает одну из широко-распространенных версий о происхождении „Манифеста". Обычно дело изображают так, что существующий в Лондоне „Союз Справедливости", убедившийся в превосходстве взглядов М. и Э., пригласил их написать Манифест. Эта версия не соответствует действительности. „Союз коммунистов" был объединением вновь возникших „корреспондентских комитетов", которые на съезде в ноябре-декабре 1847 г. поручили наиболее активным деятелям и инициаторам организации написать Манифест. Ложно, утверждает Рязанов, представление о Марксе и Энгельсе, как о людях, стоявших в стороне от этого движения.

В „Очерках" помещена также статья о „Марксе и русских людях 40-х г.г.". Мы не будем подробно останавливаться на разборе этого очерка; он появился еще раньше в виде отдельной брошюры. Д. Б. Рязанов задался целью,—и это одна из серьезнейших заслуг

то,—не только проследить развитие марксизма на Западе, но и в России, у его истоков. Почему Маркс до 60-х г.г. „относился, если не враждебно, то очень скептически и недоверчиво к революционной России", будучи врагом официальной России? Автор показывает нам, что те русские люди, с которыми Маркс встречался на Западе, не могли ему внушить доверия к русским „демократам-туристам"; они, по словам П. Лаврова, считали отсталыми тех, кто „слишком сидел на какой-нибудь одной идее", если они бросались на самые крайние идеи, то только потому, что „для них это просто тонкое лакомство". (Маркс) лучший среди них Сазонов, чрезвычайно ценивший Маркса, объявив себя его сторонником, развивал взгляды, ничего общего с марксизмом не имеющие. То же Анненков и Боткин. Толстой был уличен в провокаторстве. При всей популярности Маркса в России, где еще в 1860 г. его имя значилось среди наиболее авторитетных экономистов, марксизм имел тогда чисто индивидуальное влияние и кристаллизовался только в случайных заявлениях. „Оно не вошло определенным звеном в дальнейшее развитие русской общественной мысли и никакой преемственности между „марксизмом" Анненкова и Боткина и современным—нет и не может быть". Таковы выводы Рязанова.

Если автор книг по истории марксизма дает нам много интересного материала для эпохи до 1848 г., то еще больше ценного мы найдем в книгах для эпохи после 1848 г. В своих лекциях Д. Б. Рязанов объясняет нам поведение Маркса и в революции 1848 года. К сожалению, мы вынуждены для краткости пройти мимо этих интересных страниц. Остановимся на эпохе 50-х и 60-х г.г., участия Маркса и Энгельса в „Нью-Йоркской Трибуне", „Венской Прессе" и „Новой Одерской Газете". Здесь автор извлек из неизвестности ряд важных документов по истории марксизма и для биографии Маркса. После 1848 года Маркс в Лондоне переживал тяжелые годы. Его семья голодала, он вынужден был отвлекаться от своей основной работы над „Капиталом", чтобы „подработать" на стороне. О моральных и материальных условиях этой работы дают представление следующие строки из письма Маркса к Энгельсу: „Воистину гнусно быть осужденным на то, чтобы считать счастьем, если подобные писаки берут тебя в свою ладью. Толочь кости, перемалывать их и варить из них суп, как то делают пауперы в рабочем доме—такова та политическая работа, на которую я осужден в этой компании. Вместе с тем, я чувствую себя ослом за то, что—правда, не в последнее время, но в продолжение многих лет—давал так много этим молодцам, слишком много за их деньги"... В „Нью-Йоркской Трибуне" были помещены статьи о революции в Германии, написанные, как доказывает Д. Б. Рязанов, Энгельсом на основании статей Маркса в „Новой Рейнской Газете" и его заметок. Здесь дан был им ряд исторических статей, а также обзор международного положения и специально статьи по

восточному вопросу. Последние статьи были результатом совместной работы М. и Э. Но статьи о бюджете Гладстона, о господстве англичан в Индии, о Пальмерстоне принадлежали перу Маркса. В связи с русско-турецкой войной был помещен Марксом ряд военных статей Энгельса, которые возбудили всеобщее внимание, и публика решила что их автором является американский генерал Винфильд Скотт. Энгельс на эту же тему писал и в „Путнэмском Обозрении". Перу Маркса и особенно Энгельса принадлежит ряд статей против панславизма. В связи с ним они начали изучать шведский, румынский и балканский вопросы. Но ни одна из этих статей не появилась в „Трибуне". Не мало интересного печатали, а еще больше писали в этот период М. и Э. и для других органов. В венской „Прессе" Маркс поместил блестящую статью об американской гражданской войне. Он писал также об английской хлопчато-бумажной промышленности, о продвижении русских в Азию, о мексиканских делах и т. д., но далеко не все было напечатано. Уже эти несколько строк должны показать, какую работу проделал Рязанов для установления литературного наследства М. и Э. и что еще предстоит сделать в этой области.

Переходим теперь к „очеркам", посвященным I-му Интернационалу, вернее взаимоотношениям между Марксом и Бакуниным. Мы знаем, что анархистские историки (Гильом, Неттлау, Брупбахер) пытались изобразить Маркса как дезорганизатора и виновника раскола Интернационала, а Бакунина—как оклеветанного Марксом. Меринг пытался выгородить Маркса, но при этом не отрицал некоторую вину его, хотя и приводил ряд „смягчающих" обстоятельств. Д. Б. Рязанов пытается выяснить сущность и происхождение анархистской легенды для того, чтобы, как он пишет в ответе Мерингу, обезоружить анархистов и установить нравственную чистоту Маркса. Легенда имела свою историю. Еще в „Новой Рейнской Газете" появилась заметка корреспондента о циркулирующих слухах в связи с Бакуниным: он русский агент. Маркс утверждал, что корреспонденция была помещена с целью дать возможность Бакунину рассеять клевету. Маркс поместил все посланные ему опровержения и разъяснения. Второй этап связан с поднятым в „Morning Advertiser" Уркарта вопросом: „был ли Бакунин русским агентом или нет?". Но ни Маркс, ни „марксиды" не принимали в это время никакого участия в „Morning Advertiser". И инициалы Ф. М. под заметками о Бакунине были псевдонимом Френсиса, а не Карла Маркса. Последний считал инцидент, связанный с „Н. Р. Газетой", давно исчерпанным и писал 25/II—1862 г. Энгельсу: „Прилагаю при сем донос подлеца против Бакунина, с которым я не виделся"... Бакунин, однако, не счита... инцидент исчерпанным и в опубликованном Д. Б. Рязановым письме его Герцену мы узнаем о лицемерном поведении „опозоренного", который хвалил Маркса для того, чтобы перейти в наступление и начать открытую войну с ним. И уже в ходе борьбы распространяется „легенда" о „клеветнике" Марксе. Д. Б. Рязанов проделал ог-

зую архивную работу и обнаружил, что ссылки историков анар-·ов на документы ложны, что они не читали документов, которые цитируют. Сыр-бор загорелся из-за следующих строк из письма кгейма в „Zukunft" за 1869 г.: „Как видим, сам Бакунин выставляет [защитником панславизма. Лишь непонимание славянских дел и авнисть ко всякому движению могли и могли бы считать его русским [шпи]оном", состоящим на жаловании у петербургского правитель-[ства]". Таким образом „легенда" оказывается сочиненной из пустяков, ов. Рязанов замечает: „можно только удивляться этому образцу койного и деловитого изложения" и „преступному легкомыслию", аким столь суровый приговор (Марксу) произносится на основании рочитанных статей". И, наконец, последнее звено этой „истории", о с конфиденциальным сообщением Генерального Совета Интерна-нала. Мы не будем останавливаться подробно на этом эпизоде, хотя имеет не один только биографический интерес и служит лучшим азательством, как скверно дело обстоит с марксоведением. Этот рк Рязанова дает не мало также материала для выяснения во-са о подготовке раскола, об организационной работе бакунистов. о самом Бакунине. Рекомендуем читателю прочесть два письма кунина на стр. 233 и 278, чтобы видеть „отца анархии" в роли ого антисемита. Для Бакунина „еврейский мир в большей своей сти находится в настоящее время с одной стороны в руках Маркса, с другой стороны—в руках Ротшильда"... И если с первого взгляда жется, что на выяснение личного, незначительного вопроса автор дал слишком много внимания, то по ознакомлении с архивным териалом, привлеченным для выяснения истины, мы получаем ого и для выяснения борьбы в I Интернационале между марксистами бакунистами.

Нельзя обойти молчанием статью: „Маркс и Энгельс. как шови-сты", посвященную Ю. Гарденину (Чернову), не „злостному кле-гнаку", но „злостной клевете на революционный социализм". Гарде-н, желая дискредитировать Маркса, пытался доказать, что осново-ложники научного социализма были шовинистами в эпоху франко-русской войны и что социал-патриоты их ближайшие ученики. Эту лкую политику разоблачает Д. Б. Рязанов и опять-таки имея дело шь с документами, вновь найденными или воскрешенными из за-вения. Считал ли Маркс франко-прусскую войну оборонительной со ороны Пруссии? Ответ дает цитируемое Рязановым письмо Маркса посл-го сентября: „Франция,—и ее дело, к счастью, далеко еще не безна-[де]жно,—сражается в настоящее время не только за свою националь-ю независимость, но и за свободу Германии и Европы". Маркс и нгельс прекрасно понимали историческое значение судеб прусской обеды не только для Германии, но и для всей Европы. Они пророчески казывали на неизбежный, как последствие войны, союз Франции России, который превратит Германию в вооруженный лагерь, заста-т ее готовиться к оборонительной войне, но не новомодной ло-

кализованной войне, а к войне рас, к войне с союзными славянами и романцами"... М. и Э. надеялись, что Франция сможет отстоять себя в борьбе с Пруссией. Эту борьбу они связывали с победой народной Франции и верили в возможность революционизирования Германии.

Ю. Гарденин пытался доказать, что Маркс и Энгельс мешали созданию Коммуны. Эта очередная выдумка опровергнута Рязановым. В Манифесте к франц. рабочим от 9 сентября 1870 года Маркс писал: „Французские рабочие должны выполнить свой гражданский долг, и они делают это, но они не должны дать себя ослепить национальными требованиями 1792 г., как франц. крестьяне дали себя ослепить национальными традициями первой Империи. Они должны не рекапитулировать прошлое, а строить новое будущее". Республику следует им использовать для создания своей классовой организации и для освобождения рабочего класса. Об отношении Маркса к Коммуне мы знаем также из его письма к Кугельману от 12 апреля 1871 г. Это письмо должно быть, как „отче наш", на-зубок известно каждому коммунисту-марксисту. Маркс называет коммунаров „небоборцами", он вместе с тем дает точный анализ ошибок Коммуны, а письмо Кугельману от 12 апреля 1871 г. кончает так: „Как бы она ни кончилась, теперь завоеван новый исходный пункт всемирно-исторического значения".

Мы указывали выше, что Д. Б. Рязанов занят не только изучением истории марксизма на Западе, но и в России. Он пытается любой вопрос русской революционной мысли рассмотреть в свете формирования европейского марксизма. Подобный метод может дать и дает наилучшие результаты. Очерк „Две правды" (народничество и марксизм) трактует вопрос, который подвергался блестящему рассмотрению таких мастеров, как Плеханов, Ленин. И если Д. Б. Рязанов не вносит ничего нового, то во всяком случае дает своеобразное освещение его. Между „старой" и „новой" Россией нет пропасти.

По какому пути пойдет Россия? „Пореформенная Россия была кровным детищем, плотью от плоти и костью от кости России до 1861 года". Умудренные опытом мы в пылу спора и как победители смеялись над семидесятниками. Надо стать в этом вопросе на историческую точку зрения. Надо понять „субъективную" трагедию тех, кто подобно народникам часто чувствовал неизбежность капиталистического пути для России, но стремились избежать этого пути, не допустить его победы в стране. И делали они это, по словам Н. Михайловского, „не из упрямства, а по тому же убеждению, по какому человек иногда бросается в воду спасать заведомо не подлежащего спасению утопающего, с риском самому утонуть". Да, замечает Д. Рязанов: „они ошибались, но субъективно они были правы". Нам не следует присоединяться к тем, кто забрасывает грязью это поколение титанов. Как будто несколько странная постановка вопроса? Д. Б. Рязанов прекрасно понимает неизбежность трагедии этого титанического

поколения, он радуется вместе с марксистами победе новых идей, но он биограф, и это наиболее ярко сказалось в этой „субъективной" постановке вопроса о народничестве. Однако мы в указанном очерке имеем и достаточно яркую марксистскую трактовку общего вопроса о борьбе марксизма с народничеством.

Поколение тех, для кого „жизнерадостная проповедь личного счастья раздалась из казематов Петропавловской крепости", сменилось поколением ищущих примирения, „правды-истины" и „правды-справедливости". В их идеологию вошли, как составные элементы, и антропологизм Фейербаха через Н. Чернышевского, Н. Добролюбова и П. Лаврова, и учение о самоотчуждающейся личности, вошло лассалевское построение идеи рабочего сословия, приноровленного к русским условиям, идея службы народу. Д. Рязанов цитирует любопытное указание Дебогория-Мокриевича: „все, что Лассаль говорил о рабочем сословии, мы переносили на крестьянство, являвшееся для нас нашим обездоленным четвертым сословием"... и не без основания утверждает, что элементы народнической мысли были выработаны в Западной Европе еще до 1844 г. Русское народничество не достигло желанных результатов и вскоре пред интеллигенцией стал трагический вопрос: все для народа, но через народ ли? „Без народа революция ни к чему не приведет, а народ не хочет этой революции". В свое время и перед германской интеллигенцией стоял тот же вопрос, как примирить „мнения" народа с его „интересами"? С точки зрения последних Маркс начал расценивать ход общественной жизни, он нашел класс и понял железные законы истории, ведущие его к победе, он увидел путь его „качественного" роста, он обрел почву под ногами, субъективный идеал пришел в соответствие с объективным ходом вещей. Русская интеллигенция увидела спустя много лет подобно западно-европейской, что „ограниченность человеческой мысли каждой отдельной эпохи возмещается безграничностью исторического развития", она поняла, как следует объяснить мир и как надо приступить к его изменению. Тем самым „правда-истина" и „правда-справедливость", так долго жившие в разладе между собой, в теории и на практике слились в одну двуединую „великую правду". Мы повторяем, если в этой статье нет ничего нового, то субъективный подход, скажем, подход биографический, не лишен интереса и своеобразия.

Большой интерес представляет последний раздел „Очерков", посвященный взглядам М. и Э. на внешнюю политику, области наименее разработанной. К сожалению, мы не можем здесь подробно остановиться на разборе и изложении этой части книги. Статья „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса"—центральная в этом разделе. Русский царизм сыграл решающую роль в событиях 1848—1849 г.г. „Царь стоит перед воротами Торна",—писала „Новая Рейнская Газета",—и это должно было служить, как memento mori. Борьба с Россией стала решающей задачей революционной демократии. Но „полити-

ческое порабощение континентальной Европы Россией, по словам Маркса, дополнялось экономическим порабощением ее Англией". Вот почему Маркс и приступает к изучению истории международных отношений Англии и России с XVII—XVIII стт. Основной вывод Маркса, что „империя" или фантом „империи" мог разрастись только благодаря поддержке Англии. Маркс дает мастерски художественную картину развития русской дипломатии в связи с историей страны. Правда, выводы его спорны. Д. Рязанов дал нам критический разбор взглядов Маркса на историю России. Он показал, что Маркс не учел в достаточной степени ее внутренних социально-экономических процессов. Маркс переоценивал роль внешних факторов: татарского ига и капиталистического влияния Англии. „Не в славном варварстве норманской эпохи, а в кровавом болоте монгольского рабства приходится искать колыбель Московии. Современная Россия, ведь, только метаморфоза былой Московии",—утверждает Маркс. И дальше: „Действительная история покажет нам, что ханы Золотой орды не в бо́льшей степени были орудиями для выполнения планов Ивана III и его предшественников, чем Англия—орудием Петра и его преемников, планы которых она помогала осуществлять". Подобная постановка вопроса, по словам Рязанова, способствовала установлению неправильного взгляда Маркса на русский абсолютизм, как на нечто неизменное. Маркс „просмотрел тот факт, что Россия была одной из главных колоний капиталистической Англии в XVI—XVIII в.в., что в XVIII в. на вывозе из России основалось благосостояние кораблестроительной промышленности в Англии, а, следовательно, и ее торговой гегемонии в течение всего мануфактурного периода, что в XIX в., еще до 60-х г.г., Россия была мастерской, поставляющей сырье для крупной промышленности в Англии и хлеб для ее илотов. Одним словом, он просмотрел, что коммерческое подчинение и эксплоатация буржуазных классов различных европейских наций деспотом всемирного рынка, Англии, возможны были, между прочим, только при помощи полит. деспота—России". Лишь позднее Маркс приступил к пересмотру своих взглядов на значение России, но уже в связи с русским рев. движением. И тогда потеряла свое значение и схема М.: здесь З. Европа, там Азиатская Россия, здесь—революция, там—очаг европейской реакции".

Критика Д. Рязанова не лишена основания, но нам кажется, что в одном она несправедлива: она предъявляет к работе Маркса требования, которые он себе не ставил. Когда, в 24-й главе I-го тома „Капитала", Маркс дал гениальную характеристику эпохи первоначального накопления, многие историки его обвинили в том, что он слишком большое значение придал „внешним" факторам, насилию, и не учел значения внутреннего социально-экономического процесса распада докапиталистических отношений. Но критики не учли одного: задача Маркса была в том, чтобы выяснить роль насилия как „повивальной бабки истории". Он, в 24-й главе отмечал и внутренние про-

цессы, но особенно ярко выявил роль „насилия" как революционного фактора истории. И в очерке об англо-русских отношениях не следует забывать, что основная задача Маркса сводилась не к изображению процесса роста капитализма внутри России, а к выяснению „гипертрофии государства", устойчивости рабства и абсолютизма в стране. Вот почему при всей правильности замечаний Д. Б. Рязанова, нам кажется, что он недооценил, во всяком случае в достаточной степени не выявил, значение работ Маркса об выработке англо-русских отношениях, этой единственной большой работе Маркса (и марксистов вообще) по истории международной политики.

В известной связи с разобранным выше очерком стоит и глава о взгляде Маркса и Энгельса на польский вопрос. Д. Б. Рязанов пишет: „в дальнейшем я делаю попытку впервые собрать воедино мнения Маркса и Энгельса по польскому вопросу". При чем, не изменяя своему методу, он ставит себе целью не столько разбирать и критиковать, сколько повествовать. „Целью моей работы,—пишет он,—является исключительно стремление представить по возможности исчерпывающе вопрос". Мы знаем, какое значение М. и Э. придавали польскому вопросу. Еще в „Н. Р. Г." Маркс писал: „Пропасть, которую три державы вырыли между различными частями Польши, служит связью, соединяющей их друг с другом, совместный грабеж сделал их солидарными друг с другом". Вот почему освобождение Польши заняло центральное место в системе международной политики пролетариата. Но какое польское освобождение? „Среди поляков коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию необходимым условием национального освобождения,—ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1848 года". В 1851 г. Энгельс (который раньше Маркса отстаивал эту точку зрения) в своем письме к Марксу убеждает его, что Польша может быть использована, как средство до тех пор, пока Россия сама не втянута в аграрную революцию. М. и Э. упорно настаивали и поддерживали всякую борьбу за независимость Польши. Для выяснения этого вопроса огромное значение имеет письмо Энгельса от 2 июля 1874 г. Энгельс писал: „Независимость Польши и революция в России обусловливают одна другую"... В этом сущность эволюции взглядов М. и Э. на польский вопрос „Польский вопрос сделался также русским, а не только немецким вопросом".

Взгляды Маркса и Энгельса на польский вопрос имеют и еще то значение, что дают нам возможность установить их взгляды на национанальный вопрос. В своей речи на собрании 29 ноября 1847 г., созванном обществом „Братских Демократов", Маркс сказал: „Победа пролетариата над буржуазией является вместе с тем победой над национальными и промышленными столкновениями, которые ныне враждебно противопоставляют один против другого различные народы. Победа пролетариата над буржуазией является поэтому одновременно и сигналом к освобождению всех угнетенных наций... Из всех стран в

Англии наиболее развились противоречия между пролетариатом и буржуазией... Польша ввиду этого будет освобождена не в Польше, а в Англии". Здесь дана классическая формулировка пролетарской национальной политики.

Мы далеко не исчерпали весь богатый материал книг Д. Рязанова, но пора кончать. В заключение два слова о главе „Маркс и Р.К.П.". В 1870 г. Маркс получил мандат от русских революционеров в Женеве для представительства в Г. Совете 1-го Ин-ла. Вскоре вышел, в России раньше чем где-либо, перевод первого тома „Капитала". Через 13 лет Плеханов развернул знамя рев. марксизма, через двадцать лет русский пролетариат поставил проблему завоевания власти, а в 1917 г. он осуществил идею Маркса о диктатуре пролетариата. Именно в установлении значения последней для освобождения пролетариата Маркс видел свою главную заслугу. Р. К. П. впервые эту задачу выполнила. Таким образом коммунистическое движение является не только наследником титанического поколения в России, но и верным стражем и борцом за идеи Маркса и Энгельса в мировом масштабе.

Мы оставляем в стороне ряд других достоинств книг Д. Б. Рязанова. Мы преимущественно занялись изложением, чтобы показать, какая огромная работа проделана автором для научной постановки исследования истории марксизма, жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Обе книги должны быть поэтому внимательно прочитаны марксистами.

Ц. Фридлянд.

Старые ошибки в новом освещении.

(*О книге проф. Н. Кажанова: „Основные положения сельско хоз. экономии"*)

Несмотря на то, что Россия страна земледельческая, несмотря на то, что сельское хозяйство играло и сейчас играет решающую роль в народном хозяйстве нашей страны, — до самого последнего времени у нас наблюдалось почти полное отсутствие серьезной и глубокой литературы по экономике основного промысла республики. Учебник А. Н. Скворцова „Основы экономики земледелия" да краткий конспект проф. А. Ф. Фортунатова „Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства" исчерпывали собою всю „капитальную" литературу в этой области.

Россия, однако, в этом отношении не представляет собою исключения — книг и пособий по сельско-хозяйственной экономии почти нет и в мировой литературе. До сих пор еще не только не установлены самый предмет, объем, характер и методы этой науки, но даже не существует установившейся терминологии. Происходило это, с одной стороны, вследствие сложности тех процессов, которые происходят в сельском хозяйстве, вследствие отсталого его характера, а с другой—по причине того, что научная и общественно-политическая мысль направляла свое внимание совершенно в другую сторону, в сторону разрешения „аграрного вопроса".

То небольшое количество монографий, которое представляет собою сел. хоз. экономию, как науку, поражает необыкновенной пестротой и разнообразием как содержания, так и подхода. Все их можно разбить на две части: 1) основные принципы сел.-хоз. экономии, связывающие сельское хозяйство с общей системой народного хозяйства (народно-хозяйственные основы сел.-хоз. экономии), и 2) руководства по организации сельского хозяйства, связывающие технику сельского хозяйства с его экономикой. За последнее время литература второй категории заметно развивается, главным образом, в среде сторонников так называемого „семейно-трудового" направления крестьянского хозяйства (проф. Чаянов, Бруцкус и др.). Это происходит под влиянием, с одной стороны, потребности в том, чтобы осмыслить и изучить крестьянское хозяйство, а с другой стороны, вследствие сознания бесплодности споров о крупном и мелком хозяйстве в земле-

делии, которые захватывали внимание экономистов и политиков предыдущего периода.

Первая же часть сел.-хоз. экономии, трактующая вопрос с точки зрения всего народного хозяйства, до сих пор переживала застой. Правда, в прошлом ее заменяла обширная литература по аграрному вопросу, которая давала ответы на основные вопросы политики и практики в области сельского хозяйства. Однако, теперь, когда Советская власть разрешила аграрный вопрос, потребность в экономической литературе, которая бы освещала основы сел.-хоз. промысла и его экономику, несомненно, имеется на-лицо. И можно лишь только пожалеть о том, что марксистская мысль еще слишком мало уделяет этому внимания.

Книга проф. Кажанова „Основные вопросы сел.-хоз. экономии" как раз и пытается восполнить этот пробел и если не разрешить, то хотя бы поставить основные вопросы сел.-хоз. экономии. Следует отметить, что эта книга очень выгодно отличается от всей предшествующей литературы по сел.-хоз. экономии. И хотя автор сам признает свою книгу „схематичной", „отвлеченно-теоретической", выражающей мысли „в отвлеченно-схематических контурах", тем не менее нельзя не признать чрезвычайную своеобразность и оригинальность в постановке и трактовке затронутых в ней вопросов.

По своим воззрениям Н. Кажанов примыкает к своему учителю А. И. Скворцову, пользуется его отвлеченно-научным методом, игнорирует сел.-хоз. статистику, однако, он идет гораздо дальше и затрогивает целый ряд новых вопросов (в частности, вопрос о роли финансового капитала в сельском хозяйстве). Выгодно отличает эту книгу от других монографий по сел.-хоз. экономике и то, что в ней уделено достаточно серьезное место вопросам труда в сельском хозяйстве, чего избегали многие экономисты.

У проф. Кажанова обращает внимание прежде всего чрезвычайно оригинальное расположение материала: его книга разбивается на отдела: 1) природа, как фактор сел.-хоз. производства, 2) техника, как фактор сел.-хоз. производства, 3) капитал в сельском хозяйстве и 4) труд в сельском хозяйстве.

Изучая природу сельского хозяйства, он приходит к выводу, что эта природа претерпевает глубокие изменения под влиянием развития капиталистических отношений, которые вызывают специализацию земледелия по отдельным районам (культура льна в Сев.-Зап. области, картофеля в Костромской губ., хлопка в Туркестане и др.). Эту специализацию Н. Кажанов называет „географической локализацией сельского хозяйства".

До сих пор „агрономы натуралисты" объясняли это явление всецело природными условиями, а „агрономы-экономисты"—„плотностью населения тех или других районов, количеством рабочих рук и ртов на единицу площади". Однако дело обстоит гораздо сложнее: в этом процессе „скрещиваются более глубокие взаимоотношения хозяйствую-

эго человека и природы, он представляет из себя одну из форм атериального синтетического разрешения изменяющихся диалектических отношений человека к природе, сам по себе является своего рода техникой сельского хозяйства" (Курсив мой).

„Какие народно-хозяйственные предпосылки необходимы для того, чтобы процесс географической локализации сельского хозяйства получил широкое массовое выражение, как процесс территориальной специализации отраслей и культур, территориального разделения труда в сельском хозяйстве? Элементарно ясно, что историческое развитие этого процесса немыслимо без перехода сельского хозяйства в товарную стадию производства, т. е. стадию производства не продуктов собственного натурального потребления, а товаров, для отчуждения их на рынок. Только тогда сельский хозяин может перейти к исключительному разведению на своих полях ненужного ему непосредственно хлопка, табака, сахарной свеклы и т. д., если продукты этих культур кто-либо у него берет и дает взамен необходимые предметы личного и хозяйственного потребления".

В этом случае „нам представляется, что на этих громадных пространствах действует какая-то одна хозяйствующая воля, организующая массовое производство строго определенных сельскохозяйственных продуктов: в одних районах—хлопка, в других—картофеля и т. д. Так эту картину и приходится рассматривать: здесь действительно проявляется единая воля законов капиталистического развития, обративших все отдельные поля и помещиков и крестьян в крупную фабрику массового производства определенных специфических товаров. Мы утверждаем таким образом, что явление географической локализации сельского хозяйства—такого же порядка, как явление технической концентрации обрабатывающей промышленности, при чем подчеркиваем: мы усматриваем здесь не простую аналогию, а однозначность явлений".

Признавая вслед за Марксом, что „концентрация капитала в основании своем покоится на росте производительности труда", Н. Кажанов усматривает в явлении географической локализации сельского хозяйства „основной путь развития производительных сил сельского хозяйства".

Останавливаясь далее на „проблеме расстояния в сельском хозяйстве" и отмечая, что развитие капитализма опрокидывает все построения Тюнена, выраженные в его знаменитой „схеме" концентрического расположения сельского хозяйства в порядке убывающей интенсивности, Н. Кажанов, в противоположность ряду агрономов-экономистов (напр., проф. А. Чаянову и др.), приходит к следующим выводам:

„Поскольку (в связи с развитием жел.-дор. транспорта) процесс нивеллировки цен во времени и пространстве приобретает все более

всеобщий характер, постольку утрачивает свою роль та основа формирования сельского хозяйства, которая имеет решающее значение в схеме Тюнена, именно дифференцированное формирование сельского хозяйства по уровню интенсивности, в зависимости от более или менее близкого расположения районов от ценоустанавливающего центра сбыта сельско-хозяйственных продуктов. Прежняя дифференциальная разница местных цен на сельско-хозяйственные продукты, в зависимости от расстояния от рынка, при географической нивеллировке цен утрачивает значение стимула для конкурентного оборота различных отраслей и культур разной интенсивности. Отдельные районы начинают производить не те продукты, которые, вследствие благополучного расположения их относительно рынка, последний выше оплачивает сравнительно с другими районами, а те, которые они могут дешевле произвести; те продукты, производство которых обеспечивает большую производительность затрат. Мы знаем, что это достигается географическим отбором отраслей и культур по степени их приспособленности к тем или другим физико-географическим условиям. Мы пришли, в конце концов, снова к явлению производственной географической локализации сельского хозяйства, как системе развития производительных сил сельского хозяйства. Только в этот момент сельско-хозяйственное производство начинает освобождаться от опеки рынка, от активного регулирующего режима последнего; только в этот момент при капиталистическом строе народного хозяйства условия производства сельско-хозяйственных продуктов начинают торжествовать над условиями обмена их; только с этого момента сельско-хозяйственное производство вступает в точном смысле слова в фазу капиталистического производства".

Исследуя в дальнейшем те процессы, которые происходят в сельском хозяйстве в связи с проникновением в него сначала торгового капитала, захватывающего область обмена его продуктов (частью через кооперацию) и влияющего на само производство, Н. Кажанов подробно останавливается на внедрении промышленного, а затем финансового капитала. При этом он совершенно правильно отмечает, что промышленный капитал подчиняет себе отдельные (по преимуществу дополнительные — молотьба, размол и т. п.) процессы сельского хозяйства, как бы окружая основное его „биологическое ядро". Но „через объединения разрозненных отдельных производителей мировой торговый капитал, не внедряясь непосредственно индивидуально-капиталистически в технику производства, утверждает свою победу над интимными производственными процессами сельского хозяйства" (содержание скота, птиц и т. п.).

Однако наибольшую зависимость сельского хозяйства от капитализма создает банковый капитал. „Банковый капитал оказался достаточно приспособленным, чтобы „с достоинством" выполнить эту общую миссию капитала в сельском хозяйстве. В одних случаях он действует колоссальной экономической мощью современного крупного

...ализованного капитала, в других—своей крайней эластичностью, ...енностью приемов. Не останавливаясь на разнообразных ко...ао исторических вариациях формы проникновения банкового ...тала в сельское хозяйство, мы рассмотрим два главных пути ...) проникновения, две основных формы срастания банкового капи...с сельским хозяйством. Один путь идет в сторону производствен... изменения общих условий сельского хозяйства, другой—проводит ...тал в недра самой производственной ячейки, в точном смысле ...а является вмешательством капитала во внутреннюю жизнь авто...ого хозяйственного предприятия".

„Когда говорят о мелком кредите в сельском хозяйстве, то обык...нно имеют в виду кредит на покупку всяческих улучшенных ...ий производства, в результате применения которых в производ... повысится доходность хозяйства, что даст последнему в конце ...ов возможность развязаться с долгом. Но это первая упрощенная ...ма кредита в сельском хозяйстве; гораздо существеннее и более ...люционно действует кредит в той его стадии, когда он становится ...ланентным регулятором всего денежного обращения сельско-хо...зственного предприятия".

„Только централизованный банковый капитал в современном его ...ссальном развитии может более или менее устойчиво, пла...ерно организовать обращение денежных средств в массовом сель...м хозяйстве, при всеобщей перестройке последнего в сторону ми...ого разделения труда, специализации, мировой географической локализации".

„В результате исследования вопроса о проникновении банкового ...итала в сельское хозяйство, мы, таким образом, приходим к бес...рному заключению, что сельское хозяйство, в силу биологической ...роды основных его производственных процессов, оставаясь по ...ме мелким производством, с развитием капиталистических отно...ний, все в большей и большей мере в чистом виде становятся ...италистическим производством. Та же основа капиталистического ...вития, которая преобразует весь строй обрабатывающей промыш...вости,—развитие производительных сил, дает направление и капи...истической переорганизации сельского хозяйства, в частности ...збежно приводит к технической концентрации сельского хозяйства ...орме географической локализации. Этот процесс локализации на ...вых своих этапах осуществляется преимущественно при посредстве ...гового капитала, втягивающего массовое мелкое сельское хозяйство ...апиталистическое товарное обращение, но окончательно он заверш...ется в результате непосредственного проникновения финансового ...итала в производственную организацию этого хозяйства и подчи...ния ее себе".

Как видно из предыдущего, проф. Н. Кажанов чрезвычайно ори...ально подошел к постановке вопроса о концентрации капитала в ...ьском хозяйстве, перенеся вопрос из области рассуждений о борьбе

крупного и мелкого хозяйства в совершенно другую плоскость. Расходясь со всей плеядой „ревизионистов", он правильно подметил, что влияние капитала на земледелие сказывается не столько через укрупнение сел.-хоз. предприятий, сколько через подчинение мелких хозяйств торговому, а затем финансовому капиталу. В противоположность ревизионистам он учитывает также, что, подходя к вопросу о сельском хозяйстве, необходимо ясно различать, какую стадию общественного развития переживает оно как в целом, так и в отдельных его частях, так как только при этом условии можно правильно понять законы его развития. В этом у него замечается, несомненно, чисто марксистская постановка вопроса.

К сожалению, правильную марксистскую линию проф. Кажанов выдержал далеко не полностью и не до конца. Уже в введении, характеризуя метод диалектического материализма, он допускает ряд существенных ошибок, а затем запутывает вопрос о земельной ренте, присоединяясь в этом вопросе во многом к А. И. Скворцову (ошибки которого в свое время отмечал т. Ленин). Неправильная постановка этого вопроса отразилась прежде всего на том, что дифференциальную ренту он отнес к отделу „природа, как фактор сел.-хоз. производства", а абсолютную—к „технике", тогда как всякому, знакомому с Марксом, должно быть ясно, что частная собственность на землю, монополия на нее лежит в основе абсолютной ренты.

Но самую грубую ошибку он делает, признавая за „закон" явление убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве. Этот „закон" лежит в основе всех его построений и теоретических обобщений. В этом он резко отступает от марксизма и не только переходит в лагерь „ревизионистов", но примыкает вплотную к буржуазной экономике. Правда, Н. Кажанов дает своеобразное объяснение этому „закону". По его мнению, основу для него образует то, что в промышленности техника непосредственно овладевает ее первичными силами, а в сельском хозяйстве (как „биологической промышленности") „техника скорее окружает эту стихию, биологически организованную в сложные самодовлеющие образования, частично только метаморфизируя их. Это окружение исторически идет все дальше и дальше, но у него есть грань самосохранения биологической цельности организма, переход через которую грозит разрушением или наследственным вырождением последних".

„Здесь мы наблюдаем как бы своеобразную революцию биологической природы против хозяйствующего человека: развитие производительности организма опередило развитие той производственной обстановки, которую создает для организма эксплоатирующий его человек".

Признавая закон убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве, Н. Кажанов отмечает, что действием этого закона „бесспорно почти всеми объясняется контрастное историческое положение сельского хозяйства по сравнению с обрабатывающей промыш-

юстью, выражающееся в том, между прочим, что цены на проты обрабатывающей промышленности с техническим прогрессом эвой несомненно падают, цены же на продукты сельского хозяйь определенно возрастают. Под его действием земледельческая ьтура, сосредоточивавшаяся еще не в столь далекие исторические ки на небольших относительно площадях поверхности земли, непана даже на наших глазах захватывает все большие и большие странства, не оставляя свободным почти ни одного клочка даже ю удобной земли".

„Только закон убывающей производительности затрат объясняет явление, что высоко-культурные англичане, переселяясь в свои онии, забрасывали все свои привычки и возвращались к варварм способам обращения с землею, стремясь не столько к высокой ьтуре растений, сколько к распространению экстенсивной кульы на возможно большей площади...".

„Законом убывающей производительности затрат в сельском хоістве объясняют, за немногими исключениями, почти все эконоэты явление ренты (второй вид дифференциальной ренты)".

Исходя из этого же закона, он делает совершенно неправильный вод и в отношении судьбы абсолютной земельной ренты, которая, его мнению, исчезает не в результате национализации земли, как ит Маркс и марксисты, а в силу иных обстоятельств: „при своцной капиталистической конкуренции и отсутствии частной собенности на землю, абсолютная земельная рента уничтожается не гому, что продукты сельского хозяйства продаются ниже их стоисти (ценности), а потому, что увеличивающееся применение капилов в сельском хозяйстве повышает цену производства продуктов, вызывая до известных границ повышения рыночных цен".

„Поскольку же уже нет свободных неэксплоатируемых хозяйвенно пространств земли, постольку всяческое увеличение примения капиталов в сельском хозяйстве неизбежно идет в сторону тенсификации его, почему неизбежно наталкивается на своеобразную еграду своему распространению (уже не юридическую)—на закон ывающей производительности затрат в сельском хозяйстве".

„Одним словом, в сельском хозяйстве имеется внутренний произдственный регулятор, уничтожающий абсолютную ренту, в виде кона убывающей производительности затрат".

История закона убывающей производительности затрат в сельом хозяйстве является весьма поучительной и этот вопрос предстаяет камень преткновения для всей буржуазной экономики. „Вниние к этому явлению сельского хозяйства,—как справедливо отмеет сам проф. Н. Кажанов,—всегда значительно усиливалось, и аучная мысль начинала заниматься им в периоды тех или других ризисов сельского хозяйства; наоборот, если сельское хозяйство процветало, о законе убывающей производительности затрат почти все абывали".

Первоначально этот закон был формулирован экономистами, как „закон убывающего плодородия почвы“, затем агрономы центр тяжести перенесли на растение (и даже на количество усвояемой им солнечной энергии). Н. Кажанов переносит его на все организмы (в том числе не только растения, но и животные), с которыми приходится иметь дело человеку в сел.-хоз. производстве. Н. Кажанов считает, что этим законом сельское хозяйство отличается от промышленности, а в это же время буржуазно-экономическая англо-американская школа (в лице проф. Маршалла) доказывает, что этот закон присущ всему капиталистическому производству (и в частности имеет значение даже для индустриальных машин). Колебания и шатания мысли ученых по этому вопросу с достаточной убедительностью указывают нам на то, что попытка привлечь этот закон к объяснению основных явлений сельскохозяйственной экономики и политики обнаруживает полную несостоятельность экономики старой школы (буржуазной и ревизионистской).

В свое время, касаясь этого вопроса, т. Ленин правильно отметил („Аграрный вопрос и критики Маркса“): „Закон убывающего плодородия почвы вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом „законе“, а кричат о нем только представители буржуазной науки, вроде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными, вечными и естественными законами“.

„...Вся история XIX века массовыми данными по отношению к самым различным странам неопровержимо доказывает, что „универсальный“ закон убывающего плодородия **совершенно парализован** „временной“ тенденцией технического прогресса, который дает возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населению производить увеличивающееся количество земледельческих продуктов на увеличивающуюся массу населения“.

Таким образом книга проф. Н. Кажанова ясно обнаруживает, что, несмотря на целый ряд верных положений, ему оказалось не под силу создать новое направление в сел.-хоз. экономии и что последняя еще ждет своих творцов, которые, очевидно, могут притти лишь из коммунистического лагеря. При всем том следует признать, что во многом книга проф. Кажанова является чрезвычайно интересной и заслуживающей серьезного внимания и изучения.

И подобно тому, как Маркс освободил теорию дифференциальной ренты от всякой связи с „законом убывающего плодородия почвы“, из которого исходил „отец земельной ренты“ Рикардо, экономисты-коммунисты должны взять правильные положения проф. Кажанова о влиянии капитализма на сельское хозяйство и освободить их от „закона убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве“.

Н. Месяцев.

ТРИБУНА.

Фамусовы наших дней.

Самым верным признаком наступающего ревизионизма и его самым надежным основанием было и остается равнодушие практических деятелей пролетарской партии к теории.

Всюду, во всех странах и на всем протяжении истории марксизма это равнодушие бывало самой верной гарантией успеха или неуспеха оппортунистических „пересмотров“ всяких сортов и родов.

На самом деле, попробуйте припомнить бегло историю возникновения и роста разного рода ревизионистских учений, попыток чинить Маркса, „исправлять“, „дополнять“ его и т. д.

На чем был основан их успех? На полном равнодушии практических деятелей и руководителей партии рабочего класса к теории, на их пренебрежительном отношении к ней.

Пересмотры и Бернштейна, и Жореса, и Богданова, и многих других возникли и стали целым течением, целой школой внутри, в рядах рабочего класса, именно на основе этого равнодушия. Иначе эти, быть может, сами по себе и талантливые люди, оказались бы вне рабочего движения с самого начала „пересмотров“ и ревизий.

Но если опасен сам по себе факт равнодушия к теории, то насколько же должен быть опасным он, ежели его превратить в догму?

По нашим нравам и обычаям до сего — практический деятель, равнодушный к теории, стыдился оного равнодушия и считал себя виноватым в этом.

Насколько же должно было въесться равнодушие в плоть и кровь практиков и деловых людей, ежели в наши дни появляются люди, ставящие себе специальной задачей возвести его в добродетель и сделать его всеобщим и обязательным явлением. Ежели в наши дни стало признаком хорошего тона пренебрежительно относиться к теории, и не только относиться — но стало прямой обязанностью всякого преподавателя любой уездной совпартшколишки „изгонять всякую абстракцию“ из стен и програм комшкол и комвузов.

И все эти недоучившиеся преподаватели комшкол и партшкол ведут свой поход во главе с самим ректором всероссийского комвуза тов. М. Лядовым.

Грешно было бы называть его недоучившимся, но что вся его ученость объемлется наперстком доброй старой тетушки—это показала его последняя статья в „Правде"—„Спасает ли философия от оппортунизма".

Никто не сможет объяснить, почему философии такая честь спасительницы от оппортунизма. Никто и не ставит ей такую специальную задачу. У нее другая, гораздо более специальная, хотя не менее почетная задача—спасение от партикуляризма, ограниченности и узости „деловых людей" рабочего движения, коммунизма. Так что, когда ставится вопрос о том, надлежит ли преподавать философию (скажем так, хотя это и неверно, ибо речь идет, как увидит читатель, не о философии, а о теории марксизма вообще) ее следует толковать не как вопрос о том, как вести борьбу с оппортунизмом, а как другой, не менее важный вопрос, а именно: как мыслимо без совершенного усвоения теоретических основ пролетарского движения—марксизма—образование общеклассового воззрения—отрешения, отказа от точки зрения групп и единиц и перехода на точку зрения целого, коллектива.

Борьба с оппортунизмом есть борьба с влиянием мелко-буржуазной и буржуазной идеологии на пролетариат и его идеологию, поставленный же вопрос есть вопрос о борьбе с ремесленно-цеховой, т.-е. „деловой" ограниченностью. Задачи теснейшим образом друг с другом связаны, но не идентичные. Вторая есть часто случай первой, более широкой и более объемистой задачи.

Последняя готовит блестящую почву для успеха первой; и в этом смысле как и в других, современные нам пророки „конкретных знаний" являются ничем иным, как вульгарными „предшественниками грядущего оппортунизма".

Но перейдем на несколько минут к статье Лядова. В ней и вульгарная упрощенность, и деловой партикуляризм, и ограниченная беспринципность выражены с одинаковой откровенностью и, если позволительно будет так выразиться, яркостью.

„В прежних программах мы имели „историю философии", „исторический материализм", „диалектический материализм". Под тем или другим названием, но философский курс проходился обязательно, проходится и сейчас. В противоположность т. Гоникману я полагаю, что эти курсы, в той чисто абстрактной, философской постановке, в которой они проходились и проходятся, нашей учащейся молодежи пользы не приносят, а приносят только вред".

Некоторая и немалая доля правды в этом утверждении тов. М. Лядова имеется: всякая дисциплина, если ее преподают абстрактно, становится не только бесполезной, но прямо вредной. Но, во-первых, из этого совсем не следует, что дисциплина плоха, вредна и ненужна: единственное заключение может и должно быть то, что пре-

даватель никуда не годится. Во-вторых, что означает „философская установка“ преподавания истории философии, скажем? Если это не бессмыслица, то оно означает, что преподавание истории философии, как истории философских систем, порождающих одна другую и вне связи с конкретной действительностью, с историей человечества или иначе—как историю, независимую от истории человечества—вредна. Тогда это азбучно-простая истина. На самом деле, каков марксист, который свое преподавание строит на столь ненадежных и шатких немарксистских основаниях? Грош ему цена. И опять дисциплина не при чем, вина оказалась за плохим преподавателем.

Но это двусмысленное утверждение может означать и нечто иное.

Когда Лядов с наивным видом повторяет тривиальные фразы: „Без диалектического материализма мы создать настоящих марксистов не можем. Но не может быть понят и усвоен диалектический материализм вне связи с конкретной жизнью“—я невольно припоминаю Петушкин наперсток. Связь с конкретной жизнью превосходная вещь, но, что есть **конкретная жизнь**? Для одних это есть сумма единичных явлений, для других она представляется единой **системой** явлений. Усвоить диалектический материализм в связи с конкретной жизнью может означать изучение проявления динамики в единой системе, оно же может означать—изучения противоречий (частный случай диалектики) в единичных проявлениях: в первом случае будет марксистское решение вопроса, во втором—метафизическое.

О том, что Лядов понимает дело по второму, говорит он сам. „Научить человека мыслить диалектически нельзя, не научив его анализировать те явления, с которыми он повседневно сталкивается. И, наоборот, мы любого рабочего научим мыслить диалектически, не **объяснив ему даже, что такое диалектика**, если научим его правильно понимать окружающую жизнь. Ребенок учится говорить не зная грамматики, и он никогда не научился бы говорить, если бы мы сделали нелепую попытку научить его, лепечущего отдельные звуки, синтаксису или этимологии. Студент или рабфаковец из рабочих мыслит и говорит конкретно, он все усваивает в конкретных, ясных образах. Его мышление прямо противоположно мышлению интеллигента, исковерканного „классической“ старой школой, которая главной целью своей ставила оторвать ребенка от жизни, от конкретного мышления, от умения разбираться в современной жизни“.

Я очень подозреваю, что тов. М. Лядов учился диалектике по рекомендуемому им самим методу, иначе он не смог бы наворотить такую бездну противоречий и ребячеств в такой маленькой цитате.

Само собой разумеется, была бы удивления достойна мать, которая начала бы обучение речи своего полуторагодовалого ребенка с грамматики.

Но уж коли аналогии, так до конца.

Каково было бы человечеству развиваться, если бы каждому ребенку пришлось проделать всю сумму конкретного опыта? Тогда высочайшей точкой развития человечества был бы тов. М. Лядов.

Но, благодарение судьбе, человечество избегло подобных несчастий; избегнет их и рабочий класс. Есть известный минимум конкретных знаний, приобретая которые, человек становится способным к абстрактным обобщениям—с одной стороны, и с другой—он же и определяет степень восприятия человеком абстрактных идей.

Педагогика дошкольного воспитания—это нечто фундаментально отличное от педагогики комвузов, счастливым ректором которого состоит М. Лядов. Отличие это заключается в том, что дошкольник дает ребенку серию отдельных конкретных фактов, сумма которых должна служить фундаментом для восприятия многих и многих абстрактных положений, опытно добытых всей предыдущей жизнью человечества. Отсюда и вся сложность дошкольного воспитания: вопрос о том, каков должен быть этот комплекс конкретных фактов—труднейший вопрос, над которым бьется практическая педагогика. Но ведь комвузы—это не институты дошкольного воспитания. Следовательно, и всякий разговор о минимуме конкретных знаний отпадает. Конкретное мышление рабочего не есть предметное мышление дошкольника. Рабочий мыслит конкретно—это несомненно. Но что это означает? Разве это утверждение есть отрицание способности рабочего постичь и усвоить теории? Ничуть не бывало. Наоборот—подлинный смысл этого утверждения в том и заключается, что всякую теорию рабочий воспринимает, как отражение реальной действительности. Но реальной действительного, как целого, как системы, а не как сумму. Отсюда, между прочим, и то, на первый взгляд необъяснимое явление, что „недоучка" И. Дицген, кожевник и уж никак не получивший классическое воспитание, так превосходно справлялся с философскими проблемами, что среди рабочих так много Дицгенов, менее талантливых, но не менее охочих до абстрактных споров и отвлеченных построений. Их горе—в отсутствии достаточно законченного философского образования, подчас в абсолютном отсутствии систематического образования, но отнюдь не в излишнем пристрастии к ней. Но почему же конкретное нельзя понимать как единичное, если в этих единичных явлениях лучше всего, проще всего и яснее всего обнаруживается диалектика. В том-то и все дело, что все это кажущееся облегчение; на самом деле в единичных явлениях диалектика проявляется лишь как частный случай, единичное проявление общей системы.

В самом деле, что такое диалектика? Это наука об „общих законах движения как во внешнем мире, в человеческой истории, так

и в человеческом мышлении", как говорит Энгельс. Диалектик не может не рассматривать мир как целое, он не может не рассматривать „вещи и отражающие их понятия преимущественно в их общей связи, в их сцеплении, в движении, в их возникновении и исчезновении", как говорит тот же Энгельс.

Не рассматривать вещи в их общей связи, а брать их как единичные явления, означает скатываться с точки зрения диалектика на точку зрения метафизика. Рассматривать же вещи в их общей связи нельзя иначе, как установив для слушателей этот принцип „общей связи".

А ведь принцип общей связи—один из самых отвлеченных и абстрактных принципов диалектики!

Наконец, вся трудность вопроса в том и заключается: как научить его, т.-е. „любого рабочего", правильно понимать окружающую жизнь.

Само собой разумеется, если мы этому научим рабочего (как и любого иного слушателя), то он будет прекрасным диалектиком. Но его этому правильному пониманию никогда не научить методами Лядова. „Правильно понимать окружающую жизнь"—это не значит ни в какой мере иметь установленную сумму правильных сведений о явлениях,—это означает ни более ни менее как понять и уметь в частных явлениях обнаруживать общую связь явлений, это значит уметь в каждой единице найти целое, более того, это значит уметь во всем конечном и завершенном искать и найти развитие, возникновение и исчезновение его.

Можно ли всему этому научиться, не изучая диалектику абстрактную, отвлеченную, как угодно обругайте, но ту самую диалектику, которая составляет неотъемлемую часть марксизма?

Разумеется—нет.

Описательные науки ставят себе совершенно определенную задачу: дать объяснение небольшому количеству конкретных фактов. А я уже говорил, что какая угодно сумма правильных представлений о конкретных явлениях еще ни в коей мере не дает „правильное понимание окружающей жизни".

Наоборот, описательные науки без обобщающих теоретических дисциплин выработают из наших слушателей ком- и просто вуз'овских самых отъявленных партикуляристов, с прекрасными, быть может, фактическими познаниями (или было бы лучше сказать: познаниями фактов), но абсолютно без какой бы то ни было способности „правильно понимать окружающую жизнь".

Бесконечное многообразие конкретного с его бесконечно многогранными связями и взаимоотношениями есть первое, абсолютно не-

преодолимое препятствие к тому, чтобы учиться диалектике на конкретных примерах „не объяснив ему даже (!), что такое диалектика". Второе и уже на этот раз принципиальное препятствие, не менее непреодолимое с точки зрения диалектика, и теснейшим образом обусловленное первым, это то, что „конкретные примеры", взятые сами по себе, будут всегда оторваны от общей связи и системы, они всегда будут метафизически мертвыми, неподвижными, застывшими, завершенными образованиями. На них диалектике не научиться.

Но почему же каждый конкретный пример („не объяснив ему даже...") нельзя рассматривать в общей живой связи как диалектический процесс, а не как завершенное, законченное образование?

По первой причине. Педагог-марксист и диалектик, который этого не понимает—не понимает буквально азов.

Но, совершенно резонно спросят у нас, если так многогранны связи между явлениями и так бесконечно многообразно конкретное, можно было бы тут же прибавить: так диалектически неустойчива эта совокупность т. н. конкретных явлений, что изучать по ней диалектику не предоставляется возможным, то как мыслимо открытие и доказательство той общей связи, о которой выше было сказано?

Путем опыта, и не единичного, а коллективного тысячелетнего опыта человечества. Но и это не ответ, который решает весь вопрос. Нет никаких доказательств тому, что опыт человеческий обнаружил все многообразие конкретного и всю многосторонность ее связей. Наоборот, мы с каждым днем все более убеждаемся, что то, что нам известно, благодаря опыту человечества, составляет исключительно малую часть того, что нам неизвестно. Но тогда как мыслимо открытие и формулировка закона диалектики—которая устанавливает принцип, общий не только тому, что нам опытно известно, но и тому, что становится нам известно в процессе дальнейшего опыта изо дня в день?

Совершенно понятно, что одним методом индукций тут не обойтись. Совершенно понятно, что, если человеческий опыт „наводил" (индуцировал) на определенные закономерности в явлениях, в том числе и на диалектику, то общечеловеческая мысль дедуцировала (выводила), распространяя ее на все явления и проверяя эту дедукцию на опыте сегодняшнего дня. Отсюда совершенно понятно, что одним индуктивным методом диалектику во всем ее богатстве подлинной диалектики не обнаружишь, а следовательно, и не обучишь. Неизбежно придется сочетать индукцию с дедукцией, конкретное с абстрактным; отсюда также и совершенно понятно, что изучать придется не только историю материальной культуры, но и историю духовной культуры человечества, и самой отвлеченной из них—философии: проследить нужно будет при преподавании не только развитие об-

ственных отношений, но и развитие тех идеологий, которые порождаются развитием этих отношений.

Разве не понятно, что всякий преподаватель, который пытается противопоставить конкретное абстрактному и, исходя из этого, огульно отрицает абстрактное вместо того, чтобы сочетать их при составлении программы и при преподавании—закрывает себе все пути к пониманию вопроса, с самого начала ставит крест над всякой диалектикой?

Тов. Лядов это как-раз и делает. „Я вполне согласен с т. Лениным, что без „солидного философского образования" нам „не выдержать борьбы против натиска буржуазных идей". Но именно потому (!—*В. Р.*) я полагаю, что философия, как отдельная дисциплина, из наших программ должна быть решительно вычеркнута".

Почему? Помилуйте, как мыслимо „солидное философское образование" без изучения философии как „специальной дисциплины"? Особенно задорно звучит „но именно поэтому"! Ленин находит, что, желая быть марксистом, нельзя уберечь себя от влияния буржуазных идей, не изучая материализм, не зная историю развития его. Лядов „именно поэтому" делает вывод: „Не изучайте материализм и его историю". Как хотите, а такая логика выдает в тов. М. Лядове поразительные для ректора способности последовательного мышления.

Но он не только обнаруживает эту свою способность. Он в этой же статье, несколькими строками ниже, забыв совсем, что он выше согласился с Лениным, прямо ополчается против вышеприведенных слов Ленина: „Конкретно мыслящий пролетарский студент без всякого философского образования неуязвим для буржуазной идеологии. Он ею никогда (Sic!—*В. Р.*) не проникнется. Но тот же студент, прошедший абстрактный курс марксистской философии (слушайте, слушайте, не какую нибудь, а именно марксистскую", т.-е. материализм. *В. Р.*), легко станет жертвой любой архибуржуазной философской школы". Если, достаточно возмутившись всей бесконечной... нелепости этого предложения, вспомним слова Ленина, то я право не знаю, какому слепому не покажется смешным „именно поэтому"? Противоречие кричащее; но, отметив это явно бросающееся в глаза противоречие, я хочу два слова сказать по существу высказанных здесь глубокомысленных идей.

Итак, пролетарский студент неуязвим для буржуазной идеологии, он становится особенно податливым, когда начинает изучение марксистской философии, т.-е. материализма.

По мнению Лядова выходит, что и енчменизм, и богдановщина, и эмпириокритицизм, и кантианская ревизия—являлись результатом излишнего пристрастия к теории, а не результатом невежества и незнания ее.

Лядов без колебания на этот вопрос отвечает положительно: „Она (абстрактная теория. *В. Р.*) не удовлетворит его страстного желания осмыслить этот опыт, а, наоборот, заставит его искать новых теорий, более легко переваривaемых, более соблазнительных своей кажущейся простотой. Он и не заметит, как от Маркса скатится к Маху, Богданову или Бачмену. Абстрактным философским курсом мы изнасиловали его мышление. Он механически запомнил несколько истин, он не умеет оперировать этими истинами, он не умеет диалектически приложить их к конкретным фактам. Они в конце концов в его уме превращаются в догмы, в абсолюты, которые мешают ему мыслить диалектически“.

Как угодно, товарищи, но эти слова в устах ректора Свердловского университета, нашей надежды и нашего будущего, приобретают роковое значение.

Ни один мракобес на всем протяжении страстной борьбы науки за существование не говорил более цинично насчет вреда знаний, чем ректор Свердловского университета.

Фамусов, ты не умер до сих пор! Да будет благословенен тот кто обессмертил тебя в русской литературе!

„Ученье, вот чума; ученость—вот причина“...

Но, подождите, почтенный современный Фамусов, при чем тут ученье? при чем тут ученость?

Абстрактная теория, не связанная с текущей действительностью, не удовлетворяет пролетарского слушателя и толкает его к упрощенным теориям. Поэтому, умозаключает Лядов, необходимо совершенно прекратить преподавание абстрактных наук, долой всякую философию, да здравствуют „конкретные знания“.

Такая стройная логика очень достойна ректора университета, но она нас не удовлетворяет. На самом деле, если абстрактную теорию „мы“ не сумели связать „с текущей действительностью“, то ведь тут вина не абстрактных теорий, а как будто бы „наша“. Тогда совершенно ясно, что из этого вытекает не то, что Лядов преподносит нам сейчас—отрицание абстрактной теории,—а нечто другое, а именно, что „нам“ нужно учиться преподавать абстрактные теории. Не больше!

Но так рассуждает человек, для которого понятна связь и подлинные взаимоотношения между абстрактным и конкретным, а товарищу Лядову эта связь органически непонятна. Он пишет: „Только тогда диалектический материализм станет действительным орудием борьбы против всякой буржуазной идеологии, когда мы научимся преподавать его не абстрактно, как отдельную философскую дисциплину, а конкретно, изучая нашу борьбу, нашу тактику, нашу историю, нашу современность, нашу природу, диалектику нашей жизни“.

А куда же делся Ленин со своим требованием „солидного философского обоснования"? Теперь особенно уместно припомнить, как задорно Лядов пытался выше притянуть за волосы ленинскую цитату к своей новой оппортунистической теории („но именно поэтому"!).

Таким образом, отрицая абстрактное преподавание, мы с вами, читатель, понимаем отрицание преподавания философии, как истории философских систем вне связи с историей человечества, а т. Лядов — всякую философию, и даже такую, которая преподается материалистом марксистом, а, следовательно, преподается в неразрывной связи с историей человечества, с развитием общественных отношений, считает ее за абстракцию и выбрасывает вон из программ комвузов.

Это нужно сказать открыто, нечего скрываться за двусмысленными формулами: вы против преподавания истории материализма и диалектического материализма в комвузах, даже когда их преподает марксист, т.-е. человек, для которого человечество проделывает лишь одну историю, т.-е. человек, который не мыслит преподавание материализма иначе, как в тесной связи с историей, с конкретными, с общественными отношениями.

Что тут прятаться за спину Ленина? В разгар борьбы с ликвидаторством и в эпоху самой гнусной ревизии марксистской теории, самого убийственного равнодушия к теории со стороны малодушных „практических людей" рабочего движения, Ленин написал свою знаменитую книгу о марксистской философии. А в жестокие дни осени 20-го года Ленин нашел необходимым свою „абстрактную" книгу переиздать для молодежи и писал в своем предисловии: „Я надеюсь, что оно будет небесполезно, независимо от полемики с русскими „махистами", как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания".

Нет, милейшие оппортунисты всех цветов, сортов и мастей, Ленин вам плохой патрон, поищите где-нибудь около старого Бернштейна, там вернее найдете себе и покровителя, и достойного человека, чей пример будет для вас поучителен.

Мы не спроста долго задержались на сравнительно небольшой статейке тов. Лядова.

Начинается поход на материализм, идет неорганизованный, но достаточно напористый новый оппортунизм, ставящий себе целью пересмотр философских основ учения Маркса. А так как после работ Плеханова и Ленина этого под флагом Российской Коммунистической Партии непосредственно сделать невозможно, то совершенно естественно оппортунистическая мысль пробивает себе побочные, проселочные дорожки.

Самым опасным, чреватым гигантскими последствиями, просел-

ком являются наши комвузы, программы которых соответствующим образом теперь перерабатываются, приспособливаются под шумок „к новым“ запросам, изгоняется из них все, что напоминает ненавистную оппортунистам теорию марксизма.

Законно желание связать преподавание марксизма с действительностью, столь же законно стремление усилить преподавание описательных наук, но попытки изъять философию из програм комвузов, попытки заменить диалектику метафизикой, диалектический материализм—конкретными и описательными науками,—суть попытки начать самый неприкрытый поход против марксизма, против материализма, против научного социализма, и мы не можем не требовать самой свирепой борьбы с нарождающимся оппортунизмом.

Равнодушие к теории, фамусовщина в наши дни, лень и неповоротливость ума—все это злейшие враги марксизма и лучшие пособники намечающегося ревизионизма.

Нужно вести с ними беспощадную войну. Нужно, чтобы пересмотр програм комвузов находился в надежных руках, нельзя позволить кому бы то ни было превратить комвузы и компколы в гнездо оппортунизма

В. Рудин

БИБЛИОГРАФИЯ

По провинциальным журналам.

По примеру прошлого года, мы пытались подвести итог теоре ской работе нашей провинциальной печати: к сожалению, должны наться, что не заметили не только ощутительного прогресса и шения в нынешнем году, но, по сравнению с прошлым годом, губернские органы дали еще менее теоретических статей, а в е помещенных, мы не можем этого не отменить, еще менее таких, рые приковывают к себе внимание читателя.

Специфический агитпропский характер органов губернских ко тов, выражающийся в том, что почти все они из месяца в месяц ют заполнены „тезисами“ по разным вопросам и отчетами, пе- о перепечатанными из центральных органов, этот специфиче- характер особенно выпукло выявился за истекший год.

Почти каждый губернский комитет имеет свой ежемесячник, за по всей России выходят из-под станка сотни тысяч книг, а а просматриваешь их одну за другой, то оказывается, что не ревшего, ценного на сколько-нибудь длительный период времени, вычайно мало в них.

Я не думаю, чтобы каждый губернский агитотдел мог обойтис того, чтобы через свои ежемесячные бюллетени держать в курсе щих боевых политических и хозяйственных вопросов своих аторов. Это необходимая работа, ее не избежать. Но если парал- но с этим не ведется систематическая работа теоретического ктера, то существование такого количества толстых журналов овится, по меньшей мере, нецелесообразным. Их перестают чи , они не делают и сотой доли того, что могли бы сделать.

Часто ссылаются на отсутствие сил в провинциальных центрах. , действительно, мало, однако и то малое, что имеется разбросан по России, ни в какой мере не используется в надлежащей сте . В частности совершенно неиспользованными остаются препо атели и профессора провинциальных университетов, областных партшкол, национальных университетов.

При желании и организационной сноровке можно создать, по шей мере, несколько хороших, популярных журналов, нужда в рых по провинции чрезвычайно велика.

Заинтересованным организациям необходимо обратить серьезное мание на это; такими центрами могли бы явиться целый ряд одов: Харьков, Киев, Тифлис, Минск, Саратов, Омск, Чита, Ека- нбург, Баку, Эривань, Ташкент, Одесса, Ростов.

В некоторых из этих центров уже имеется ежемесячник, более менее удачно пытающийся разрешить поставленную задачу

Так, например, Киев со второй половины прошлого года определенно перешел на путь создания областного популярного журнала „Коммунистическая Мысль“ Киевского губкома—один из таких провинциальных ежемесячников. Это не только не означает, что я отделаюсь лишь похвалой по ее адресу,—наоборот, оно меня обязывает быть особенно тщательным в критике, а значит быть вынужденным сказать ряд горьких истин редакции „К. М.“.

Прежде всего „К. М.“ не имеет определенного, фиксированного лица, что так необходимо популярному, рассчитанному на широкий круг читателей — журналу. В самом деле, только отдел „Наука и марксизм“ более или менее устойчив, хотя крайне не однороден по содержанию: то это одно естествознание (№ 11), то почему-то тов. Левин трактует там о натур-философии (№ 8), что же касается до других отделов, то во всех их господствует пестрота неимоверная: обзор германских событий чередуется с письмами Гейне к Марксу, „Лейпцигский собор“ Маркса—с обсуждением внутрипартийных вопросов, то дается внутреннее обозрение, то нет. Все эти недочеты необходимо исправить. Чем устойчивее будет тот круг вопросов, которым занимается журнал—тем лучше; чем определеннее и подробнее будет намечена разбивка журнала—тем удобнее для рядового читателя.

Но наше недовольство не может ограничиться подобными внешними, в значительной мере практическими замечаниями. Просматривая тот теоретический материал, который преподнесла „К. М.“ своим читателям, мы ни в коем случае не можем не обратить внимания редакции на два очень опасных момента. Первый момент, это—излишнее пристрастие редакции к „материалам“ и переводным „памятникам“, которые тем меньше принесут пользы, что они обыкновенно не сопровождаются компетентными разъяснениями и являются случайными, без системы, вне общей внутренней связи как со всем номером, так и между собой.

Второй момент—с нашей точки зрения, особенно опасный—может привести к тому, что журнал принесет делу ортодоксального марксизма больше вреда, чем пользы. Я говорю о той позиции, которую занял один из руководителей журнала (тов. Верхотурский) по вопросу о ленинизме. Не хотелось бы быть резким на эпитеты, однако при всей нашей мягкости и благосклонности к „К. М.“ квалифицировать эту позицию иначе, как жестоко опортунистическую, мы не можем.

Такие утверждения, как „Мы должны откровенно констатировать, что до предпоследнего года, до XII-го съезда, Р.К.П.—это означало Ленин“, напоминают худшие примеры в истории марксизма. Еще яснее это видно далее:

„Р.К.П. становится Р.К.П. только в момент, когда обстоятельства заставили ее взять в свои руки инициативу руководства государством и революцией“ [1]; как хотите киевские товарищи, а это ни в коей мере не обнаруживает в авторе хорошего ленинииста, как не обнаруживают его и попытки Верхотурского определить, что есть ленинизм

„Даже из этих набросков видно, что мы имеем дело с теорией, имеющей некоторые отличительные черты от марксизма. Изучая ленинизм, мы в то же время изучаем и марксизм, но, изучая только марксизм, мы до выводов Ленина, до основ его учения можем и не добраться“ [2])—это нашим читателям должно показаться очень знакомым; утверждение это равносильно

[1]) „Коммунистическая Мысль“, № 8, стр. 42.
[2]) „Коммунистическая Мысль“ № 8 (август 1923 г.), стр. 48.

, что ленинизм есть нечто отличное от марксизма: „Почему ский или Плеханов, как известно, основательно изучившие кса—почему они не пришли к ленинским выводам? Что у них этого не хватило—таланта или знаний? Нет, не потому. К этим дам они не пришли прежде всего потому, что они (выводы) не всякого неизбежно вытекают из основ марксизма ходимо к существующим основам марксизма добавить еще э-то", всеми корнями, правда, находящееся в основах марксизма, ы получилось то, что мы называем ленинизмом" [1].

Очень неясно сказано, но смысл не трудно разгадать Верхокому очень неловко за свое „что-то", которое он не может ни делить, ни толком отметить, в нем старое марксистское приходит эстокое противоречие с новым „что-то", от чего он сам становится иворечивым и неуверенным, однако вопрос поставленный не ет быть не решен, и Верхотурский с героическим отчаянием ставит вопрос: „Если бы Маркс жил в наше время, был бы ли он ленистом? Был бы: к известным словам марксизма—Маркс, исходя из же, не подлежит сомнению, прибавил бы все те положения, которые ями условиями жизни вызываются и Лениным фиксируются" [1]).

Казалось бы, что прише раз „был бы", то разве не ясно, что вие Ленина есть дальнейший этап развития и развертывания ксизма, что оно есть современный марксизм. Нет, ясно не всем. хотурский, путаясь в трех соснах, пишет: „Нельзя ли в таком чае ленинизм назвать просто современным марксизмом? Нет, нельзя, ому что между марксизмом, в таком виде, как его оставил Маркс и Энгельс, и ленинизмом в таком виде, как существует в настоящее время, есть, несомненно, зличие не качественного свойства, а количественного. Ленинизмом мы охватываем события на другой день после вата власти, марксизм же лишь доводит нас до этого захвата, а уже знаем, что, при беспрерывном накоплении количества, оно еходит в качество. Этот закон на Ленине, как нельзя лучше, авдался" [1]).

Вот уж чего даже Н. Бабахан не осмелился бы сказать, сказал хотурский и не только сказал, но поспешил еще и подтвердить о октябрьского переворота. Ленин охватывал при помощи марксизма о событие за другим. По мере приближения к Октябрю и после о события количественно настолько прогрессируют, что в конце цов Ленинский подход к ним и освещение их получает специфический характер, количественно различный от известных нам подхов марксистов всевозможных оттенков" [1]).

Довольно. Если Ленинский подход есть новый „качественно личный от известных нам подходов марксистов всевозможных енков", то даже Бабахан согласится с нами, что это означает отдание марксизма, т.-е., говоря проще, что это есть чистейшей ы оппортунизм. Верхотурский проповедует несомненный оппорнизм, тот, кто сомневается в этом, пусть прочтет его статьи в . М.", особенно в №№ 8 и 11.

„Коммунистическая Мысль" может принести много пользы, но много вреда, поскольку под видом ленинизма подносится коммунистическому читателю чистейшей воды оппортунизм.

На это мы обращаем внимание редакции „К. М.". Берегитесь, варищи, вы можете стать центром оппортунизма в провинции.

[1]) „Коммунистическая Мысль", № [illegible] 192[illegible] г.), стр. 48

Харьковское „Знамя Коммунизма“ орган Ц.К. К.П.У. и Харьковского губкома К.П.У. многим отличается от киевской „Мысли“.

Он пытается сочетать в себе популярный журнал с центральным руководством в политических и экономических вопросах. Отсюда—большее разнообразие материала, богатство статей по текущим вопросам политики и экономики, как Советской Федерации, так и капиталистических соседей.

Совершенно естественно, что при этом теоретические вопросы освещаются случайно и крайне недостаточно.

За весь прошлый год (мы имеем под руками №№ 1—10) можно перечислить лишь пару-другую статей: С. Диманштейна, В. Рожицына (того самого!), К. Грасиса—да, пожалуй, и все.

Сама собой понятно, что до смешного мало. Но не только в этом беда—это малое дано бессистемно и случайно. За исключением К. Грасиса, который жестоко раскритиковал „творения запоздалого мага“ Э. Бачмена (№ 7—8), другие статьи не имеют связей с текущей жизнью. Статьи Рожицына трактуют вопрос о том, как возможно доказательство небытия бога, а статьи Диманштейна „Ядовитый марксизм“ (№№ 3—4 и 5—6) продолжают сражаться с К. Каутским. Кстати о Каутском: почему украинские товарищи так много занимаются борьбой с Каутским-оппортунистом? Вслед за „Зн. Комм.“ не удержалась и ринулась в бой „Комм. Мысль“. полагаем, что после двух блестящих брошюр В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого нужды в том, чтобы заниматься последними писаниями Каутского, нет никакой. Двухсотлетие со дня рождения Гольбаха журнал отметил статьей В. Рожицына в № 3—4 (февраль—март)—это хорошо, но целесообразно отмечать в **марте** годовщину, которая исполнилась в **декабре**.

Харьковскому „Знамени“ рекомендуем особо усилить свой отдел „Теория марксизма“ и завести себе отдел, в котором читатель мог бы найти популярный материал по новейшим успехам естествознания. Это тем более необходимо, что в центре Украины сил вполне достаточно.

Если мы хотим задержать внимание читателя на „царицынском Партийном Спутнике“, то только потому, что там была помещена статья В. Смоленского: „А все-таки Минин ближе к истине“. Речь идет о мининском отрицании философии для пролетариата. Тов. Ровин выступил с возражениями против Минина (этой статьи у нас нет), В. Смоленский защищает Минина от нападок Ровин.

Мы не знаем, как отвечал и урезонивал Ровин Минина, но мы хотим показать читателю, как сторонники Минина аргументируют за него.

Легко отделавшись от всех проблем ссылкой на те цитаты из Энгельса, которые приведены были Мининым, В. Смоленский останавливает свое просвещенное внимание на том месте, где Энгельс говорит о том, что за философией остается лишь диалектика и логика:

„И в самом деле: „учение о законах самого процесса мышления“,—чье это дело? Ясно,—мы скажем,—психологии, больше того,—физиологии. Это утверждает уже и проф. Павлов, а за ним и Тимирязев. Логику мы оставим в покое: она может великолепно существовать и без философии. Остается диалектика“.

Все просто у этого простого и ясного „мыслителя“. Но диалектика все таки осталась, куда же деть ее? „Что такое диалектика? Это метод мышления, метод, говорящий нам, что все надо рассматривать в общей связи, в общей зависимости, в общем сплетении, в

...жекии, в противоречиях, в возникновении и исчезновении, в ...актике. Он так прост, общепонятен и неопровержим, ...о его только нужно применять во всех областях нашей практики ...нашего опыта, и никакой „философии“ из него не делать“... „Для ...анизации наших действий, скажем мы, нам нужны только науч...е методы организации труда и производства (всякого труда: и ...ственного, и физического). А для этого у нас вырастают научные ...ститутьі по организации труда и производства, где никакая фило...фия не нужна“ [1]).

Не сказал я, что все очень просто? Есть НОТ, есть тейлоризм, ...ь физиология—вот все, что необходимо для современного маркси...а, а диалектика, теория обобщения—все это от дьявола, все это за ...рт!

И, не довольствуясь общими рассуждениями, В. Смоленский пытался—и не плохо—иллюстрировать, что получается, когда мар...ст рубит с плеча все теоретическое и всякую философию. „Признавая ...одня материю, как основу, мы, может быть, завтра за основу при...ем какую-нибудь энергию, силу, электрон и проч.; признаем, что ...р это—комбинация сил. Проповедывать материализм, как нашу ...лософскую незыблемую систему, мы не можем, ибо тогда придется, ...жет быть, завтра же проповедывать энергетизм. Не надо философ...овать, не надо искать пресловутого единства, пока оно не придет ...о в нашей практике. Теоретические науки, вообще, сходят со сце...: история и политическая экономия уже съели социологию. Рево...ция в жизни вызывала уже и вызовет еще не одну революцию в ...уке“ [2]).

Не правда ли показательно? Милейший Смоленский, ведь, вы го...рите давно известной идеалистической прозой, сами того не подозре...я! Вы не только не знаете философию—вы просто не знаете эле...нтарных основ марксизма. Если в споре с Мининым мы лишь отвле...нно доказывали оппортунистическую суть его новой „теории“, то ...Смоленский показал конкретно, что из утверждения Минина будут ...еланы не только не марксистские, не материалистические, но прямо ...аждебные марксизму и материализму выводы.

Царицынскому же „Спутнику“ губкома нам ничего не остается ...ветовать, кроме как „не берись не за свое дело“. Чем распростра...ть под видом „обсуждения“ всякие оппортунистические небылицы ...чепуху, не лучше ли писать простые без всяких претензий попу...рные статьи?

Следует отметить очень разносторонний журнал Дальбюро Ц.К. ...К.П „Наш Путь“, издающийся в Чите. Журнал отзывается на все ...дающиеся события, пользуется знаменательными датами для бо...е или менее всестороннего освещения деятельности лиц и событий ...ред своими читателями. Так, например, 75-летие „Коммун. Ма...ф.“ было отмечено двумя статьями, 25-летие партии подробной ...атьей, 40-летие Маркса и пятилетие Плеханова—все нашло себе ...ражение. Однако этого недостаточно. Журнал почему-то избегает ...стематических популярных статей по теории, почти совершенно нет ...атей по естествознанию, имеется постоянный отдел „Политика, эко...мика и философия“, а философских статей за год не было ни ...ной,—это, разумеется, недостаток, его необходимо исправить. Жур...

[1]) „Нар... ...“ Царицынского губ. ком. Р.К.П. № 9—10 (февраль—март ...), стр. 104.
[2]) Там же ...

вал должен стать центром дальне-восточной теоретической мысли—на то имеются и материальные и людские возможности.

Кстати, в статье о Г. В. Плеханове, тов. Г. А. резюмирует: „Какова же роль Плеханова в русском революционном движении? Количественно на этот вопрос можно ответить—громадна, качественно—полезна“ Это, разумеется, совершенно излишняя скромность и скупость в оценке.

Только ли была **полезна** его деятельность? Вся статья говорит за то, что автор несправедливо скуп на более сильные и яркие выражения, характеризующие деятельность Плеханова.

На самом деле человек, о котором автор пишет: „Величайшая заслуга Плеханова заключается в том, что он сделал марксизм достоянием русских революционеров и, тем самым, дал им в руки сильнейшее оружие классовой борьбы“, и далее, что „он всю свою жизнь отдал на живую пропаганду марксистских идей, на сколачивание русской социал-демократии. И он был одним из тех, кто сколотил ее. Поэтому, когда сейчас мы, на каждом партийном съезде, любуемся на боеспособность, единство и дисциплинированность нашей партии, мы должны помнить, что, в свое время, Георгий Валентинович Плеханов много потрудился над идейным воспитанием доброй половины делегатов любого нашего съезда, над их обереганием от соглашательства и оппортунизма“ [1]).

Разве о таком революционере можно ограничиться тем, что его деятельность была лишь „полезна“?

Излишняя восторженность вредна, но и незаслуженная скупость не менее вредна, а самое главное—ненужна.

•

Наконец, саратовский „Вестник Губкома“ и минский „Вперед“. Оба города—университетские, в обоих университетах имеются коммунисты—преподаватели и профессора, и однако же, несмотря на это, оба ежемесячника ни на йоту не поднимаются выше среднего Губкомского органа, все те же агитпропские тезисы, все те же узкие местные и случайные вопросы. Давно пора улучшить и обогатить свои ежемесячники обоим губкомам.

В национальных республиках издаются журналы на местных языках и, судя по оглавлениям (мне, не владеющему языками этих народов, разумеется, очень трудно судить о содержании их по существу) эти журналы пытаются распространять среди национальной интеллигенции идеи марксизма и материализма.

Так, например, Азербейджанский „Кызыл-Шарк“ (Красный Восток) посвятил восемь статей и переводов 40-летию Маркса, отметил 5-летие Плеханова, 75-летие „Коммун. Маниф.“ и т. д. массу статей посвятил популяризации различных проблем естествознания,—это чрезвычайно полезная работа; но еще интереснее и полезнее те искания, которые производят товарищи из „Кызыл-Шарк'а“ в своей национальной литературе, с целью изучить материалистические и атеистические идеи своей страны.

Это чрезвычайно полезная работа и образцом подобной работы является статья тов. Сейдиева Али Ажлер „Турецкий материалист и великий поэт-атеист Тевфик Фикрет“ („Кызыл-Шарк“ № 2—3). Буржуазия всех стран и народов предавала забвению материалистов и атеи-

[1]) „Наш Путь“, ежемесячный журнал Даль бюро Ц.К. РКП № 10 (август 1923 г.), стр. 12.

ов—наш долг их теперь оценить по должному, вот почему мы с обым удовлетворением отмечаем вышеуказанную статью.

„Кызыл Шарк'у“ предстоит большая и тяжелая работа, мы желаем]у всемерной удачи.

Эривань имеет журнал уже совершенно иного типа.

„Норк“ — это солидный двухмесячник на подобие российской Красной Нови“, имеет превосходный отдел беллетристики, где появляются временами первоклассные беллетристические вещи, имеет обзоры итоговые статьи и является одновременно лучшим органом популяризации новейших достижений науки.

И при всем том мы имеем некоторое основание быть недовольными „Норк'ом“. Он слишком много внимания уделяет истории и рхеологии своего народа (армян) и слишком мало дает марксистской теории.

Разумеется, каждый национальный журнал обязан применять арксизм прежде всего к объяснению и изучению своей истории, воего окружения; это тем более необходимо у армян, что дашнакие идеологи наворотили бездну идеалистической, метафизической националистической чепухи, в литературе армянской бездну хлама, котором нужно разобраться и при всем том не следует забывать, то растет молодежь, которая плохо владеет русским языком, которой еобходимо дать из номера в номер необходимую долю теоретической ищи: по философии, по политической экономии, по истории междуародного социализма.

„Норк'у“ недостает боевого темперамента, „Норк'у“ нужно вмете с солидным академизмом сочетать задорный воинствующий матеиализм, и тогда „Норк“ будет одним из интереснейших явлений в литературе мелких народов.

Нам известны грузинские журналы, которых в Тифлисе издатся несколько, но мы до сих пор не могли раздобыть ни одного экземпляра их, хотя бы для того, чтобы судить о том, в каком направлении идет работа [1]). По некоторым объявлениям судя, в нынешнем оду в Тифлисе начнет выходить специальный журнал марксистской теории Давно пора! Тифлис легко справится с задачей создания популярного теоретического органа.

Уже раз заговорив о марксистском просвещении среди национальных меньшинств, не можем пройти мимо переводов брошюр и книг на эти языки Есть народы в России, которые только еще начали создавать свою литературу, имеются и такие, которые имеют тысячелетнюю историю литературы, но у всех народов марксистской литературы не было ни переводной, ни оригинальной. Исключением могут быть лишь грузины, армяне и, быть может, украинцы.

Теперь, после советской революции почти на все языки сотнями переводятся книги и брошюры, самого разнообразного содержания, среди которых отнюдь не последнее место занимает марксистская литература.

Лучше всего это дело перевода классической марксистской литературы на родной язык поставлено в трех Закавказских республиках

[1]) Редакция просит все национальные и провинциальные издательства присылать переводы и издания оригинальных марксистских трудов. Этим они крайне облегчат нашему журналу регулярное обозрение успехов марксистского просвещения в провинции и среди национальных меньшинств.

и на Украине. Под руками у нас немного названий, но и они дают ясное представление о направлении работы.

На тюркский язык переведены Ф. Энгельс „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ (перевод А. Хасанова), К. Каутский „Происхождение рабочего класса“ (его же перевод), К. Маркс и Фр. Энгельс „Коммунистич. Манифест“ (популярное издание с прим. Д. Рязанова), А. Дикштейн „Кто чем живет?“ с предисловием Плеханова, Б. Горев—брошюра о Плеханове и т. д. и т. д. На грузинском языке издан „Коммун. Манифест“ с комментариями Д. Рязанова и с предисловием Ф. Махарадзе. На узбекском языке в Туркестане издано много брошюр просветительного характера; антирелигиозная литература проникает и у армян.

Как-нибудь мы постараемся обозреть этот интересный процесс распространения марксизма в наиболее отдаленные уголки России, а теперь для нас важно то обстоятельство, что к общей теоретической работе если не примкнули, то очень скоро примкнут десятки и сотни новых сил из рядов молодежи угнетенных народов.

Процесс разложения националистического партикуляризма и невежества идет очень быстро, и мы надеемся, что не далек тот день, когда материалистическая наука приобретет новых и новых тружеников из среды ранее забытой и угнетенной России.

Подведем итог:

Наши губкомские органы крайне неудовлетворительны, их нужно, быть может, числом сократить, но качеством улучшить во что бы то ни стало.

Те журналы, которые выделяются, делают ряд очень грубых ошибок—они могут стать вреднейшим явлением, их нужно систематически исправлять.

Чем лучше будут поставлены нами провинциальные популярные журналы, тем легче будет нам провести в гущу пролетарских масс марксистскую науку, без них это будет почти невыполнимая задача.

В. Румий.

Профессор истории в круговороте жизни. Р. Виппер. Круговорот истории. Изд. „Возрождение“ Берлин, 1923 г. 202 стр.

Проф. Виппер написал книгу о круговороте в истории. Всякий круговорот предполагает период подъема и период упадка. В книге проф. Виппера есть и то, и другое: и остроумная критика некоторых предрассудков исторической науки, и беспомощный лепет неофита идеализма. Но нас не интересует сейчас воздаяние по заслугам тем или иным замечаниям в книге Виппера—нас интересует исключительно ее общественный смысл и значение.

В применении к истории всякий круговорот предполагает эпохи расцвета и эпохи заката общественной жизни и культуры. В одних случаях теория круговорота выдвигается как выявление воли к прогрессу (напр., у Вико), в других—как заявление идеологии распада старых отношений и бессилия перед лицом новых. От того, что Виппер и Шпенглер принадлежат ко второму типу—утло ть их воззрений не повышается ни на один гран.

Цель Виппера—показать, что мы переживаем упадок современной культуры, закат ее, как сказал бы Шпенглер.

Наш век есть век индустриализма. Вот враг, по которому следует открыть огонь! „Во всех статьях так или иначе дело идет об оценке современной общественности, о выяснении переживаемого ею кризиса“ (5). Практи-

ческая общественная цель теории здесь выступает перед нами, но прикрытая никакой вуалью. И еще говорят после этого, что марксизм не научен, потому что он—партийная идеология, ставящая себе некоторые практические цели.

Г. профессор перечисляет, на каких чертах современного общественного строя он хотел бы остановиться.

„1. На скоротечности развития, нервической поспешности, жадности и неумеренности устремлений общества, явлениях, которые и привели к внезапной гибели (!) культуры. В истории нет примера столь быстрого распадения едва сложившейся цивилизации.

2. На увлечении новейшего века вопросами техники, машинными усовершенствованиями, развитием разрушительных и истребительных средств, ускорением сообщений наряду с упадком личных умений, с сокращением оригинальной личной жизни.

3. На демократизации понятий, правов, учреждений и развитии крайней нетерпимости между классами и общественными группами, при неумении решить задачи социального устроения.

4. На самонадеянности, бесконечном критиканстве, крикливости века, постоянных идейных противоречиях, лицемерии пацифизма и эгалитаризма, при наличии жестокости, воинственности, зависти, усиленного желания поставить себя в привилегированное положение" (6—7).

Уже из одного тона этого произведения очевидны те мельницы, против которых собирается сражаться наш новый Дон-Кихот. Ибо, поистине, более всего на Дон-Кихота похож человек в XX веке, после рабочей революции, машине противопоставляющий ремесло. А таков именно былой ратник прогресса, ныне состоящий по ведомству пессимизма, проф. Р. Виппер.

Можно сказать, что диапазон отрицаний проф. Виппера „немножко колоссален". Старое деление истории на древнюю, среднюю и новую должно сменить новое: палеолит, неолит и эпоха металла. Новоявленный идеалист Виппер не замечает при этом, что он говорит прозой материалистического понимания истории, вводя в разделение истории (независимо от того, оправдано оно или нет) технический признак. Впрочем, грех этот случается, по старой привычке, с проф. Виппером и в иных местах, как, напр., на стр. 11, где он падение государства Ивана III и Ивана IV объясняет давлением западно-европейской техники. Это все с всем по соседству с тем толкованием истории, которая видит основную движущую причину исторических событий в идеях и личностях. Но не в этом сейчас дело.

Каменный век выдвигается вперед в исторической классификации эпох не из научных целей, а ни много, ни мало —для противопоставления его современности. Еще в „Кризисе исторической науки" Виппер указывал, что сравнительно с изделиями неолита „изделия металлического века грубее, механичнее (?). Повидимому, изобретение металлической плавки, литья и ковки составляло не столько усовершенствование, сколько урон в области искусства и художественного ремесла" [1]).

Любопытен здесь этот подход с ремесленно-эстетической точки зрения.

В новой своей книге проф. Виппер идет еще дальше.

Сравнивая современность с каменным веком, он утверждает, что „мы,— напр., —ничего не прибавили в смысле состава культурных растений и домашних животных. Мы, главным образом ускорили производство орудий и тканей,—а также ускорили средства сообщения.

Мы, пожалуй, быстрее привыкли тратить вырабатываемые продукты, быстрее растрачивать наши физические и духовные силы. Но мы не создали других основ цивилизации сравнительно с каменным веком" (91).

[1]) Кризис исторической науки, стр. 19

„Когда мы сравним по существу неолитическую культуру с нашей, мы чувствуем, что превосходим ее техникой, но далеко не уступаем в знании природы (очевидно, ее колдунам и знахарям (), люди науки!), в усвоении ее тайн. Ведь человечество существует и множится все-таки благодаря земледелию и скотоводству, а не благодаря электрическим и паровым машинам (какое детски-наивное противопоставление!); изобретения каменного века не равнимы по силе и жизненной важности с остроумнейшими созданиями химико-физического гения нового времени" (104). Возражать против всего только что нами изложенного — словами самого автора, — более чем бесполезно. Для опровержения — эти мысли достаточно выписать для всякого непредубежденного и хоть что-нибудь знающего читателя. Да и сам проф. Виппер при всей своей беспомощности разобраться в его окружающем, не решается, естественно, звать прямо в каменный век современное человечество. Цель его иная дискредитировать успехи машинной техники последних столетий, реабилитировать все то же ремесло. Сюда влечет его неведомая сила. Он описывает или, вернее, хотел бы описать „конец индустриальной системы".

Для мелкого буржуа, а социальное положение данного слоя интеллигенции ближе всего к мелкой буржуазии, ничто так не чуждо, как фабрика и машинное производство. Мелкий буржуа — г. профессор, — как мелкий потребитель, видит лишь их дурные стороны.

„Гений изобретателей устремился на фальсификацию, суррогаты (очень типичен маргарин!) или на истребительные орудия. Работа на удешевление создала линючие, быстро рвущиеся материи, тогда как старинная индустрия умела вырабатывать костюм на всю жизнь человека" (20). Между пиджаком и брюками г. профессора и современной фабричной культурой оказывается неразрешимый антагонизм. Но не одна только фальсификация отталкивает от индустриализма мелкого буржуа. Машина есть источник всяческого нигилизма.

„Можно сказать, что вся эпоха капитализма сплошь заполнена революциями и смены кризисов без конца, что она состояла из непрерывных ограблений и взаимных раздираний. В сравнении с этими жестокими колебаниями, как поразительна устойчивость и самодовление самодержавных монархий и феодальных обществ!" — восклицает Виппер (20—21). Эта атмосфера вечного движения и борьбы органически чужда мелко-буржуазной интеллигенции.

И поэтому, принимая социалистическую критику капитализма, Виппер не может принять социалистическую положительную программу. В этом первопричина круговорота проф. Виппера в лагерь реакции, когда эта программа начала осуществляться в жизнь. Тогда его счеты с действительным социализмом — коммунизмом — оказались конченными.

Его критика капитализма — остроумная, но типично-мелкобуржуазная критика. Сколько яду, но вместе с ним бессилия и морализующего подхода в замечании о бирже, как средстве поощрения промышленности: „Что же это за система, которая может хорошо функционировать только при содействии злых паразитов, точно необходимо вечно ставить пиявки для правильного кровообращения слишком вялого организма" (22).

Секрет полишинеля — корни своего недовольства современной культурой проф. Виппер разоблачает сам, говоря об американской цивилизации: „Американская цивилизация стоит на опасном уклоне. Спешность жизни там явно не служит на пользу интеллигенции" (16).

Поэтому же и коммунизм рисуется проф. Випперу как возмущение против индустриальной системы (26), поэтому же таким упреком коммунистам звучат его слова, когда он говорит о пренебрежительном отношении их к „обывательщине", „мещанству", „мелко-буржуазности понятий" (24). Отсюда та идеализация старины: „Всмотревшись внимательно в обломки, мы

можем мысленно воссоздать эту старину, красивую, прочную, умевшую себя оправдать и сохранить, соединенную с привязанностью к домашнему очагу, к семье и к своему племени, к родной земле, с уважением к человеческой личности" (25).

Старина—вот идеал! Еще в „Кризисе исторической науки" Виппер обосновывал фразами идеи прогресса, как прелюдию к реабилитации старины: „Пересмотрите на расстоянии пяти тысячелетий строй и государственные учения Вавилона и Египта, Ассирии, персидской, сирийской, римской империи, Византии, новоперсов и Халифата, священной германо-римской империи, Золотой орды и московского государства—право, тут не видно никакой эволюции" [1]. Новое время исключено из этого перечня, как, очевидно, согрешившее машиной, не имевшей того значения в прошлом, какое ей предоставило наше время.

Так, круговорот истории оказывается ничем иным, как топтанием на месте и призывом к прошлому. Старина—вот всеисцеляющее лекарство против капитализма, коммунизма, индустриализма, уничтожающих предпосылки цеховой культуры и ее запоздалых наследников, современную мелкую буржуазию и т. н. средние классы.

Здесь, мы должны оговориться, необходимо резко различать между разбираемым нами слоем интеллигенции и технической интеллигенцией, связанной с современным способом производства и, понятно, идеологически стоящей на иных позициях.

Вера влечет за собой пророчества. Р. Виппер также пророчествует о будущем. Но не то удивительно, что он пророчествует, а то, как он эти пророчества, сделанные в 1920 г., решается опубликовывать в 1923 г.

Образцы глубины своего понимания современности проф. Виппер давал уже в „Кризисе исторической науки", в свое время отмеченные М. Н. Покровским [2]. Там же мы могли бы отметить такой перл, как теория классов, согласно которой не класс вырабатывает свою идеологию, а „определенная идеология (очевидно, с неба свалившаяся), собирая единомышленников, образует собою новый класс" (13). Уже после этого можно сказать, что проф. истории Р. Виппер мертв для истории, как науки, если будет не только декларировать, но в своих трудах и применять эту теорию. В новой книге Р. Виппер делает новые успехи и провозглашает гибель города (30). Это писалось в 1920 году! Как опасны и обманчивы бывают в революционные эпохи впечатления одного-двух лет. В них поверхностному взору не открыть подлинный лик эпохи.

Впрочем, что г. Випперу до действительных исторических реальностей? Согласно его новым воззрениям „в известном смысле вся историческая реальность и заключена в изобретении (красоты), в человеческих представлениях, насколько художники и поэты сумели их закрепить и передать..." (107).

Напрасно, напрасно сменял проф. Виппер перо и критический взор историка на кисть художника и пророка.

Отсюда и бессилие его перед являющимся его взору постоянным соединением войн и революций. Отождествляя и связывая то и другое, он не различает войны империализма, ведущей к возмущению масс и революции, от революционной войны, порожденной революцией.

Отсюда мещанская трактовка отмены собственности в гражданской войне, как грабеж (12), смешение пацифизма и революционного отрицания империалистической войны во имя войны гражданской и многое другое.

Самая война понимается как вечное свойство человеческой природы, которая вообще, как известно, ничего не объясняет, а террор объясняется как увлечение героического начала в людях, ищущих проявления своему

[1] „Кризис исторической науки", стр. 20.
[2] „Под Знаменем Марксизма" за 1922 г., № 3.

авантюристическому характеру (!, стр. 48). Это (несомненно) шедевр глубины исторического анализа.

И, наконец, свидетельством совершеннейшей дезориентации является отчаянное заявление на стр. 88—89, что археология—есть типичная для XIX в. „насквозь материалистическая" наука. Неизвестно только—со стороны историка-идеалиста—во осуждение это или в похвалу?

*

Итак, идеал—старина. Феодализм, средневековье, с некоторых пор ставшее золотым веком всех элементов распада современного общества. Виппер за средневековье, за его авантюрный героический идеал, личную храбрость и удальство (так-то, г. профессор!), за усиление зоологической стороны жизни (30).

Но, раскрывая этот свой идеал, г. профессор не говорит ничего нового. Он высказывает лишь тайну своего собственного существования.

Он настаивает на усилении корпоративного начала. Он за усиление цеховой жизни в „цехе умственного труда". Но уже не раз, и особенно М. Н. Покровским, развивалась мысль, что старая университетская организация носит на себе до сих пор все отпечатки старой цеховой организации ремесла в средние века. Проф. Виппер подтверждает это целиком и полностью. Випперовская идеология вспять—движения к средневековью—имеет вполне материалистические корни в самых условиях труда и жизни ученого цеха недавнего прошлого.

Участию интеллигенции в политической борьбе проф. Виппер противопоставляет необходимость большего ее корпоративного сближения. В нем спасение гибнущей культуры (111—114). Это вместе с тем есть свидетельство заката политической роли оппозиционной интеллигенции. Еще недавно она была в отсталой России представителем всего общества в борьбе с монархией Романовых. Сейчас она низводится вместе с выступлением на историческую сцену рабочего класса до замкнутой группы с особенными интересами. Мы видим преступность и нелепость борьбы классов, говорит проф. Виппер, и бессильны против нее (116). Они бессильны с их слащаво-сентиментальными речами—это верно. Их историческая роль сыграна. И так как они понимают нелепость борьбы классов, то совершающаяся ныне борьба классов вполне устанавливает самым своим существованием нелепость их позиций.

И когда проф. Виппер, возражая против марксизма, говорит, что „общественные группы различаются между собой не одними интересами пищи, одежды и квартиры, не одними способами и размерами заработка, но также бытовыми привычками, наследованными вкусами, вкоренившимися и передающимися из рода в род характерами; что есть, кроме совпадения в размерах заработной платы, еще глубокие тяготения и привязанности к товарищам по занятию; что, кроме расчета, у человека есть еще порывы фантазии" (119),—то удивляешься, неужели творец подобных тривиальных и заведомо неверных фраз о марксизме был некогда ему близок и пытался писать его историю?

Я не буду излагать всего написанного Виппером против демократизации высшей школы в 1918 г., его план цеховой организации частной школы и т. д. Ибо все это для нашего времени строительства рабоче-крестьянских вуз'ов не имеет никакой цены и не нуждается в опровержении.

Тенденция везде одна и та же—сохранить цеховую замкнутость высшей школы, оторванность ее от фактической жизни, поставить смену себе по типу подбора в средние века мастером себе заместителей.

Идеология проф. Виппера есть реакционная идеология не изживших еще цеховых традиций представителей умственного труда. Потеряв устойчивую почву под ногами в дни революции, они закружились в водовороте событий. Их собственный круговорот представляется им через их исторические очки, как круговорот истории. Но действительная история не развивается

ни по какому заранее ей извне, неизвестно кем, предписанному плану, а творится в действительной борьбе классов. Чтобы понимать ее, надо снять очки профессорского цеха и взглянуть на жизнь трезвым взором марксистской науки. Но не составляют ли эти очки проф. Р. Виппера уже неразрывную часть его душевной и физической организации?

Ник. Карев.

А. Г. Вульфиус. Основные проблемы эпохи „Просвещения“. Птг., „Наука и школа“, 1923, стр. 122.

Заглавие рецензируемой книги значительно шире ее содержания, так как автор сознательно ограничил свою задачу, сосредоточившись лишь „на тех проблемах, которые ближайшим образом связаны с жизнью общества и государства“. При такой постановке вопроса, естественно, выпали все философские проблемы „Просвещения“, т. е. как раз та сторона эпохи, которая и наши дни привлекает больше всего интереса. Конечно, было бы недоразумением упрекать автора в отсутствии в книге того, что он сознательно изъял из объекта своего исследования, хотя проблема философии, несомненно, относится к „проблемам духовного развития новой истории“, представить которые является основной целью работы автора.

Но и при указанном ограничении своей задачи автору следовало бы остановиться особо на столь важных пунктах интеллектуального движения XVIII века, как этическая проблема и проблема теории исторического процесса. Их нельзя отнести к сфере „чистой философии“, они тесно „связаны с жизнью общества и государства“, а вторая из них тем более должна была оказаться близкой автору „книги, написанной историком“ (см. предисловие).

Автор сосредоточивает внимание на проблеме и эволюции естественной религии, на проблеме и эволюции учения естественного права и на проблеме веротерпимости, след., взаимоотношениях государства и церкви. Эти вопросы в аспекте XVIII века уже неоднократно служили темами научных и научно-популярных работ, и А. Вульфиус добавляет немного нового к историко-литературному достоянию предшествующего и нашего столетий. Это происходит не в силу отсутствия у автора таланта исследователя, а вследствие того, что он идет по старинке и не привлекает к подробному рассмотрению (а не к беглым указаниям на основании уже сводных работ) произведения мыслителей, умышленно замалчиваемых буржуазными историками.

В центре внимания автора остаются Вольтер, Монтескье и Руссо. Нет спора, что исследователь XVIII века обязан уделить им должное внимание, но нельзя по-прежнему скользить мимо Дидро, Гольбаха, Гельвеция и некоторых других. Если бы, короче говоря, А. Вульфиус более заинтересовался материалистами, а не следовал бы в этом отношении проторенной дорогой, он дал бы и для наших дней много интересного и нового. Автор правильно указывает, что деизм был стремлением р а ц и о н а л ь н о осмыслить религиозную догму, что мыслителям, стоящим на этой рациональной основе и не переходящим к и р р а ц и о н а л ь н о м у обоснованию религии Руссо, оставался один выход—атеизм. Значит, на известной ступени развития проблема естественной религии переходила в проблему а т е и з м а, и на этой последней следовало бы остановиться значительно подробнее, ибо широкое распространение идеи атеизма во Франции,—и чем ближе к революции, тем больше, из истории „Просвещения“ не вычеркнешь.

Точно так же у истоков идеи естественной религии историку следовало бы отличать от д е и з м а т е и з м, как первый шаг в сторону от церковной ортодоксии, отличие, игравшее у современников значительную роль. В параграфе „Проблема исторического развития религии и исторического христианства и отношение к ним религиозно-философской мысли Просвещения“

совершенно непростительно пропущен Вольней. Этот деист, стоящий у самого конца эпохи Просвещения и как бы подытоживающий социальную философию ее, чрезвычайно любопытен в своих историко-религиозных взглядах. Обширная глава „Происхождение и филиация религиозных идей“ из „Les Ruines“ должна была бы привлечь внимание А. Вульфиуса и повлияла бы на выводы автора.

„О принципах не спорят“. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос о „догматичности“ Гольбаха (стр. 34), а следовательно, и всего материализма XVIII века, хотя, конечно, это неверно. Равным образом, совершенно неверно утверждение автора о том, что молекулы Дидро „одарены желанием и отвращением, памятью и разумом, чувством и мышлением“. Столь богатая „психическая“ жизнь молекулы являлась тезисом Мопертюи, и как раз против этого тезиса Дидро возражал самым решительным образом.

Переходя к проблеме естественного права (гл. III), мы должны сказать, что в общем автор вполне правильно намечает разрешение этой проблемы веком; недостаточно, пожалуй, оттенено совпадение в глазах мыслителей эпохи понятий общества и государства. Разграничение этих понятий составило задачу уже следующего, XIX века. Но и в этой главе автор, оперируя, главным образом, идеями Монтескье и Руссо, оставляет в тени политическую доктрину материалистов, особенно, как она наметилась к 1770 году. Ввиду этого снова „крайности“ идеологии века Просвещения сглажены, и автор дает лишь „среднее арифметическое“ идей. Не использованы и взгляды Дидро на „естественное“ состояние людей: борьба с природой, как основное содержание этого состояния; таким образом проблески реалистических моментов в мысли XVIII века в противовес подавляющим рационалистическим не отражены в книге А. Вульфиуса.

Нам представляется, что ограниченное „допущение“ материалистов на страницы рецензируемой книги, допущение в весьма скромных размерах, явилось лишь знамением и уступкой „духу времени“, а между тем, с нашей точки зрения, именно эта „скромность“ исключительно и понизила научной ценности в общем интересной и полезной книги.

Недостатки гл. IV („Государство и церковь, идея веротерпимости“) определяются высказанными уже соображениями. А. Вульфиус снова предоставляет слово Вольтеру, Руссо и Монтескье. Атеисты, по его мнению, „не дали точных и ясных указаний на то, как должно государство относиться и к отдельным неверующим, и к историческим религиозным коллективам“; они не указали „методов этой борьбы (с религиозными предрассудками и церковными организациями) в государственном масштабе“. Конечно, при решительном атеизме не может возникнуть сложная и казуистическая теория государственно-церковных отношений, но сводить все положения материалистов к действительно простому требованию Дидро: „удавить последнего царя кишками последнего попа“, значит выставить учение материалистов в нарочито упрощенном виде.

Тот же Дидро дает гораздо более обширный материал и для обоснования, и для практики контр-религиозной политики. Церковная метафизика должна быть государственными мерами заменена светским, научным знанием, ибо примирения между ними быть не может. Дидро требует уничтожения преподавания закона божия в школах, закрытия богословских факультетов, „уничтожения“ духовенства вскрытием противоречия между их догмой и поведением, и т. д. Приходится указать А. Вульфиусу на некоторые места из „Discours d'un philosophe à un roi“ и „Mélanges...“ Дидро, а также на адрес, который ученик Дидро, Нэжон, представил Национальному Собранию в первые годы революции. В этом весьма остроумном адресе Нэжон дает совершенно точные и ясные указания на то, как должно государство относиться к церкви, он предлагает ряд законодательных мер, он обосновывает свои предложения. „Очевидность религии, необ-

...о, являются у всех людей переменной величиной, и, следовательно, от такие эпохи разума, когда эта очевидность равна нулю, и также, она становится величиной отрицательной",—говорит, между прочим, и, а в его лице и все сошедшие уже к тому времени с жизненной французские материалисты.

Вот это-то направление мысли французской эпохи Просвещения не о себе места в книге А. Вульфиуса; подобный пробел в связи с указами в начале рецензии недостатками в достаточной степени обесценивает старательно выполненную работу автора.

И. Луппол.

Борхардт Юлиан. Введение в научный социализм. Отдел снабже- Петрогубоно НБ. 1923 г. 104 стр.

Ю. Борхардту коммунизм наших дней и его действенный международ- орган Коминтерн казались в свое время слишком правыми, слишком ртунистичными и ради этого он покинул наши ряды. Поэтому тем ин- нее его новая работа, предисловие которой помечено ноябрем 1922 г. него мы узнаем, не забывайте—от левого „рабочего" коммуниста!—что ъ после войны и немецкой р волюции стала проводить различие между ьлизмом и коммунизмом. „Нет никакой причины учитывать эту перемену и, возникшую по чисто-политическим причинам в труде чисто-научном" Запомним это различие между чистой политикой и чистой наукой, про- ное нашим левым, потому что этот его научный труд, который мы раз- ем, является не чем и ым, как „общим очерком социалистического уче- и сущности эрфуртской программы". Значит выходит, что эрфуртская рамма только чисто-научное произведение. Это раз. А во-вторых, хо- левый, который—теперь, в наши дни—занимается проповедью эрфурт- программы, которую сами с.-д. теперь заменили горлицкой. Вот к приводит беда от горячего сердца. Ведь левые обычно апеллируют не уме, не к научному анализу, а к чувству, подчас рассудку наперекор, рекор стихиям.

Именно этим чувством, а не научным анализом, мы считаем указание ды (40 и 41 стр.), что новейший социализм основан Марксом. Автор за- вас к устройству нового строя. И на естественный вопрос о том, что из себя будет представлять этот строй, неожиданно замечает: „Пусть мы го не знаем о социальных условиях будущего, но все-таки мы очности знаем, одно,—что эти условия будут другие, не ныне су- ществующие" (74). Положим, он дальше смягчается и приподнимает завесу тем неведомым будущим, которое нас так манит В будущем строе кий получает, чего он хочет. Организацию себе можно представить так, группа лиц, соответствующих по своей профессии теперешним коммер- ам, установит размер и количество спроса, затем позаботится об из- влении предметов нужного количества и качества, далее подумает об их авке на места потребления, о размещении и хранении на складах и, онец, о доставке их на дом по желанию потребителя" (101—102).

Объяснение исторических фактов современности, в частности войны, ажает своей примитивностью. Заранее можно было то знать, что Герма- и Австрия не смогут бороться против враждебной коалиции. Поэтому овало бы искать союзников. „И если английской дипломатии все таки юсь создать такую грозную коалицию против Германии, то одну из ных причин этого надо искать в особой неловкости германской дипло- ии" (81). „В мировой войне, например, группировка союзных держав ствительно в крупной мере зависела от ловкости дипломатов" (82) И ай Борхардт совершенно серьезно предлагает следующее: „Германское

правительство могло предложить концессии французскому, чтобы заручиться его союзом против Англии или наоборот—предложить концессии Англии против французов" (82). И этот наивный автор писался накануне французской оккупации Рура, чем французы ясно показали, каких концессий они добивались в войне.

Читателю может показаться на основании вышесказанного, что книга Борхардта плохая и никуда не годится. Вот в том-то и беда, что в общем книга очень полезная и незаменимая. Она дает для пропагандистов великолепный материал чисел и фактов, рисующих положение рабочего класса Германии накануне войны, показывающих, что бюджет рабочих был ниже минимума прожиточного. Даны прекрасные характеристики капитализма и империализма и тех зол, которые они приносят. Великолепно вскрыты причины перехода рабочих в лагерь борцов за социализм, при чем наш левый остается верен себе и эту главу озаглавливает „почему существуют социал-демократы". Очень хорошо вскрыто понятие „свободы воли" и многое другое. Вот почему глубоко жаль, что редакция этой в основном хорошей книги не выбросила или по крайней мере не оговорила указанных выше мест. Мы же нарочито заострили нашу критику, чтобы показать, что коготок увяз—всей птичке пропасть. Борхардту, при всех его личных хороших качествах, показался тесным последовательный марксизм, он сошел с правильного пути, и начались зигзаги как научные, так и политические, потому что еще Маркс, начиная „Критикой философии права Гегеля", показал нам, что проверка науки есть практика, т.-е. политика, и всякое отделение науки от практики и обратно будет искусственным. Борхардт стоит, как видим, на иной ошибочной практике и по существу, значит, объективно указывает путь к оккупации Рура и сговору Стиннеса с Пуанкаре. Над этим все левые должны призадуматься.

Ст. Кривцов.

„Проблема преступности". Сборник статей под ред. Я. Розанова Изд. 1924 г. Укр. Госиздат. 266 стр.

Уголовное право, как известно, область, где, по выражению т. Рязанова, „и не ночевал марксизм". Явление, конечно, вполне понятное: уголовное право буржуазии, только и существовавшее до 1917 года, могло создать и науку о преступлении и наказании только буржуазную; как ни больно касались рабочего класса вопросы преступности, которая по удовлетворенному замечанию лидеров так наз. социологической школы к нашему времени окончательно „локализировалась" и, точнее, „пролетаризировалась"—наука пролетариата, занятая критикой основных отношений капиталистического общества, не имела ни избыточной энергии, ни достаточных оснований для критики отношений уголовно-правовых.

Поскольку же сейчас, в государстве пролетариата, вопросы уголовного права получили актуальное значение, нельзя не приветствовать книги, ставящей себе задачей „укрепление наших марксистских позиций в мало исследованной области криминальной социологии".

Но для выполнения этой задачи необходимо было соблюдение двух условий. Во-первых, надо было собрать по возможности все, из того немногого, что дала марксистская мысль по вопросам преступности и что смогло бы иметь теоретический интерес и в наши дни. Во-вторых, прежде всего надо было резко отмежеваться от тех социологических экзерциций, которыми занялась буржуазная криминалистика к концу XIX века, когда преступность разраслась до пределов „социально-патологического явления" изъявления простого неприятного, ясно показала недостаточность борьбы с нею только наказаниями и тем самым впервые поставила перед буржуазным государством и его наукой „проблему преступности"; своей наклонностью к упражнениям в

социологии „новая школа“ резко отличается от чисто-юридической старой (классической) школы, а у некоторых своих представителей, страдающих шатанием убеждений, может для невооруженного глаза показаться даже более или менее близкой к марксизму. Однако, каким бы богом ни божились эти криминалисты, „правовым порядком“ или „социализмом“, их социологические упражнения являются одинаково объективно-реакционными, служа рационализации и усилению репрессуализма буржуазного государства („опасное состояние“ и „меры социальной защиты“ вместо „виновности“ и индивидуального возмездия, неопределенные приговоры, досрочные освобождения и т. п., принятые одинаково всеми разновидностями так наз. социологической школы), и одинаково лишены теоретического значения, ибо одинаково отравлены вульгарнейшим эклектизмом и субъективно-индивидуалистическим подходом к общественным явлениям (знаменитые „факторы“ и самостийная „личность“, являющаяся параллельно с „экономическими влияниями“ определяющим моментом). В социологии и политической экономии марксизм борется с такими особенностями буржуазно-декадентской науки, ясно, что и в углубленной социологии задача марксистов—борьба с такой „наукой“, сколь бы она ни любила поговорить про „экономическое“, а вовсе не с классической криминалистикой, которая вообще не знает социологии, ограничиваясь техникой, юридико-догматическим овладением положительным правом, и потому вообще с наукой, с марксизмом не встречается, чего, к сожалению, не видит редактор сборника (см. его предисловие).

Оба эти условия в сборнике не соблюдены. Из марксистских работ по криминологии не использован ряд статистических исследований (Гирша, Линденау, Герца), печатавшихся в тех же 90—900 годах в „Neue Zeit“, откуда взяты статьи Кунова, Каутского, Сурского, нет и крупнейшей и ценнейшей марксистской работы по криминологии — докторской диссертации т. Раковского, защищавшейся им 26 лет тому назад во Франции (что уж вовсе должно быть стыдно украинским товарищам: этой работы, правда, нет в России, но через автора ее можно было бы достать за границей); и как раз криминологические статьи столпов марксизма II-го Интернационала—Кунова и Каутского, впервые переведенные на русский язык, представляют мало интереса, как по теме—полемика с давно сданными в архив органологическими отрыжками в криминологии, так и по своему мелко-злободневному характеру (как должна отнестись социал-демократия к теории Ломброзо?). Зато сборник наполнен не имеющими ничего общего с марксизмом статьями Ферри, бывшего итальянского социалиста, а ныне полу-фашиста, видящего в преступлении „главным образом“ биологический феномен, Колаянни, „социального республиканца“, с комичной серьезностью опровергающего положения Э. Ростана о криминогенных свойствах зловредной социалистической пропаганды в буржуазных странах, немецкого с.-д Гроссе, защищающего реакционнейшую биологическую ерунду Ломброзо и, наконец, русского профессора Гернета („социалистическое крыло социологической школы“), гуманно настроенного по отношению к рабочим и решительно неизвестно почему зачисляемого уже не раз у нас „по марксизму“: все эти статьи способны не „закрепить“ в марксизме, а сбить окончательно с толку неподготовленного пролетарского читателя, занявшегося криминологией.

Зато очень полезными для него окажутся статьи Лафарга (превосходнейшее статистическое исследование о зависимости преступлений от промышленных конъюнктур, имевшееся уже в русском переводе), Бонгера (единственного ортодоксального марксиста из криминологов по профессии) и отчасти Сурского, интересно ставящего вопрос о неразрывной связи преступности с основными отношениями капиталистического общества, но несколько примитивно все же понимающего принципиальную разницу между „социологическим“ и марксистским подходом к изучению преступности (те, мол, и своих

уголовно-политических выводах ограничиваются реформами, мы же стремимся к социализму).

За эти статьи начинающие криминалисты будут благодарны издателям сборника, тем более, что издан он превосходно.

Иегудиилов.

Академик В. Стеклов. „Математика и ее значение для человечества“. РСФСР Госиздат. Берлин. 1923 г. Стр. 137

Книга академика Стеклова посвящена вопросам философии, математики и механики. Главным образом в ней говорится о происхождении основных понятий и аксиом указанных наук. Кроме того Стеклов разбирает вопрос о научном творчестве вообще и об отношении математики к философии. Все это делает книгу очень интересной. К тому же эту книгу выделяет из ряда других книг на эту тему, имеющихся на современном русском книжном рынке, интересная точка зрения автора и блестящее изложение.

В противоположность многим и многим современным профессорам проф. Стеклов далек от религиозности [1]) и вообще какого бы то ни было преклонения пред религией, чужд догматизма и метафизики. Книгу свою он начинает с краткого обзора основных философских течений, начиная с Бэкона и кончая Кантом. Период упадка греческой культуры до эпохи возрождения Стеклов характеризует как „тысячелетний кошмар“ (стр. 7). Причиной кошмара является „величайшее бедствие“ — „христианство“ (стр. 5). „Невежество (в лице варваров. *А. М.*) с удивительной ловкостью использовало учение Христа, чтобы под его прикрытием загубить всякое проявление живого духа, сковать всю Европу, казалось, цепями беспросветного мрака“ (стр. 6). После „тысячелетнего кошмара“, начиная с Бэкона, Колумба, Васко де-Гама, Леонардо да-Винчи, Д. Бруно, Коперника, Галилея, Кеплера, Стевина, Гюйгенса, Лейбница, Ньютона и многих других математиков, физиков и астрономов, снова расцветает наука. Особенно выдающуюся роль играет при этом математика и математики. Клерикалы и теология жестоко расправляются со всеми вольнодумцами и щедро расточают „ужасающие пытки“, „сжигание живьем“ и пр. Однако им не удалось остановить научного расцвета. Мало того, „математика“ не только прорвала фронт теологических бредней, освященных авторитетом церкви и сдавливавших железными тисками догмы ум человечества, но проникла в самое сердце теологической системы и, нанося ей без перерыва удар за ударом, вдребезги разбивала все ее устои, которые с такой фанатической настойчивостью и последовательностью воздвигались в течение ряда веков“ (стр. 10).

Это „сердце теологии“ укрылось в философских учениях о существовании врожденных идей, в учении априоризма. Так, по мнению Стеклова, „в утверждении Декарта о невозможности воздействия мертвой природы на живой дух сказалось основное положение старой теологии о коренном противоречии между душой человека, находящейся в ведении всеблагого бога, и его плотью, тем „сосудом скудельным“, которым всецело заведует антипод бога—сатана“ (стр. 13). Для объяснения возникновения врожденных идей Декарт прибегал к ссылке на всемогущего бога. Но „его бог во многом обманул его“. Система Декарта оказалась ложной. Учение о врожденных идеях, порождение теологии, в грубой форме проявившееся в учении Декарта, в дальнейшем совершенствуется. Такими более совершенными системами являются философские учения Лейбница и особенно Канта. Стеклов отме-

---

[1]) Любопытным фактом поддержки профессорами, в том числе и точных наук, религии является поддержка профессорами I Моск. Гос. Университета соседней с университетом церкви, т. е. св. Георгия, где они минувшее только что рождество отметили богослужением по **старому** стилю. Немало распространено и увлечение восточной мистикой.

-т, что „именно математика всегда являлась и является источником фило-рии, что она создала философию и может быть названа „матерью филосо-и" (стр 31) Но, если математика давала повод к созданию философских -тем, допускавших априорное и безусловно истинное знание, то она же -алась той стихийной силой разума", которая толкала к все новым и но-м изысканиям и к критике учения об априоризме и безусловном знании -р. 31). Именно в этом и видит главную заслугу математики акад. Стеклов. -к ни совершенней являлась философия Канта, математика показала оши-чность ее и прежде всего в учении о пространстве.

По Канту геометрические фигуры, линии, поверхности, объемы суть -дания чистого разума, чистые воззрения, предшествующие опыту. Поэтому, -це, ребенок, никогда не видавший круглого предмета и увиден его впер-е, отличает его как круглый потому, что образ круга наперед заложен в -мозгу от природы. На основе таких же априорных чистых воззрений -нованы и положения анализа и Евклидовой геометрии. Они, по Канту, без-ловно истинны.

Против этих-то положений обрушивается акад. Стеклов Он в ясной и -час очень остроумной форме высмеивает идею априоризма, в течение -ков не охранявшую ученых от заблуждений. Он показывает, как медленно -рабатываются геометрические представления, как много ложных взглядов -иходится прооборить, прежде чем удается достигнуть правильных предста-ений. Приведя достаточное число примеров геометрических заблуждений, -еклов довольно остроумно замечает: „ведь из этих примеров можно скорее -вести гипотезу о врожденной способности человека к ложным представле-ям, которые затем, через долгий промежуток заблуждений, с большим тру-м разбиваются именно опытом, и им только направляются на путь истины" -гр. 20). Тут же он поясняет, как образуется представление об априорном -нии. „Замечательно то, — говорит он, — что добытая таким путем (т.-е. опытом, -. *М.*) более правильная мысль и выражения определенно представляется -тем ясной до очевидности, принимается как бы за аксиому, не могущую -ть и доказательства ввиду ее очевидности".

В другом месте по поводу основных аксиом математики он говорит -В настоящее время мы до такой степени освоились с подобными истинами, -о они кажутся нам данными в нашем сознании наперед, составляя как бы -о природное свойство, возникают немедленно сами собой с возникновением -шего сознания; устранить из нашего сознания эти истины представляется -возможным без утраты того, что мы называем сознанием" (стр 98).

Но если истины математики опытного происхождения, то в чем же -шибка Канта и вообще идеалистов, допускающих априорное знание?

Ошибка их заключается в том, что они заранее допускали то, что -жно было доказать: безусловную истинность геометрических и математиче-ских положений. „Приписав наперед абсолютную достоверность аксиомам -ычной геометрии, единственной геометрии, известной в то время, т.-е. на-перед допустив то, что им нужно было доказать, они, после длинного ряда -иногда весьма остроумных и сложных логических построений, пришли как -ы к тем выводам, которые наперед допустили, т.-е. в отвлеченно философ-ской форме повторили ту же ошибку, которую допускали чистые геометры -течение почти двух тысяч лет, стараясь доказать независимо от постулата -Евклида, что сумма углов прямолинейного треугольника всегда и необходимо -равна двум прямым (стр 77).

Разъясняя ошибку Канта, Стеклов подробно останавливается на вопросе -происхождения постулата Евклида, аксиом анализа и законов математиче-ских операций. Везде он после обстоятельного критического разбора утвер-ждений идеалистов приходит к выводу, что все эти постулаты, аксиомы и -законы опытного происхождения. При этом доказательстве Стеклов пользуется -то данными физиологии, то данными истории науки, то данными истории

культуры. Для нас особенно ценно, что академик Стеклов пользуется историческим методом. Так в вопросе об опытном происхождении понятия о число, он приводит (правда, небольшие) данные о счете первобытных народов, вавилонян, индусов и греков, и русских.

В результате разностороннего анализа он так резюмирует свои выводы: „Мы полагаем... что основы всех наук, в том числе и чистой математики, созданы путем длинного ряда опытов и наблюдений, и обобщения замеченных на многих частных случаях общих закономерностей“ (стр. 104).

Таким же образом исследует Стеклов и аксиомы Ньютоновой механики и закон причинности. И здесь он не находит места для априоризма.

Но если автор разбираемой книги отверг априорный характер законов и аксиом математики и механики, то, может быть, он допускает безусловную истинность, метафизическую незыблемость найденных опытом правильных знаний. И этого нет! Стеклов против догматизма и метафизики. Он диалектик в том смысле, как это слово употребляется у марксистов. Так по поводу аксиом механики он говорит: „Создаваемые таким путем основные законы, не имеющие ничего им предшествующего в содержании разума, не являются, вообще говоря, точным воспроизведением фактов действительности, а только приближенным их выражением. Они имеют только относительную достоверность, которая тем более приближается к абсолютной, чем более подтверждаются делаемые из них чисто дедуктивным путем выводы данными опыта и наблюдения, чем чаще и точнее оправдываются основанные на них предсказания будущих явлений. Однако абсолютная достоверность никогда не достигается, и никогда не исключается возможность того, что те же опыт и наблюдение докажут недостаточность тех приближенных утверждений, которые мы признаем в течение иногда длинного промежутка времени достоверными“ (стр. 73—74). Точно также приближенными Стеклов считает законы геометрии (стр. 77—78) и законы анализа (стр. 103).

Но если наше знание мира действительности лишь приближенно и посему в известной доле относительно, если рисуемая нами на основании опыта модель природы лишь искаженное отражение ее, то все же такое знание есть единственно достоверное, положительное знание. Оно устраняет „всякий элемент веры“, догматизм и „иллюзию об априорных истинах и абсолютной достоверности человеческих знаний“ (стр. 134).

И совершенно справедливо акад. Стеклов со всей решительностью возражает против метафизических притязаний и потуг идеалистов в лице проф. А. И. Введенского создать абсолютно истинное знание. „Возможность предсказывать будущее, изобретать и делать открытия неизмеримой для человечества пользы при помощи приближенного знания природы их не удовлетворяет. Им важна теория сама по себе“... Они хотят безусловного, абсолютного знания. „Очень почтенное требование, но, к сожалению, в угоду ему ломать природу не приходится“, замечает Стеклов (стр. 63—64).

Мы не можем не приветствовать этой защиты Стекловым научного знания.

Большая половина разбираемой книги посвящена критике идеализма и априоризма. Другая половина книги посвящена положительному изложению философских взглядов самого академика Стеклова.

Самой интересной частью из этих взглядов является взгляд на основной механизм научного творчества.

После того, как открыты основные исходные точки, аксиомы данной науки, являющейся обобщением всего нашего опыта о фактах данной науки, из этих аксиом чисто дедуктивным путем могут быть получены все возможные следствия. Логика—вот то орудие, которое развивает аксиомы в дедуктивную систему. Но все, что в такой системе дедукции есть из области опыта, черпается лишь из основных аксиом. Нового при дедукции ничего

создается. Логика лишь исчерпывает содержание аксиом. Поэтому ика (формальная) ничего нового нам дать не может и очевидным образом при посредстве ее создаются новые научные истины, новые открытия, вмовывается возможность иных, чем существующие, аксиом и научных тем.

Вот на механизме создания новых научных истин и сосредоточивает е внимание акад. Стеклов. И здесь, конечно, опыт является исходной кой. Опыт дает материал, над которым оперирует ученый. Но в чем ключается открытие ученого? В чем сказываются талант и гений?

Стеклов видит признак истинного ученого в способности из небольшого ела фактов вывести, вернее, угадать общую закономерность, закон, которые охватывают не только эти исходные факты, но и множество других. а способность есть физиологическое свойство нашего мозга (стр. 91, 105, 2). Таким образом основные идеи не извне откуда-то проникают в готовом е в нашу голову, а являются продуктом активной деятельности нашего зга.

Но, поскольку разработаны и ясны законы дедуктивного мышления, столько же темен для нас процесс творческого открытия новых истин. еклов этот процесс называет интуицией и иллюстрирует рядом прииров, когда открытие для самого ученого являлось неожиданным проблеском рческой мысли, счастливой догадкой.

Для нас важно отметить, что Стеклов признает для области интуиции сильной формальную логику (стр. 89). Интуиция дает в качестве обобщения всегда нечто большее, чем заключается в тех фактах, из которых а исходит. Здесь мы несомненно переходим в область диалектической гики. И поэтому процесс интуиции следовало бы исследовать подробнее. тут мы расходимся с академиком Стекловым в разные стороны. Он говорит (стр. 111): „Наличность этой интуитивной способности станавливается непосредственным наблюдением; искать ъяснения или причины возникновения невозможно, ибо она сама является рвой причиной всякого объяснения чего бы то ни было“...

Мы полагаем, что акад. Стеклов ошибается, умозаключая, что, если туиция есть механизм создания идей, то нет идей, которые бы могли ужить исходным пунктом для исследования самого процесса интуиции. акими идеями являются идеи науки физиологии, в частности, рефлексологии. Механизм рефлекса, лежащий в основе мыслительной деятельности, ожет служить не только анализу сложного раздражения, разложению его а составные части, но и обобщению частных раздражений на основе того бщего, что в них имеется. Таким образом нам рефлексология дает в руки о, возможность существования чего академик Стеклов пытается отрицать[1].

Но не только в этом пункте мы не соглашаемся с акад. Стекловым. аключение своей книги он посвящает краткому изложению основ собственых философских взглядов, которое он считает продолжением того направления в теории познания внешнего мира, которое было создано Лобачевским и Чебышевым, великими русскими математиками.

Здесь он высказывает свой взгляд на вопрос о познаваемости внешнего мира, на сущность душевных явлений и на возможность познания этой сущности.

Если в большей части книги мы видели в Стеклове вооруженного строй критикой естествоиспытателя, то в этих немногих заключительных страницах мы видим в Стеклове математика, невольно перегнувшего линию в сторону формального мышления, в сторону переоценки той логики, кото-

[1] По вопросам рефлексологии можно рекомендовать на русском языке след. книги: Акад. И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных. Госиздат 1923. Акад. В. Бехтерев. Общие основы рефлексологии человека. Госиздат 1923.

рую он выше сам порицал. Этим невольным преклонением пред формальным мышлением мы объясняем явные противоречия и ошибки, которые обнаруживаются в книге Стеклова.

Прежде всего о том, что является первичным: внешний мир или наши ощущения? Несмотря на то, что Стеклов десятки почти раз в своей книге подчеркивает значение науки как модели, приближенной картины внешнего мира, несмотря на то, что он признает этот мир существующим и являющимся источником наших ощущений,—несмотря на это, у него встречаются формулировки такие, которые при дальнейшем их развитии (как, наприм., мы это видим у махистов или неокантианцев) привели бы к прямо противоположным положениям, чем указанные. Так, на стр. 38 он говорит: „Ощущения пространства, цветов, звуков, запаха, тепла и т. п. сами по себе суть первичные факты, не имеющие ничего им предшествующего, служащие исходной точкой всей дальнейшей мозговой деятельности".

На основе этих ощущений создается наше представление о материальных предметах, о внешней физической природе, о действительности (стр. 129). Но именно потому, что мы знаем только ощущения и ничего более, Стеклов считает, что „вопрос о том, действительно ли существуют вещи вне нас лежащие—внешний материальный мир, не имеет смысла" (стр. 130). „Он действительно существует по самому своему определению, ибо существует определенная категория ощущений, ему соответствующих и непосредственно нами испытываемых".

Вот признание существования действительности „по определению", признание за первичное ощущений и являются не правильными. Если стоять на формальной точке зрения, то правильнее будет признавать одни лишь ощущения, а предметы, мир, как комбинации ощущений, как и делают махисты. Признавая же мир действительности за источник наших ощущений, нужно итти до конца и признавать эту действительность не только „по определению". Вопрос о существовании действительности тогда будет не только не бессмысленным, но, наоборот, полным глубочайшего смысла. Разве колоссальное развитие естествознания и техники, опирающихся именно на допущение существования мира действительности, не дают нам в руки таких данных, которые должны уничтожить всякие формальные соображения! Разве возможно существование естествознания без этого допущения существования действительности? Разве естествознание не дало нам в руки данных, объясняющих возникновение в ряду элементов действительности ощущений и сознания? Разве оно не доказало первичность именно не ощущений, а действительности, получающей у Стеклова существование лишь по формальному „определению"?—На все эти вопросы естествознание дало нам самые положительные ответы.

Так же не удовлетворяет нас формулировка Стеклова о характере существования душевных движений нашего организма. Подчеркнув во многих местах физиологическую подъоснову такого основного механизма нашего мышления, как механизм индукции, он все же заявляет на стр. 130: „Еще в большей степени мы непосредственно чувствуем невозможность приписать внешнее материальное существование так называемым душевным движениям нашего организма". Хотя из смысла всего рассуждения, из которого взята последняя цитата, и можно заключить, что здесь Стеклов рассматривает душевные явления с субъективной точки зрения, однако, не сопровождая никакими разъяснениями указанной цитаты, оставляет место для допущения и объективной нематериальности душевных явлений.

Действительно, переживая субъективно свои собственные душевные переживания, мы не можем ничего сказать об их материальности, так как лишены вообще возможности исследовать их как-либо иначе, чем в субъективном переживании. Мы лишены при этом возможности измерения и сравнения основных требований при познании чего-либо. Как нельзя

мерять аршином аршин, так нельзя субъективно переживающей себя материи познать себя как материю. Но то, что субъективно не может быть познано как материальный процесс, объективно таковым является. Ведь, душевные процессы, как хорошо известно и академику Стеклову, суть лишь весьма сложные процессы в очень сложно организованной материи. Сам Стеклов их относит к области физиологии. И, действительно, рефлексология учит нас исследовать душевные явления как особый род материальных, физиологических процессов. Признавая материальный характер „духовных“ процессов, мы должны лишь остерегаться трактовать их как обычные механические процессы материи. Процессы физиологии неизмеримо сложнее процессов механики, и одни лишь законы механики недостаточны для объяснения душевных явлений... Но эти явления существуют объективно, как процессы материальные.

Переоценкой роли ощущений и органов чувств в познании нами внешнего мира объясняются и два следующие недочета в изложении академика Стеклова.

Признавая пространственные свойства объективно существующих предметов, признавая объективно существующей протяженность их, он в то же время отказывается признать объективное существование пространства (стр. 79, 38). По Стеклову пространственное восприятие предметов есть физиологическое свойство нашего нервного и мозгового аппарата. Не становясь на точку зрения априоризма, Стеклов тем не менее по вопросу о пространстве занимает, таким образом, позицию, родственную в некотором отношении к Канту. Мы полагаем, что пространство существует объективно, как форма расположения материи, ее частиц. Признавать протяженность материи, как объективное ее свойство, и отрицать объективность пространства—вопиющее противоречие, совершаемое Стекловым несомненно лишь из желания во что бы то ни стало поддержать традиции почтимых им основоположников русской математики—Лобачевского и Чебышева. Так не избежал и сам Стеклов догматизма, против которого он воевал!

В заключение укажем еще на явную ошибку Стеклова при обосновании им его точки зрения на возникновение представления о силе. Здесь он обосновывает свой взгляд соображениями из области физиологии. Но опыт, который он берет в подтверждение своего взгляда, совершенно воображаемый. Количественные представления о силе он выводит из мускульных усилий. Он говорит: „с глубокой древности человек должен был заметить, что, при поднятии или двигании одного и того же груза двумя руками, мускульные усилия каждой руки приблизительно оказываются вдвое более слабыми, чем при поднятии или перемещении того же груза одной рукой“ (стр. 65).

Очевидно, что в древности человек свои мускульные усилия определял субъективно. При этих условиях никак не могло получиться представления о пропорциональности между сопротивлениями и мускульными усилиями. В психологии известно, что если первые растут в геометрической пропорции, то вторые — в арифметической, что и носит название закона Вебера-Фехнера. Этот закон вне всякого сомнения хорошо известен и самому академику Стеклову и если он берет указанную иллюстрацию к возникновению количественных представлений о силе, то лишь отдавая, с одной стороны, дань рационализму, которого он, воюя с ним, и сам не избегает, с другой стороны — дань преувеличению роли органов чувств и ощущений.

Вот некоторые из критических замечаний, которые мы считали нужным сделать по поводу содержания книги Стеклова. Ряда других вопросов, затрагиваемых в книге, мы не коснулись, но полагаем, что сделанных замечаний достаточно для характеристики книги.

Несмотря на указанные философские уклоны, книга акад. Стеклова так ярка в своей критической части, так метко бьет по априоризму и идеа-

лизму, так легко рассеивает идеалистический туман, обильно распространенный сейчас в научно-популярной литературе и с университетских кафедр, что ее нельзя не рекомендовать нашему студенчеству. В то же время эта книга может служить и объектом для критического ее разбора в марксистских кружках с точки зрения диалектического материализма.

А. Максимов.

О. Д. Хвольсон. „Строение атома и рентгеновы лучи“. Петроград, 1923 г. Научное книгоиздательство.

Проф. Д. А. Гольдгаммер. „Невидимые глазу мир“. ч. I—Молекулы и атомы. Госиздат, Берлин 1923 г.

Книги посвящены одной и той же теме. Но проф. Хвольсон излагает новейшие теории строения атома (Бора-Зоммерфельда), в то время как покойный Гольдгаммер, писавший книгу в эпоху блокады (1919 г.), мог использовать только старый сравнительно материал. Изложение у обоих авторов блестящее и истинно популярное, т.-е. читатель с известной элементарной физико-математической подготовкой сумеет получить основательные и строго научные знания по затрагиваемому вопросу. С точки зрения ознакомления с новейшими учениями об атоме книга проф. Хвольсона превосходна. С присущим ему мастерством, Хвольсон вводит читателя в теорию Бора, излагает ее первоначальную форму, развитие теории у Зоммерфельда (круговые орбиты Бора заменены эллиптическими: наблюдается замечательное тождество атомного микрокосма с планетным микрокосмом) и, наконец, приложение теории к лучам Рентгена.

Сочинение Гольдгаммера, трактующее до-Боровскую кинетическую теорию материи, может служить прекрасным введением к работе проф. Хвольсона. В этом отношении книги образуют как бы единое целое, и их можно серьезно рекомендовать читателю, желающему быть в курсе важнейших вопросов современной физики.

Это единство было бы полным, если бы не одна особенность, которая кладет резкую грань между сочинениями. Эта особенность заключается в коренном различии тенденций авторов. Эти тенденции можно формулировать так: проф. Хвольсон тяготеет к идеалистической интерпретации научных итогов, в то время как Д. А. Гольдгаммер стоит на строго материалистической точке зрения.

О. Д. Хвольсон старый рыцарь идеалистической философии. Свои воззрения он особенно ярко выразил в книге: „Гегель, Геккель, Кошут и 12-я заповедь“, направленной против знаменитого автора „Мировых загадок“. В. И. Ленин, с присущей ему резкостью и определенностью, назвал это сочинение „черносотенной брошюркой“.

В реферируемой книге он остался верен себе.

„Чудное научное здание механической теории явлений лучистой энергии рухнуло“, - сообщает нам автор.

„Из всех частей нашей науки постепенно вытесняется идея непрерывности. Эфир (читай: материя), властно царствовавший в старой физике, должен был спуститься в царство теней, неизвестно — живых или мертвых, в во всяком случае сейчас, хотя может быть и только временно, для науки ненужных“. Эти слова представляют повторение того, что проф. Хвольсон писал еще в 1916 г. Но проф. Хвольсон почему-то скромно умалчивает о том, что сам победитель эфира, знаменитый Эйнштейн, после 15-летней эволюции снова пришел к эфиру (материи). При чем этот эфир уже не тот глупенький и наивный эфир старой физики, которого легко было уличать в глупости в противоречиях и „изгонять“. Эфир Эйнштейна—это грозный эфир Декарта, т.-е. пространство, как физическое тело (материя), эфир, против которого

идет 300-летняя борьба и раздаются, по выражению Гаусса, крики „беотийцев“. Правда, учение Эйнштейна окутано густым схоластическим туманом (наследие философии чистого описания), но в нем есть то здоровое и громадной важности зерно, что оно, наконец, поставило на строго научную почву проблему Декарта, т.-е. проблему изучения пространства как физического тела (См. Эйнштейн, Геометрия и опыт, принцип относительности и эфир). Каково бы ни было решение вопроса о природе нашего пространства (Евклидово ли оно или не-Евклидово) но это решение должно получаться из опыта. Поэтому Декарт называл пространство не бесконечным (infini), а неопределенным (indefini) и в письмах к Генриху Мору (который, между прочим, является одним из первых писателей нового времени, трактовавших вопрос о не-Евклидовом пространстве; см. книгу Zimmermann'а H. M. und die 4 Dimension des Raumes) говорил о своей „благоразумной осторожности“ в этом важном вопросе [1].

Необходимо указать, что физика уже давно изучает пространство как физическое тело. Так называемая „гидродинамика идеальной жидкости“ не что иное, как механика Евклидова пространства. В этом очень легко убедиться, прочтя определение „идеальной жидкости“ Максвелла в его знаменитой статье „Атом“ (См. Британская энциклопедия, 9 изд., или The Scientific Papers of J. C. Maxwell, т. II). И так как электромагнитные явления в „пустоте“ не что иное, как непосредственные процессы в такой „жидкости“, то отсюда и получилась замечательная „аналогия“ между вихревыми уравнениями Гельмгольца и уравнениями Максвелла. Вот почему электромагнитная теория лучистой энергии не есть антипод механической теории (как утверждает проф. Хвольсон), а подлинная механическая теория.

Рухнула не механическая теория, а несовершенная механическая теория. Ибо основная ошибка старой теории в том, что она уподобляла эфир обычной „упругой материи“ (прилагая формулы из теории упругости!), т.-е. более элементарное явление лучистой энергии и вообще электромагнетизма пыталась вывести из более сложного. Неудивительно, поэтому, что эфир старой физики представляет собой весьма удивительное существо: то это тело ничтожной плотности и громадной упругости, то это сапожный вар или пена, прикрепленная к стенкам сосуда мироздания, то это пульсирующие шары, то собрание гиростатов, то он движется, то неподвижен. Словом, с эфиром, по остроумному выражению Эйнштейна (Диалоги) каждый делал, что ему только вздумается, и эфир, от такого обращения, превратился в „больного человека физики“.

Вернемся, однако, к книге Хвольсона. В § 1 второй главы он заявляет: „Лучистая энергия прежде объяснялась колебаниями частиц эфира, гипотетического вещества, заполняющего „пустое“ междузвездное пространство, а также внутри материи все промежутки между атомами. Однако от такого взгляда наука отказалась, окончательно признав, что лучистая энергия представляет распространение электромагнитного колебания, сущность и характер которого мы здесь можем оставить без рассмотрения“. Очень жаль, проф. Хвольсон! Вы бы хоть в кратких словах познакомили нас с тем, что именно колеблется! Но пусть наивный читатель не думает, что он таким вопросом может припереть к стенке современного профессора. Уже давно химик Оствальд и благочестивый физик Бальфур (согласно которому все законы физики были отменены в момент воскресения и вознесения Христа) заявили: разве природа (читай: дух) обязана к каждому сказуемому приставлять подлежащее? Колеблется и—больше ничего. Колебание не нуждается

---

[1]) Я не нашел в сочинениях Декарта прямого упоминания не-Евклидовой геометрии. У него имеется, однако замечательное место (в Regles pour la direction de l'Esprit, стр. 305, изд. U. Coresin'а, где он разбирает вопрос о понятии „измерения“ Декарт указывает: „il appartient plutôt à la physique d'examiner si le fondement de ces divisions est rel ou ne l'est pas“.

ни в каком „что“, т.-е. колебаться может „ничто“ (в действительности это „ничто“ = пустоте = вакууму = пространству как физическому телу, т.-е. материи, и в этом именно ядро схоластической спекуляции [1]). Все это не столь бессмысленно, как может показаться человеку, неискушенному в схоластических тонкостях философии. Но, в конце концов, это, конечно, мистицизм и метафизика. Против последних и выступает проф. Гольдгаммер в своей блестящей популярной работе.

„Увлечение метафизикой и мистицизмом,—говорит он в главе X,—обнаружившееся в двадцатом веке в современном обществе, наложило свою печать и на людей точного знания. Взамен ясных и светлых образов механики является стремление к каким-то таинственным схемам, не подлежащим отчетливому представлению, и вместо того, чтобы ставить целью естествознанию раскрытие тайн природы, люди готовы громоздить ненужные тайны одну на другую. Чем непонятнее, чем таинственнее, тем лучше...“ (Между прочим: Гольдгаммер в свое время выступил в защиту Максвелла, теорию которого объявили таинственной схемой, несмотря на то и именно потому, что она построена на уравнениях Лагранжа). И вот, в то время, как Хвольсон во всех своих писаниях постоянно твердит или дает намеки на то, что механическое объяснение явлений невозможно и потерпело „окончательный“ (сколько раз-то!) крах, Гольдгаммер старается дать читателю ясное и отчетливое, т.-е. механическое, объяснение явлений на основании данных той же науки. Возьмем, например, знаменитую теорию квант, т.-е. атомов энергии. Эта теория сделалась в руках мистики и метафизики орудием мистификации неопытных умов. Авторитетные ученые, вроде Хвольсона, заявляют: никто еще не постиг, что такое кванты, тем не менее они чудесно объясняют тончайшие явления. И когда Хвольсон подходит к операции квантования Бора, то чувствуется, что здесь перед нами происходит не научное исследование, а католическая месса. Гольдгаммер не смущается, однако, заявлениями авторитетов, так как он великолепно видит тайные пружины этих заявлений. Он прямо говорит (стр. 119): понятие кванты энергии есть необходимое следствие понятия атомной структуры вещества. Жаль, что проф. Гольдгаммер не изложил читателю замечательнейшую вихревую теорию материи великого английского физика Кельвина-Томсона. Он, правда, затрогивает ее в вопросе о сущности упругости (стр. 132), но это недостаточно. Между тем, эта теория прямо дает необычайно яркое понимание того, что такое кванты энергии. Планк, создатель теории квант, в своей речи „О сущности света“ ставит один „темный“ вопрос теории квант: как на основании этой теории может происходить интерференция света? Между тем, правильно понятая теория вихрей непосредственно отвечает на вопрос Планка.

Отметим в книге Гольдгаммера две главы: „Что такое молекулы и атомы“ и „Можно ли надеяться увидеть молекулы“.

Первая из этих глав разбирает известное изречение Пуанкаре: „или мы будем думать, что бог, созерцая свое творение (газы), испытывает те же ощущения, что и мы, присутствуя при партии игры на биллиарде“. Пуанкаре—замечательный математик и физик, но весьма поверхностный философ. Его философия, опирающаяся на крупный авторитет Пуанкаре, как математика и физика, в высшей степени вредна для неопытных умов, хотя совершенно неопасна для серьезной философии (это, между прочим, отметил В. И. Ленин в одном месте „Материализма и эмпириокритицизма“). Цитированное изречение великолепно доказывает философскую поверхностность французского ученого. В самом деле, что хотел он сказать своим сравнением газовой молекулы с биллиардным шаром? Что не следует слишком

[1]) См., например, курс электричества и магнетизма Т. Ми, который говорит, что электромагнетизм—это „Механика вакуума“, и рассматривает „свойство пустоты“.

упрощать явлений? Но разве биллиардный шар простая вещь? Разве сила упругости, которую проявляет такой шар, это нечто всем известное в элементарное? Всякий толковый рабфаковец (не то что Пуанкаре!) должен знать, что строение кости имеет величайшую сложность, а более посвященный в тайны физики человек знает, что, явление силы упругости—явление громадной сложности и на объяснении этого явления испытывали свои силы крупнейшие умы (Гюйгенс, Пуассон, Бернулли, Сен-Венан, Кельвин-Томсон). Простая как-будто проблема удара двух „абсолютно твердых шаров" ставила в тупик Ньютона, Лейбница, Гюйгенса и до сих пор как-будто нет единогласия в этом „простом" вопросе (см., например, полемику между проф. Жуковским-Шиллером в журнале Русского физико-химического общества за 1884—1885 г.г.). Итак, сравнивая молекулу с биллиардным шаром, мы не только не „упрощаем" эту молекулу, но как раз наоборот.

Проф. Гольдгаммер выясняет читателю, в чем смысл уподобления молекулы такому шару.

В X и последней главе он обсуждает вопрос о том, как увидеть „собственными глазами" молекулы.

Уже проф. Хвольсон согласен с Планком в том, что „Атомы не менее реальны, чем небесные тела: если мы говорим, что один атом водорода весит $1.6.10^{-24}$ грамма, то это не менее реально, чем вес луны в 7.10^{-25} гр. И как атом водорода нельзя положить на чашку весов, так и масса планеты Нептун была взвешена ранее, чем его увидел человеческий глаз". Наивный человек этот Планк! Он совершенно не искушен в тонкостях философии! Ему бы следовало сказать: „Атом не менее реален, чем самосознание Карла Пирсона, единомышленника Эрнста Маха". Ибо Карл Пирсон заявляет в „Грамматике Науки", что наше утверждение о громадности небесных тел и пространств не более, как вульгарная вера наивного реализма. На самом деле существует только „бесконечная способность" мысленного проектирования. Солнце, по определению Маха, это только круг величиной в тарелку в поле нашего сознания.

Было время, когда эта философия имела успех. Это время, если не прошло, то проходит. Былое могущество философии чистого описания подорвано успехами науки. Характерно выступление М. Планка против Маха: Мах заявил, что миропонимание французских энциклопедистов XVIII века (вроде, напр., Лапласа) „есть механическая мифология, недалекая от оптимистической мифологии древних религий". Планк отвечает: „Если это так, то эта мифология очень своеобразна... Ее характерный признак—это стремление к единству составленного нами себе образа физического мира, единству во всем, единству для всех мест и времени, для всех исследователей, всех наций и всех культур".

Ясно, что то единство науки, о котором говорит Планк, осуществится лишь вместе с социально-экономическим единством человеческого рода.

З. Цейтлин.

Аграрная политика в России (Книга П. Месяцева, изд. „Новый Агропом").

Вопрос о союзе между крестьянством и рабочим классом в нашей стране—есть, прежде всего, вопрос о смычке между государственной промышленностью и крестьянским сельским хозяйством. Это положение признается всеми, как бесспорная истина, и, несмотря на это, наблюдается все же поразительное равнодушие не только к теоретической разработке вопросов сельскохозяйственной экономии и политики, но даже и к систематизации того богатейшего материала, какой дала и дает русская революция и современная аграрная действительность. Все то, сравнительно, огромное количе-

ство популярной и научной литературы, которое появилось за последние годы на книжном рынке, почти совершенно не затрогивает этих основных вопросов сельско-хозяйственной жизни.

Книжки т.т. Осинского и Месяцева, освещающие вопросы текущей политики и приуроченные к резолюциям Съездов Советов и постановлениям ВЦИК, книга тов. Дубровского, сборник статей и речей тов. Теодоровича, небольшие статьи тов. Стучки (в журн. „Коммунистическая Революция" и предисловие к „Аграрному вопросу" Каутского), несколько работ т. Осинского, посвященных разбору современного мирового сельского хозяйства,— вот и все, что написано за последнее время марксистами по этому вопросу. Область сельско-хозяйственной экономии—до сих пор еще представляет собою монополию экономистов буржуазной и, в особенности, мелко-буржуазной школы (Бруцкус, Чаянов, Суханов, Кажанов и др.).

Преподавание сельско-хозяйственной экономии, дополненной за последнее время аграрной политикой,—является основой всего курса сельско-хозяйственных учебных заведений. Несмотря на решительные меры, принятые в отношении коренного изменения социального состава студенчества и слушателей сельско-хозяйственных учебных заведений, никто из марксистов до сих пор еще ничего не сделал в смысле разработки хотя бы небольшого учебного пособия, которое помогло бы студенчеству разобраться во всей существующей буржуазно-аграрной, а отчасти и старо-марксистской литературе.

А, между тем, мы—коммунисты—имеем огромное преимущество в этом отношении не только перед всей плеядой буржуазно-аграрных экономистов, но и перед теоретиками марксизма XIX и начала XX века; мы не только владеем методом марксизма, тем методом, который давал нам возможность правильно ставить и разрешать основные вопросы экономики, но мы обладаем богатейшим опытом, полученным от великой русской революции и нашего советского строительства. Такого опыта, таких знаний не имеет ни одна страна в мире и перед нами, которые обладают таким богатым наследством, которые являются деятелями великой аграрной революции, творцами аграрного строительства, настойчиво стоит обязанность возможно скорее суммировать аграрный опыт нашей революции, свести его в стройную систему и обработать, пользуясь марксистским методом. Нам даже не пришлось бы выдумывать что-либо новое, достаточно хотя бы собрать и систематизировать то, что дал нам по этому вопросу наш великий учитель, тов. Ленин. Уж одно это позволило бы нам уяснить чрезвычайно многое и в смысле метода, и в смысле постановки и разрешения основных вопросов аграрной экономики и политики.

Эту задачу и поставил себе тов. Месяцев в своей новой книге „Аграрная политика в России". Автор сам принимал участие в нашей революции и советском строительстве, с первых ее дней работает в области сельского хозяйства, принимал активное участие в разработке Земельного Кодекса, практически работает и до сих пор в области сельско-хозяйственной политики. Поэтому тем ценнее те указания, какие мы встречаем в его работе.

Автор считает основной целью своей работы „подведение итогов марксистской аграрной мысли" и „научно-коммунистическое обоснование современной аграрной политики". „До сих пор (говорит он) аграрная политика складывалась в жизни, на практике, но до сих пор не дано ей теоретически-систематического обоснования и объяснения в литературе". И работа т. Месяцева „представляет собою не только изложение основ аграрной политики", но и первую „попытку, поскольку это позволяет имеющийся в распоряжении фактический материал, дать характеристику того, каким образом должна быть наиболее правильно построена эта политика в конкретных современных условиях и обстановке, каким образом сухой остов экономии должен покрываться живой плотью социально-политических форм".

К сожалению, автор по причинам, от него независящим („недостаток времени и загруженность текущей работой по Наркомзему"), не смог „выполнить полностью намеченную программу". „По первоначальным заданиям (указывает в заключительной главе тов. Месяцов) книга должна была включить в себя еще несколько глав, посвященных более подробному рассмотрению следующих вопросов: 1) экономическому воздействию государства на сельское хозяйство (налоги, кредит и т. п.), 2) планово-агрикультурным мероприятиям (агрономическая и агрикультурная политика), 3) механизации и электрификации сельского хозяйства, 4) разбору вопроса о крупном и мелком хозяйстве и оценке специальных теорий о природе крестьянского хозяйства (семейно-трудовая и т. п.) и 5) вопросу о будущности сельского хозяйства в России и условиях перехода его на социалистические начала".

Без рассмотрения этих вопросов книга тов. Месяцева, конечно, очень много проигрывает и, как справедливо сознается и сам автор, „является лишь первым шагом в деле собирания и систематизации материала по аграрной политике", „представляет сводку материала, первую попытку его систематизации с точки зрения революционного марксизма". Будем надеяться, что рано или поздно автору удастся выполнить намеченную им программу, а, может быть, ее докончит кто-либо из более свободных аграрных экономистов-коммунистов.

Но даже и этот первый шаг, первый опыт—значит уже многое: он ставит основные вопросы для нашей страны и пробуждает интерес к аграрной экономике и политике, делает первую попытку дать учебник для нашей молодежи не только по аграрной политике, но частью и по сельско-хозяйственной экономике. Не беда, что книга не охватывает всех вопросов, не дает исчерпывающего материала, может быть даже допускает некоторые теоретические ошибки—важно то, что она ставит важнейшие вопросы, правильно подходит к ним методологически, рассматривает их в исторической перспективе, с учетом прошлого опыта. Она дает канву для дальнейшего исследования и разработки вопроса и в этом ее первое и основное достоинство.

Тов. Месяцев делает весьма целесообразно, когда предпочитает „в важнейших местах говорить словами авторитетных теоретиков марксистской мысли и руководителей коммунистического движения, в особенности, словами величайшего авторитета в этой области, творца и руководителя аграрной политики в России, тов. В. И. Ленина". Для данного момента важно не столько мнение отдельных работников (практиков и теоретиков), сколько систематическое изложение основ политики, выяснение, в какой мере это отражает в себе и согласуется с учением тов. Ленина и позицией коммунистической партии. И ссылки на партийные документы, статьи тов. Ленина, постановления Съездов Советов и ВЦИК—являются лишь достоинством изложения (см. гл. IV, V и VI).

В дальнейшем, когда основные идеи станут достоянием широкой массы, можно будет упростить изложение, опустить значительную часть цитат, но для настоящего времени они совершенно необходимы.

Книга тов. Месяцева „Аграрная политика в России" содержит в себе введение, в котором подробно выясняется роль и значение сельского хозяйства в системе народного хозяйства России до революции и теперь, и 7 глав: 1) аграрная политика; техника и экономика сельского хозяйства, 2) аграрная политика в дореволюционный период (до 1917 года), 3) аграрная программа, тактика и политика РКП (со 2-го съезда до новой экономической политики), 4) современная земельная политика и Земельный Кодекс РСФСР, 5) основы и направление аграрной политики в связи с современным состоянием сельского хозяйства в России, 6) сельско-хозяйственная кооперация и 7) аграрная политика и национальный вопрос. В конце приложен список ныне действующих декретов и постановлений по сельскому хозяйству.

Как видно из даты к введению, книга закончена к печати еще в начале лета (15 июня 1923 г.), поэтому в ней не нашли отражения важнейшие и злободневные вопросы современной сел.-хоз. политики (в связи с „ножницами", резолюцией ЦК по экономическому строительству и др.). Не имея возможности дать подробную оценку хотя бы важнейших частей книги т. Месяцева—придется остановиться лишь по преимуществу на I и IV главах,— на оценке общего подхода к постановке вопроса и на разборе основ современной земельной политики.

Аграрную политику автор разбираемой нами книги рассматривает как „систему государственных мероприятий, влияющих на экономические и социальные отношения и производственные условия сельского хозяйства". В таком определении ее нет почти ничего нового (то же определение, примерно, встречаем мы у А. Н. Скворцова, Брудкуса и др.). Новое же у тов. Месяцева то, что, рассматривая аграрную политику, как систему государственных мероприятий, совокупность приемов государственной власти, воздействующих на сельско-хоз. производство и на классы, им занимающиеся,—он в то же время рассматривает ее классовое содержание и выражение в связи с учением о государстве. А это до сих пор экономисты другого лагеря тщательно скрывали и замазывали.

На протяжении всей своей книги тов. Месяцев подробно анализирует, чьи классовые интересы влияли на направление аграрной политики, под влиянием интересов какого класса она складывалась и ту или иную стадию общественного производства (феодальную, капиталистическую и переходную к социализму). И хотя экономика является основой политики, но, однако, „в феодальном, крепостническом и капиталистическом обществе аграрная политика определяется не столько экономикой сельского хозяйства, сколько классовыми интересами правящих групп и господствующих классов; очень часто она идет в разрез с экономикой народного хозяйства и, в частности, крестьянского хозяйства". Изучение аграрной политики в России после реформы 1861 г. (гл. I), а затем в XX веке (гл. II) служит тому достаточно ярким подтверждением.

Нелепая, близорукая самодержавно-помещичья аграрная политика привела страну к аграрному движению и революции 1905-1906 г.г., крепостнически-буржуазная политика Столыпина не смогла разрешить основных вопросов русской аграрной экономики и привела к кризису сельского хозяйства и революции 1917 г. Аграрно-крестьянское и революционно-пролетарское движение в эту эпоху являются основной движущей силой изменения направления аграрной политики. Аграрное движение конца 50-х и начала 60-х годов толкнуло правительство на реформу 1861 г., крестьянское движение 1902-1905 гг породило Столыпинскую реформу, аграрное движение 1917 г. ускорило новую земельную реформу.

Подробно анализируя состояние сельского хозяйства после реформы 1861 г., в особенности его подъем в XX веке (в книге приведен интересный цифровой материал). тов. Месяцев в то же время указывает, что „к подъему сел.-хоз. производства были способны лишь незначительные слои крестьянства". „Земельный строй дореволюционной России даже и после реформы Столыпина, благодаря все же огромному влиянию остатков крепостничества, бесправию и обнищанию огромной массы крестьянства, продолжал служить огромным тормозом в деле развития производительных сил земледелия".

„Большие пошлины на хлеб, непосильные налоги, искусственное повышение доходов землевладельцев-помещиков путем кредита, покровительство сахарной, винокуренной и др. видам помещичьей промышленности в ущерб интересам трудящихся, скупка дворянских земель по повышенным ценам, искусственное форсирование системой жел.-дор. тарифов одностороннего зернового направления сельского хозяйства и т. д.—все это не только не разрешало тех противоречий, какие накопились и доренне, а, напротив, их усиливало".

После незначительного подъема сельского хозяйства в 1909-1912 г.г. на е развивающегося капитализма вновь начинается упадок сельского хозяй-а перед войной (сокращение экспорта и т. п.), все больше и больше вваются противоречия в деревне, разрешить которые могла лишь только этия пролетариата в новой революции (1917 г.).

Основными фактами, под влиянием которых происходило изменение арной политики, по мнению тов. Месяцева (стр. 297), являются: 1) состоя-э экономики сельского хозяйства и его роль в общей системе народного зяйства, 2) аграрно-крестьянское и революционно-пролетарское движение, классовое выражение политики и 4) национальный вопрос и национальная литика. Все эти факторы оказывали свое действие в различные эпохи щественного развития нашей страны, но вопрос об них тщательно зату-вывался буржуазными аграро-экономистами.

Анализируя классовое содержание аграрной политики дореволюционного риода, вскрывая ее действительные причины, тов. Месяцев приходит к воду, что „только в коммунистическом обществе аграрная политика цели-м будет следовать за аграрной экономикой".

Рассматривая подробно аграрную политику Советской власти за время осле Октябрьской революции до нэп'а („период военного коммунизма"), как литику коммунистической партии, тов. Месяцев предпосылает ей очерк звития аграрной программы и тактики РКП со дня второго съезда до ктябрьской революции. И перед читателем довольно ясно развертывается ртина эволюции аграрной позиции партии, он воочию убеждается, что ртия коммунистов, в отличие от с.-р. и других буржуазных и мелко-бур-уазных партий, никогда не давала крестьянству несбыточных и неосуще-твимых обещаний, партия всегда обещала крестьянству гораздо меньше, ем дала ему на практике, ставши у власти.

Едва ли не наибольший интерес в книге тов. Месяцева представляет обою изложение и оценка современной земельной политики. Делая подроб-ое изложение Земельного Кодекса, разбирая его историческую подготовку, кономическое и политическое его значение, тов. Месяцев в то же время станавливается подробно и на том, каково социалистическое содержание ового земельного закона и в чем оно выражается.

„Социалистический характер Земельного Кодекса (указывает он) выра-кается: 1) в отмене частной собственности на землю и признании ее соб-твенностью рабоче-крестьянского государства, 2) в государственном регули-овании землепользования, 3) в предоставлении населению возможности со-дания форм и порядков землепользования наиболее приспособленных к роизводственным условиям сельского хозяйства и 4) в обеспечении интере-ов трудящейся бедноты и пролетариата".

В чем политическое значение Земельного Кодекса? В том, что „в нем впервые в конкретной форме и в ряде практических указаний раскрывается достаточной ясностью и полнотой идея национализации земли. Та самая идея, которая РКП с 1905 года выдвигалась, как основа всех земель-ных преобразований. Кроме того он определил вполне ясно и точно взаимо-отношения трудовых землепользователей с государственной властью на основе прочности и устойчивости трудового землепользования.

Современная земельная политика РКП так же, как и ее дореволюцион-ная позиция, „определяется соотношением двух факторов: 1) классовое ее направление и 2) создание благоприятных условий для развития производи-тельных сил в крестьянском сельском хозяйстве".

И вполне уместно упоминание о том, каким образом подходил к аграрно-му вопросу тов. Ленин еще до последней революции. „Мы не можем выду-мать какой-нибудь особый „проект" реформы",—писал он в 1907 году:—„мы должны изучить объективные условия крестьянского аграрного переворота в капиталистически развивающейся России, отделить, на основании этого

объективного анализа, ошибочную идеологию тех или иных классов от реального содержания экономических перемен,—и определить, чего требуют на почве этих реальных экономических перемен интересы развития производительных сил и интересы классовой борьбы пролетариата".

„С первого взгляда (говорит тов. Месяцев) оба эти фактора и настоящее время находятся во взаимном противоречии, ибо рост производительных сил в сельском хозяйстве идет быстрее в крупном капиталистическом хозяйстве, нежели в мелком трудовом, но это противоречие лишь кажущееся. В капиталистическом обществе, действительно, развитие производительных сил может итти не иначе, как через развитие крупных капиталистических хозяйств, но и при этом партия пролетариата ведет классовую политику: она организует пролетариат (а вместе с ним и все трудящиеся массы) и руководит его классовой борьбой с капиталистами.

В обществе, переходном к социализму, при огромном числе мелких хозяйств, при отсутствии отхода из деревни на фабрики и заводы—вопрос о поднятии производительных сил крестьянского сельского хозяйства означает поднятие преобладающей его массы („мелкого и мельчайшего", по выражению тов. Ленина, крестьянства)".

Земельные интересы беднейших и маломощных слоев современной деревни Советская власть обеспечивает: 1) классовым правом на землю, 2) внутриселенной ее уравнительностью, 3) разрешением сдачи для них земли в аренду и 4) разрешением применения наемного труда в земледелии, запрещенного законом о социализации земли.

Социалистический характер Земельного Кодекса заключается и в том, что „он ликвидирует последний остаток крепостничества в деревне, являющийся огромным тормозом в деле развития производительных сил сельского хозяйства принудительную общину и ставит на место ее новое земельное общество, в котором в полной мере обеспечиваются необходимые условия для сел.-хоз. развития. В этом и состоит заключительный аккорд земельной революции и начинается новая эра земельно-хозяйственного строительства".

„Современное земельное общество коренным образом отличается от старой принудительной общины (даже в том случае, когда оно возникло целиком из нее) и имеет чрезвычайно много общих черт с кооперацией, представляя как бы начало особого ее разветвления. Современное земельное общество - это различного рода и вида земельные товарищества с целым рядом переходных ступеней от общества, еще несущего на себе следы старой принудительной общины, и от объединения обособленных землепользователей (хуторян, отрубников и подворников) до сел.-хоз. артели и коммуны, являющихся уже полным видом производственной сельско-хозяйственной кооперации".

Хотя при установлении новой земельной политики государство формально заявило о своем „нейтралитете" в вопросах землепользования, хотя с переходом к новой экономической политике коренным образом изменились самые методы и способы его воздействия на крестьянское хозяйство,—тем не менее это еще вовсе не означает отказ государства от регулирования сельского хозяйства.

„Сельское хозяйство (справедливо указывает тов. Месяцев) настолько тесно связано со всем народным хозяйством, что государство не может предоставить его игре „свободных сил". Поскольку государство является активной регулирующей силой, ведущей планомерную экономическую политику, постольку оно должно сознательно руководить сельско-хозяйственной стихией, вовлекая ее в определенные планомерные рамки, согласно единого производственного народно-хозяйственного плана".

„Основной и важнейшей областью применения государственного регу-

рования сельского хозяйства является прежде всего огромная сфера поземельных отношений. Здесь каждое отдельное хозяйство, в особенности в результате революционных изменений сельско-хозяйственной территории, пришло в такое тесное соприкосновение с другими хозяйствами, что без вмешательства государства обойтись невозможно".

„Земельный Кодекс довольно ярко эту идею отражает: выход из общества обставляется известными и строго определенными условиями, проводится борьба с частыми и беспорядочными переделами, строго регулируется аренда земли, запрещается земельный оборот и т. п. Земельное законодательство, с которого по существу и началось все революционное законодательство, представляет собой как раз ту область, где проявляется в наибольшей мере государственное регулирование сельского хозяйства".

„Другой важнейшей областью государственного регулирования сельского хозяйства является область мероприятий, связанных с защитой сельского хозяйства от неблагоприятных внешних условий: борьба с вредителями сельского хозяйства, с эпизоотиями, регулирование мероприятий по мелиорации, выходящих за пределы отдельного хозяйства (ирригация), борьба с затоплением лугов и посевов и т. п.

Однако и область чисто агрикультурно-технических мероприятий,—поскольку невыполнение их вредно отражается на хозяйстве соседей—также не может не быть затронутой сферой государственного вмешательства. В свое время в Америке государство весьма решительными мерами проводило истребление сорняков на полях. Придется и нам (и придется в самом ближайшем времени) регулировать законом и особыми правилами проведение таких мер, как борьба с многопольщицей, улучшение семенного материала и т. п.

Гораздо сложнее дело обстоит с теми мероприятиями, которые требуют предварительного наличия экономических и технических условий: введение ранних занятых паров требует предварительного разрешения кормовой проблемы для скота: распространение минеральных удобрений зависит от высоты цен на продукты сельского хозяйства, переход на многополье зависит от наличности и стоимости семян трав, корнеплодов и т. п.

Таким образом область государственного регулирования, ограничивающаяся пока сферой поземельных отношений да защитой сельского хозяйства от неблагоприятных внешних условий, должна будет все более и более расширяться и, меняя свои методы, переходить в сферу агрикультурной техники.

Еще более глубокую сферу государственного регулирования сельского хозяйства (как уже отмечалось выше) представляет собою область экономической политики, в особенности в части налогов и рыночных отношений".

Однако, несмотря на то, что государство не может отказаться от непосредственного регулирования крестьянского сельского хозяйства (административное и декретное регулирование) или косвенного экономического влияния на него, все же метод воздействия через организованное проявление самодеятельности самого населения является основным и наиболее важным. И тов. Месяцев посвящает целую главу подробному разбору значения, развития и строительства сел.-хоз. кооперации, а также отношения к ней коммунистической партии.

Книга тов. Месяцева, по указанию самого автора, „составлена применительно к курсу лекций, читанных автором в 1922—1923 учебном году в Московском Межевом Институте и Петровской Сел.-Хоз. Академии". Это первый набросок нового курса, новой аграрной науки, набросок, конечно, требующий дальнейшего углубления, уточнения и развития. Эта работа требует времени, опыта; она не под силу одному человеку и требует коллективной ее разработки. Тов. Месяцев дал толчек и основу для этой работы,

указал, как надо применять метод марксизма при разборе вопросов сел.-хоз. экономии и политики. И мы усиленно призываем коммунистическую молодежь наших вузов заинтересоваться современной постановкой аграрного вопроса в нашей стране и усиленно заняться его разработкой.

В. Максимовский.

Герман Вендель. Август Бебель. Изд-во „Книга", пер. В. Н. Розанова, стр. 96.

Десятилетняя годовщина смерти А. Бебеля вызвала ряд статей и брошюр.

Рецензируемая брошюра написана с.-д. депутатом германского рейхстага вскоре после смерти Бебеля.

Это одно уже говорит за то, что объективной, самое главное, критической оценки автор дать не мог.

Сплошным панегириком немецкой с.-д. является его анализ развития последней за предвоенное десятилетие [1]). Все теневые стороны ее для автора не существуют. Это—два основных недостатка брошюры, в общем интересной, ибо она богата фактическим материалом,—нельзя не отметить.

Автор работал долго вместе с Бебелем в с.-д. фракции рейхстага, великолепно ориентируется в истории с.-д., поэтому в брошюре содержится солидное количество интересных и важных фактов. Особенно разработана и освещена та эпоха жизни Бебеля, которая в других брошюрах и статьях стоит в тени,—эпоха, начинающаяся со вступления Бебеля в лейпцигский союз самообразования и кончающаяся созывом эйзенахского съезда.

Менее удачна глава, рисующая его детство и юность. Попытка автора объяснить характер Бебеля—общественного деятеля—социальной психологией той области—Рейнской провинции,—где он родился, крайне неудачна. „Из этой вулканической почвы выросла его высокая способность к воодушевлению, его мятежный дух и отвага борца, бывшие его лучшим украшением в юные и в преклонные годы. С этими свойствами счастливо сочетались трезвый глазомер, чувство реальности и понимание дисциплины и порядка". „Вулканическая почва" Рейнской области тут ни при чем, ибо вся сознательная жизнь Бебеля протекала вне ее.

60-ые годы автором зарисованы мастерски. Живо набросана эволюция Бебеля от культурничания, связанного даже с отрицанием всеобщего избирательного права—к признанию обособленности классовых интересов пролетариата. Автор прав, считая это отрицание классовой борьбы отражением примитивности классовой идеологии немецкого пролетариата (в начале 60-х г.г.).

Конечно, это не уничтожает и другое объяснение—влияние ремесленной среды Лейпцига на идеологию Бебеля. Объясняя эволюцию Бебеля к с.-д. идеологии, Вендель переоценивает, по нашему мнению, влияние Лассаля, считая, что сочинения последнего сыграли главную роль в идейной эволюции Бебеля, не говоря уже о том, что сам Бебель об этом не говорил, последующая (конец 60-х г.г.) деятельность его показывает, как мало он позаимствовал из идейной сокровищницы Лассаля.

Вендель, как и солидная часть довоенных с.-д. вообще, благосклонно относится к лассальянству. Он даже идет дальше и защищает Швейцера. Последний у него выступает в качестве более острого с. д. политика, чем Бебель и В. Либкнехт. Вендель противопоставляет близорукий антибисмаркизм Бебеля—Либкнехта проповеди классовой борьбы против буржуазии Швейцера. Он считает также, что Швейцер был несправедливо презираем.

Это—подозрительная благосклонность к Швейцеру.

Так, напр., он про В. Либкнехта пишет: „оставаться всегда солдатом

---

[1]) Этим страдает и брошюра И. Майского: „А. Бебель", написанная им до войны.

| революции—в этом была его сила и слабость... слабость—потому, отсюда проистекала идеология, иногда затуманивав- перед его взором истинное положение вещей“ (курс. мой. *Г.* 23 стр.).

То, что составляло историческое достоинство В. Либкнехта—не терять вседневной работе революционный дух, романтику, как говорили потом зионисты, уметь связывать мелкую работу с конечной целью, у оппорту- а Венделя превращается в слабость.

Конечно, где уж В. Либкнехту „однажды нюхавшему порох“ до Венделя о, сделавших свою карьеру на избирательных записках!

Характеризуя же позицию Бебеля в рейхстаге во время франко-прус- войны, он дает прямо националистическую интерпретацию интернацио- істическим выступлениям Бебеля.

„Среди криков ненависти, насмешки и презрения Бебель непоколебимо л у ораторской трибуны и смотрел сверху на шумящую толпу своих ов. Он чувствовал себя добрым немцем и не худшим па- отом, чем всякий другой. Хотя в его голове и сердце и было ное убеждение в интернациональной солидарности рабочего класса, ко, и тогда, и впоследствии он всегда был против того, бы растворить немецкую народность (!), немецкий ік (!) и немецкую сущность (?!) в общем интернациона- ме“ (курсив мой. *Н. Л.*, 41 стр.).

Прямо извращением является и оценка Венделем „молодых“ „рабочей эзиции“ начала 90-х гг. „Если в 1890 г. т. н. группа „молодых“ хотела извести чуть ли не немедленный переворот, то это похоже было на кипя-) воду, которая уходит через край, когда с горшка снимают крышку“ рсив мой. *Н. Л.*, стр. 69).

Пользуясь общераспространенным методом, Вендель вначале приписы- : „молодым“ определенные идеи (которых они не проповедывали), а м делает их мишенью своих нападок.

„Молодые“ стремились не к немедленному государственному пере- эту, а к недопущению с.-д. всосаться и увлечься реформистской парла- тской работой и пойти на союз с мелкой буржуазией.

Характеризуя эпоху закона против социалистов, Вендель, конечно, черкивает „ликвидаторские“ моменты деятельности Бебеля. Но, с другой эоны, он почему то совсем выпускает отношение Бебеля к „трехзвездию“. последний себя проявил менее выдержанно, чем, напр., Энгельс.

Как полагается оппортунисту, Вендель доволен тем, что Бебель, вопреки эту, не замалчивал готовность с.-д. защищать свое отечество тив чужих завоевательных планов и на упреки Моста отвечал, что „с.-д. лишена отечества“.

Несмотря на выпячивание такого Бебеля, Вендель все же вынужден казать и другого Бебеля, нашего Бебеля.

Бебель, напр., не раз „предостерегал против переоценки т. н. положи- ьной работы, которая не стесняется ради выигрыша 2—3 пу- яков отказаться от 2—3 принципов. Он часто говорил, о резко отрицательная критика есть лучшая положи- льная работа“ (курсив мой. *Н. Л.*, 85 стр.).

Уже будучи преклонным стариком, на собрании берлинских рабочих, случаю его 70-тилетия, Бебель говорил: „Я хотел бы дожить до того ı, когда я понесу во главе революции свое красное знамя“.

Самая слабая глава в брошюре Венделя—это характеристика Бебеля немецкой с.-д. последних десятилетий. Здесь все „тишь да гладь, да божья агодать“. Читая Венделя, мы не видим ни одного облачка на горизонте беля.

Он, напр., с умилением описывает поездку Бебеля в 1913 году на

конгресс буржуазных пацифистов—один из печальных фактов Бебеля, на котором Бебель вместо революционно-марксистского анализа милитаризма и угроз войны, занимался декламацией: „Мы защищаем правду, справедливость, гуманность, мир и благосостояние народов, и мы уповаем на то“ и т. д.

И, закрывая последнюю страницу, у читателя остается непонятным факт краха немецкой с.-д. в 1914 году.

Такова брошюра Венделя, довоенного центриста, со всеми недостатками, присущими этой „породе“ политических деятелей.

Но живой, образный стиль, масса фактов для современного читателя будут стимулом для прочтения, оппортунистические же места он свободно преодолеет.

Брошюру можно рекомендовать и тем, кто интересуется немецкой с.-д. вообще.

Н. Л.

Марк Баскин „Что нужно знать подготовленному марксисту“,— под ред. Б.З.О. при МК РКП. Библиотека самообразования. „Новая Москва“, 1924 г.

Сама по себе брошюра не стоит того, чтобы о ней отзывались. Если что заставляет нас посвятить несколько строк ей, так это марка Моск. Ком. РКП.

Бюро заочного обучения (это и есть подлинный смысл кабалистических трех букв Б.З.О.) при Агитотделе МК издает библиотеку самообразования; это хорошее предприятие, нужда в подобном заочном руководстве очень большая. Но товарищи из Агитотдела не знают, очевидно, что заочное обучение очень ответственная вещь, имеет свою историю, свой метод и с кондачка ничего путного в этой области не сделаешь.

Ибо если бы они это знали — никогда бы не выпустили безграмотную во всех отношениях брошюру Марка Баскина.

Автор брошюры широковещательно пишет в предисловии: „Задача настоящей брошюры дать отдельным развитым товарищам, не имеющим систематической марксистской подготовки, примерный план самообразовательных занятий по изучению марксизма. По каждому отдельному вопросу мы указываем важнейшую литературу“.

Но стоит только пробежать несколько страниц, чтобы видеть, сколь безнадежно бессилен автор выполнить хоть в отдаленной мере свои обещания.

В § 1 автор советует каждому марксисту „иметь знакомство с главными выводами современных наук, знать краткую историю их возникновения и развития, наконец, понимать те проблемы, которые встают в настоящее время перед научной мыслью“ (стр. 5), отсюда совершенно естественно вытекает обязанность автора хоть в двух словах дать „примерный план“ изучения выводов современных наук. Однако автор иного мнения,—он в § 2 пишет буквально: „Из естественных наук необходимо прежде всего иметь общее представление об астрономии, физике, химии и биологии. Изучать их нужно не затем, чтобы специализироваться в деталях каждой из указанных дисциплин, но для того, чтобы понимать и знать основные положения таковых, а также их методы“ (стр. 5). И только. Если это план, то что же тогда есть издевательство над читателем?

Таким сплошным издевательством является почти весь план от начала до конца. Чтобы не быть голословным приведу ряд примеров, как ни жалко места в журнале.

В § 13 автор пишет: „Для лиц, желающих изучить историю социализма более основательно, мы рекомендуем нижеследующий список литера-

ы" и далее идет по греческому коммунизму рекомендация трех книг: Пельман. „История античного коммунизма и социализма"; б) Платон. осударство", перев. Карпова; в) П. И. Новгородцев. „Политические алы древнего и нового мира" (стр 11).

Что и говорить, глубина неиссякаемая, особенно у Павла Ивановича вгородцева.

А вот что советует читать о Сен-Симоне все ради того же углубле-: „Сочинения Сен-Симона", т. I, Птб. 1912 г, Иванов. „Сен-Симон и сен-онизм", 1907 г. (стр. 12), о Р. Оуэне—„Р. Оуэн. Об образовании ловеческого характера", Долеанс. „Р. Оуэн", Мскв. 1906 г., А. Кам н-й. „Р. Оуэн" Изд. Павленкова (стр. 13), о Фурье—„Фурье. Избран. сочинения". изд. Кооп. мир". 1918 г., Бебель. „Фурье, его жизнь и ение" (стр. 13) и так далее, в том же духе о всех утопистах. Читатель, онятно, и без меня заметил, что милейший М. Баскин слона то и не при-тил. Вместо всей этой по существу устаревшей, а в некоторых случаях осто вредной белиберды, что если бы автор припомнил... Г. В. Плеханова! него, правда, не столь „углубленно", как у профессора Новгородцева, по марксистски разобраны все утописты: английские (а ведь Оуэн гличанин!), французские (Сен Симон и Фурье „несколько сродни" французам), мецкие (Вейтлинг ведь не без греха в этом!).

Или возьмем философов. Из них М. Баскин признает „предтечами рксизма" четырех идеалистов — Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля,—а из териалистов:— французских материалистов и Л. Фейербаха. Ну, тут уж чего не поделаешь, это дело вкуса,—не хочет и не признает остальных, ет и признает даже того, кого и не надо бы,—что можно возразить на ? Для него Спиноза, английские материалисты никакого значения не эли для марксизма.

Но каков „примерный план" хотя бы по отношению к этим признан-м? Очень простой: кто может—читай—Куно-Фишер, т. 4, 5. 6, и 7, а кто может—пусть ограничится „соответствующими главами из какого-либо не-льшого общего курса по истории философии" (стр 16).

Не то с Гегелем. Его значение М. Баскину несколько понятно. Он пет: „§ 16.—Изучение гегелевой диалектики —дело весьма серьезное трудное. Неподготовленному читателю язык Гегеля кажется чрезвычайно анным, почти недоступным. И в действительности, гегелевская философия тается одной из труднейших философских систем, когда либо существо-ших. Начинающему читателю легче всего проработать Гегеля по 2-му у „Философского лексикона" Гогоцкого;—к сожалению, очень редкое, зато блестящее издание, где дается едва ли не лучший популярный рк философии Гегеля. В дальнейшем следует проработать две книги Гегеле: 1) Керд. „Гегель" — 1898 г. и 2) Гайм. „Гегель и его время". лько после этого можно перейти к 1 и 2 полутомам 8-го тома „Истории ой философии" Куно-Фишера, а также и к самому Гегелю" (стр. 16). льше ничего. И опять у читателя ощущение, что Баскин просто невеже-енный человек. А такое ощущение получается оттого, что он опять ыл три статьи Плеханова, известных любому совпартшкольщику: 60 годовщине Гегеля", гл. IV из „Мон. взгляда." и гл. II из „Очерков ист. материализма".

Пишет: „нельзя обойтись образованному марксисту и без Плеханова"). 28), а перечисляет статьи по философии и социологии, упуская много нейших из них: напр., „От идеализма к материализму", „Скептицизм илософии", „Предисловие к Коммун. Манифесту" и т. д. и т. д.

Пишет руководство для марксиста и не указывает ни разу ни в какой зи превосходную книгу Д. Б. Рязанова „Маркс и Энгельс", где так красно развернута биография обоих великих мыслителей на фоне истории очего движения того времени; пишет целую главу по истории марксизма,

а не указывает Д. Б. Рязанова „Очерки по истории марксизма“ — богатейший источник этой истории и единственная в своем роде книга.

Да и стоит ли далее задерживаться на этой, ничего не стоющей брошюрке?

Вернемся на несколько минут к Агит-отделу МК.

Дорогие товарищи, не умеете вести заочное обучение, не беритесь! Нет соответствующего подготовленного персонала, приступайте к подбору его. Ведь заочное образование — обоюдоострое оружие. Можно помочь читателю, но можно и окончательно его сбить с толку всякой бессистемной и бесплановой чепухой, подобно только что разобранной.

Это очень просто, и не знаю почему Б.З.О. Агитотдела МК таких элементарных вещей не соображает.

Нужно реорганизовать бюро заочного образования, необходимо составить его из компетентных людей и вести систематическую в этом направлении работу.

Пора прекратить издание таких невежественных брошюр, — они сеют не образование, а путаницу и невежество.

В. Рудой.

ƆООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

Редакция нашего журнала послала в ЦКРКП письмо следующего одержания:

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Смерть великого вождя пролетариата В. И. Ленина—яжелый удар делу рабочего класса. В его лице междуародный пролетариат потерял не только величайшего астера революции, но и великого теоретика. В урагане еволюции, в кропотливой повседневной практической аботе, в международной политике как и в классовой тратегии всюду В. И. являл примеры последовательюго и выдержанного диалектического материализма, рименял его в сложнейшей обстановке и создавал на той почве блестящую проверку теории своего велиюго учителя—Маркса.

Марксизм в его руках стал разящим мечом пролеарской революции, поэтому он придавал такое чрезычайно большое значение изучению теории, сохраению ее чистоты от оппортунизма, от влияния буржуазной и мелко-буржуазной идеологий. Занятый исключительно важными и большими государственными елами, Вл. Ил. вырвал время, чтобы наметить программу органа воинствующего материализма—нашего журнала.

„Под Знаменем Марксизма“ ставил себе задачей осуществление этой, начерченной им, программы.

Со смертью Вл. Ил. воинствующий материализм потерял своего признанного великого вождя.

Мы, поставленные на этом посту, скорбим вместе с Вами, со всей РКП, со всем международным пролетариатом о великой потере, однако эта скорбь не ослабляет, а лишь еще более усиливает нашу бдительность и готовность вести войну на идеологическом фронте.

Мы потеряли вождя, но мы имеем его приказы и предначертания нам.

Борьба за марксизм, суровая, последовательная борьба за материализм—таков будет наш ответ врагам, радующимся нашей тяжелой утрате.

„Под Знаменем Марксизма“.

Издатель: Кн-ство „Материалист“. Отв. редактор: В. Тэр.